

**ВЕСТНИК
КАЛМЫЦКОГО ИНСТИТУТА
ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ РАН**

№ 1 / 2015

Элиста
2015

ВЕСТНИК КАЛМЫЦКОГО ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН

Издается с 1963 г.

ISSN 2075-7794

Журнал зарегистрирован 1 июля 2009 г. в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Рег. номер ПИ № ФС77-49346

№ 1, 2015

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

канд. полит. наук *Н. Г. Очирова*

Заместители главного редактора:

д-р ист. наук *Э. П. Бакаева*,

канд. фил. наук *Б. А. Кичикова*

Редакционный совет:

акад. РАН *Г. Г. Матишов* (председатель — Россия, г. Ростов-на-Дону),

чл.-кор. РАН *С. А. Арутюнов* (Россия, г. Москва), д-р ист. наук *М. М. Балзер* (США),

акад. *Л. Болд* (Монголия), д-р ист. наук *Н. Ф. Бугай* (Россия, г. Москва), д-р юр. наук *Д. М. Демичев* (Белоруссия),

д-р экон. наук *О. В. Иниаков* (Россия, г. Волгоград), д-р фил. наук *М. И. Магомедов* (Россия, г. Махачкала),

д-р ист. наук *К. Н. Максимов* (Россия, г. Элиста), д-р ист. наук *И. Ф. Попова* (Россия, г. Санкт-Петербург),

д-р ист. наук *На. Сухэбаатар* (Монголия), д-р фил. наук *Чао Геджин* (Китай),

д-р ист. наук *Д. Шорковиц* (Германия), акад. РАО, д-р пед. наук *П. М. Эрдниева* (Россия, г. Элиста)

Редакционная коллегия:

чл.-кор. РАН *Х. А. Амирханов* (г. Махачкала), чл.-кор. РАН *Б. В. Базаров* (г. Улан-Удэ),

канд. юр. наук *Л. В. Батиев* (г. Ростов-на-Дону), д-р ист. наук *Н. Л. Жуковская* (г. Москва),

д-р фил. наук *Г. Ц. Пюрбеев* (г. Москва), д-р ист. наук *В. В. Трепавлов* (г. Москва)

д-р ист. наук *Е. Н. Бадмаева* (отв. секретарь),

д-р фил. наук *Т. Г. Басангова*, канд. фил. наук *Е. В. Бембеев*, д-р филос. наук *Б. А. Бичеев*,

канд. фил. наук *В. В. Куканова*, д-р экон. наук *Э. И. Мантаева*, канд. фил. наук *Д. Н. Музраева*,

д-р соц. наук *А. Н. Овишинов*, канд. фил. наук *Э. У. Омакаева*, д-р ист. наук *У. Б. Очиров*,

канд. пед. наук *Б. К. Салаев*, канд. ист. наук *В. П. Санчилов*,

канд. биол. наук *Л. Н. Ташинова* — г. Элиста

Адрес редакции и издателя:

358000 Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Илишкина, 8;

тел. (84722) 3–55–06, (84722) 3–55–39; факс (84722) 2–37–84

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com

Сайт: www.kigiran.com

BULLETIN OF THE KALMYK INSTITUTE FOR HUMANITIES OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Published since 1963

ISSN 2075-7794

The Journal is registered in the Federal Service for Inspection in Communication, Information Technologies and Mass Communication (Roskomnadzor) on July 1, 2009.

Registration number ПИ № ФС77-49346

№ 1, 2015

Released four times a year

Editor-in-chief:

Ph.D. of Political Science N. Ochirova

Associate editors:

Ph.D. of History E. Bakaeva,

Ph.D. of Philology B. Kichikova

Editorial Council:

Acad. of the RAS G. Matishov (Chairman — Rostov-on-Don, Russia),

Corr. Member of the RAS S. Arutyunov (Moscow, Russia), Ph.D. of History M. M. Balzer (USA),

Acad. L. Bold (Mongolia), Ph.D. of History N. Bugai (Moscow, Russia), Ph.D. of Jurisprudence D. Demichev (Belarus),

Ph.D. of Economics O. Inshakov (Volgograd, Russia), Ph.D. of Philology M. Magomedov (Makhachkala, Russia),

Ph.D. of History K. Maksimov (Elista, Russia), Ph.D. of History I. Popova (Saint-Petersburg, Russia),

Ph.D. of History Na. Sukhebaatar (Mongolia), Ph.D. of Philology Chao Gedzhin (China),

Ph.D. of History D. Schokowitz (Germany), Acad. of RAE, Ph.D. of Pedagogy P. Erdniev (Elista, Russia)

Editorial Board:

Corr. Member of the RAS Kx. Amirkhanov (Makhachkala), Corr. Member of the RAS B. Bazarov (Ulan-Ude),

Ph.D. of Jurisprudence L. Batiev (Rostov-on-Don), Ph.D. of History N. Zhukovskaya (Moscow),

Ph.D. of Philology G. Piurbeev (Moscow), Ph.D. of History V. Trepavlov (Moscow)

Ph.D. of History E. Badmaeva (executive secretary),

Ph.D. of Philology T. Basangova, Ph.D. of Philology E. Bembeev, Ph.D. of Philosophy B. Bicheev,

Ph.D. of Philology V. Kukanova, Ph.D. of Economics E. Mantaeva, Ph.D. of Philology D. Muzraeva,

Ph.D. of Sociology A. Ovshinov, Ph.D. of Philology E. Omakeeva, Ph.D. of History U. Ochirov,

Ph.D. of Pedagogy B. Salaev, Ph.D. of History V. Sanchirov,

Ph.D. of Biology L. Tashninova — Elista

The Editorial Board and Publisher's address:

358000 the Republic of Kalmykia, the city of Elista, Ilishkin Street, 8

tel.: (84722) 3-55-06, (84722) 3-55-39; fax: (84722) 2-37-84

e-mail: vestnik.kigiran@gmail.com

site: www.kigiran.com

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ	<i>Кукеев Д. Г.</i> О некоторых особенностях цинских полиязычных источников по истории ойратов (на примере «фанлюэ», «цзоу чжэ»)	8
	<i>Лиджиева И. В.</i> Финансово-хозяйственная деятельность органов местного самоуправления Калмыцкой степи в XIX в.	16
	<i>Мучиряева Е. Н.</i> К вопросу о деятельности Управления калмыцкого народа по учету и статистике в 1893–1917 гг.	22
	<i>Тетуев А. И.</i> Этнополитические процессы в Кабардино-Балкарии в начале XXI в.	33
	<i>Очирова Н. Г., Бакаева Э. П.</i> Академик Г. Г. Матишов и современная наука в России	39
АРХЕОЛОГИЯ	<i>Файферт А. В.</i> Топография, способы возведения и количественные характеристики курганов эпохи бронзы на территории бассейнов Дона и Маныча	47
ЭТНОЛОГИЯ	<i>Батырева С. Г.</i> Экспозиционные основы музейной деятельности: от мемориального кабинета к концепции музея традиционной культуры КИГИ РАН	54
АНТРОПОЛОГИЯ	<i>Балинова Н. В., Хомякова И. А.</i> Антропология сарт-калмаков Кыргызстана	60
ЯЗЫКОЗНАНИЕ	<i>Ламожанова И. А.</i> Экстралингвистические факторы формирования антропонимических систем у монгольских народов	66
	<i>Мулаева Н. М.</i> О подготовке текстов песен эпоса «Джангар» при составлении толкового словаря: пунктуационное оформление (обособление деепричастий и деепричастных оборотов)	71
	<i>Бачаева С. Е.</i> Формулы-толкования цветообозначающих имен прилагательных (на материалах песен эпоса «Джангар»).	80
	<i>Борлыкова Б. Х., Омакаева Э. У.</i> Кластерная структура именной лексики калмыцких исторических песен в записи А. В. Бурдукова	86
	<i>Мушаев В. Н.</i> Өдгэ цагин хальмг келнэ келц үгмүд шинжлһнэ тускар (Об изучении фразеологических образований современного калмыцкого языка)	91
	<i>Чеджиева Ж. Д.</i> Структурная характеристика паремиологических единиц калмыцкого и английского языков с компонентом ‘животное’	96
	<i>Сиразитдинов З. А., Каримова Р. Н.</i> Вклад Ф. Г. Хисамитдиновой в науку и образование Башкортостана	102
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	<i>Кекеева Т. М.</i> Интерпретация сущности литературы в феноменологической критике и герменевтике	106
	<i>Кичикова Б. А.</i> «Ты не лепечешь по-французски...» (Послание А. С. Пушкина «Калмычке»: из материалов к комментарию)	111
ЭКОНОМИКА	<i>Дарбакова Н. Е.</i> Земельный вопрос как важнейший фактор развития агробизнеса в России	116
	<i>Максимова К. М.</i> Механизмы финансирования проектов государственно-частного партнерства в региональной экономике	121

CONTENTS

HISTORY	Kukeev D. On Some Peculiarities of the Qing Multilingual Sources on the History of the Oirats (the Case Study of “Fanglue”, “Zou Zhe”) ...	8
	Lidzieva I. Financial and Economic Activity of the Institutions of Local Government in the Kalmyk Steppe in XIX Century	16
	Muchiryaeva E. On the Activity of the Chief Administration of the Kalmyk People in Accounting and Statistics between 1893–1917	22
	Tetuev A. Ethnopolitical Processes in Kabardino-Balkaria in the Early 21st Century	33
	Ochirova N., Bakaeva E. Academician G. G. Matishov and Contemporary Science in Russia	39
ARCHEOLOGY	Faifert A. Topography, Construction Methods and Quantitative Characteristics of Bronze Age Barrows on the Territory of the Don and Manych Basins	47
ETHNOLOGY	Batyreva S. Exposition Bases of the Museum Activity: from the Memorial Study to the Conception of the Traditional Culture Museum of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences ..	54
ANTHROPOLOGY	Balinova N., Khomyakova I. Anthropology of Sart-Kalmaks of Kyrgyzstan	60
LINGUISTICS	Lamozhapova I. Extralinguistic Factors of the Anthroponymic Systems Formation of the Mongolic Peoples	66
	Mulaeva N. On the Preparation of Texts of Songs from the epos <i>Dzhangar</i> when Compiling Explanatory Dictionary: Punctuation (separating participles and misrelated participles)	71
	Bachaeva S. Definition Formulas of Adjectives Denoting Color (on materials of the songs of the epos <i>Dzhangar</i>)	80
	Borlykova B., Omakaeva E. Cluster Structure of Nominal Lexicon of the Kalmyk Historical Songs Recorded by A.V. Burdukov	86
	Mushaev V. On Studying Phraseological Units of the Contemporary Kalmyk Language	91
	Chedzhieva Z. The Structural Description of Paremiological Units in the Kalmyk and English Languages Containing ‘an Animal Component’ ..	96
	Sirazitdinov Z., Karimova R. The Contribution of F. G. Khisamitdinova to Science and Education of Bashkortostan	102
LITERATURE STUDIES	Kekeyeva T. The Interpretation of the Essence of Literature in the Critics of Phenomenology and Hermeneutics	106
	Kichikova B. “You don’t Prattle in French...” (A. S. Pushkin’s Address “To a Kalmyk Maiden”: from the Materials to the Comments)	111
ECONOMICS	Darbakova N. The Land Issue as a Key Factor in the Development of Agribusiness in Russia	116
	Maksimova K. Financing Mechanisms of Public-Private Partnership Projects in the Regional Economy	121

СОЦИОЛОГИЯ

Гунаев Е. А. Общая характеристика занятости населения Республики Калмыкия в начале XXI в. 126

Бадмаева Н. В., Иджаева Б. В. Этническая структура расселения в Республике Калмыкия 135

Томаска А. Г. Демографические факторы социальной адаптации учащихся — сельских мигрантов коренных малочисленных народов Севера (на примере Республики Саха — Якутия) 141

Винокурова Д. М. Приезжее/местное сообщество и частотность миграции: форма коммуникации (по материалам социологических исследований в Республике Саха — Якутия) 147

Башанкаев С. Д. Антикоррупционная политика в странах СНГ ... 154

ЮБИЛЕИ

Сиразитдинов З. А., Каримова Р. Н. С.Ф. Миржанова и башкирское языкознание (К 90-летию со дня рождения ученого) 161

SOCIOLOGY

Gunaev E. General Characteristic of the Population Employment in the Republic of Kalmykia at the Beginning of XXI Century 126

Badmaeva N., Idzhaeva B. The Structure of Ethnic Dispersion in the Republic of Kalmykia 135

Tomaska A. Demographic Factors for Social Adaptation of Rural Migrant Students of Indigenous Ethnic Minorities of the North (the Sakha (Yakutia) Republic) 141

Vinokurova D. The Non-local/Local Community and the Frequency of Migration: a Form of Communication (the case study of the sociological researches in the Sakha (Yakutia) Republic) 147

Bashankaev S. The Anti-Corruption Policy in CIS Countries 154

ANNIVERSARIES

Sirazitdinov Z., Karimova R. S. F. Mirzhanova and Bashkir Linguistics (to the 90th anniversary since the birth of the scientist) 161

УДК 303. 446.4

ББК 63.3(0)4

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЦИНСКИХ ПОЛИЯЗЫЧНЫХ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ ОЙРАТОВ (НА ПРИМЕРЕ «ФАНЛЮЭ», «ЦЗОУ ЧЖЭ»)

On Some Features of Qing Multilingual Sources on the History of the Oirats (“Fanglue”, “Zòuzhé”)

Д. Г. Кукеев (D. Kukeev)¹

¹ кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории и археологии Калмыцкого института гуманитарных исследований Российской академии наук (Ph.D. of History, Researcher of History and Archeology Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: kukeevd@list.ru.

Статья посвящена некоторым особенностям цинских полиязычных источников жанра «фанлюэ» и документов типа «цзоу чжэ», в которых находят отражение события, имеющие прямое отношение к истории ойратов. Автор статьи, демонстрируя различие между первоисточниками на маньчжурском языке типа «цзоу чжэ» и официальным трудом «фанлюэ», при написании которого составители прибегали к использованию «цзоу чжэ» в качестве источников, указывает на актуальность углубленного изучения китайских и маньчжурских материалов по истории ойратов. Статья построена на фактическом материале, который в значительной части в отечественной историографии отсутствует.

Ключевые слова: история ойратов, маньчжурские источники, Первый исторический Архив КНР, музей Гугун, переводы на китайский язык, историография.

The Corpus of Eastern Sources on the Oirats' history and the study of Qing multilingual texts is the primary focus of the present article. Focusing on Chinese “Fanglue” and Manchu version of “Bodogon-i bithe”, the author presents to Russian scholars the earlier unknown results of overseas research in Oirats studies, comparing multilingual texts of the same source.

It is stated that the Manchu text proves to be more complete, whereas the Chinese one contains errors, omissions and deliberate corrections. The Manchu “Zòuzhé” texts are valuable for their being the primary source in multilingual collections, and, since many of them were not included in the “Fanglue” and even forbidden from being translated into Chinese, the valuable information was preserved only in Manchu. “Zòuzhé” is a collection of confidential reports from the local Qing trustees to the Emperor about the facts on the ground. The reports were sent to the Emperor directly, bypassing any intermediate instances. Every day the Emperor received 50–60 “Zòuzhé”. Twice a day reports, reviewed personally by the Emperor, would go to the Great Council (Junjuchu 軍機處) to be copied (wai ji 外紀) twice and sent to the archive and a person in charge. The original of the document with the resolution of the Emperor (Zhupi Zòuzhé 硃批奏摺) was sent to the reporter to review and returned them back; the violation of this rule was punishable by death. Written in the Manchu language “Zòuzhé” of that period often listed intelligence reports to the Emperor marked in Chinese “not for translation”. They contained confidential information on the situation along the Qing army's proposed route, reports about Galdan and Tsewang-Rabdan, etc.

“Zòuzhé” texts are now available for studies by Oirats researchers without a need to visit the archives of China or Taiwan for searching and selecting relevant documents. Multi-volume collection of “Zòuzhé” was published in the Chinese language by the National Palace Museum in Taiwan and then by the First Historic Archive in Beijing. Russian researchers are taking their first steps introducing valuable sources in Manchu on the history of Oirats in the scholarly practice of Mongolian studies.

Keywords: the history of the Oirats, Manchu sources, “Zòuzhé” texts, First Historical Archive of the People's Republic of China (PRC), the National Palace Museum (Gugong), translations into Chinese, historiography.

В отечественном ойратоведении зреет необходимость в более обширных исследованиях, посвященных корпусу восточных источников, содержащих сведения по истории ойратов. Как отечественные [Котвич 1921; Кукеев 2008; Кутлуков 1987; Санчиров 1990; Успенский 1860], так и зарубежные исследователи [У-лань 2012; Halkovic 1997; Hambis 1969] в своих работах предоставляют ценную информацию о такого рода письменных памятниках, анализируют и используют этот корпус источников. По истории Джунгарского ханства до наших дней дошло большое количество памятников, что требует их критического осмысления, перевода, изучения и анализа содержащейся в них информации. Рассматривая с этой точки зрения массив восточных материалов, мы обнаруживаем значительный маньчжуроязычный пласт по интересующей нас тематике. И по нынешний день сведений по ойратской истории на маньчжурском языке сохранилось огромное количество, поскольку маньчжурский был основным языком делопроизводства во времена экспансии империи Цин (1644–1911) в Центральной Азии, когда связи ойратов с этой маньчжурской династией Китая отличались интенсивностью.

Прежде всего отметим, что в большинстве исторических материалов, отложившихся в результате деятельности цинских историографических комиссий, наблюдается полиязычная¹ публикация одного и того же труда. Так, китайская версия «Высочайше утвержденное описание усмирения земель к северу от пустыни», известная как «Циньчжэн пиндин Шомо фанлюэ» 亲征平定朔漠方略, имеет маньчжурский вариант “Beye dailame wargi amargi babe necihiyeme toktobuha bodogon-i bithe”². В 1904 г. мон-

гольские писари и знатоки маньчжурского языка перевели его на монгольский язык под названием “Engke Amuyulang gayan-u bodolga-yin bičig” («Записки о военных действиях армии при Энхэ Амугулане») [Санчиров 1990: 37–38]. Этот источник примечателен тем, что отражает в описываемых событиях, личное участие императора, хронологически ограничивая их 1677–1698 гг. В нем представлены в хронологическом порядке императорские эдикты, записки от важных чиновников (цзоу чжэ 奏摺), участвующих в военной кампании, и сведения от Галдан-Бошокту-хана, тибетского дэба и других участников. Он также включает множество писем императора к своему сыну, написанных на маньчжурском языке с 1696 по 1697 гг. во время его второй, третьей и четвертой кампаний [Perdue 2005: 464]. К 1710 г. были опубликованы маньчжурская и китайская версии из 51 цзюаня (главы), с предисловием императора, датированные 1708 г. Китайская версия в переводе с маньчжурского оригинала подверглась доработке и, как увидим ниже, содержит изменения по сравнению с маньчжурским текстом. Новое издание китайского текста «Циньчжэн пиндин Шомо фанлюэ» 1778 г. было включено в огромную императорскую энциклопедию «Сыку цюаньшу» 四库全书.

Этот источник стал первой полиязычной историей в жанре «фанлюэ»³, за которой последовали другие истории «фанлюэ» — в том числе и труд, посвященный уничтожению Джунгарского ханства Цинской империей «Пиндин Чжуньгаэр фанлюэ» 平定准噶尔方略 (Высочайше утвержденное описание усмирения джунгаров), который уже является триязычным трудом и включает как маньчжурскую версию “Jungar-i babe necihiyeme toktobuha bodogon-i bithe-i”, так и монгольскую “Jünger-i töbsidkegsen bodolga-yin bicig” в 171 томе, который в качестве источника использовал советский (русский) монголовед Ш. Б. Чимитдоржиев [Чимитдоржиев 2002: 7]. К сожалению, на русский или какой-либо западный язык (как в случае с переводом И. Россохина) памятник переведен не был ни дореволюционными, ни востоковедами последующего и элзетского народа, кочующего в Великой Татарию.

³ Точных сведений о количестве произведений жанра «фанлюэ» нет. По одним данным их более 10, по другим более 20, а по третьим — их было намного больше.

¹ Вся документация в империи Цин велась на трех языках — маньчжурском, китайском и монгольском. Количественно преобладали документы на китайском языке, однако фонд материалов на маньчжурском был также весьма велик, поскольку многие важные документы в обязательном порядке должны были дублироваться на маньчжурском языке. Монгольский фонд был сравнительно небольшим. [Доронин 2002: 260].

² Это повествование о походах цинских войск против Галдан-Бошокту-хана перевел на русский язык И. Россохин, однако перевод так и остался в рукописи — под названием «История о завоевании китайским ханом Канхием калка-

щих времен. Что касается генезиса, то названием «фанлюэ», занималось специальное учреждение, именуемое по-маньчжурски “Bodogon-i bithe kuren”, по-китайски «Фанлюэгуань» 方略館 (в современной историографии дается различное русское наименование данного учреждения: «Комитет по составлению и хранению описания войн настоящей династии», или «Ведомство военных архивов»), созданное в 1682 г.¹ В самом начале его существования здесь была составлена на китайском языке «История подавления [мятежа] Трех Вассалов» в 1673–1681 гг., которая называлась «Пиндин Санни фанлюэ» 平定三逆方略. Затем последовала написанная лишь на маньчжурском языке, но не опубликованная «фанлюэ» “Beye dailame wargi amargi babe necihiyeme toktobuha bodogon-i bithe”, где расписывались победы маньчжуров над «инакомыслящими» монголами Лигдан-хана в 1634 г. и Бурни-вана в 1676 г. Третьим по времени стало «Описание усмирения русских», или «Пиндин лоча фанлюэ» 平定罗刹方略², четвертой «фанлюэ» стала полиязычная «Циньчжэн пиндин Шомо фанлюэ» о войне Цинов с Галданом. По всей видимости, «Фанлюэгуань» было в ведомстве Нэйгэ 内阁, а затем перешло в состав Цзюньцзичу 軍機處 и функционировало не постоянно, а лишь тогда, когда выходил специальный императорский указ.

Необходимо указать на различие маньчжурского и китайского вариантов «Циньчжэн пиндин Шомо фанлюэ», которое в нашем случае характеризует цинско-ойратское противостояние.

Западными исследователями установлено, что, когда составители «Циньчжэн пиндин Шомо фанлюэ» готовили китайскую версию этого произведения, они корректировали текст в определенных аспектах.

¹ Б. Г. Доронин и Беатрисс Бартлетт полагают, что «Фанлюэгуань» было учреждено в связи с началом работы по описанию военной кампании в Цзиньчуань, где шли народные волнения [Доронин 2002: 104; Bartlett 1991: 225–228]. Оюнбилиг [Oyunbilig 1999: 2], Ся Хунту [Ся 1997: 134] и Питер Пёдью [Perdue 2005: комм. к 464] считают более правильной датой создания 1682 г.

² Оно состоит из 4 цзюаней, где собраны материалы, имеющие отношение к событиям вокруг осады Албазина и подписанию Нерчинского договора 1689 г. Этот документ переведен на русский язык и опубликован в книге: Русско-китайские отношения в XVII веке. Т. II. М., 1972.

Маньчжурское издание, задуманное прославлять самодержавного правителя в будущих поколениях, являлось трудом с тщательно сконструированной оценкой. Китайский вариант, адресованный более обширной аудитории — ханьским (собственно китайским) литераторам, — создавал не только однообразную оценку достижений императора, но и помещал ее в китайскую литературную традицию. Тонкие изменения показывают разницу между китайской и маньчжурской формулировками как расхождения культурного характера, пространственной организации и исторического понимания.

Китайский текст «Циньчжэн пиндин Шомо фанлюэ» вместе с маньчжурским был опубликован в 1710 г. и придерживался той же структуры. Однако в новое издание 1778 г. были привнесены дальнейшие искажения. В некоторых местах составители продолжали практику приуменьшения ошибочных оценок цинского императора путем удаления из текста его высказываний о том, что «Галдана легко победить», когда ход кампании показывал ее трудность, а также посредством исправления императорских указаний о времени и расстоянии. Они удалили доказательства о затруднительных охотничьих экспедициях, которые отвлекали Канси от военного плана [Perdue 2005: 466]. Немалый интерес представляют и изменения сущности терминов в маньчжурском и китайском текстах одного произведения.

Там, где маньчжурский текст описывает послов и племена как «пришедших сюда» (jidere), китайский именует их «пришедшими во внутренние районы» (сян нэй эр лай). Армии, которые «действовали против Галдана» (Galan-i baru ibebe), стали «карательными экспедициями» (цзинь тао). Часто маньчжурские глаголы, подразумевающие простое «приходить», были переведены китайским термином «возвращаться» (как «гуй», а не «лай» — «приходить»). «Гуй» 归 — термин с богатым моральным и политическим резонансом, подразумевает возвращение к правильному Пути тех народов, которые жили либо в невежестве, либо в состоянии мятежа против истинного правителя. Этот термин часто появляется в географических названиях на границе, как, например, при цинском переименовании монгольского городка «Кёке-Хото» (Голубой Город) в «Гуйхуа-чэн» 归化城 (Город

возвращения и преображения) [Perdue 2005: 467].

Китайский текст рисует ойратских противников более черными красками, нежели маньчжурский. Изображая джунгаров как зверей, китайские авторы помещают их вне человеческой цивилизации. Об отступлении Галдана сказано, будто он «прячется в своем гнезде» и «убегает», как мышь. Памела Кроссли утверждает, что эти расовые и генеалогические элементы императорской идентичности появляются только в период правления Цяньлуна 乾隆 (1736–1795), однако такая же терминология использовалась составителями при Канси 康熙 (1662–1722) [Crossley 1999: 270].

Впоследствии творцы официальной цинской истории привлекали сфабрикованные документы, составленные чиновниками Канси, чтобы создать более шаблонное описание всего комплекса процессов имперской экспансии [Perdue 2005: 469], что может относиться и к «Пиндин Чжуньгаэр фанлюэ».

В связи с этим ставится и другая необходимая задача: сравнение маньчжурских и китайских (и по возможности) монгольских текстов, посвященных одному событию. Для ее решения можно использовать не только архивы в Пекине и на Тайване, которые хранят множество разнообразных материалов, относящихся к интересующей нас теме, но и обратиться к опубликованным сборникам, содержащим материалы, о которых речь пойдет ниже. Как верно подметил Питер Пёдью, наши истории всегда будут только неполными попытками поймать неуловимые реальности прошлого [Perdue 2005: 466].

Однако и маньчжурский текст «Циньчжэн пиндин Шомо фанлюэ» во многом нельзя признать достоверным. Так, благодаря знакомству исследователей с первичными материалами «цзоу чжэ» на маньчжурском языке, на основе которых писались «фанлюэ», стала очевидна неполная объективность сочинений данного жанра. За последние десятилетия зарубежными востоковедами, прибегающими к маньчжурским материалам, были выявлены новые интересные сведения по истории цинско-ойратских отношений.

Известно, что маньчжурскому языку придавалось огромное значение при дворе правящего маньчжурского клана (uksun) «Айсинь-гиоро», поскольку этот язык яв-

лялся основным средством общения не только при цинском дворе, но также был секретным военным и политическим средством общения у цинской знати [Crossley, Rawsky 1993: 63].

Ценность маньчжуроязычного материала заключается и в том, что, во многих случаях являясь первоисточником в полиязычном собрании трудов, его аналог, переведенный цинской бюрократией на китайский язык, как было нами показано выше, содержал ошибки, пропуски и преднамеренные исправления. Но нередко бывало и так, что отдельные документы запрещалось переводить на китайский язык и информация хранилась лишь на маньчжурском языке. Речь идет об упоминаемом выше маньчжуроязычном материале, носящем китайское название «цзоучжэ» 奏摺 («записки, сложенные гармошкой»). Б. Г. Доронин считает, что такой тип докладов никогда ранее не существовал в Китае. «Цзоу чжэ» — это секретные доклады императору особо доверенных лиц о положении дел на местах. Минутные промежуточные инстанции, они поступали напрямую на рассмотрение цинскому императору. Ежедневно император получал 50–60 «цзоучжэ», а в конце года до — 100. Два раза в день доклады, просмотренные императором, поступали в Цзюньцзичу 軍機處¹, где с них снимали копии (вай цзи 外紀), одну из которых отправляли в архив, а другую — непосредственно к исполнителю. Оригинал с резолюцией императора (чжупи цзоучжэ 硃批奏摺), переданный для ознакомления докладчику, подлежал возврату; нарушение этого правила каралось смертной казнью [Доронин 2002: 261–262].

Памела Кроссли приводит интересную иллюстрацию этого типа материала при описании событий цинско-джунгарского противостояния — когда император Канси, возглавляя цинские войска, вел войну про-

¹ Цзюньцзичу — высший орган при Цинском дворе, который выполнял роль высшего совещательного органа при маньчжурском императоре, ведая военными, внешнеполитическими, законодательными, судебными и другими вопросами в Цинской империи. Его члены, числом от 4 до 9 человек, подбирались из особо назначенных секретарей Нэйгэ — канцлеров (дасюэши), глав шести ведомств (бушаншу), их помощников (шилан) и других чиновников. Цзюньцзичу превратился в правительство, полностью зависимое от императора и возглавляемое им [Непомнин 2005: 121].

тив джунгарского Галдан-Бошокту-хана. В маньчжуроязычном «цзоучжэ» этого периода нередко попадаются доклады разведки императору об обстановке вдоль предполагаемого маршрута цинской армии, о Галдане и Цэван-Рабдане, на грифе подобных материалов имеется обозначение на китайском языке «Не переводить» [Crossley, Rawsky 1993: 71].

Не менее интересный анализ провел Борджигитай Оюнбилиг, в своем исследовании рассмотревший 61 текст маньчжурских архивных документов, использованных при написании «Циньчжэн пиндин Шомо фанлюэ», которые имели отношение к военной экспедиции Канси против Галдана с 14 октября 1696 по январь 1697 гг. Оюнбилиг обнаружил, что 60 % этих документов не были вовсе использованы в «Циньчжэн пиндин Шомо фанлюэ», 28 % были частично процитированы, а 11 % являлись предписаниями императора и не были прямо связаны с событиями. Хуже всего то, что составители «Циньчжэн пиндин Шомо фанлюэ» целенаправленно отбирали материал для того, чтобы прославить действия императора. Маньчжурские «цзоу чжэ» показывают не вполне героическое поведение императора во время этой кампании, так как, в конечном счете, она не привела к существенным победам, а сам император Канси провел очень мало времени в военных операциях против джунгаров. Основные его занятия, как он с энтузиазмом сообщал в письмах к сыну, принцу-наследнику в Пекин, состояли из развлечений: увеселительных поездок, охоты и пиров с восточномонгольскими князьями-союзниками. Даже если бы эта деятельность имела положительные дипломатические результаты, поскольку произвела сильное впечатление на монголов из Ордоса имперской роскошью и щедростью, она не соответствовала бы описанным категориям «военной кампании» в «Циньчжэн пиндин Шомо фанлюэ». Следовательно, составители «фанлюэ» не упоминали или подтасовывали документальные свидетельства, так как стремились создать впечатление, что император занимался активным военно-стратегическим планированием. Оюнбилиг заметил: «Реализовывая свою предвзятую идею, составители [фанлюэ] или игнорировали подлинные указы, или сокращали, переделывали, или помещали их в новой последовательности. Таким же способом подтасовывались под «свидетельства» им-

ператорской «военной кампании» и письма из двора, первоначально освещающие охоту и путешествия императора» [Oyunbilig 1999: 84].

Составители «фанлюэ» также фальсифицировали и искажали документальные свидетельства, касающиеся важных решений императора на протяжении всей кампании. Так, в декабре 1696 г. Галдан отправил к Канси своего посла Гэлэй Гуйена с предложением о мире. Галдан сделал вид, что он готов покориться Цинам, однако в действительности он лишь пытался затянуть время, чтобы предотвратить цинскую атаку до наступления зимы. Тогда бы он смог уйти из пределов досягаемости цинских армий и восстановить свои силы к весне. Оюнбилиг утверждает, что император всерьез принял предложение Галдана, считая, что Галдан был совершенно истощен и лишен надежды на успех. Помимо этого, личные войска Канси испытывали серьезную нехватку провианта, а сам он был озабочен ситуацией в столице. Это была экспедиция, в которой приведенный в ярость император, «покаялся есть снег» (как указано в «Циньчжэн пиндин Шомо фанлюэ»), но не отказался от своей кампании, однако в действительности военные действия были им приостановлены из-за сопротивления его войск. Тогда Канси решил вернуться, предоставив Галдану 70 дней для исполнения своего обещания изъявить покорность. Вопреки ожиданиям императора, Галдан не подчинился, и через 68 дней император должен был предпринять окончательную экспедицию. Составители «Циньчжэн пиндин Шомо фанлюэ» изменили причины и даты разговора Канси с джунгарским послом Гэлэй Гуйеном так, будто бы Канси с самого начала видел обманчивость предложения Галдана и в действительности ждал все 70 дней, которые были установлены как крайний срок [Oyunbilig 1999: 96]. Маньчжурские документы, которые были транскрибированы и переведены Оюнбилигом, ясно показывают неопределенность и скованность, которые ограничивали представления Сына Неба. Искажение фактов в официальных докладах о военных поражениях было во времена империи простой необходимостью, потому что признаться в неудаче значило навлечь на себя бесчестье [Gardner 1961: 65–66].

Таким образом, благодаря знакомству исследователей с маньчжурскими «цзоу чжэ», версия «фанлюэ» представляется не

вполне достоверной, поскольку упрощает подлинную ситуацию и плохо согласуется с фактами.

Сообщения, касающиеся военных действий, продолжали поступать на маньчжурском языке до 1760-х гг., т.е. до того времени, когда было окончательно уничтожено Джунгарское ханство. После 1723 г. «цзоу чжэ» с прилагаемыми к ним императорскими ответами были скопированы и сгруппированы в связки (錄副奏摺 луфу цзоучжэ) для хранения в правительственных архивах. Часто же бывало и так, что материалы, которые касались военной кампании, были отдельно отобраны в «узел военных дел» (цзюнь-у бао). Необходимо отметить, что еще в XVIII в. Цзюньцзичу 軍機處 создал категорию документов «Цзюньцзичу маньвэнь луфу цзоу чжэ» 軍機處滿文錄副奏摺 в качестве справочных экземпляров «чжупи цзоучжэ» 硃批奏摺 на маньчжурском языке, общее количество документов в которой достигает почти 180 тысяч. По вопросам «границы» (бяньцзян 邊疆), куда входили Маньчжурия, Монголия, Синьцзян, Тибет и Юго-Запад Китая, этот каталог насчитывает 120 тысяч документов [Onuma 2014: 35]. Эти материалы, проходящие через Цзюньцзичу, были собраны в ежемесячные связки, известные как «Юэчжэ бао» 月折包, и являются чрезвычайно ценными первичными источниками для будущих исследований.

Для работы с материалами «цзоу чжэ» не обязательно посещать архивы КНР и Тайваня с последующей рутинной процедурой поиска и отбора интересующих ойратоведа документов. В наши дни эти материалы становятся доступными благодаря их публикации. Начало этой деятельности положил дворцовый музей Гугун 故宮 на Тайване, опубликовав обширную многотомную серию своих изданий [Гунчжундан 1977; Гунчжундан 1977–1980; Гунчжундан 1982–1988]. Не отстает от Тайбэя и Первый исторический архив в Пекине, опубликовавший, однако, материал «цзоу чжэ» только на китайском языке [Кансичао 1996; Юнчжэн ханьвэнь 1996], без маньчжурского факсимиле, как в вышеописанной тайваньской версии.

Переведенные с маньчжурского на среднекитайский официальный язык документы приведены и в сборнике «Перевод торгутского архива на маньчжурском языке», изданном в 1988 г. в КНР и характерном тем, что в нем даются лишь китайские версии

докладов [Маньвэнь туэрхутэ 1988].

Изучение истории торгутов в более обширной сфере исследований истории ойратов, а особенно истории их Исхода из России в 1771 г. и дальнейшего пребывания на территории Цинской империи, явилось определенным стимулом при издании вышеназванного сборника. В нем представлено 145 документов из 2 специальных архивов: из так называемого «Торгутского архива на маньчжурском языке» 滿文土爾扈特檔 и «Архива Юэчжэ» (или «Архива ежемесячных связок “цзоу чжэ”») 月折檔 [Маньвэнь туэрхутэ 1988]. Отметим, что в «Торгутском архиве на маньчжурском языке» имеется 409 переведенных на китайский язык документов, из которых в этом сборнике опубликована лишь часть, и не совсем ясно, как эти документы отбирались для публикации. Причем среди опубликованных материалов в этом сборнике западными востоковедами были обнаружены свидетельства того, как цинские власти обсуждали поведение торгутов, которые подвергались в оказании сопротивления маньчжурским властям после своего прибытия в Синьцзян с Волги [Perdue 2005: 295].

Первый исторический архив КНР и Научно-исследовательский центр по изучению географии и истории формирования границ Китая 中国边疆史地研究中心 в опубликованном факсимиле 2012 г. представили документы, имеющие отношение к Синьцзяну. Он именуется «Сборник архивных документов на маньчжурском языке о Синьцзяне при династии Цин», документы в нем даются лишь на китайском языке и так же без исходного маньчжурского оригинала [Циндай Синьцзян 2012].

Современными западными востоковедами уже отмечалась одна особенность работы китайских коллег: они переводят маньчжурские документы на классический бюрократический китайский язык, который никто не использует в настоящее время, вместо того, чтобы составить научное издание на маньчжурских материалах, с переводом на современный письменный китайский язык. Даже если переводы достаточно точны, они все еще применяют китайскую терминологию, которая не вполне совершенно отражает маньчжурские первоисточники. Вполне вероятно, что, по замечанию Марка Эллиота, в сердце архивов КНР цинские традиции перевода и компилирования стойко переносят совершенно чуждые современным стан-

дартам текстовые исследования и архивные публикации [Elliot 2001: 1–70], и все же за последнее десятилетие наблюдается едва заметный сдвиг в подходах к публикации маньчжурских факсимиле.

Так, в 1999 г. Первый исторический архив в Пекине опубликовал «Каталог архивных материалов на маньчжурском языке [по вопросам] границы при династии Цин» 清代边疆满文档案目录, где о Синьцзяне упоминается в около 60 тысяч документов не только на маньчжурском, китайском, но и монгольском, ойратском, тюрки и персидском языках [Циндай бяньцзян 1999 – цит по: Опута 2014: 35].

Другим вызывающим интерес историка-ойратоведа является трехтомный труд «Сборник переводов из маньчжурского архива Военного совета [Цзюньцзичу] посольских [отношений] с джунгарами» на маньчжурском и китайском языках» [Цзюньцзичу маньвэнь 2009], который появился в результате отбора и перевода с маньчжурского языка на официальный китайский язык времен Цин материалов о посольских визитах маньчжурских сановников в Джунгарию и их докладов цинскому императору. Этот сборник содержит 609 документов периода с 1753 по 1755 гг. — именно того периода, который предшествовал захвату цинской династией территории Джунгарского ханства. В нем даются копии оригиналов документов на маньчжурском языке и их перевод на официальный китайский язык, принятый во времена династии Цин.

Таким образом, масса цинского полиязычного (в данном случае, китайского и маньчжурского) материала остается вне поля зрения отечественных специалистов-ойратоведов, их содержание еще подробно не изучено и, к сожалению, в должной мере не используется ни маньчжуроведами, ни Китаистами. Глубокое изучение ценнейших материалов по истории ойратов, содержащихся в вышеописанных источниках, и введение их в научный оборот российского монголоведения — дело будущего. Но и первые шаги на этом пути, предпринятые в мировом востоковедении к настоящему времени, представляют вызывающие огромный интерес результаты. В этой связи возрастает актуальность изучения и введения в научный оборот отечественного ойратоведения сведений об ойратах на маньчжурском языке.

Литература

- Доронин Б. Г. Историография императорского Китая XVII–XVIII вв. СПб: филол. фак-т СПбГУ, 2002. 288 с.
- Котвич В. Л. Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII–XVIII веках // Известия Российской Академии Наук. VI серия. 1919. Пг.: Академ. Двенадцат. гос. тип., 1921. С. 791–822.
- Кукеев Д. Г. Комментированный перевод 328 цзюани «Мин ши» – «Ойраты» // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2008. № 2. С. 24–31.
- Кутлук М. Из истории международных связей в Центральной Азии в 1755–1859 гг. (сведения кашгарских историков) // Из истории Средней Азии и Восточного Туркестана. XV–XIX вв. Ташкент: Фан, 1987. С. 59–82.
- Непомнин О. Е. История Китая: эпоха Цин. XVII–начало XX века. М.: Вост. лит., 2005. 712 с.
- Русско-китайские отношения в XVII веке: материалы и документы. Т. II. 1686–1691. М.: Наука, 1972. 833 с.
- Санчилов В. П. «Илэтхэл шастир» как источник по истории ойратов. М.: Наука, 1990. 137 с.
- Успенский В. М. Страна Кукэ-нор или Цин-хай с прибавлением краткой истории ойратов и монголов // Записки Императорского Русского географического общества. Т. VI. СПб.: Тип. В. Безобразова и Коми, 1880. 140 с.
- Чимитдоржиев Ш. Б. Национально-освободительное движение монгольского народа в XVII–XVIII вв. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. 216 с.
- Bartlett B. S. Monarchs and Ministers: the Grand Council in Mid-Ch'ing China, 1723–1820. Berkeley: University of California Press, 1991. 417 p.
- Crossley P. K. A Translucent Mirror: History and Identity in Qing Imperial Ideology. Berkeley: University of California Press, 1999. 405 p.
- Crossley P. K., Rawsky E. S. A Profile of the Manchu language in Ch'ing history // Harvard Journal of Asiatic Studies, 1993. № 1. pp. 63 – 102.
- Elliot M. The Manchu Language Archives of The Qing Dynasty and the Origins of the Palace Memorial System // Late Imperial China, 2001 № 1, pp. 1–70.
- Gardner C. S. Chinese traditional historiography. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1961. 135 p.
- Halkovic S. A. The Mongols of the West. Bloomington: Indiana University Press, 1985. 226 p.

- Hambis, L.* Documents sur l’histoire des Mongols a l’epoque des Ming. Paris: Presses Universitaires de France, 1969. 272 p.
- Perdue P. C.* China Marches West: the Qing conquest of Central Eurasia. London: The Belknap Press of Harvard University Press, 2005–725 p.
- Oyunbilig B.* Zur Überlieferungsgeschichte des Berichts über den persönlichen Feldzug des Kangxi Kaisers gegen Galdan (1696–1697). Wiesbaden: Harrasowitz, 1999. 165 c.
- Onuma T.* The Qing Dynasty and Its Central Asian Neighbors // *Saksaha*. 2014. № 12. P. 33–48.
- Гунчжундан Кансичао цзоучжэ 宫中档康熙朝奏折 («Цзоу чжэ» из Архива Гунчжун времен правления Канси). Тайбэй: Гугун боюань, 1977. 9 т.
- Гунчжундан Юнчжэнчао цзоучжэ 宫中档雍正朝奏折 («Цзоу чжэ» из Архива Гунчжун времен правления Юнчжэна). Тайбэй: Гугун боюань, 1977–1980. 32 т.
- Гунчжундан Цяньлунчао цзоучжэ 宫中档乾隆朝奏折 («Цзоу чжэ» из Архива Гунчжун времен правления Цяньлуна). Тайбэй: Гугун боюань, 1982–1988. 75 т.
- У-лань М.* М. 乌兰. Вэйлатэ-мэнгу вэньсянь цзи шисюэ: и тотэ-вэнь лиши вэньсянь яньцзю вэй чжунсинь. (卫拉特蒙古文献及史学-以托忒文历史文献研究为中心). Литература и историография ойрат-монголов: в центре изучения историко-литературные памятники на «тодо-бичг». Пекин: жэньмин чубаньшэ, 2012. 448 с.
- Кансичао маньвэнь чжупицзоучжэ цюань. 康熙朝满文朱批奏折全译 (Полный перевод маньчжурских «цзоу чжэ» при Канси). Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 1996. 1931 с.
- Маньвэнь Туэрхутэ данань ибянь. 满文土尔扈特档案译编. (Перевод торгутского архива на маньчжурском языке). Пекин: миньцзу чубаньшэ, 1988. 249 с.
- Ся Хунту* 夏宏图, Циндай фанлюэгуань Шэли шицзянь цзюйчжэнь 清代方略馆设立时间举证 (Анализ о времени создания цинского Фанлюэгуань) // Лиши данъянь 历史档案 (Исторический архив) 1997. № 2. С. 134–149.
- Цзюньцзичу маньвэнь чжуньгаэр шичжэ дань-ибянь. 军机处满文准噶尔使者档译编. 北京: 中央民族大学出版社, («Сборник переводов из маньчжурского архива Военного совета [Цзюньцзичу] посольских [отношений] с джунгарами» на маньчжурском и китайском языках) в 3-х тт. Пекин: Чжунъян миньцзу чубаньшэ, 2009. С. 1959, 1919, 2851.
- Циндай Синьцзян маньвэнь данъянь хуэйбянь. 清代新疆满文档案汇编. (Сборник маньчжурских архивных материалов о Синьцзяне при династии Цин). Гуйлинь: Гуанси шифань дасюэ чубаньшэ, 2012. 283 т.
- Циндай бяньцзян Маньвэнь данъянь мулу. 清代边疆满文档案目录 (Каталог архивных материалов на маньчжурском языке [по вопросам] границы при династии Цин). Гуйлинь: Гуанси шифань дасюэ чубаньшэ, 1999. 12 т.
- Юнчжэнчао ханьвэнь чжупи цзоучжэ хуэйбянь. 雍正朝汉文朱批奏折汇编. (Сборник китайских «чжупи цзоучжэ» при Юнчжэне). Нанкин: Цзянсу гуцзи чубаньшэ, 1996. 40 т.

References

- [Borders during the Qing Dynasty: Catalogue of Manchu-Language Archival Materials]. Guilin, 1999. 12 vols. (In Manchu and Chin.)
- [Collected Chinese (Language) *Zhūpī zòuzhé*: Yongzheng Era]. Nanjing, 1996. 40 vols. (In Chin.)
- [Collected Manchu Archival Materials about Xinjiang under the Qing Dynasty]. Guilin, 2012. 283 vols. (In Manchu and Chin.)
- [Complete Translation of Manchu-Language *Zòuzhé*: Kangxi era]. Beijing, 1996. 1931 p. (In Chin.)
- [*Fānglüè guǎn* of the Qing: a Dating Analysis]. *Lìshǐ dǎng’àn (Historical Archives)*. 1997. No. 2. Pp. 134–149. (In Chin.)
- [Manchu Archives of the Military Council for Ambassadorial Relations with the Dzungars: Collected Translations]. In 3 vols. Beijing, 2009. 1959, 1919 and 2851 p. (In Manchu and Chin.)
- [Manchu Translation of the Torghut Archives]. Beijing, 1988. 249 p. (In Manchu and Chin.)
- [Russian-Chinese Relations in the 17th Century: Materials and Documants]. Vol. II: 1686–1691. Moscow: Nauka, 1972. 833 p. (In Russ.)
- [*Zòuzhé* from Palace Memorial Archives: Kangxi Era]. Taipei: National Palace Museum, 1977. 9 vols. (In Chin.)
- [*Zòuzhé* from Palace Memorial Archives: Qianlong Era]. Taipei: National Palace Museum, 1982–1988. 75 vols. (In Chin.)
- [*Zòuzhé* from Palace Memorial Archives: Yongzheng Era]. Taipei: National Palace Museum, 1977–1980. 32 vols. (In Chin.)
- Bartlett B. S. Monarchs and Ministers: the Grand Council in Mid-Ch’ing China, 1723-1820. Berkeley: University of California Press, 1991. 417 p. (In Eng.)
- Chimtdorzhiev Sh. B. [National Liberation Movement of the Mongolian People: 17th – 18th Centuries]. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (Sib. Branch) of RAS, 2002. 216 p. (In Russ.)
- Crossley P. K. A Translucent Mirror: History and Identity in Qing Imperial Ideology. Berkeley: University of California Press, 1999. 405 p. (In Eng.)
- Crossley P. K., Rawsky E. S. A Profile of the Manchu language in Ch’ing history. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1993. No. 1. Pp. 63 – 102. (In Eng.)
- Doronin B. G. [Historiography of Imperial China: 17th – 18th Centuries]. St. Petersburg: Faculty of Philology, St. Petersburg University, 2002. 288 p. (In Russ.)
- Elliot M. The Manchu language archives of the Qing dynasty and the origins of the palace memorial system. *Late Imperial China*. 2001. No. 1. Pp. 1–70. (In Eng.)
- Gardner C. S. Chinese Traditional Historiography. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1961. 135 p. (In Eng.)
- Halkovic S. A. The Mongols of the West. Bloomington: Indiana University Press, 1985. 226 p. (In Eng.)
- Hambis, L. Documents sur l’histoire des Mongols a l’epoque des Ming. Paris: Presses Universitaires de France, 1969. 272 p. (In French)
- Kotwicz W. L. Russian archival documents about contacts with the Oirats in the 17th-18th centuries. *Izvestiya Rossiyskoy Akademii Nauk*. Series VI. 1919. Petrograd: State Publ. House, 1921. Pp. 791–822. (In Russ.)
- Kukeev D. G. *Ming Shi (History of Ming)*: an annotated translation of Juan 328 ‘Oirats’. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2008. No. 2. Pp. 24–31. (In Russ.)
- Kutlukov M. International relations in Central Asia in 1755–1859: glimpses of history (a case study of Kashgar historical reports). In: [History of Central Asia and East Turkestan: 15th – 19th Centuries]. Tashkent: Fan, 1987. Pp. 59–82. (In Russ.)
- Nepomnin O. E. [History of China: the Qing Era, 17th to Early 20th Centuries]. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2005. 712 p. (In Russ.)
- Onuma T. The Qing dynasty and its Central Asian neighbors. *Saksaha*. 2014. No. 12. Pp. 33–48. (In Eng.)
- Oyunbilig B. Zur Überlieferungsgeschichte des Berichts über den persönlichen Feldzug des Kangxi Kaisers gegen Galdan (1696–1697). Wiesbaden: Harrasowitz, 1999. 165 p. (In Germ.)
- Perdue P. C. China Marches West: the Qing Conquest of Central Eurasia. London: The Belknap Press of Harvard University Press, 2005. 725 p. (In Eng.)
- Sanchirov V. P. [*Iletkhel Shastir* as a Source on Oirat History]. Moscow: Nauka, 1990. 137 p. (In Russ.)
- U-lan M. M. [Literature and Historiography of the Oirat Mongols: an Insight into Clear Script Historical and Literary Monuments]. Beijing, 2012. 448 p. (In Chin.)
- Uspensky V. M. (Description of) The country of Kuke-nor, or Qing-hai, supplemented with a brief history of the Oirats and Mongols. In: [Notes of the Imperial Russian Geographical Society]. Vol. VI. St. Petersburg: V. Bezobrazov and Co., 1880. 140 p. (In Russ.)

ФИНАНСОВО-ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ КАЛМЫЦКОЙ СТЕПИ В XIX в.

Financial and Economic Activity of the Institutions of Local Government in the Kalmyk Steppe in XIX Century

И. В. Лиджиева (I. Lidzieva)¹

¹кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории и археологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph. D. of History, Senior Scientist of the History and Archeology Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: irina-lg@yandex.ru.

Предметом данной статьи является рассмотрение финансово-хозяйственной деятельности органов местного самоуправления в Калмыцкой степи. В статье на основе архивных материалов были изучены различные бюджетные источники, содержащие данные о доходах и расходах органов общественного управления. Автор приходит к выводу о том, что, несмотря на ограниченность финансовых ресурсов, финансово-экономические отношения обеспечивали относительную хозяйственную самостоятельность органов местного самоуправления.

Ключевые слова: местное самоуправление, финансово-хозяйственная деятельность, общественный капитал, круговая порука, расходы, бюджет.

Along with the issues on defining the legal status of the Kalmyk people in the Russian Empire, the Imperial Decrees of the first half of the XIX century were issued to introduce tax obligations. Apart from the fixed tax rate, Kalmyks had to carry a tax burden two or three times higher than they had to pay before. Gathering as an institution of local self-government was authorized to examine and settle matters of social, economic and cultural life of the community and its members. To ensure the satisfaction of the basic needs of the population, within the jurisdiction of the public administration, public administration bodies independently formed, approved and executed the local budget, fulfilling, the financial and economic function of the local government. Local authorities were almost devoid of adequate government support in performing state tasks, both in material and in other respects. Only from the 1890s having freed zemstvo (rural elected assembly) from «mandatory» spending, such as the maintenance of arrest premises, cart and guard services, the government could finally increase the local government spending on cultural needs – the construction and maintenance of schools and hospitals, including the Kalmyk steppe.

The integrated study of various budgetary sources containing data on revenues and expenditures allowed to understand the complex issues of the economic development in the Kalmyk steppe. The critical analysis of the sources showed that the primary forms of financial and accounting reports for ulus administration were standard and the budget was scanty. According to the financial documents, among the main reasons for money pressure was a big mandatory spending on providing public services. Despite the limited financial resources, financial and economic relations could guarantee a relative economic independence of the institutions of local government whose budget was closely related to the needs of the population of a given territory and contributed to the development of its activity.

Keywords: local government, financial and economic activity, social capital, mutual responsibility, expenses, budget.

Императорские указы первой половины XIX в., определявшие правовой статус калмыцкого народа в Российской империи, устанавливали и их налоговые повинности. Предметом данной статьи является рассмотрение финансово-хозяйственной деятельности органов местного самоуправления в Калмыцкой сте-

пи. Проблема экономического развития Калмыкии в разное время привлекала внимание исследователей [Дуброва 1998; Бурдуков 1898; Очиров 2002; Бурчинова 1989; Максимов 2002 и др.], однако вопросы финансовых основ института местного самоуправления до сих пор не получили должного освещения.

На протяжении XIX в. налоговое бремя калмыков было фактически гораздо больше законодательно установленных размеров налога. Как отмечает А. А. Лебединский, на рубеже XIX–XX вв. с одной кибитки взималось свыше 10 руб. [Лебединский 1925: 104]. По официальным данным, эта сумма составляла в среднем от 1 до 20 руб. в год [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 20. Л. 46].

Кроме государственных (казенных) сборов, калмыки несли ряд натуральных повинностей: воинский, кордонный, почтовый налоги и др. По утверждению Л. С. Бурчиновой, трудовое население несло на себе «бремя негласных поборов в пользу лиц, служивших без жалованья (старост, старшин и пр.). В общей сложности всех податей <...> приходилось в среднем на одну кибитку от 15 до 18 руб. в год» [Бурчинова 1989: 109–110]. На практике же наряду с указанными существовали и местные сборы. Как отмечает А. И. Карагодин, «в калмыцком обществе XVIII в. существовали две разнотипные формы податей. Кроме известного албана, существовала еще и абулга, о которой не упоминают авторы работ о калмыках. Абулга была характерна для патриархально-общественных отношений, албан — для обществ уже с отношениями эксплуатации. Дальнейшее развитие податных отношений, отчуждение прибавочного продукта непосредственных производителей осуществлялось по линии синтеза абулгагарин (что можно определить как расходы в интересах всего общества) и албана (подать в пользу отдельных лиц)» [Карагодин 1988: 41]. Таким образом, можно говорить о том, что финансово-экономическая деятельность органов местного самоуправления регулировалась нормами обычного права.

Сход как институт местного самоуправления был уполномочен рассматривать и решать вопросы общественной, хозяйственной и культурной жизни как общества в целом, так и отдельных его членов. С целью обеспечить удовлетворение основных жизненных потребностей населения, отнесенных к ведению органов общественного управления, они самостоятельно формировали, утверждали и исполняли местный бюджет, выполняя финансово-хозяйственную функцию местного самоуправления.

К ведению органов местного самоуправления в области финансово-экономических отношений были отнесены: утверждение и исполнение местных бюджетов, осуществ-

ление контроля за расходованием средств, предоставление финансовой помощи однообщественникам.

• Утверждение и исполнение местных бюджетов. Исполнение бюджетов охватывало два направления: сбор доходов и осуществление расходов. Сбор доходной части местного бюджета осуществлялся демчеями — выборными должностными лицами, избираемыми от 40 кибиток. К источникам местных доходов относятся доходы от управления общественной собственностью из так называемых оброчных статей. Статья 467 Положения об инородцах гласит: «В состав общественного капитала поступают: 1) суммы, выручаемые за оброчные статьи, учрежденные на землях, отведенных в пользование калмыков; 2) сбор за билеты, выдаваемые калмыкам на отлучку для найма в работы; 3) штрафные деньги по решению улусных зарго, также штрафы, взыскиваемые за неявку на сход, за оставление на прокормлении у калмыков скота, принадлежащего посторонним лицам и пр.» [ПСЗРИ. Т. II. 1892].

Процесс формирования общественного капитала подробно описан С. В. Фарфоровским на примере Большедербетовского улуса [Фарфоровский 1908: 15]. Свободная калмыцкая земля площадью 49,880 десятин разделяется на 21 оброчный участок. Эти участки сдаются в аренду с торгов под выгон скота, сенокошение и распашку для посева хлеба — не более $\frac{1}{2}$ всего участка на сроки от 6 до 12 лет по цене от 60 коп. до 5 руб. за десятину. Кроме этих оброчных статей, доход с которых поступает в калмыцкий общественный капитал, у каждого из 13 отдельных калмыцких родов улуса имеются арендные участки, выделенные из общественных душевых наделов по аймачным приговорам как излишек, свободный от личного пользования калмыков. Участки эти тоже сдаются в аренду на шестилетний срок под выпас скота, сенокошение, распашку хлеба с торгов в улусном управлении при участии доверенных от обществ. Цена колеблется от 70 коп. до 5 руб. за десятину в год, в зависимости от качества почвы и способа эксплуатации. Арендаторами участков заключаются нотариальные договоры, и плата вносится попечителю улуса. Расход средств из родовых капиталов происходит только по общественным приговорам, утверждаемым главным приставом. Основные статьи расхода составляют: уплата кибиточ-

ного сбора и воинского налога, содержание обывательских лошадей, выдача пособий бедным калмыкам, вдовам, сиротам. На эти суммы производится и строительство общественных хлебных амбаров, плотин, прудов и колодцев, покупаются земледельческие орудия и лесной материал.

Главный пристав кочующих народов Ставропольской губернии в своем письме попечителю Большедербетовского улуса предписывает «разрешить старшинам и опекунам собрать аймачные сходы 30 ноября 1889 г. в родах Большедербетовского улуса для постановления приговоров о приходах, имеющих поступать в 1890 г., и о расходах, предполагаемых в том же году и, кроме того, старшинам 2-го Багатуктунова рода рассмотреть вопрос об отдаче в аренду участка земли и о раскладке общественных родовых сумм» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 115. Л. 3].

Определенную долю в доходах занимают штрафы и пени, взимаемые местными властями за несоблюдение хозяйствующими субъектами различных видов законодательства. Общественный калмыцкий капитал предназначался «для пособия калмыкам в случаях голода, повальных болезней и падежа скота, для устройства улусных домов и разных общепользовательных заведений, для наград и пособия в видах поощрения калмыков к улучшению хозяйства и введению хлебопашества, огородничества и ремесел, и вообще для всех предметов по устройству калмыцкого народа». Органы местного самоуправления, выполняя государственную задачу, практически были лишены соответствующей поддержки государства как в материальном, так и в других отношениях. Только с 1890-х гг. правительство, освобождая земства от «обязательных» расходов (содержание арестных помещений, подводная и этапная повинности), позволило тем самым увеличить расходные статьи местных бюджетов на культурные нужды — строительство и содержание школ и больниц, в том числе и в Калмыцкой степи.

• Осуществление контроля за расходованием средств. Расходы местных бюджетов — это затраты на выполнение органами местного самоуправления своих функций. Они соответствуют природе и характеру местного самоуправления. Осуществление расходов производилось согласно решениям сходов, оформленных в виде приговора. Глава IX Положения [ПСЗРИ. Т. XXII.

№ 21144] к полномочиям аймачного схода отнесла раскладку кибиточного сбора, при этом предоставляя право уменьшать или освобождать какую-либо семью от налога, но не допуская превышения надбавки для других не более чем на 20 %. Таким образом, на законодательном уровне вводился принцип круговой поруки, а решение схода в обязательном порядке утверждалось улусным попечителем. Так, 10 октября 1896 г. состоялся аймачный сход общества калмыков Александровского улуса Шабинерова рода, где было заслушано предписание Главного попечителя Калмыцкого народа от 1 февраля 1896 г. № 582 об установлении круговой поруки за возврат ссуды, взятой в 1896 г. на поддержание скотоводства и личное продовольствие. Сход постановил, что если «кто-либо из лиц, взявших ссуду, не в состоянии будет платить, то таковую мы обязуемся исполнить по добровольному непринужденному нашему согласию из собственных средств» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 61. Л. 18]. Аналогичное решение было принято на аймачном сходе Уранхусова рода Александровского улуса [НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 61. Л. 11].

А. И. Васильчиков, первым из отечественных исследователей определивший общий характер самоуправления, в своей работе рассмотрел природу круговой поруки: «Мера, нами предлагаемая, хотя с первого взгляда и кажется нововведением, в сущности составляла одно из древнейших оснований наших податных систем; она прикрывалась только названием вовсе несоответствующим и именовалась в разных уставах раскладкой внутри обществ.

Под этим выражением разумелось следующее несколько сложное и сбивчивое правило. Русское законодательство как будто подразумевало, что в каждом обществе, городском и сельском, находится известный процент беднейших жителей, которые в действительности заслуживают снисхождения, с которых нельзя брать платежа, потому что нечего взять, но и вместе с тем оно предполагало, что этот недочет, эту сумму безнадежных взысканий следует отнести не на счет государственной казны, но на счет самих обществ. Отправляясь от этого, наше финансовое управление слагало с себя попечение о равномерном распределении податных тягостей между имущими и неимущими членами общества, обязывало их всех круговой порукой ответственность за полный

взнос податей и предписывало им самим наблюдению, чтобы неуравнительный налог был уравнен, чтобы несправедливость, чинимая государством, была исправлена общиной.

Для этого правительство, вводя новые налоги и делая им, если можно так выразиться, черновой эскиз, упоминая только о главных основаниях, обыкновенно заключало свои премудрые указания простыми словами, “что раскладка внутри обществ производится по местным обычаям и сообщениям”» [Васильчиков 1871: 305].

Использование средств общественно-го капитала находилось под личным контролем Главного попечителя и министра государственных имуществ. Управление калмыцким народом (УКН), как и Главный пристав кочующих народов Ставропольской губернии, строго отслеживали расходование средств родовых капиталов. Так, в предложении Главного пристава кочующих народов Ставропольской губернии от 27 марта 1913 г. № 2377 на имя попечителя Большедербетовского улуса отмечается, что «необходимо установить самое строгое наблюдение, чтобы все исчисленные по смете доходы поступали по назначению своевременно и безнедоимочно и чтобы расходы производились лишь на предметы, росписями предусмотренные, при чем никаких передержек не должно быть допускаемо под страхом личной и материальной ответственности» [НА РК. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 271. Л. 5]. Кроме того, общество было заинтересовано в эффективном расходовании средств. Например, Малодербетовский улусный сход, состоявшийся 31 июля 1910 г. в урочище Ханата, постановил для выяснения вопроса о порядке расходования выпасных улусных сумм и покрытия ими податей избрать комиссию в составе зайсанга Лиджи Талтаева, аймачных старшин Семена Эренценова и Тараса Мучкаева и калмыка поселка Червленое Нохи Очирова [НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 2032. Л. 56–59].

Предоставление финансовой помощи однообщественникам. В сентябре 1910 г. из 15 вопросов, рассмотренных на Александровско-Багацохуровском улусном сходе, шесть были посвящены оказанию материальной помощи по разным причинам сородичам, что было зафиксировано в приговоре. Так, были удовлетворены прошения калмыка Барунова рода Каршан Салиева о выдаче пособия на приобретение кибитки с домашней утварью по случаю

пожара, уничтожившего его кибитку и домашнее имущество; калмыка Барунова рода Босхомджи Генденова и вдовы калмычки Зюнева рода Ользете Лиджиевой «о сложении с них по бедности недоимок и окладов за 1910 г. казенного и уравнительного сборов»; вдовы калмычки Ользете Шургучиевой о назначении ей постоянного пособия «ввиду ее бедности и неспособности к труду, вследствие отсутствия рук, которых она лишилась, отморозив их в зиму»; калмычки Барунова рода Киштан Лиджиевой, вдовы умершего рассыльного Багацохуровского улусного управления Лиджи Каштыкова, о выдаче ежемесячного пособия. По решению упомянутого схода больнице Астраханского Приказа общественного призрения была уплачена недоимка в сумме 72 руб. 25 коп. за лечение икицохуровских калмыков, оказавшихся не в состоянии уплатить за лечение [НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 2032. Л. 81–83].

Основное внимание общественного управления было уделено просвещению народа, охране его здоровья, улучшению сельского хозяйства, страхованию общественных построек от огня, совершенствованию народного быта, организации сельскохозяйственной кооперации и развитию кустарной промышленности. В целом расходы бюджетов органов местного самоуправления следует разделить на следующие основные группы:

1. Расходы, связанные с осуществлением отдельных государственных полномочий, переданных органам местного самоуправления. К так называемым государственным повинностям были отнесены расходы местных бюджетов на подводную повинность, содержание полиции, этапирование осужденных и т. д. Так, заведующий Маныческим улусом представил 9 марта 1911 г. в УКН приговор Ики-Чоносковского аймачного схода от 17 февраля № 11 об ассигновании из аймачного капитала 25 руб. на этапирование в Сибирь калмыка Дорджи Ноха Манджиева [НА РК. Ф. И-9. Оп. 10. Д. 17. Л. 1–17].

В Российской империи подводная повинность имела два главных вида: а) для воинских потребностей при движении войск, разных команд, ремонтов, для перевозки больных и т. п.; б) для земских сообщений, развозов полиции и губернских чиновников. 15 апреля 1892 г. за подписью Главного попечителя был разослан циркуляр попечителям и заведующим отдельными частя-

ми калмыцких улусов о выдаче открытых листов Управления на взимание почтовых лошадей без платежа прогонных денег. В документе было отмечено, что поездки по бесплатным открытым листам являются одним из видов налогообложения калмыков, в связи с чем выдача последних должна быть производима только в случаях законной на то надобности. Правом на получение открытых листов обладают должностные лица, отправляющиеся в командировку в служебных целях.

2. Расходы, связанные с решением вопросов местного значения. Рассмотрим основные вопросы, которые были решены в приговорах улусных и аймачных сходов.

Яндыковский улусный сход, состоявшийся 8 июля 1890 г., принял решение о перечислении в Приказ общественного призрения из мирских сумм 195 руб. за содержание и лечение однообщественников [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 697. Л. 48].

Оргакинский аймачный сход, состоявшийся 20 июля 1910 г., принял решение о создании из средств родового капитала потребительской лавки «с тем, чтобы она обслуживала нужды общества, т. е. отпускала бы товары по первоначальной цене» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 115. Л. 12].

1 апреля 1890 г. старшины Бюдермесова и Кебютова рода обратились с просьбой к попечителю Большедербетовского улуса о разрешении провести аймачный сход с целью пожертвования хурулу 50 руб. серебром на предстоящий семидневный молебен «Дархин» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 115. Л. 21].

Манычский улусный сход, состоявшийся 25 июня 1910 г. в урочище Лола для обсуждения текущих хозяйственных вопросов, принял решение ассигновать кредит в размере 400 руб. из выпасных сумм на оплату курсов для учителей родовых школ и наставниц Манычской улусной мужской и женской школ. В работе схода приняли участие 6 аймачных старшин, 25 хотонных старост, 151 выборный от 20 кибиток, а также временно заведующий улусом Н. М. Рысин [НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 2032. Л. 34].

В приговоре общества Багацохуровского улусного схода от 20 сентября 1910 г. зафиксировано постановление о выделении средств за счет выпасных сумм на проведение работ по закреплению песков в урочищах Оргечка, Булмукта и Шилин Боро [НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 2032. Л. 85–87].

В 1913 г. решениями улусных и аймачных сходов «В память 300-летия царствования дома Романовых» были выделены средства из общественных капиталов на финансирование ряда социально значимых мероприятий. Например, приговором Кетченер-Шебенеровского аймачного общества от 30 января 1913 г. было ассигновано 9 000 руб. на постройку аймачной начальной школы с интернатом на 25 человек и квартиры для учителя; Гайдукское, Овардыкское и Кекеусунское аймачные общества решениями сходов от 15 и 16 февраля 1913 г. ассигновали 3000 руб. на учреждение стипендии для калмыков при I Астраханской мужской гимназии, городском училище и фельдшерской школе [НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 2308. Л. 26].

В 1910 г. на средства родового капитала было построено здание Ульдучинской аймачной школы с интернатом на 30 воспитанников. Школа содержалась за счет выпасных средств, но за период осени 1910 – весны 1911 г. в аймачную кассу практически ничего не поступало. Решением схода общество ходатайствовало перед УКН о принятии содержания школы с 1 января 1912 г. за счет общественного калмыцкого капитала. Старшина аймака рассчитывал, что, так как доход с оброчных земель поступает в общественный калмыцкий капитал, Управление удовлетворит прошение, но оно было отклонено. Несмотря на отказ аймачное общество приняло решение изыскать средства на дальнейшее содержание школы из средств родового капитала, так как «закрывать школу сейчас, когда ученики, по преимуществу дети беднейших калмыков и сирот, уже привыкли к теплу и нормальному питанию — отсылать их в кибитки к полуголодным родственникам, прерывать учебные занятия — едва ли возможно» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 2199. Л. 31–32].

К компетенции схода как органа местного самоуправления, было отнесено «создание по всем вообще предметам общественной надобности». Это означало, что органы местного самоуправления могли инициировать строительство и брать содержание школ на счет родового капитала, но не имели права контролировать и направлять учебно-воспитательный процесс. Правительство опасалось доверять руководство народным просвещением земству. Расходы общественного управления на народное образование относились к числу «необяза-

тельных», но именно в этой области (наряду с медициной) их деятельность оказалась наиболее успешной.

Перед государственными фискальными органами стояла проблема разграничения казенных и местных налогов, что на практике было весьма затруднительным. В обоих случаях правительству приходилось сталкиваться с одним и тем же плательщиком. Но государство в первую очередь проявляло заботу о взимании общегосударственных налогов. А. Н. Команджаев отмечает: «Там же, где вопрос о налогах не касался непосредственно казны, правительство старалось встать на защиту интересов трудящихся масс. Так, правительство официально выразило недовольство числом должностных лиц, которые организуют «темные сборы», иной раз привлекая к ответственности за незаконные поборы и т. д. <...> правительство думало прежде всего о доходах казны, ведь масса неофициальных поборов создавала большой контингент недоимщиков и срывала планы поступления налогов, что постоянно держало в напряжении администрацию» [Команджаев 1999: 68].

Источники

Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК).
Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ)

Литература

Бурдуков Н. Ф. Доклад его Превосходительству господину министру земледелия и государственных имуществ чиновника особых поручений Н. Бурдукова, по командировке в Большедербетовский улус, осенью 1898 г. СПб.: тип. кн. В. П. Мещерского, 1898. 126 с.
Бурчинова Л. С. Повинности калмыцкого крестьянства в период утверждения капитализма в России (60-е и начало 90-х годов XIX в.) // Социально-экономическое и политическое положение крестьянства Калмыкии в дооктябрьский период. Элиста: КНИИИФЭ, 1989. 152 с.
Васильчиков А. О самоуправлении. Сравнительный обзор русских и иностранных земских и общественных учреждений князя А. Васильчикова. Т. III. СПб.: Тип. Эд. Праца. № 26. 1871. 377 с.

Sources

[Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. (In Russ.)
National Archive of the Republic of Kalmykia.

References

Burchinova L. S. Servile obligations of Kalmyk peasants during the introduction of capitalism in Russia: 1860s – early 1890s. In: [Kalmykia's Peasantry in the Pre-October Period: Socio-Economic and Political Conditions]. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, 1989. 152 p. (In Russ.)
Burdakov N. F. [Report (Submitted) to His Excellence Minister of Agriculture and Government Property by Special Duty Officer N. Burdakov on the Trip to Bolshederbetovsky District in the Autumn of 1898]. St. Petersburg: V. Meshchersky, 1898. 126 p. (In Russ.)
Dubrova Ya. P. [Kalmyks of Stavropol Governorate: (Sketches of) Everyday Life]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1998. 181 p. (In Russ.)
Farforovsky S. V. [Kalmyks of Stavropol Governorate]. Stavropol: Executive Office of Stavropol Governorate, 1908. 42 p. (In Russ.)

Таким образом, изученные нами различные бюджетные источники, содержащие данные о доходах и расходах, позволяют рассмотреть значимые вопросы развития экономики в Калмыцкой степи в XIX в. Критический анализ источников показывает, что формуляры финансовой и первичной бухгалтерской отчетности для улусных управлений были стандартными. По итогам их анализа можно сделать вывод о том, что бюджеты улусов отличались крайней скудностью. Средств явно не хватало даже на самые необходимые мероприятия. Финансовые документы позволяют выявить общие причины дефицита денежных средств — в частности, большой объем «обязательных» расходов по содержанию государственных повинностей. Несмотря на ограниченность финансовых ресурсов финансово-экономические отношения обеспечивали относительную хозяйственную самостоятельность органов местного самоуправления, так как местные финансы в наибольшей степени приближены к потребностям населения конкретной территории и способствуют созданию условий его жизнедеятельности.

Дуброва Я. П. Быт калмыков Ставропольской губернии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 181 с.

Карагодин А. И. Хозяйство и общественно-политический строй приволжских калмыков в последней трети XVIII – первой половине XIX в. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ростов-на-Дону, 1988. 47 с.

Команджаев А. Н. Хозяйство и социальные отношения в Калмыкии в конце XIX – начале XX в.: исторический опыт и современность. Элиста: АПП «Джангар», 1999. 262 с.

Лебединский А. А. Большедербетовский улус во второй половине XIX в. // Калмыцкая область, 1925. № 2. С. 109–123.

Максимов К. Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России. М.: Наука, 2002. 426 с.

Очиров Н. О. Астраханские калмыки и их экономическое состояние в 1915 году. // Избранные труды Номто Очирова. Элиста: АПП «Джангар», 2002. С. 76–132.

Фарфоровский С. В. Калмыки Ставропольской губернии. Ставрополь: Тип. Губ. правления, 1908. 42 с.

Karagodin A. I. [Volga Kalmyks: Economic and Socio-Political Structures, 1770s – 1850s]. Dr.Sc. (history) thesis abstract. Rostov-on-Don, 1988. 47 p. (In Russ.)

Komandzhaev A. N. [Economic and Social Relations in Kalmykia in the Late 19th and Early 20th Centuries: Past Experience and Present (Conditions)]. Elista: Dzhangar, 1999. 262 p. (In Russ.)

Lebedinsky A. A. Bolshederbetovsky District in the mid-to-late 19th century. *Kalmytskaya oblast*. 1925. No. 2. Pp. 109–123. (In Russ.)

Maksimov K. N. Kalmykia in Russia's Past and Present National Policies and Administrative System. Moscow: Nauka, 2002. 426 p. (In Russ.)

Ochirov N. O. Astrakhan Kalmyks and their economic conditions in 1915. In: [Selected Works of N. Ochirov]. Elista: Dzhangar, 2002. Pp. 76–132. (In Russ.)

Vasilchikov A. [About Self Government: a Comparative Review of Russian and Foreign Zemstvo (Local Government) and Public Institutions of Prince A. Vasilchikov]. Vol. III. St. Petersburg: E. Prats (Print. House No. 26), 1871. 377 p. (In Russ.)

**К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ КАЛМЫЦКОГО НАРОДА
ПО УЧЕТУ И СТАТИСТИКЕ В 1893–1917 гг.****On the Activity of the Chief Administration of the Kalmyk People
in Accounting and Statistics between 1893–1917***Е. Н. Мучиряева (E. Muchiryayeva)¹*

¹аспирант Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. (Post-graduate Student at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: ekaterinanikolaevna2012@yandex.ru.

В статье рассмотрено развитие ведомственной отчетности в Главном управлении калмыцким народом за период с 1893 по 1917 гг. На основании исторических и статистических источников представлен штат служащих Главного управления, рассмотрено их продвижение по служебной лестнице. Особое внимание уделено персональному составу Управления калмыцким народом в указанный период.

Ключевые слова: Органы государственной власти, Управление калмыцким народом, Астраханская губерния, учет, статистика.

At the end of the XIX century there were different ways of collecting data on the Kalmyk Steppe. Along with annual reports of the Astrakhan Committee of Statistics, there were survey expedition of the Steppe, military-horse census and population census. Military-horse census had been carried out twice a year since 1902. On the whole, there were nine censuses organized from 1875–1912 in pre-revolutionary Russia. In organizational terms, the census was carried out by the warden of the ulus and ulus rulers. Census data included the following information: the name of the uyezd (district), the number of military horse section, the name of the volost (small rural district) and the name of horses roundup. All-Russian Rural Administrative Division was mentioned in the heading of each census table. After 1892 the Administration of the Kalmyk people had undergone the process of reorganization. The analysis of annual reports of the Chief Administration shows that the officials were charged with the collection of a huge amount of information on statistics and accounting. The given summary table, based on the reports of the Chief Administration for 1893–1917 years, demonstrates not only the specifics of its staff, but the scope of its activities in the field of statistical data collection. On the 15th of September 1918 it was decreed to establish local statistical offices.

Keywords: public authorities, the Chief Administration of the Kalmyk people, the Astrakhan governorate, accounting and statistics.

В конце XIX в. в целях сбора данных по Калмыцкой степи использовались ежегодные отчеты Астраханского губернского статистического комитета¹, а также прово-

дились экспедиционные обследования степи, военно-конские переписи и переписи населения. Военно-конские переписи проводились с 1902 г. с периодичностью раз в два года. Всего в дореволюционной России с 1875 по 1912 гг. было проведено девять

¹ Подведомственность: Центральный Статистический комитет учрежден в 1857 г., ему подчинялись все губернские статистические комитеты. С учреждением сети статкомитетов сбор данных становился повсеместным и систематическим.

20 декабря 1834 г. Императором утверждены «Правила для Статистического Отделения при Совете Министерства Внутренних Дел и Статистических Комитетов в Губерниях». 28 января 1835 г. принят Указ Правительствующего сената об организации губернских статистических комитетов. В 1855 г. губернские статистические комитеты отнесены к первым

инстанциям. В 1859 г. в МВД была подготовлена программная записка о коренном реформировании губстаткомитетов России. 26 декабря 1860 г. Александр II утвердил новое «Положение о губернских и областных статистических комитетах». До 1917 г. — Статистический совет и Центральный Статистический комитет при Министерстве внутренних дел. В 1918–1923 гг. — Центральное статистическое управление РСФСР (ЦСУ РСФСР) образовано Декретом Совета Народных Комиссаров от 25 июля 1918 г. [Дмитриев 2013; Елисеева 1990].

таких переписей. Например, в 1891 г. маршрут экспедиции разрабатывался Астраханским губернским присутствием совместно с Управлением калмыцким народом (далее УКН) [Эльдьева 2005: 101–102]. В организационном плане перепись осуществляли улусные попечители совместно с правителями улусов. Перепись проводилась по улусам, переписные документы содержали таблицы со следующими данными: название уезда, № военно-конского участка, название волости, название пункта сгона лошадей [НА РК. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 132. Л. 1–17]. В заглавиях таблиц переписи было отражено общероссийское сельское административное деление.

16 марта 1892 г. мнение Государственного Совета «Об отмене обязательных отношений между отдельными сословиями калмыцкого народа» было утверждено императором Александром III¹. После 1892 г. Управление калмыцким народом пережило реорганизацию, что наглядно представлено в сводной ведомости [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 114. Л. 20–23]. Совет Управления калмыцким народом составлял ежегодный письменный отчет, состоящий из четырех больших разделов: распоряжения, попечительство, движение дел, заключение. Наибольший интерес с точки зрения содержания статистических сведений представляет раздел «Попечительство»². Анализ содержания отчета свидетельствует об относительной развитости статистики населения, судебной статистики, финансовой

статистики, административной статистики и медицинской статистики³. В 1895 г. проведена первая Всеобщая перепись населения Астраханской губернии на основании Высочайшего положения от 5 июня 1895 г. Учетные данные вносились в специальные унифицированные бланки, распространенные по улусам Калмыцкой степи. С этого периода годовой статистический отчет по каждому калмыцкому улусу обязательно включал описательное историческое обозрение, составлялся по единому образцу и состоял из следующих частей: земли, повинности, народонаселение, охранение народного здоровья, эпизоотия, благотворительность, благоустройство, заключение. «Существенные изменения в общественной и экономической жизни калмыков, происходившие в связи с постепенным изменением уклада жизни и появлением новых видов деятельности, вызывали потребность реформирования учета, пересмотра системы отчетности» [Эльдьева 2005: 129].

Фундаментальный вклад в исследование развития административно-территориальной системы управления Калмыкии, проблемы ее правового статуса в российской государственности внес К. Н. Максимов [Максимов 2002]. Л. С. Бурчинова изучала отчеты УКН в основном с источниковедческой точки зрения [Бурчинова 1976; 1982]. В русле реформы 1892 г. УКН реформировало местное управление. Обязанности по управлению родовыми аймаками возлагались теперь на аймачных старшин, для избрания которых следовало созывать аймачные сходы. Списки избранных отправлялись в УКН для утверждения губернатором. В книге записи приказов главного попечителя калмыцкого народа по УКН с

¹ А. Н. Команджаев в своей монографии подробно рассмотрел развитие хозяйства (с использованием статистической информации УКН), определил характер социальных изменений в калмыцком обществе [Команджаев 1999].

² Данный раздел включал в себя следующие небольшие параграфы: о народонаселении, вероисповедании, повинности денежные, повинности натуральные, доходы с оброчных статей, о хозяйственном капитале калмыков, средства народного продовольствия, начало оседлости между калмыками и распространение хозяйства и промышленности, происшествия, пожары, утонувшие, погибшие от других причин, намеренные убийства, грабежи, отгоны скота, падежи скота, оспопрививание, состояние народного здоровья, состояние архива Калмыцкого управления, о штатной сумме на содержание Калмыцкого управления, делопроизводство улусных попечителей, их помощников и чиновников для особых поручений, выдача билетов.

³ Статистическая отчетность по Калмыцкой степи составлялась на основе шести групп источников первичных данных материалов: предоставляемые владельцами улусов; собираемые улусными приставами по особым заданиям и указаниям в соответствии с разовыми программами; регулярно предоставляемые религиозными служителями по заранее установленной форме; собираемые в местах текущего делопроизводства; регулярно предоставляемые калмыцким судом Зарго по заранее установленной форме; собираемые в ходе специальных обследований, проводимых министерствами посредством организации командировок специалистов и работы прикомандированных на местах особых комиссий, экспедиций и отрядов [Эльдьева 2005: 128–131].

10 февраля 1892 г. по 2 ноября 1893 г. значится, что с согласия астраханского губернатора утверждены в должности более 140 аймачных старшин по родам, избранных на аймачных сходах [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 114. Л. 23–107]. Помимо этого, в данной книге записей Главный попечитель калмыцкого народа, руководствуясь статьей 7 закона 1892 г., вводит 8 новых должностей помощников улусных попечителей [Мацакова, Команджаев 2009: 42]. Например, с согласия Астраханского губернатора 31 июля 1892 г. № 2566 в должности помощника попечителя Харахусовского улуса с 1 августа 1892 г. назначен отставной коллежский регистратор А. Сытков [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 114. Л. 23–107]. Вводятся отличительные должностные знаки и публикуется инструкция аймачным старшинам и хотонным старостам, которая была утверждена Главным попечителем калмыцкого народа 15 сентября 1894 г. и отпечатана в Астрахани [НА РК. Ф. И-26. Оп. 1. Д. 52. Л. 212].

«21 марта 1903 г. ввиду состоявшейся передачи кочующих в Астраханской и Ставропольской губерниях калмыков в ведение Министерства внутренних дел» в срочном порядке затребованы сведения в земский отдел: о карте калмыцких кочевий, обо всех лицах УКН, ведомости оброчных статей и сведения о делах, требующих скорейшего рассмотрения со стороны центрального управления [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 145. Л. 2–5]. Данные мероприятия предшествовали реформам в Калмыцкой степи. На фоне масштабных изменений статистика и учет начинают играть первостепенную роль в представлении общей картины развития Калмыкии в начале XX века.

24 июня 1904 г. начинает работу комиссия по обсуждению проекта преобразования калмыцкой степи. Составленный на 150 страницах, проект охватывает всю структуру калмыцкого общества [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 219. Л. 1 – 162]. «...6 мая 1905 г. для «неотложного удовлетворения насущных нужд сельского населения» Министерство земледелия и государственных имуществ было преобразовано в новое центральное ведомство — Главное управление землеустройства и земледелия» [Ерошкин 1983: 352]. В 1905–1906 гг. это управление проводило подготовительные мероприятия к аграрной реформе. В 1905 г. улусными сходами было принято решение об укрупнении аймаков, однако мероприятия были отложены ввиду предстоящих администра-

тивных изменений. В 1906 г. состав улусной годовой отчетности значительно расширился из-за введения новых форм ведомостей¹.

В 1908 г. на съезде улусных попечителей было принято решение ходатайствовать о необходимости административной реформы вследствие трудностей, связанных с управлением большим количеством мелких административных единиц (аймаков и хотонов) [Мацакова, Команджаев 2009: 122]. В 1909 г. под управлением Министерства внутренних дел было осуществлено второе экспедиционное обследование Калмыцкой степи. В программу обследования входили разделы: границы, орфография степи, почвы и климат, орошение и растительность, население, скотоводство, овцеводство, верблюдоводство, о размерах крестьянских выпасных пользователей в Калмыцкой степи, хлебопашество, постройки, отхожие промыслы, оброчные статьи. С января 1910 г. 108 аймаков, в которых насчитывалось 772 хотона, были сведены к 34 аймакам со 180 хотонами и приравнены к волостям и селам [Материалы 1910: ч. 1, 2]. В дальнейшем к 1910 г. Астраханскому губернатору был представлен доклад заведующего калмыцким народом о преобразовании административного устройства Калмыцкой степи Астраханской губернии [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 325. Л. 1–67]. Как видим, сбор статистических сведений предшествует определенным изменениям в Калмыцкой степи.

Анализ годовых отчетов УКН показывает, что чиновники собирали огромный объем сведений по статистике и учету. Приведем сводную таблицу, составленную нами по данным отчетов УКН за 1893–1917 гг.

¹ Предусматривавших сведения садоводстве, бахчеводстве, табаководстве, о числе крещеных калмыков, о положении операций по выданным калмыкам на разные надобности беспроцентным ссудам из общественного калмыцкого капитала за год, о количестве скота, выпасаемого в Калмыцкой степи посторонними лицами, о движении сумм, поступающих за выпас, о приходе, расходе и остатках вспомогательных касс в калмыцких улусах, о поступлении сбора со скота по улусам Астраханской губернии, о состоянии табунного коневодства, о хозяйствах, кочующих в улусах и вне их, количестве голов скота, оказавшегося у калмыков при исчислении, произведенном в 1905 г., и причитающейся к сбору с него суммы в доход казны, а также не имеющих скота кибитковладельцев, о поступлении сбора со скота по улусам Астраханской губернии.

Таблица № 1.
Персональный состав УКН в 1893–1902 гг. [Памятные книжки 1893, 1894, 1895, 1896, 1897, 1898, 1899, 1900, 1901, 1902]

Должность	1893	1894	1895	1896	1897	1898	1899	1900	1901	1902
Астраханский губернатор	Генерал-лейтенант Н. Н. Тевяшов		Генерал-лейтенант М. А. Газенкамф							
Управляющий Государственными имуществами и Главным попечитель калмыцкого народа	Статский советник В. А. Башкиров		Действительный статский советник Ф. И. Агафонов	Действительный статский советник Ф. И. Агафонов	Действительный статский советник Ф. И. Агафонов	Статский советник, князь В. А. Кудашев	Коллежский асессор Н. А. Шмидт			
Помощник главного попечителя	Статский советник В. М. Канакотин	Надворный советник М. И. Овечкин ¹								
Делопроизводитель	Надворный советник П. Ф. Новиков		Губернский секретарь В. Ф. Сууский							
Депутат от калмыков	Безаймачный зайсанг Лиджи-Сангаджи Гаряев ²		Нет вакансии							
Бухгалтер	Не имеющий чина (далее н.ч.) М. В. Царевский		Коллежский секретарь Н.С. Кезевич ³		Канцелярский служащий Ф. Д. Смирнов ⁴ (и. д.)					

¹ С 1895 — коллежский советник.

² С 1896 — потомственный почетный гражданин.

³ С 1895 — титулярный советник.

⁴ С 1897 — не имеющий чина.

Должность	1893	1894	1895	1896	1897	1898	1899	1900	1901	1902		
Астраханский губернатор	Генерал-лейтенант Н. Н. Тевяшов		Генерал-лейтенант М. А. Газенкамф									
Столоначальники	Н. ч. П. И. Иванов ¹ , н. ч. П. Г. Никифоров				Коллежские секретари Н. С. Иванов, Л. А. Шмарин		Коллежский секретарь Н. С. Иванов, прапорщик запаса А. А. Шипов	Титулярный советник Н. С. Иванов	Губернский секретарь Е. И. Власко, коллежский секретарь М.А. Яременко			
Помощники столоначальников	Коллежский секретарь М. В. Похвалинский ² , Н.ч. П. Г. Шамаков		Коллежский регистратор М. А. Яременко ³ (и. д.)	Коллежский секретарь Ф. К. Засимов, н.ч. Ф. И. Плинов	Коллежский регистратор М. А. Яременко ³ (и. д.)		Коллежский секретарь П. И. Иванов, коллежский секретарь М.А. Яременко	Коллежский регистратор П. И. Иванов, коллежский секретарь В.В. Дремков	Губернский секретарь П. И. Иванов, коллежский секретарь В.И. Курасов			
					Коллежский регистратор А.П. Терновский	Н.ч. Ф. И. Плинов						

¹ С 1894 года в чине коллежского регистратора, с 1895 — губернский секретарь.

² С 1894 г. — титулярный советник, с 1895 — титулярный советник.

³ С 1898 — губернский секретарь.

⁴ С 1894 — губернский секретарь.

⁵ С 1894 — губернский секретарь.

⁶ С 1897 — коллежский регистратор.

⁷ С 1898 — губернский секретарь.

⁸ В 1902 — снят с должности.

Чинovníки особых поручений	Старший: коллежский секретарь В. А. Зварковский, ⁴ Младшие: коллежский ассессор Н. И. Шавардов, коллежский секретарь А. А. Клошинский	Коллежский секретарь В. А. Зварковский, губернский секретарь Д. Я. Собко, титулярный советник С. Д. Стасов ⁵	Губернский секретарь Д. Я. Собко, прапорщик запаса Н. К. Яковлев, н. ч. Н. Ф. Лебедев	Прапорщик запаса Н. К. Яковлев, ⁶ коллежский регистратор Н. Ф. Лебедев ⁷ , н. ч. П. И. Богданов	Поручик запаса А. П. Крипичкин, коллежский секретарь В. И. Степанов, титулярный советник П. И. Киселев	Титулярный советник П. И. Киселев, коллежский секретарь В. И. Степанов, А. А. Шипов ⁸	
Переводчик калямыцкого языка	Канцелярский служащий Намин Бадмаев ¹						
Штатный врач	Надворный советник П. В. Пальмирский ²						
Архитектор	Прапорщик запаса С. И. Карягин ³		Коллежский секретарь А. С. Малаховский (вр. и. д.)		Кл. художн. архитект. В. Б. Вальдовский-Варганек		
Землемер	Коллежский ассессор Я. Г. Тельнов		Н. ч. И. М. Пьянов (и. д.) ⁴				
Ветеринарный врач	Нет вакансии		Коллежский секретарь П. И. Колосов ⁵		вакансия	Н. Г. Дельсаль	Нет вакансии

¹ С 1900 — коллежский регистратор.² С 1899 — коллежский секретарь.³ С 1894 — губернский секретарь.⁴ С 1897 частично землемер-таксатор.⁵ С 1897 — титулярный советник.

Таблица № 2.
Персональный состав УКН в 1903–1912 гг. [Памятные книжки 1903, 1904, 1906, 1907, 1908, 1909, 1910, 1911, 1912]

Должность	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912
Астраханский губернатор и Наказный Атаман Астраханского казачьего войска	Генерал-лейтенант М. А. Газенкамф	Генерал-лейтенант И. Н. Соколовский								
Управляющий Государственными имуществами и	Дес. Н. П. Фролов	С 1904 года Управление Калмыцким народом подчинено МВД								
Главный попечитель калмыцкого народа	И. д. генерал-лейтенант М.А. Газенкамф	Нет вакансии								
Помощник Главного попечителя ¹	Статский советник	М. И. Овечкин	Титулярный советник, князь Н.Л. Оболенский	Надворный советник А. П. Йодковский	Титулярный советник С. А. Козин	Коллежский секретарь В.Е. Локтев				
	Титулярный советник В. И. Степанов		Губернский секретарь В.Г. Покровский	Н.ч. В. И. Елин	Коллежский ассессор Е.В. Тимофеев ²	Коллежский секретарь А. Писарюк (и.д.)				
Бухгалтер	Губернский секретарь Ф. Д. Смирнов			вакансия	Н.ч. Д. П. Шестаков ³					
Столоначальники	Титулярный советник М. А. Яременко,	Н.ч Н.А. Дубенский	Коллежский ассессор Е. В. Тимофеев	Н.ч. В.П. Смирнов	Губернский секретарь В.М. Овечкин	Коллежский регистратор Д. А. Крайнов	Коллежский ассессор В. Ф. Сусский			
	губернский секретарь П. И. Иванов		Н.ч. И. И. Куракин		Коллежский ассессор Е.В. Тимофеев		Н.ч. С. Е. Дуванский			

¹ С 1904 — должность заменена на заведующего калмыцким народом.

² С 1910 — надворный советник.

³ С 1912 — коллежский регистратор.

Помощник столоначальник	Коллежский регистратор В.М. Овечкин и вакансии	Н.ч. Н. А. Дубенский и вакансии	Н.ч. С. Е. Дуванский,	Коллежский регистратор В. А. Пономарев ¹		
		Н.ч. А. Г. Мещеряков	Титулярный советник К. П. Иванов	Н.ч. Г. Г. Попов	Н.ч. А. Н. Чумаков	Н.ч. Д. И. Ярда (и.д.)
Чиновники особых поручений	Коллежский ассессор П. И. Киселев			Нет вакансии	Губернский секретарь Ф. И. Плюнов ²	
	Титулярный советник В. Ф. Сусский	Коллежский секретарь Н.Н. Кирков		Коллежский регистратор М. Г. Беляев	Н.ч. А. Д. Кучеренко	
	Н.ч. К. С. Раздольский ³	Н.ч. В. В. Кардаев		Н.ч. С. С. Иванов	Губернский секретарь Д. А. Крайнов	Н.ч. М.Д. Ермаков ()
	Штатный врач	Коллежский секретарь П. В. Пальмирский		вакансия	Коллежский ассессор С. Р. Запкин	
Архитектор	Кл. художн. архитект. В. Б. Вальдовский-Варганек		-----	-----	вакансия	
Переводчик калмыцкого языка	Губернский секретарь Н. Б. Бадмаев ⁴					
Землемер	Коллежский ассессор И. Ф. Пустовалов			вакансия	Н.ч. В. А. Глушков	
Ветеринар	Нет вакансии	вакансия		Н.ч. С.Г. Тимошкаев		
Агроном	-----			вакансия		Н.ч. И. Н. Кленко

¹ С 1904 — С 1912 — губернский секретарь.² С 1909 — коллежский секретарь.³ Уволен в 1905 г.⁴ С 1904 — коллежский секретарь

Таблица № 3.

Персональный состав УКН в 1913–1917 гг. [Памятные книжки 1913, 1915, 1916–1917]

Должность		1913	1914	1915	1916	1917
Астраханский губернатор и Наказный Атаман Астраханского казачьего войска		Генерал-лейтенант И. Н. Соколовский				
Заведующий калмыцким народом		Титулярный советник В. Е. Локтев		Коллежский секретарь К. Э. Криштафович		
Делопроизводитель		Коллежский секретарь А. П. Писарюк (и.д.)		Коллежский секретарь А. Ф. Грачев		
Бухгалтер		Коллежский регистратор Д. П. Шестаков			Н.ч. В. Ф. Касаткин	
Столоначальники		вакансия		Коллежский регистратор С. Ф. Барашков		
		Н.ч. С. Е. Дуванский (и.д.)				
Помощник столоначальник		Губернский секретарь А. Ф. Грачев		Н.ч. С. Н. Голубев	Н.ч. И. М. Михайловский	
		Коллежский регистратор Б. Хабаров		Н.ч. А. И. Лакеев	Коллежский регистратор А. В. Макаров	
Чиновники особых поручений	Наивысший оклад	Титулярный советник Ф. И. Плюнов		Коллежский регистратор П. И. Карпинский		
		Титулярный советник Ф. И. Плюнов				
	Наивысший оклад	Титулярный советник В. М. Овечкин		Коллежский асессор П.П. Богданов	Коллежский регистратор В. М. Балабанов	
		Н.ч. М. Д. Ермаков (и.д.)				
Штатный врач		Надворный советник С. Р. Залкинд				
Архитектор		Коллежский асессор В.Б. Вальдовский-Варганек				
Переводчик калмыцкого языка		----		Н.ч. В. Н. Мергасов		
Землемер		Н.ч. В. А. Глушков (и.д.)		Н.ч. А. В. Богдан		
Старший землемер ¹		-		Н.ч. С. Л. Покровский		
Ветеринар		А.Я. Михнин		Надворный советник М. И. Спасский		
Агроном		Н.ч. И. Н. Клеенко				
Фельдшер		В. Т. Панов	-			
Фельдшерица-акушерка		М. А. Дмитриева		Е. А. Петелина-Макарова		
Надзиратели за калмыцкими оброчными статьями по районам		-	-	1. Отставной надворный советник П. О. Бредрих		
		-	-	2. Титулярный советник В. Н. Аршинов		
		-	-	3. Н.ч. Н. П. Ярославов		

¹ Поземельно-устроительный отряд.

Таким образом, в начале XX века в Калмыцкой степи продолжала проводиться политика, основанная на унификации с общеперскими органами власти и управления. Были обозначены основные принципы управления калмыками, а также дополнен и усложнен круг полномочий чиновников УКН.

Огромный статистический материал по данному периоду содержат сведения аймачных и улусных сходов, съездов калмыковскотоводов и улусных попечителей, разнообразные отчеты, межведомственные переписки.

В 1917 г. в Астрахани с 26 по 31 марта состоялся I съезд представителей калмыцких улусов, по итогам которого был упразднен институт попечительской власти. «... Съезд избрал Центральный исполнительный комитет по управлению калмыцким народом (далее — ЦИК УКН) Астраханского края. Новый орган власти подчинялся губернскому управлению на правах уездного комитета, штат которого состоял из чиновников бывшего УКН [Очиров 2009: 153].

В апреле–мае были проведены выборы в улусные и аймачные исполкомы. В 1918 г. в Астрахани, являвшейся тогда административным центром Калмыкии, была установлена советская власть. В феврале–марте советы возникли на всей территории Калмыкии. 5 марта 1918 г. образован временный центральный орган Советской власти Калмыцкой степи — Калмыцкая секция Астраханского губисполкома. 1–3 июля 1918 г. I съездом Советов депутатов трудового калмыцкого народа вместо секции создан Калмыцкий исполнительный комитет.

15 сентября 1918 г. было декретировано положение об организации местных статистических учреждений.

I Общекалмыцкий съезд Советов 5 июля 1920 г. создал ЦИК автономной области калмыцкого трудового народа. С ноября 1920 г. — ЦИК автономной области калмыцкого народа. В журнале заседаний Президиума КалмЦИК зафиксировано заседание Пленума от 11 февраля 1921 г. в составе: Председателя тов. Чапчаева, членов: тов. Амур-Санана, Цеджинова, Дулаханова, военкома тов. Маслова, Манкирова, Насунова, Манцина, Эренценова, Мунянова, Акугиновой, заведующего Отделом юстиции тов. Бухарцева и секретаря-члена тов. Плюнова. В ходе Пленума был заслушан

вопрос об образовании Областного статистического бюро. «Тов. Чапчаев докладывает, что к нему обратился заместитель Астраханского губернского статистического бюро тов. Зимин с предложением услуг организовать Калмыцкое областное Статистическое бюро при Губернском статистическом бюро» [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 195. Л. 76].

В журнале заседаний Президиума КалмЦИК на заседании Пленума от 8 марта 1921 г. отмечено, что доклад тов. Быханова об организации отдела статистики при ЦИК Автономной области калмыцкого народа был одобрен. [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 195. Л. 106].

Источники

Государственный архив Астраханской области (ГА АО).
Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК).

Литература

- Бурчинова Л. С. Отчеты УКН как источник по аграрной политике царизма в Калмыкии (60 – начало 90-х гг. XIX в.) // Проблема аграрной истории дореволюционной Калмыкии. Элиста: КНИИИФЭ, 1982. С. 81–90.
- Дмитриев А. Л. История российской государственной статистики: 1811–2011 гг. М.: ИИЦ «Статистика России»; 2013. 143 с.
- Елисеева И. И. История статистики: учебное пособие. М.: Финансы и статистика, 1990. 295 с.
- Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высш. шк., 1983 г. 352 с.
- Команджаев А. Н. Хозяйство и социальные отношения в Калмыкии в конце XIX – начале XX века: исторический опыт и современность. Элиста: Джангар, 1999. 262 с.
- Максимов К. Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII – XX вв.). М.: Наука, 2002. 524 с.
- Материалы статистико-экономического и естественноисторического обследования Калмыцкой степи Астраханской губернии. Ч. 1, 2. Астрахань, 1910. С. 18–19.
- Мацакова Н. П., Команджаев А. Н. Реформа 1892 г. в Калмыкии // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Т. 2. Элиста: «Герел», 2009. С. 22–46.
- Очиров У. Б. Калмыкия в период революции 1917 г. и начала Гражданской войны // История Калмыкии с древнейших времен до на-

ших дней: в 3 т. Т. 2. Элиста: Издат. дом «Герел», 2009. С. 151–185.

Памятная книжка Астраханской губернии на 1893 год. Астрахань: Типография губернского правления, 1893. XV, [1], 214, 39, Л с.: [9] л. табл. + [5] л. рекл. объявл.

Памятная книжка Астраханской губернии на 1894 год. Астрахань: Тип. губерн. правл., 1893. VII, 155, 172, XXVIII с. + [2] л. рекл. объявл.

Памятная книжка Астраханской губернии на 1895 год. Астрахань: Тип. губерн. правл., 1895. VII, [1], 167, [1], 163 с. + [1] л. рекл. объявл.

Памятная книжка Астраханской губернии на 1896 год. Астрахань: Тип. губерн. правления, 1896. X, 170, [1], 86, 51, XXXI с.: [20] л. табл. + [1] л. рекл. объявл.

Памятная книжка Астраханской губернии на 1897 год. Астрахань: Тип. губерн. правл., 1897. XII, 223, [1], 118, XXXI с. + [4] л. рекл. объявл.

Памятная книжка Астраханской губернии на 1898 год. Астрахань: Тип. губерн. правл., 1898. XI, [1], 150, [1], 87, 83, XXXVII с.

Памятная книжка Астраханской губернии на 1899 год. Астрахань: Тип. губерн. правления, 1899. VIII, [4], 154, 86, 33, [1], 129, 33, 91, XXVI с.: [2] л. черт., [1] л. карт + [1] л. испр. и доп., [13] л. рекл. объявл.

Памятная книжка Астраханской губернии на 1900 год. Астрахань: Тип. губерн. правл., 1900. X, [1], 155, 64, 89, 55, [1], 19, XXXII с. + [1] л. испр. и доп., [11] л. рекл. объявл.

Памятная книжка Астраханской губернии на 1901 год. Астрахань: Тип. губерн. правл., 1901. IX, [1], 157, 34, 94, 41, 23, XXXIII с. + [13] л. рекл. объявл.

Памятная книжка Астраханской губернии на 1902 год. Астрахань: Тип. губерн. правл., 1902 год / Изд. ГСК. Астрахань: Пар. губ. тип.: 1902. VII, [3], 159, 47, 20, 34, XXXII с. + [12] л. рекл. объявл.

Памятная книжка Астраханской губернии на 1903 год. Астрахань: Тип. губерн. правл., 1903 год / Изд. ГСК. Астрахань: Пар. губ. тип.: 1903. VII, VII, [1], 180, 69, 36, XXVII с. + [5] л. рекл. объявл.

Памятная книжка Астраханской губернии на 1904 год. Астрахань: Тип. губерн. правл., 1904 год / Изд. ГСК; Под ред. чл.-секр. А. Ю. Вольферц. Астрахань: Пар. губ. тип.: 1904. XIX, III, [1], 181, 93, 67, 6, 30, 27, 18, 24, LXVI с.: [1] л. карт + [21] л. рекл. объявл.

Sources

State Archive of Astrakhan Oblast.
National Archive of the Republic of Kalmykia.

References

[Kalmyk Steppe of Astrakhan Governorate: Materials of Statistical, Economic and Natural History Research]. Vols. 1, 2. Astrakhan, 1910. Pp. 18–19. (In Russ.)

[Memorial Book of Astrakhan Governorate: 1893]. Astrakhan: Executive Office of Astrakhan Governorate, 1893. XV, [1], 214, 39, L p. (In Russ.)

[Memorial Book of Astrakhan Governorate: 1894]. Astrakhan: Executive Office of Astrakhan Governorate, 1893. VII, 155, 172, XXVIII p. (In Russ.)

[Memorial Book of Astrakhan Governorate: 1895]. Astrakhan: Executive Office of Astrakhan Governorate, 1895. VII, [1], 167, [1], 163 p. (In Russ.)

[Memorial Book of Astrakhan Governorate: 1896]. Astrakhan: Executive Office of Astrakhan Governorate, 1896. X, 170, [1], 86, 51, XXXI p. (In Russ.)

[Memorial Book of Astrakhan Governorate: 1897]. Astrakhan: Executive Office of Astrakhan Governorate, 1897. XII, 223, [1], 118, XXXI p. (In Russ.)

[Memorial Book of Astrakhan Governorate: 1898]. Astrakhan: Executive Office of Astrakhan Governorate, 1898. XI, [1], 150, [1], 87, 83, XXXVII p. (In Russ.)

[Memorial Book of Astrakhan Governorate: 1899]. Astrakhan: Executive Office of Astrakhan Governorate, 1899. VIII, [4], 154, 86, 33, [1], 129, 33, 91, XXVI p. (In Russ.)

[Memorial Book of Astrakhan Governorate: 1900]. Astrakhan: Executive Office of Astrakhan Governorate, 1900. X, [1], 155, 64, 89, 55, [1], 19, XXXII p. (In Russ.)

[Memorial Book of Astrakhan Governorate: 1901]. Astrakhan: Executive Office of Astrakhan Governorate, 1901. IX, [1], 157, 34, 94, 41, 23, XXXIII p. (In Russ.)

[Memorial Book of Astrakhan Governorate: 1902]. Governorate Statistical Committee. Astrakhan: Executive Office of Astrakhan Governorate; Governorate Steam Printing House, 1902. VII, [3], 159, 47, 20, 34, XXXII p. (In Russ.)

[Memorial Book of Astrakhan Governorate: 1903]. Governorate Statistical Committee. Astrakhan: Executive Office of Astrakhan Governorate; Governorate Steam Printing House, 1903. VII, VII, [1], 180, 69, 36, XXVII p. (In Russ.)

[Memorial Book of Astrakhan Governorate: 1904]. Governorate Statistical Committee. A. Yu. Volferts (ed.). Astrakhan: Executive Office of Astrakhan Governorate; Governorate Steam Printing House, 1904. XIX, III, [1], 181, 93, 67, 6, 30, 27, 18, 24, LXVI p. (In Russ.)

[Memorial Book of Astrakhan Governorate: 1905]. Governorate Statistical Committee. A. Yu. Volferts (ed.). Astrakhan: Executive Office of Astrakhan Governorate; Governorate Steam Printing House, 1904–1905. XXVIII, [2], 29, [1], 356, 330, 230 p. (In Russ.)

[Memorial Book of Astrakhan Governorate: 1906]. Astrakhan: Executive Office of Astrakhan Governorate, 1906. XXIV, [15], 478, 372 p. (In Russ.)

[Memorial Book of Astrakhan Governorate: 1907]. Astrakhan: Executive Office of Astrakhan

Памятная книжка Астраханской губернии на 1905 год. Астрахань: Тип. губерн. правл., 1905 год / Изд. Астрах. ГСК; Под ред. чл. секр. А. Ю. Вольферца. Астрахань: Пар. губ. тип.: 1904. XXVIII стб., [2], 29, [1] с., 356, 330, 230 стб.: ил.; [2] л. портр. + [3] л. испр. и доп., [49] л. рекл. объявл.

Памятная книжка Астраханской губернии на 1906 год. Астрахань: Тип. губерн. правл., 1906. XXIV стб., [15] с., 478, 372 стб.: [2] л. портр. + [2] л. испр. и доп., [16] л. рекл. объявл.

Памятная книжка Астраханской губернии на 1907 год. Астрахань: Тип. губерн. правл., 1907. XX стб., [16] с., 358, 272 стб. + [1] л. испр. и доп., [23] л. рекл. объявл.

Памятная книжка Астраханской губернии на 1908 год. Астрахань: Тип. губерн. правл., 1908. XX стб., [16] с., 374, 252 стб. + [1] л. доп., [20] л. рекл. объявл.

Памятная книжка Астраханской губернии на 1909 год. Астрахань: Тип. губерн. правл., 1909 год / Изд. Астрах. ГСК. Астрахань: Пар. губ. тип.: [Б.д.]. XX стб., [16] с., 366, 224 стб., 49, 40 с. + [2] л. испр. и доп., [33] л. рекл. объявл.

Памятная книжка Астраханской губернии на 1910 год. Астрахань: Тип. губерн. правл., 1910. XX стб., [16] с., 418, 234 стб., 22, 85 с. + [2] л. испр. и доп., [19] л. рекл. объявл.

Памятная книжка Астраханской губернии на 1911 год. Астрахань: Типография губернского правления, 1911. XX стб., [16] с., 434, 246 стб., 111 с. + [16] л. рекл. объявл.

Памятная книжка Астраханской губернии на 1912 год. Астрахань: Тип. губерн. правл., На 1912 г. / Изд. Астрах. ГСК. [Астрахань]: Губ. тип.: [Б.д.]. XXII стб., [16] с., 350 стб., XLIII с., 148, 68 стб. + [2] л. рекл. объявл.

Памятная книжка Астраханской губернии на 1913 год. Астрахань: Тип. губерн. правл., 1913. XXIV, VIII стб., [16] с., 1–8, XII, 9–388 стб., LIII с., 150 стб., 74, 10, 15, [3], 11, 9 с. + [24] л. рекл. объявл.

Памятная книжка Астраханской губернии на 1915 год. Астрахань: Тип. губерн. правл., 1915. XVI, [16], 403, 55, 138, 12, 23 с.: ил. + [1] л. испр. и доп., [17] л. рекл. объявл.

Памятная книжка Астраханской губернии на 1916–1917 год. Астрахань: Тип. губерн. правл., 1916. XIV, [1], 210, 134, XII с. + [24] л. рекл. объявл.

Эльдаева Н. А. Эволюция методов регионального статистического наблюдения. Элиста: АПП «Джангар», 2005. 256 с.

Governorate, 1907. XX, [16], 358, 272 p. (In Russ.)

[Memorial Book of Astrakhan Governorate: 1908]. Astrakhan: Executive Office of Astrakhan Governorate, 1908. XX, [16], 374, 252 p. (In Russ.)

[Memorial Book of Astrakhan Governorate: 1909]. Governorate Statistical Committee. Astrakhan: Executive Office of Astrakhan Governorate; Governorate Steam Printing House, 1909. XX, [16], 366, 224, 49, 40 p. (In Russ.)

[Memorial Book of Astrakhan Governorate: 1910]. Astrakhan: Executive Office of Astrakhan Governorate, 1910. XX, [16], 418, 234, 22, 85 p. (In Russ.)

[Memorial Book of Astrakhan Governorate: 1911]. Astrakhan: Executive Office of Astrakhan Governorate, 1911. XX, [16], 434, 246, 111 p. (In Russ.)

[Memorial Book of Astrakhan Governorate: 1912]. Governorate Statistical Committee. Astrakhan: Executive Office of Astrakhan Governorate; Governorate Printing House, 1912. XXII, [16], 350, XLIII, 148, 68 p. (In Russ.)

[Memorial Book of Astrakhan Governorate: 1913]. Astrakhan: Executive Office of Astrakhan Governorate, 1913. XXIV, VIII, [16], 1–8, XII, 9–388, LIII, 150, 74, 10, 15, [3], 11, 9 p. (In Russ.)

[Memorial Book of Astrakhan Governorate: 1915]. Astrakhan: Executive Office of Astrakhan Governorate, 1915. XVI, [16], 403, 55, 138, 12, 23 p. (In Russ.)

[Memorial Book of Astrakhan Governorate: 1916–1917]. Astrakhan: Executive Office of Astrakhan Governorate, 1916. XIV, [1], 210, 134, XII p. (In Russ.)

Burchinova L. S. Reports of Kalmyk People’s Executive Office as a source on Tsarist agricultural policies in Kalmykia: 1860 – early 1800s. In: [Pre-Revolutionary Kalmykia: Agricultural History Revisited]. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, 1982. Pp. 81–90. (In Russ.)

Dmitriev A. L. [History of Russia’s Government Statistics: 1811–2011]. Moscow: Statistics of Russia, 2013. 143 p. (In Russ.)

Eldyaeva N. A. [Evolution of Regional Statistical Observation Methods]. Elista: Dzhangar, 2005. 256 p. (In Russ.)

Eliseeva I. I. [History of Statistics]. Moscow: Finansy i Statistika, 1990. 295 p. (In Russ.)

Eroshkin N. P. [Pre-Revolutionary Russia: History of Government Agencies]. Moscow: Vysshaya Shkola, 1983. 352 p. (In Russ.)

Komandzhaev A. N. [Economic and Social Relations in Kalmykia in the Late 19th and Early 20th Centuries: Past Experience and Present (Conditions)]. Elista: Dzhangar, 1999. 262 p. (In Russ.)

Maksimov K. N. Kalmykia in Russia’s Past and Present National Policies and Administrative System (17th – 20th Centuries). Moscow: Nauka, 2002. 524 p. (In Russ.)

Matsakova N. P., Komandzhaev A. N. Reform of 1892 in Kalmykia. In: [History of Kalmykia: from Earliest Times to the Present Days]. In 3 vols. Vol. 2. Elista: Gerel, 2009. Pp. 22–46. (In Russ.)

Ochirov U. B. Kalmykia during the Revolution of 1917 and in the beginning of the Russian Civil War. In: [History of Kalmykia: from Earliest Times to the Present Days]. In 3 vols. Vol. 2. Elista: Gerel, 2009. Pp. 151–185. (In Russ.)

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ В НАЧАЛЕ XXI в.

Ethnopolitical Processes in Kabardino-Balkaria in the Early 21st Century

А. И. Темыев (A. Tetuev)¹

¹доктор исторических наук, главный научный сотрудник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований (Ph. D. of History, Leading Scientist at Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Studies).

В статье комплексно исследуются особенности и основные тенденции этнополитических процессов в Кабардино-Балкарии в начале XXI в. Особое внимание уделяется выявлению основных факторов, формирующих этнополитическую напряженность, и обобщению опыта гармонизации межнациональных отношений в регионе.

Ключевые слова: этнополитические процессы, экономика, социальная сфера, культура, миграция, институты гражданского общества, молодежная политика.

This article gives a complex analysis of the special characteristics and main tendencies of ethnopolitical processes in Kabardino-Balkaria in the early 21st century. Current situation in the region is characterized by a long-term ethnopolitical crisis which has switched to latency state. Among the key factors that form the ethnopolitical tension in Kabardino-Balkaria are low level of socio-economic development and the lack of public confidence in state and municipal authorities. During the post-Soviet period the state authorities failed to overcome a range of problems, which include the crisis of economy, subsidized character of the region, mass unemployment, low standard of living, terrorism. The issues of municipal units delimitation have not yet been resolved and the land reform in accordance with the requirements of the Land Code of the Russian Federation has not been implemented.

Ethnopolitical processes are substantially influenced by demographic and migration factors. High natural increase rate coupled with insufficient economic growth rates induce excess workforce and migration. A matter of great concern is outmigration of the Russian population, which acts a consolidate basis for interethnic concord.

In this context it seems rational to monitor political and socio-economic state of the society. Along with this, current ethnopolitical situation in Kabardino-Balkaria necessitates to concentrate the efforts of the executive authorities and municipal governments on implementing complex and consistent measures aimed at enhancing the economic, social and cultural development of the republic. For this purpose it is necessary to secure the development of the regional labor market, create workplaces as a result of deployment of new production facilities, increase business recruitment needs, raise the pay, and intensify residential development.

Keywords: ethnopolitical processes, economics, social sphere, culture, migration, civil society institutions, youth policy.

На этнополитические процессы существенное влияние оказывают, кроме прочих, демографические и миграционные факторы. Высокий естественный прирост населения при недостаточных темпах экономического развития обуславливает высокую трудоизбыточность и миграцию. Наибольшее беспокойство вызывает тенденция оттока из республики русского населения, которое является цементирующей основой межнационального согласия.

В этой связи представляется рациональным использование мониторинга политического и социально-экономического состояния социума. Вместе с тем сложившаяся этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии диктует необходимость концентрации усилий исполнительных органов государственной власти и органов местного самоуправления на проведении комплексной и системной работы, направленной на повышение экономического, социального

и культурного развития республики. При этом следует обеспечить развитие регионального рынка труда, создание новых рабочих мест в результате размещения новых производственных объектов, увеличение потребности предприятий в кадрах, повышение уровня заработной платы и активизации жилищного строительства.

Этнополитические процессы, происходящие на Северном Кавказе, оказывают существенное воздействие на общий характер и динамику национальных отношений в Российской Федерации. Их влияние на общественно-политическую жизнь региона приобретает сегодня особую актуальность, имеет не только научное, но и практическое значение.

В целом ситуацию в Кабардино-Балкарии в начале XXI в. можно охарактеризовать как сохраняющийся на протяжении длительного периода острый этнополитический кризис, перешедший в латентное состояние. Факторами этнополитической напряженности, на наш взгляд, являются прежде всего социально-экономические. Бесспорно, что проблемы межэтнических отношений могут успешно решаться только системно, во взаимосвязи с экономическими, социальными, культурными и политическими проблемами. Для решения указанных задач в настоящее время в регионе реализуется федеральная целевая Программа «Юг России (2014–2020)». С этой же целью создано Министерство по делам Северного Кавказа и правительственная комиссия по развитию Северного Кавказа [Постановление 2013]. Вместе с тем темпы социально-экономического развития северокавказских республик, в том числе и Кабардино-Балкарии, остаются пока еще существенно ниже, чем в других регионах России.

Первый Президент Кабардино-Балкарской Республики Валерий Коков (1992–2005 гг.) в период проявления центробежных тенденций в стране и республике показал себя последовательным сторонником сохранения единства республики, тесного союза с народами России. Неоднократно пресекая всякие попытки этнической дестабилизации и раздела Кабардино-Балкарской Республики на две самостоятельные части, В. М. Коков завоевал признание среди граждан республики. Однако ему не удалось преодолеть целый комплекс проблем: кризисное положение в экономике (дотационность республики составляла свыше 80 %),

массовая безработица, низкий уровень жизни населения, терроризм [Тетуев 2008: 82].

Указанные проблемы остались нерешенными и в период президентства А. Б. Канокова (2005–2013 гг.). Об этом свидетельствуют результаты мониторинга социально-экономического состояния субъектов Российской Федерации, проведенного Министерством регионального развития Российской Федерации. По сводному индексу социально-экономического развития за 11 месяцев 2013 г., республика находилась на 80 месте из 83 субъектов Российской Федерации. При этом, по данным Минрегиона России, за последние три года ситуация ухудшалась: 2010 г. — 31 место, 2011 г. — 72 место, 2012 г. — 76 место и с начала 2013 г. — 80 место [Тетуев 2014: 65].

Из составляющих того же индекса республика занимает последние места по инвестиционной привлекательности — 80 место, доходам и занятости населения — 80 место, бюджетной системе — 70 место, реальному сектору экономики — 67 место. По заключению Минрегиона России, республика характеризуется низким уровнем экономического развития, и в 2013 г. значения большинства макроэкономических показателей были хуже среднероссийского уровня [Храмов].

В социальной сфере Кабардино-Балкарской Республики также наблюдается нестабильная ситуация. В связи с дефицитом бюджетных средств республиканские целевые программы финансируются только на 15–20 % от запланированных объемов. В 2013 г. уровень общей безработицы по республике оценивается в 40 тыс. чел., что составляет 9,8 % экономически активного населения республики. Численность официально зарегистрированных безработных (состоящих на учете в службе занятости) в ноябре 2013 г. составила 8,4 тыс. чел., или 2,2 % экономически активного населения, что выше среднероссийского значения в 2 раза (1,1 %). По данным баланса трудовых ресурсов, число граждан трудоспособного возраста, незанятых в экономике, составило на начало 2013 г. более 200 тыс. чел., или 39 % трудоспособного населения [Слюняев].

Фактором нестабильности продолжают оставаться территориальные вопросы. Они переплетены с историческими причинами возникновения конфликтов, давними хозяйственными спорами, проблемами передела,

незаконного занятия, реального или мнимого неравенства народов во владении земель. На Северном Кавказе вопрос о земле, особенно в горных районах, вследствие особой важности этого ресурса хозяйствования, является наиболее сложным, трудноразрешимым и имеет продолжительную историю.

Для реализации Федерального Закона от 06.10.2003 № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» был принят ряд законов КБР, в том числе закон от 27.02.2005 № 68РЗ «О статусе и границах муниципальных образований», который изменил границы и статус территорий муниципальных образований. При этом не было учтено положение Федерального закона от 06.10.2003 № 131) о том, что при изменении границ территорий, в которых осуществляется местное самоуправление, при преобразовании (или) упразднении муниципальных образований необходим учет мнений соответствующих муниципальных образований. В связи с этим отдельные муниципальные образования оспаривали право граждан на осуществление местного самоуправления, самостоятельность местного самоуправления в Верховном Суде КБР, Конституционном Суде КБР, Конституционном суде РФ [Федеральный закон].

Анализируя проведенные административно-территориальные преобразования, А. Н. Такова справедливо отмечает: «Они обострили взаимоотношения между официальной властью и лидерами балкарского национального движения, представленными прежде всего Советом старейшин балкарского народа» [Такова 2009: 163]. Для разрешения спорных вопросов по закону КБР «О статусе и границах муниципальных образований» в Парламенте КБР была создана согласительная комиссия. Однако диалог органов государственной власти, местного самоуправления и представителей институтов гражданского общества не дал положительных результатов, до сих пор не решены спорные вопросы по определению границ муниципальных образований.

Принятое на сегодняшний день компромиссное решение пересмотреть границы административных поселений, ограничив межпоселенные территории отгонными пастбищами, также вызвало протест у определенной части населения. Приходится признать, что административно-территориальный передел на новом витке истори-

ческого развития, реализующий положения Федерального Закона от 06.10.2003 № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», не дал пока желаемых результатов, не привел к общественному согласию в КБР. Предстоит долгая, кропотливая работа по поиску действительно компромиссного решения, способного удовлетворить все заинтересованные стороны.

Вместе с тем в Кабардино-Балкарии до сих пор не проведена земельная реформа в соответствии с требованиями Земельного Кодекса Российской Федерации. Главная причина нерешенности этой насущной проблемы — отсутствие согласия в обществе. В настоящее время стало понятно, что без приватизации невозможно создать эффективное сельское хозяйство. Между тем Кабардино-Балкария представляет собою регион, где сельское население, по данным переписи 2010 г., составляет 45,5 % [Итоги Всероссийской переписи 2013: 6].

На этнополитические процессы существенное влияние оказывают также демографические и миграционные факторы. По данным переписи 2010 г., в республике проживало 859,9 тысяч человек, в том числе кабардинцев — 57 %, русских — 22,5 %, балкарцев — 12,6 %, других национальностей — 7,9 %. В межпереписной период с 2002 по 2010 г. численность кабардинцев увеличилась на 1,7 %, балкарцев на 1 %, турков на 1,4 %, численность русских сократилась на 2,7 %, чеченцев на 0,25 % [Итоги Всероссийской переписи населения 2013: 6].

С 2007 года Кабардино-Балкария входит в число регионов с благоприятной демографической обстановкой. Тем не менее, численность постоянного населения республики с 2007 по 2011 гг. увеличилась лишь на 1,8 тыс. человек [Социальное положение и уровень 2012: 30, 35]. Данный факт объясняется тем, что высокий естественный прирост населения при недостаточных темпах экономического развития обуславливает высокую трудоизбыточность и миграцию. Сальдо миграции с 2002 г. отрицательное и составляет в 2002 г. — -2033 чел., 2005 г. — -11239 чел., 2007 г. — -4592 чел., 2008 г. — -3053 чел., 2009 г. — -2477 чел., 2010 г. — -3127 чел., 2011 г. — -5548 чел. [Тетуев, 2014: 64].

На наш взгляд, показатели отрицательного сальдо миграции явно занижены. Большая часть выезжающего из КБР на-

селения не снимается с регистрационного учета и потому остается неучтенной. Следует отметить, что постоянная (безвозвратная) миграция населения КБР имеет специфические причины: ограниченность ресурсов развития, особенно земли, бедность значительной части населения, дефицит рабочих мест, огромные масштабы безработицы (особенно в аграрном секторе) и конкуренция за рабочие места, рост теневой экономики, криминализация общества. Из-за высокого уровня безработицы большая часть населения выезжает из сельской местности. Покидает республику и большое количество молодежи, которая активно реализует возможность получить высшее образование в лучших вузах Российской Федерации. Существенный минус подобной мобильности в том, что большая часть молодых специалистов не возвращается в республику.

Миграционный отток населения из республики направлен в первую очередь в «русские» субъекты федерации, которые, в свою очередь, не могут «переваривать» столь значительное количество вынужденных мигрантов из-за сходных проблем. Поэтому среди местного населения усиливается мигрантофобия и ксенофобия в отношении мигрантов любой национальности, в том числе русских. Данное обстоятельство усиливает социальную напряженность в регионе и создает почву для межнациональных и этнополитических конфликтов.

В Кабардино-Балкарии наибольшее беспокойство вызывает тенденция оттока из республики русского населения, которое является цементирующей основой межнационального согласия. За период с 1989 по 2002 гг. численность русского населения сократилась более чем на 10 %. Вместе с тем с 2005 по 2009 гг. наблюдается тенденция сокращения внешней миграции русского населения республики. Так, в 2005 г. отрицательное сальдо миграции русских с -1991 чел. снизилось в 2009 г. до -1332 чел., кабардинцев, соответственно, с -373 чел. до -280 чел. [Информация Миграционной службы]. Мы полагаем, что сокращение отрицательного сальдо внешней миграции связано с относительной стабилизацией социально-экономического положения в Кабардино-Балкарии.

Миграция влечет как негативные, так и позитивные последствия в жизнедеятельности республики. В экономической сфере

приток мигрантов способствует усилению конкуренции на рынках труда и жилья. Мигранты занимают доминирующие позиции в отдельных секторах экономики, создают своего рода анклав занятости. В общественно-политическом и социокультурном плане интеграция мигрантов в принимающее сообщество вызывает определенные сложности. Они сопряжены с движением мигрантов за признание собственной идентичности, в основе которого лежит стремление внедрить свои установки в правовую сферу и культурную среду принимающей стороны. Значительная разница в социокультурных установках мигрантов и местного населения порой приводит к конфликтам.

Указанные проблемы усугублялись потому, что А. Б. Канокву не удалось организовать работу по привлечению инвестиций для развития новых технологий и развитию малого и среднего бизнеса, а также обеспечить прозрачность власти, обновление кадрового состава. Все это привело к снижению авторитета и эффективности системы государственной власти республики. В этой связи в декабре 2013 г. А. Б. Канокв был отправлен в отставку, исполняющим обязанности Главы Кабардино-Балкарии был назначен Ю. А. Коков. По предложению Президента Российской Федерации В. В. Путина, Парламент Кабардино-Балкарской Республики 9 октября 2014 г. утвердил на должность Главы Кабардино-Балкарской Республики Ю. А. Кокова [Заседание Парламента].

Стремление нового руководства решить накопившиеся социально-экономические проблемы в республике вселяет надежду на позитивные перемены и создание условий для стабилизации этнополитической ситуации. Кадровая политика государственных органов власти Кабардино-Балкарской Республики при новом руководстве направлена на обеспечение необходимого представительства в высших структурах власти трех основных национальностей, проживающих в республике. Главой Кабардино-Балкарской Республики избран представитель кабардинской национальности, Председатель Парламента Республики — русской национальности, Председатель Правительства Республики — балкарской национальности. В состав Парламента Кабардино-Балкарской Республики V созыва 14 сентября 2014 г. избрано 70 депутатов, из них: кабардинцев —

37 (52,8 %), русских — 17 (24,3 %), балкарцев — 13 (18,6 %), других национальностей — 3 (4,3 %). Этническое представительство в государственных органах власти и органах местного самоуправления в основном также соответствует соотношению тех или иных народов, населяющих Кабардино-Балкарию [Протокол избирательной комиссии; Указы и распоряжения Главы].

В настоящее время определены предприятия, которые способны обеспечить производство высококонкурентной импортозамещающей продукции — как, например, предприятие «Севкавментген», которое производит широкий спектр сложного цифрового медицинского рентгеновского оборудования и по номенклатуре изделий занимает до 20 % российского рынка. Большим потенциалом обладает ОАО «Терекалмаз». Мощности завода позволяют уже сейчас довести импортозамещение до 60 %, а после реализации инвестиционной программы предприятие будет способно обеспечить импортозамещение до 100 % в зависимости от сегмента рынка, по буровому инструменту — до 70 % [Коков].

Наиболее значимым для республики инвестиционным проектом является восстановление градообразующего Тырныаузского вольфрамового комбината, что в перспективе может дать более 1 тыс. рабочих мест, не говоря уже о том, что сырье, которое будет добываться, станет востребованным в оборонной промышленности. На территории Майского района предполагается поместить кластер полимерной упаковки, кластер пищевой переработки, комплекс по выращиванию плодов и овощей, научно-исследовательский центр, объекты социальной, энергетической и транспортной инфраструктуры.

Большие возможности в производстве импортозамещающей продукции имеются в сельскохозяйственном производстве республики. Речь идет о производстве плодов, овощей и продукции их переработки. По этим видам продукции Кабардино-Балкария вышла на полную самообеспеченность и поставляет ее в другие регионы России. Консервная отрасль республики занимает лидирующие позиции на Северном Кавказе. За 9 месяцев 2014 г. консервными заводами произведено 169 млн условных банок плодовоовощных консервов, что составляет 12,5 % от общего объема производства

овощных консервов в Российской Федерации [Коков].

Особенно актуальной для стабилизации этнополитической ситуации в республике является работа институтов гражданского общества. Структура и организации гражданского общества Кабардино-Балкарии в целом повторяют аналогичные институты в субъектах России. Важным элементом гражданского общества является деятельность общественных объединений. Большое влияние на этнополитические процессы оказывают национальные и молодежные общественные объединения.

Таким образом, основными факторами, формирующими этнополитическую напряженность в Кабардино-Балкарии, являются низкий уровень социально-экономического развития, нерешенность земельного вопроса, отсутствие доверия общества к государственным и муниципальным органам власти. Вместе с тем следует отметить, что причины возникновения и эскалации современных этнополитических конфликтов разнообразны, но в то же время тесно переплетены между собой. Выделение одной исключительной причины возникновения этнополитического конфликта является сложной задачей, так как, по сути, к проявлению конфликтного противостояния приводит обострение сразу нескольких причин, влекущих за собой открытое недовольство конфликтующих сторон. В этой связи представляется рациональным использование мониторинга политического и социально-экономического состояния социума. Главная задача мониторинга состоит в создании эффективной политики предупреждения этнополитических конфликтов и выработке действенной методики для конфликтного регулирования.

Вместе с тем сложившаяся этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии диктует необходимость концентрации усилий исполнительных органов государственной власти и органов местного самоуправления по проведению комплексной и системной работы, направленной на повышение экономического, социального и культурного развития республики. При этом следует обеспечить развитие регионального рынка труда, создание новых рабочих мест в результате размещения новых производственных объектов, увеличение потребности предприятий в кадрах, повышение уровня заработной платы и активизации жилищного строительства.

Источники

- Заседание Парламента КБР от 09.10.2014. [Электронный ресурс] // URL: www.parlament-kbr.ru (дата обращения: 07.09. 2014).
- Информация Миграционной службы Российской Федерации по КБР о миграции населения республики за 2005–2009 годы [Электронный ресурс] // URL: www.ufmskbr.ru (дата обращения: 07.09. 2014).
- Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. Том 3. Национальный состав и владение языками, гражданство. Нальчик, 2013.
- Постановление Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2013 года № 1297. О федеральной целевой программе «Юг России (2014–2020 годы)» (с изменениями на 20 октября 2014 года) [Электронный ресурс] // URL: www.dok.ntd.ru (дата обращения: 07.09. 2014).
- Протокол избирательной комиссии Кабардино-Балкарской Республики. О результатах выборов 14 сентября 2014 г. депутатов Парламента КБР V созыва // Кабардино-Балкарская правда, № 179, 16 сентября 2014 г.
- Указы и распоряжения Главы Кабардино-Балкарской Республики [Электронный ресурс] // URL: www.president-kbr.ru (дата обращения: 01.10.2014).
- Социальное положение и уровень жизни населения Кабардино-Балкарии. Статистический сборник. Нальчик, 2012. 228 с.
- Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Статья 3822; Концепция административной

реформы в РФ на 2006–2008 гг. // Собрание законодательства РФ. 2005. № 46. Статья 4720.

Литература

- Коков Ю. А. Выступление на заседании комиссии Правительства Российской Федерации по социально-экономическому развитию Северо-Кавказского федерального округа [Электронный ресурс] // URL: www.president-kbr.ru (дата обращения: 14.11.2014).
- Слюняев И. Н. По большинству основных экономических показателей республика занимает одно из последних мест в Российской Федерации // Кабардино-Балкарская правда, 28 января 2014 г.
- Такова А. Н. Политические преобразования в Кабардино-Балкарской Республике 2005–2008 гг. // Вестник РГГУ. Научный журнал. № 17(09). Серия «Исторические науки. История России». М.: Издат. центр РГГУ, 2009. С. 157–166.
- Тетюев А. И. Особенности демографических процессов в Кабардино-Балкарской республике // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН 2014. № 2. С. 60–66.
- Тетюев А. И. Принципы и методы реализации кадровой политики (на материалах республик Северного Кавказа) // Исторический вестник: VII выпуск, Нальчик, 2008. С. 77–92.
- Храмов К. К. Кабардино-Балкария характеризуется низким уровнем экономического развития // Кабардино-Балкарская правда, 28 января 2014 г.

Sources

- [Government of the Russian Federation: Decree of 26 December 2013 No. 1297 'On Federal Target Program SOUTH OF RUSSIA (2014–2020)' (as amended on 20 October 2014)]. An Internet resource: www.dok.ntd.ru (accessed: September 7, 2014). (In Russ.)
- [Head of the Kabardino-Balkarian Republic: Decrees and Orders]. An Internet resource: www.president-kbr.ru (accessed: October 1, 2014). (In Russ.)
- [Kabardino-Balkaria Office of Federal Migration Service: Report on Migration of the Republic's Population, 2005–2009]. An Internet resource: www.ufmskbr.ru (accessed: September 7, 2014). (In Russ.)
- [Parliament of the Kabardino-Balkarian Republic: Minutes of Meeting of 9 October 2013]. An Internet resource: www.parlament-kbr.ru (accessed: September 7, 2014). (In Russ.)
- [Population of Kabardino-Balkaria: Social Situation and Living Standard]. Statistics digest. Nalchik, 2012. 228 p. (In Russ.)
- [Russian Census of 2010: Returns]. Vol. 3: 'Ethnic Composition and Language Skills'. Nalchik, 2013. (In Russ.)
- Concept of Administrative Reform in the Russian Federation: 2006–2008. In: [Collected Legislation of the Russian Federation]. 2005. Vol. 46. Article 4720. (In Russ.)
- Election Committee of the Kabardino-Balkarian Republic: Report Summarizing Results of the Regional Parliamentary Elections Held on 14 September 2014. *Kabardino-Balkarskaya*

pravda. 2014, September 16. No. 179. (In Russ.)

- Federal Law 'On General Principles of Organization of Local Self-Government'. In: [Collected Legislation of the Russian Federation]. 2003. Vol. 40. Article 3822. (In Russ.)

References

- Khramov K. K. 'Kabardino-Balkaria is characterized by economic underdevelopment'. *Kabardino-Balkarskaya pravda*. 2014, January 28. (In Russ.)
- Kokov Yu. A. [Speech at the Meeting of the Committee for Socio-Economic Development of North Caucasian Federal District (Government of Russia)]. An Internet resource: www.president-kbr.ru (accessed: November 14, 2014). (In Russ.)
- Slyunyaev I. N. 'In terms of major economic indicators, the republic is virtually at the bottom of Russia's member list'. *Kabardino-Balkarskaya pravda*. 2014, January 28. (In Russ.)
- Takova A. N. Political changes in Kabardino-Balkaria: 2005–2008. *RGGU Bulletin*. 2009. No. 17(09). Pp. 157–166. (In Russ.)
- Tetuev A. I. Distinctive features of the demographic processes in the Kabardino-Balkarian Republic. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2014. No. 2. Pp. 60–66. (In Russ.)
- Tetuev A. I. Implementing personnel policies: principles and methods (a case study of North Caucasus republics). In: [Historical Bulletin]. Vol. 7. Nalchik, 2008. Pp. 77–92. (In Russ.)

АКАДЕМИК Г. Г. МАТИШОВ И СОВРЕМЕННАЯ НАУКА В РОССИИ

Academician G. G. Matishov and Contemporary Science in Russia

Н. Г. Очирова (N. Ochirova)¹, Э. П. Бакаева (E. Bakaeva)²

¹кандидат политических наук, директор Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph.D of Political Sciences, Director of the at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: Kigiran@elista.ru.

²д-р ист. наук, зам. директора Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph.D of History, Deputy Director at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: elzabakaeva@yandex.ru.

В статье излагаются этапы научной биографии талантливого ученого-современника, академика Г. Г. Матишова, анализируется основательный вклад исследователя в развитие полярной океанологии, экологии моря, геоморфологии и палеогеографии океана, создание прогностических моделей эволюции полярных экосистем и комплексные исследования в области рыбных ресурсов в Южном федеральном округе. Особое место уделяется исследованиям социально-политической ситуации на Юге России, направленным на предотвращение конфликтов, а также работам Г. Г. Матишова по истории Великой Отечественной войны и ряду проектов по военной тематике, реализованных под его руководством. Отмечается подвижнический труд и талант ученого – организатора науки, его роль в создании и развитии Южного научного центра Российской академии наук в период коренных перемен в стране.

Ключевые слова: история науки, ученый, Г. Г. Матишов, научный авторитет, организатор науки, талант, экология моря, полярная океанология, биоокеанология, Великая Отечественная война.

The article is devoted to the scientific biography of the talented contemporary scholar, academician Gennady Matishov. The authors pay attention to the profound contributions G. Matishov has made to the major field of his scientific interest in polar oceanography, marine ecology, geomorphology, paleogeography of the ocean, as well as the creation of prediction models of the evolution of Arctic ecosystems and comprehensive study of the fishery resources in the Southern Federal District. Particular attention is given to his socio-political studies of the situation in the South of Russia, aimed at the prevention of conflicts, his works on the history of the Great Patriotic War as well as some projects on military issues, implemented under his leadership. Speaking about Matishov himself, we can note his devotion to science, talent as a science organizer and his role in creating and developing the southern scientific center of the Russian Academy of Sciences during the period of radical changes in the country.

Keywords: the history of science, scientist, G.G. Matishov, scientific authority, science organizer, talent, marine ecology, polar oceanography, biological oceanology, the Great Patriotic War.

1 января 2015 г. исполнилось 70 лет со дня рождения академика Геннадия Григорьевича Матишова — крупного российского ученого-океанолога и морского геолога, видного организатора академической науки, председателя Президиума Южного научного центра РАН. Академик Г. Г. Матишов — признанный в мире научный авторитет в области полярной океанологии, экологии моря, геоморфологии и палеогеографии океана. Ему принадлежит приоритет в разработке принципиально новой концепции морских экзогенных процессов в ледниковый период, создании оригинальной модели четвертичного оледенения

Баренцево-Карского региона. Значителен вклад академика Г. Г. Матишова в развитие биоокеанологии, в создание прогностических моделей эволюции полярных экосистем, а также в комплексные исследования в области рыбных ресурсов в Южном федеральном округе. В результате многолетних исследований Г. Г. Матишовым созданы детальные батиметрические карты Северной Атлантики и Северного Ледовитого океана, а также Азовского моря.

Г. Г. Матишов родился 1 января 1945 г. в семье военнослужащего в бухте Преображение Соколовского района Приморского края, на крайнем юго-востоке страны. Отец

Г. Г. Матишова — участник Великой Отечественной войны. Род Матишовых происходит из донских казаков, рос и учился Геннадий Григорьевич на родине предков — в селе Кагальник Азовского района Ростовской области: «Детство Г. Г. Матишова прошло в поселке на берегу Таганрогского залива, где и зародилась его любовь к морской стихии, географическим открытиям» [К 65-летию академика 2005: 100]. После окончания средней школы он поступил в Ростовский государственный университет на геолого-географический факультет и, завершив обучение, получил квалификацию «географ-геоморфолог» (1962–1967 гг.). В годы учебы Г. Г. Матишова в РГУ кафедрой геоморфологии заведовал профессор Дмитрий Геннадиевич Панов (1909–1965 гг.) — известный ученый и талантливый педагог, доктор географических наук, основоположник отечественной морской геологии. Научные интересы профессора Д. Г. Панова — вопросы геоморфологии, геоморфологии Арктики, проблемы происхождения материков и океанов и др. — определили и приоритеты в исследованиях начинавшего под его руководством большой путь в науку Г. Г. Матишова. В 1965 г. Д. Г. Панов направил способного студента в Мурманск на практику в Полярный научно-исследовательский институт морского рыбного хозяйства и океанографии им. Н. М. Книповича (ПИНРО), известный как старейшее научное учреждение северного региона России, преемник Плавучего морского научного института. В 1965 г. Г. Г. Матишов совершил свой первый выход в море на рыболовном тральщике, приспособленном под исследовательское судно. С тех пор и до настоящего времени ученый уделяет большое внимание именно экспедиционным исследованиям, его последующая научная деятельность тесно связана с Мурманском.

После окончания РГУ в 1967 г. Г. Г. Матишов поступил в аспирантуру родного университета. Отслужив в армии, он уехал в Мурманск, где стал работать в ПИНРО в должности младшего научного сотрудника лаборатории геологии моря, выбрав в качестве темы кандидатской диссертации геоморфологию материкового склона Норвежско-Гренландского бассейна и Северо-Западной Атлантики, связанную с научными исследованиями Полярного НИИ морского рыбного хозяйства и океанографии.

После успешной защиты кандидатской диссертации в 1973 г. Г. Г. Матишов продолжил работу в ПИНРО в качестве старшего научного сотрудника, руководителя лаборатории морской геологии.

Результатом его плодотворной работы по исследованию дна океана, определению его влияния на биоресурсы [Матишов 1975, 1981; Матишов, Рвачев 1975; и др.] стала защита в декабре 1980 г. в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова докторской диссертации «Гляциальный и перигляциальный рельеф дна океана». Г. Г. Матишов разработал принципиально новую концепцию морских экзогенных процессов в ледниковый период, ему принадлежит приоритет в исследовании закономерностей процессов океанического перигляциала и геоморфологической истории дна Арктики и Мирового океана в период плейстоцена: «Он внес большой вклад в исследование современного рельефа морского дна и реконструкции четвертичного оледенения на побережье и шельфе Баренцева моря; сформулировал концепцию морского и океанического перигляциала, эти исследования являются актуальными и в настоящее время» [Павлова 2005: 229].

Значительность результатов фундаментальных исследований Г. Г. Матишова, его организаторский талант предопределили назначение ученого в июне 1981 г. директором Мурманского морского биологического института (ММБИ), Кольского филиала АН СССР (с 1992 г. — Кольского научного центра РАН). На основе проведенных в эти годы исследований Г. Г. Матишов опубликовал фундаментальные труды теоретического характера [Матишов 1984; 1987; 1988], повлиявшие на выбор направлений исследований большого коллектива ученых, разрабатывавших актуальные проблемы биологии и экологии северных морей.

Научный авторитет ученого с мировым именем, его уникальные способности организатора науки определили в целом успехи в работе ММБИ, занимающегося изучением состояния и динамики экосистем, закономерностей процессов биопродуктивности северных и других морей России, исследованием роли океанического перигляциала в эволюции шельфа и морских экосистем Арктики, разработкой научных основ рационального использования и охраны биологических ресурсов северных морей России. Комплексные исследования, проводимые

под руководством Г. Г. Матишова в ММБИ КНЦ РАН, постоянно расширяются, этому способствуют развитие экспедиционной базы (созданы сезонные биостанции на архипелагах Земля Франца-Иосифа и Шпицберген, Мурманский научный океанариум, биологическая станция в Кольском заливе, получила дальнейшее развитие экспериментальная база в пос. Дальние Зеленцы и др.), применение новейших методов исследований и современных информационных технологий. За время работы Г. Г. Матишова директором ММБИ КНЦ РАН реализован ряд крупных проектов, в том числе проект «Баренцево море» в рамках программы Государственного комитета по науке и технике «Мировой океан».

Большой ряд исследований, проведенных непосредственно под руководством академика Г. Г. Матишова, получил освещение в фундаментальных научных публикациях [Матишов, Рвачев 1983; Матишов, Павлова 1990; Матишов и др. 1997; Матишов, Денисов 1999; Матишов, Денисов, Зуев и др. 1999; Матишов Г. Г., Матишов Д. Г. 2000; Matishov, Denisov, Kirillova 1998; Мишин, Матишов 2000; Matishov, Denisov, Dzhenyuk 2003 и др.].

По инициативе Г. Г. Матишова в ММБИ КНЦ РАН открыт возглавляемый им Диссертационный совет по специальности 25.00.28 «Океанология», географические, биологические науки» по защите докторских и кандидатских диссертаций. В целях осуществления взаимосвязи между академической наукой и учреждениями высшего профессионального образования созданы базовые кафедры: кафедра биоэкологии при Мурманском государственном техническом университете (МГТУ, где сотрудниками ММБИ КНЦ РАН читаются курсы «Ихтиология», «Экологическая эмбриология рыб», «Основы аквакультуры», «Основы промысловой ихтиологии», «Популяционная экология и биоценология», «Морские и пресноводные экосистемы России», «Экологическая картография»; «Геоинформационные технологии в экологических системах»).

Совместно с ФГУП ПИНРО на базе биологического факультета Мурманского государственного технического университета (МГТУ) создан научно-образовательный центр (НОЦ) «Морские экосистемы», среди основных целей деятельности которого можно назвать комплексное развитие научных исследований и образовательных программ

в области рационального природопользования морей Западной Арктики; высококачественную подготовку молодых специалистов и специалистов высшей квалификации в области разведки, исследования, переработки, воспроизводства морских гидробионтов и защиты окружающей среды; ускоренное внедрение в промышленность, в социально-экономическую сферу и в учебный процесс результатов фундаментальных и прикладных научных исследований.

Результатом многолетней научной и научно-педагогической деятельности Г. Г. Матишова стало присвоение ему в сентябре 1990 г. ученого звания профессора, а в декабре 1990 г. он был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР. В 1997 г. Г. Г. Матишов избран действительным членом Российской академии наук.

Кипучая энергия Г. Г. Матишова не позволила ограничить ему свои исследования северными морями, а научно-организационную деятельность — Кольским научным центром РАН. «В декабре 2002 г. Президиум и Общее собрание РАН приняли решение об образовании Южного научного центра РАН в г. Ростов-на-Дону. Создание Южного научного центра РАН было поручено академику Г. Г. Матишову. Сегодня ЮНЦ РАН — ведущее академическое учреждение на Юге России. В его состав входят 5 институтов, сотрудники которых успешно работают над совместным решением фундаментальных задач, приоритетных для мирового сообщества и развития Российского государства — его обороноспособности, политической стабильности, социально-экономического прогресса» [Южный центр].

В 2003 году академик Г. Г. Матишов возглавил Южный научный центр РАН, в состав которого были включены Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН, Комплексный НИИ РАН (г. Грозный), Сочинский научно-исследовательский центр, а впоследствии созданы Институт аридных зон и Институт социально-экономических и гуманитарных исследований.

Научная и научно-организационная деятельность Президиума ЮНЦ РАН направлена на комплексное развитие науки и координацию исследовательской деятельности научных учреждений Юга России, развитие фундаментальной науки в интересах стабильности и устойчивого развития Южного федерального округа, научное сопровождение государственной политики.

Создание Южного научного центра РАН, в структуру которого включено единственное академическое учреждение Калмыкии — КИГИРАН — и под методическим руководством которого проводится ряд исследований Калмыцкого государственного университета и Института комплексных исследований аридных территорий, стало значимым событием для дальнейшего развития науки Республики Калмыкия. Приоритетные задачи ЮНЦ РАН (обеспечение проблем национальной безопасности, улучшение экономических, социальных и экологических условий жизни в регионе) определяют и содержание наиболее актуальной проблематики гуманитарных исследований в Калмыкии, развиваемых в русле проблематики Юга России.

На протяжении последних 12 лет, возглавляя Южный научный центр РАН, академик Г. Г. Матишов продолжает научные исследования, связанные с его основным научным интересом к морским экологическим системам морей [Матишов, Гаргопа, Бердников, Дженюк 2006]. Уделяется внимание биотехническим системам двойного назначения [Матишов, Войнов и др. 2010], применению морских млекопитающих для защиты стратегически важных объектов от террористических действий [Матишов, Кавцевич, Михайлюк 2007], а также морским нефтегазовым разработкам и рациональному природопользованию на шельфе [Матишов, Макаревич, Дженюк, Денисов 2009]. В 2006–2007 гг. Г. Г. Матишовым составлены современные батиметрическая карта и карта донных отложений Азовского моря.

Стратегическое значение в обеспечении экономической безопасности страны имеет комплекс мероприятий, направленных на сохранение рыбных ресурсов. В связи с разработкой вопросов обеспечения биоразнообразия и сохранения рыбных пород проводятся исследования находящихся под угрозой исчезновения отдельных видов рыб [Матишов Г. Г., Матишов Д. Г., Пономарева и др. 2008; Матишов, Иванов, Магомедов и др. 2010]. Реализован проект создания научно-экспериментальной базы «Кагальник», где действует лаборатория аквакультуры, разрабатывающая технологии ускоренного выращивания рыб осетровых пород в условиях замкнутой системы водоснабжения. Создано малое инновационное предприятие «ИНТОС» («Инновационная технология

осетроводства»), специалисты которого занимаются отработкой уникальной технологии по ускоренному выращиванию осетровых [Белоцерковский 2013]. 1 апреля 2014 г. в Законодательном Собрании Ростовской области подписано Соглашение о сотрудничестве между Донским парламентом и Южным научным центром РАН об экспертизе учеными ЮНЦ РАН проектов нормативных актов, касающихся водных, земельных и биоресурсов, разрабатываемых депутатами или совместно с Правительством области [Астапенко 2014]. Как отмечал Г. Г. Матишов в одном из своих интервью, задача возрождения рыбных ресурсов Азовского моря — одного из самых богатых в мире водоемов по разнообразию флоры и фауны — может быть решена сегодня при поддержке правительством долгосрочного проекта «Азовское море» и комплексном решении вопросов экологии, рыбоводства и водных ресурсов [Астапенко 2014].

Как ученый, обладающий широким научным кругозором, Г. Г. Матишов не ограничивается изучением вопросов биологии и экологии морей. В связи с реализацией основной цели ЮНЦ РАН по его инициативе и под его руководством проведено масштабное исследование социально-политической ситуации в Южном регионе России и составлен шеститомный «Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России» [Атлас 2006; Матишов, Батиев, Котеленко. Т. II. 2007; Матишов, Авксентьев, Батиев. Т. III. 2008; Матишов, Батиев, Пащенко. Т. IV. 2009; Матишов, Батиев, Пащенко, Романов. Т. V. 2011; Матишов, Пащенко. Т. VI. 2013]. В томах «Атласа» собрана обширная информация по этническим, конфессиональным, политическим, социально-экономическим и конфликтологическим характеристикам региона. Актуальность издания заключается в том, что в нем дается глубокий анализ потенциальных угроз и рисков национальной безопасности и территориальной целостности России, в том числе терроризма, межэтнических и межрелигиозных конфликтов и др. «Атлас», выпускаемый как в виде книг, так и в виде компьютерных программ, предназначен для самой широкой аудитории, но прежде всего для ученых и представителей властных структур России всех уровней.

Еще одно направление исследований Г. Г. Матишова связано с его интересом к военной истории и истории родного края.

На научных форумах академик неоднократно высказывал мысль о необходимости более глубокого исследования роли и значения военных действий на южном направлении в 1942–1943 гг. Вместе с коллективом ученых он реализует данную программу, результаты которой представлены в авторитетных изданиях [Матишов, Кринко 2011; Матишов, Афанасенко, Кринко 2011]. В результате исследования, проведенного группой ученых, издана коллективная монография «Война. Юг. Перелом» [Матишов, Афанасенко, Кринко, Курбат 2012], в которой «на основе архивных и опубликованных документов региональных и федеральных архивов, музейных и полевых материалов, опираясь на воспоминания ветеранов —участников событий, работы российских и зарубежных исследователей по истории Великой Отечественной и Второй мировой войн, авторы предлагают новый взгляд на события, происходившие на южном крыле советско-германского фронта [Иншаков, Сидоров, 2013: 100–102].

По инициативе Г. Г. Матишова проведен ряд научных конференций [Коренной перелом 2013], реализованы проекты, посвященные Великой Отечественной войне, по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы модернизации полиэтнического макрорегиона в условиях роста напряженности» на 2012–2014 гг. (в том числе проект КИГИ РАН «Боевые действия на территории Калмыкии в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: неизвестные страницы и новые подходы»).

События на Украине, происходящие в последние годы, не могли не стать предметом исследования ученых ЮНЦ РАН в связи с решением одной из основных задач исследовательской деятельности ЮНЦ РАН — научного обеспечения и содействия стратегической безопасности, территориальной целостности страны на Юге России. Вопросам региональной конфликтологии и безопасности в условиях геополитических трансформаций и глобализационных процессов, тенденций развития государства с учетом проблем национально-государственных и административно-территориальных особенностей Юга России посвящены две работы коллектива ученых ЮНЦ РАН, возглавляемого академиком Г. Г. Матишовым: «Украина и Россия. Книга иллюстраций взаимоотношений и истории (обстоятель-

ства, риски, тенденции)» [Матишов и др. 2013] и «Украина. Геостратегический разворот (уроки истории от Эльбы 1945 г. до Миус-фронта 2014 г.)» [Матишов и др. 2014]. Книги основаны на обширных полевых материалах, собранных учеными ЮНЦ РАН и лично Г. Г. Матишовым. В них осмысливаются непростая история взаимоотношений России и Украины и геостратегические трансформации, наблюдаемые в настоящее время. Аналитические наблюдения подкреплены конкретными материалами, публикуемыми в указанных книгах [Понарина 2014].

Свой опыт исследователя, организатора академической науки Г. Г. Матишов передает молодому поколению, постоянно осуществляя руководство научными группами в ЮНЦ РАН и ММБИ КНЦ РАН, а также сотрудничая с высшими учебными заведениями. ЮНЦ РАН созданы базовые кафедры в Южном федеральном университете (кафедра океанологии, кафедра физиологии человека и животных и др.), в Кубанском государственном университете (кафедра математического моделирования, кафедра физической географии морей и океанов, кафедра политологии и политического управления), в Донском государственном техническом университете (кафедра авиастроения, кафедра технических средств аквакультуры), в Санкт-Петербургском государственном университете (кафедра океанологии) и др. В результате сотрудничества с Южным федеральным университетом создан ряд научно-образовательных центров [Южный центр]. Академик Г. Г. Матишов является почетным профессором ряда региональных университетов, почетным доктором Южного федерального университета и Национального аграрного университета Украины, Почетным доктором Комплексного научно-исследовательского института им. Х. И. Ибрагимова РАН (г. Грозный).

16 января 2015 г. состоялось расширенное заседание Президиума ЮНЦ РАН, посвященное 70-летию академика Г. Г. Матишова, в котором приняли участие Председатель Законодательного Собрания Ростовской области В. Дерябкин, зам. полномочного представителя Президента РФ в Южном федеральном округе В. Гурба, многочисленные гости и приглашенные. Академик Г. Г. Матишов выступил на заседании Президиума ЮНЦ РАН с докладом «Философия жизни в науке и обществе»,

обобщающим результаты его многолетней деятельности, и «осветил такие важные вопросы, как изменение климата и окружающей среды вдоль Великого Шелкового пути, возрождение редких и охраняемых видов растений и животных, радиоактивность Западной Арктики, обстоятельства западно-кавказских паводков и социально-экономические угрозы и риски в южном макрорегионе. Коснулся ученый и актуальной сегодня проблемы информационной русофобии и истерии Запада, распространении западной идеологии на территории Украины» [Виктор Дерябкин 2015]. К юбилею академика была приурочена выставка «Романтика экспедиций» в Ростовском областном музее краеведения. Продолжая традицию передачи знаний молодому поколению, Г. Г. Матишов выступил с докладом перед студентами базовой кафедры океанологии в Южном федеральном университете.

Ученый с мировым именем, специалист в области океанологии, морской геологии, экосистем и климата, биогеографии, военной истории и политологии, академик Г. Г. Матишов — крупный организатор академической науки. Количество его научных публикаций приближается к тысячному рубежу. В 2013 г. он избран членом Президиума Российской академии наук.

Заслуги академика Г. Г. Матишова перед российской наукой и Отечеством высоко оценены: он награжден орденом «Знак Почета» (1986), орденом Почета (1999), орденом «За морские заслуги» (2004), орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени (2010), орденом «За заслуги перед Ростовской областью» (2014). Г. Г. Матишов — лауреат премии Правительства Российской Федерации 2005 года в области науки и техники за разработку, научное обоснование и внедрение прогрессивных технологий для создания эколого-геологических основ природопользования Западно-Арктического шельфа России; премии РАН им. О. Ю. Шмидта 2007 г. за цикл работ по теме «Палеография, экология, биология и океанография арктических морей». Академик Г. Г. Матишов — Почетный работник науки и техники РФ, Заслуженный деятель науки Республики Калмыкия, имеет многочисленные медали и грамоты.

Ученые Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН высоко ценят внимание и поддержку, оказываемые академиком Г. Г. Матишовым развитию науки

Калмыкии. Создание лаборатории ЮНЦ РАН, проведение выездных заседаний Президиума ЮНЦ РАН на базе КИГИ РАН, реализация совместных научных проектов — все это осуществляется при непосредственном руководстве Г. Г. Матишова.

Геннадий Григорьевич подчеркивает, что специфика КИГИ РАН состоит в том, что институт осуществляет взаимосвязь между Востоком и Западом, что его исследования направлены на изучение межкультурного взаимодействия и взаимосвязи между разными регионами. И сам Г. Г. Матишов, родившийся на Крайнем Востоке страны, прославившийся как океанолог на Крайнем Севере России, продолжающий комплексные научные исследования в области экологии, социально-политической географии и национальной безопасности на Юге России, является символом такого взаимодействия, плодотворного сочетания научных исследований и неизменного глубокого интереса ко всему, чего касается его пылливый ум.

Литература

- Астапенко И.* Пришло время вернуть азовскому морю былую славу // Парламентский вестник Дона. 29 августа 2014 г. № 15 (65).
- Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России / под ред. академика Г. Г. Матишова. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2006. 152 с.
- Белоцерковский Г.* Выплыли из заморозки. Ценные породы рыб можно сохранить с помощью криотехнологии // Поиск. 11 октября 2013 г. № 41.
- Виктор Дерябкин поздравил председателя Южного научного центра Российской академии наук Геннадия Матишова с юбилеем // Парламентский вестник Дона [Электронный ресурс] // URL: <http://www.vestnikdona.ru/article/vlast-i-obshchestvo/173yanvar2015ViktorDeryabkinpozdravilpredsedatelyaYUzhnogoNauchnogoSentraRossiyskoyAkademiiina> (дата обращения: 20 января 2015 г.)
- Инишаков О. В., Сидоров С. Г.* Рецензия на книгу: Война. Юг. Перелом (лето 1942 – осень 1943 гг.) / Г. Г. Матишов, В. И. Афанасенко, Е. Ф. Кринко, Т. Г. Курбат. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. 284 с. // Вестник Южного научного центра РАН. Т. 9. № 2. 2013. С. 100–102.
- К 65-летию академика Г. Г. Матишова // Вестник Южного научного центра РАН. Т. 6. № 1. 2010. С. 100–102.

- Коренной перелом в Великой Отечественной войне: К 70-летию освобождения Дона и Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 6–7 июня 2013 г. Мат-лы Междунар. науч. конф. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. 456 с.
- Матишов Г. Г. Дно океана в ледниковый период. Л.: Наука, 1984. 176 с.
- Матишов Г. Г. Мировой океан и оледенение Земли. М.: Мысль, 1987. 270 с.
- Матишов Г. Г. О понятии «океанический перигляциал» // Океанология. 1981. № 3.
- Матишов Г. Г. О происхождении и развитии каньонов и долин материкового склона Северо-Западной Атлантики и Норвежско-Гренландского бассейна // Океанология. 1975. Т. XV. Вып. 6.
- Матишов Г. Г. Эволюционный подход к изучению арктических морских экосистем (на примере Баренцева моря). Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 1988. 48 с.
- Матишов Г. Г., Авксентьев В. А., Батиев Л. В. Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Т. III. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. 260 с.
- Матишов Г. Г., Афанасенко В. И., Кринко Е. Ф. Миус-фронт в Великой Отечественной войне. 1941/1942 гг. 1943 г. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. 216 с.
- Матишов Г. Г., Афанасенко В. И., Кринко Е. Ф., Курбат Т. Г. Война. Юг. Перелом (лето 1942 – осень 1943 гг.). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. 284 с.
- Матишов Г. Г., Батиев Л. В., Котеленко Д. Г. Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Т. II. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2007. 176 с.
- Матишов Г. Г., Батиев Л. В., Пашенко И. В. Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Т. IV. Специальный выпуск: причины и обстоятельства роста напряженности, поиск путей стабилизации на Северном Кавказе. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. 120 с.
- Матишов Г. Г., Батиев Л. В., Пашенко И. В., Романов И. В. Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Т. V. Северный Кавказ: проблемы и перспективы развития. Специальный выпуск. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. 160 с.
- Матишов Г. Г., Войнов В. Б., Вербицкий Е. В., Михайлюк А. Л., Трошичев А. Р., Гладких А. С., Светочев В. Н. Морские млекопитающие в биотехнических системах двойного назначения: Методическое пособие. Мурманск: Изд-во ММБИ КНЦ РАН, 2010. 131 с.
- Матишов Г. Г., Гаргопа Ю. М., Бердников С. В., Дженюк С. Л. Закономерности экосистемных процессов в Азовском море. М.: Наука, 2006. 304 с.
- Матишов Г. Г., Денисов В. В. Экосистемы и биоресурсы европейских морей России на рубеже XX и XXI веков. Мурманск: ООО «МИП-999», 1999. 124 с.
- Матишов Г. Г., Денисов В. В., Зуев А. Н., Голубев В. А., Адров Н. М., Левитус С., Смоляр И. Климатический атлас Баренцева моря // Доклады РАН. 1999. Т. 366. № 5. С. 692–694.
- Матишов Г. Г. и др. Научно-методические подходы к оценке воздействия газонефтедобычи на экосистемы морей Арктики (на примере Штокмановского проекта). Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 1997 г. 393 с.
- Матишов Г. Г. и др. Украина. Геостратегический разворот (уроки истории от Эльбы 1945 г. до Миус-фронта 2014 г.). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014.
- Матишов Г. Г. и др. Украина и Россия. Книга иллюстраций взаимоотношений и истории (обстоятельства, риски, тенденции). Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014.
- Матишов Г. Г., Иванов В. П., Магомедов Г. М., Пономарев С. В., Пономарева Е. Н., Балыкин П. А. Белорыбца и кумжа Каспийского бассейна / под ред. академика Г. Г. Матишова. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. 84 с.
- Матишов Г. Г., Кавцевич Н. Н., Михайлюк А. Л. Опыт обучения и применения морских млекопитающих для защиты стратегически важных объектов от террористических действий. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2007. 128 с.
- Матишов Г. Г., Кринко Е. Ф. Миус-фронт в истории Великой Отечественной войны // Вестник Российской академии наук. 2011. Т. 81. № 5. С. 387–395.
- Матишов Г. Г., Макаревич П. Р., Дженюк С. Л., Денисов В. В. Морские нефтегазовые разработки и рациональное природопользование на шельфе. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. 500 с.
- Матишов Г. Г., Матишов Д. Г. Радиационное состояние среды и биоты на Мурманской банке в районе затонувшей АПЛ «Курск» // Доклады Российской академии наук. 2001. Т. 378. № 5. С. 708–711.
- Матишов Г. Г., Матишов Д. Г., Пономарева Е. Н., Казарникова А. В., Сорокина М. Н., Коваленко М. В. Осетроводство в условиях замкнутого водоснабжения для фермерских хозяйств. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. 265 с.

Матишов Г. Г., Павлова Л. Г. Общая экология и палеогеография полярных океанов Л.: Наука, 1990. 224 с.

Матишов Г. Г., Пашченко И. В. Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Т. VI. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. 120 с.?

Матишов Г. Г., Рвачев В. Д. Значение рельефа морского дна для океанического рыболовства // Геоморфология. 1975. № 1.

Матишов Г. Г., Рвачев В. Д. Морское дно и рыболовство. Апатиты: Изд-во КНИЦ РАН, 1983. 56 с.

Мишин В. Л., Матишов Г. Г. Морские термодинамические системы двойного назначения. Мурманск: ООО «МИП-999», 2000. 116 с.

Павлова Л. Г. Академик Геннадий Григорьевич Матишов (к 60-летию со дня рождения) // Биология моря. 2005. Т. 31. № 3. С. 229.

Понарина Е. «Не отступаясь... биться до послед-

него, пока силы есть» — вот девиз академика / Поиск. 26 декабря 2014 г. № 52.

Южный центр Российской академии наук [Электронный ресурс] // URL: <http://ssc-ras.ru/page376.html> (дата обращения: 22.12.2014).

Южный центр Российской академии наук [Электронный ресурс] // URL: <http://ssc-ras.ru/427.html> (дата обращения: 22.12.2014).

Matishov G. G., Denisov V. V., Dzhenyuk S. L. Contemporary state and factors of stability of the Barents Sea Large Marine Ecosystem // Large Marine Ecosystem of World: Trends in Exploration, Protection, and Research. USA: ELSVIER, 2003. P. 41–74.

Matishov G. G., Denisov V. V., Kirillova E. E. Role of a procedure of environment impact assessment (EIA) in elaborating the integrated project of managing the barents sea coastal zones // Ocean & Coastal Management. USA: ELSVIER, 1998. V. 41. № 2–3. P. 221–236.

References

- [South Russia: Atlas of Socio-Political Problems, Threats, and Risks]. Acad. G. G. Matishov (ed.). Rostov-on-Don: Southern Scientific Centre of RAS, 2006. 152 p. (In Russ.)
- [Southern Scientific Center of the RAS]. An Internet resource: <http://ssc-ras.ru/page376.html> (accessed: December 22, 2014). (In Russ.)
- [Southern Scientific Center of the RAS]. An Internet resource: <http://ssc-ras.ru/427.html> (accessed: December 22, 2014). (In Russ.)
- [The Turning Point of the Great Patriotic War: Celebrating the 70th Anniversary of the Liberation of the Don Region and North Caucasus]. Conf. proc. (Rostov-on-Don; June 6-7, 2013). Rostov-on-Don: Southern Scientific Centre of RAS, 2013. 456 p. (In Russ.)
- Academician G. G. Matishov: celebrating the 65th anniversary of birth. *Vestnik Yuzhnogo nauchnogo tsentra RAN*. 2010. Vol. 6. No. 1. Pp. 100–102. (In Russ.)
- Astapenko I. 'It is time to revive the ancient glory of the Sea of Azov'. *Parlamentskiy vestnik Dona*. 2014, August 29. No. 15 (65). (In Russ.)
- Belotserkovsky G. Prime fish species can be preserved through cryotechnology. *Poisk*. 2013, October 11. No. 41. (In Russ.)
- Chairman of Southern Scientific Center (RAS) Gennady Matishov received anniversary congrats from Viktor Deryabkin. *Parlamentskiy vestnik Dona*. An Internet resource: <http://www.vestnikdona.ru/article/vlast-i-obshchestvo/173yanvar2015ViktorDeryabkinpozdravilpredsedatelyaYUzhnogoNauchnogotsentraRossiyskoyakademiiina> (accessed: January 20, 2015). (In Russ.)
- Inshakov O. V., Sidorov S. G. Book review: Matishov G. G., Afanasenko V. I., Krinko E. F., Kurbat T. G. [War. South. Turning Point: Summer of 1942 – Autumn of 1943]. Rostov-on-Don: Southern Scientific Centre of RAS, 2012. 284 p. *Vestnik Yuzhnogo nauchnogo tsentra RAN*. 2013. Vol. 9. No. 2. Pp. 100-102. (In Russ.)
- Matishov G. G., Pavlova L. G. [General Ecology and Paleogeography of the Polar Oceans]. Leningrad: Nauka, 1990. 224 p. (In Russ.)
- Matishov G. G. [Investigating Arctic Sea Ecosystems: an Evolutionary Approach (a Case Study of the Barents Sea)]. Apatity: Kola Scientific Center of RAS, 1988. 48 p. (In Russ.)
- Matishov G. G. [Ocean Bed in the Ice Age]. Leningrad: Nauka, 1984. 176 p. (In Russ.)
- Matishov G. G. [World Ocean and the Ice Age]. Moscow: Mysl, 1987. 270 p. (In Russ.)
- Matishov G. G. Canyons and valleys across the continental slope of the Northwest Atlantic and Norway-Greenland Basin: origins and development revisited. *Okeanologiya*. 1975. Vol. XV. No. 6. (In Russ.)
- Matishov G. G. et al. [Evaluating the Impact of Oil and Gas Production on Ecosystems of the Arctic Seas: Scientific and Methodological Approaches (a Case Study of the Shtokman Project)]. Apatity: Kola Scientific Center of RAS, 1997. 393 p. (In Russ.)
- Matishov G. G. et al. [Ukraine and Russia: Collected Illustrations of Relations and History (Circumstances, Risks, Trends)]. Rostov-on-Don: Southern Scientific Centre of RAS, 2014. (In Russ.)
- Matishov G. G. et al. [Ukraine: the Geostrategic Turn (Lessons of History – from the Elbe of 1945 to Mius-Front of 2014)]. Rostov-on-Don: Southern Scientific Centre of RAS, 2014. (In Russ.)
- Matishov G. G. The concept of 'oceanic periglacial (area)' revisited. *Okeanologiya*. 1981. No. 3. (In Russ.)
- Matishov G. G., Afanasenko V. I., Krinko E. F. [Mius-Front in the Great Patriotic War: 1941 – 1942. 1943]. Rostov-on-Don: Southern Scientific Centre of RAS, 2010. 216 p. (In Russ.)
- Matishov G. G., Afanasenko V. I., Krinko E. F., Kurbat T. G. [War. South. Turning Point: Summer of 1942 – Autumn of 1943]. Rostov-on-Don: Southern Scientific Centre of RAS, 2012. 284 p. (In Russ.)
- Matishov G. G., Avksentieva V. A., Batiev L. V. [South Russia: Atlas of Socio-Political Problems, Threats, and Risks]. Vol. III. Rostov-on-Don: Southern Scientific Centre of RAS, 2008. 260 p. (In Russ.)
- Matishov G. G., Batiev L. V., Kotelenko D. G. [South Russia: Atlas of Socio-Political Problems, Threats, and Risks]. Vol. II. Rostov-on-Don: Southern Scientific Centre of RAS, 2007. 176 p. (In Russ.)
- Matishov G. G., Batiev L. V., Pashchenko I. V. [South Russia: Atlas of Socio-Political Problems, Threats, and Risks]. Vol. IV. Special edition: 'North Caucasus: Causes and Circumstances Underlying the Increasing Tension, Search for Solutions'. Rostov-on-Don: Southern Scientific Centre of RAS, 2009. 120 p. (In Russ.)
- Matishov G. G., Batiev L. V., Pashchenko I. V., Romanov I. V. [South Russia: Atlas of Socio-Political Problems, Threats, and Risks]. Vol. V. Special edition: 'North Caucasus: Problems and Development Prospects'. Rostov-on-Don: Southern Scientific Centre of RAS, 2011. 160 p. (In Russ.)
- Matishov G. G., Denisov V. V. [Ecosystems and Bioresources of Russia's European Seas at the Turn of the 21st Century]. Murmansk: MIP-999, 1999. 124 p. (In Russ.)
- Matishov G. G., Denisov V. V., Dzhenyuk S. L. Contemporary state and factors of stability of the Barents Sea large marine ecosystem. In: Large Marine Ecosystem of World: Trends in Exploration, Protection, and Research. USA: ELSVIER, 2003. Pp. 41-74. (In Eng.)
- Matishov G. G., Denisov V. V., Kirillova E. E. Role of a procedure of environment impact assessment (EIA) in elaborating the integrated project of managing the Barents Sea coastal zones. *Ocean & Coastal Management*. USA: ELSVIER, 1998. Vol. 41. No. 2-3. Pp. 221-236. (In Eng.)
- Matishov G. G., Denisov V. V., Zuev A. N., Golubev V. A., Adrov N. M., Levitus S., Smolyar I. Climatic Atlas of the Barents Sea. *Doklady RAN*. 1999. Vol. 366. No. 5. Pp. 692-694. (In Russ.)
- Matishov G. G., Gargopa Yu. M., Berdnikov S. V., Dzhenyuk S. L. [Sea of Azov: Common Factors of Ecosystemic Processes]. Moscow: Nauka, 2006. 304 p. (In Russ.)
- Matishov G. G., Ivanov V. P., Magomedov G. M., Ponomarev S. V., Ponomareva E. N., Balykin P. A. [*Stenodus leucichthys* and *Salmo trutta* of the Caspian Basin]. G. G. Matishov (ed.). Rostov-on-Don: Southern Scientific Centre of RAS, 2010. 84 p. (In Russ.)
- Matishov G. G., Kavtsevich N. N., Mikhaylyuk A. L. [Sea Mammals at the Defense of Strategic Facilities: Training and Employment]. Rostov-on-Don: Southern Scientific Centre of RAS, 2007. 128 p. (In Russ.)
- Matishov G. G., Krinko E. F. Mius-Front in the history of the Great Patriotic War. *Vestnik Rossiyskoj akademii nauk*. 2011. Vol. 81. No. 5. Pp. 387-395. (In Russ.)
- Matishov G. G., Makarevich P. R., Dzhenyuk S. L., Denisov V. V. [Sea Oil and Gas Explorations, and Sustainable Use of Natural Resources in the Shelf Area]. Rostov-on-Don: Southern Scientific Centre of RAS, 2009. 500 p. (In Russ.)
- Matishov G. G., Matishov D. G. The radiation state of environment and biota at the Murmansk Bank near the sunk nuclear submarine Kursk. *Doklady Rossiyskoj akademii nauk*. 2001. Vol. 378. No. 5. Pp. 708-711. (In Russ.)
- Matishov G. G., Matishov D. G., Ponomareva E. N., Kazarnikova A. V., Sorokina M. N., Kovalenko M. V. [Commercial Sturgeon Breeding in Closed Water Systems]. Rostov-on-Don: Southern Scientific Centre of RAS, 2008. 265 p. (In Russ.)
- Matishov G. G., Pashchenko I. V. [South Russia: Atlas of Socio-Political Problems, Threats, and Risks]. Vol. VI. Rostov-on-Don: Southern Scientific Centre of RAS, 2013. 120 p. (In Russ.)
- Matishov G. G., Rvachev V. D. [Seabed and Fishing Industry]. Apatity: Kola Scientific Center of RAS, 1983. 56 p. (In Russ.)
- Matishov G. G., Rvachev V. D. Significance of seabed topography for oceanic fishing industry. *Geomorfologiya*. 1975. No. 1. (In Russ.)
- Matishov G. G., Voynov V. B., Verbitsky E. V., Mikhaylyuk A. L., Troshichev A. R., Gladkikh A. S., Svetochev V. N. [Sea Mammals in Dual-Purpose Biotechnical Systems]. Murmansk: Murmansk Marine Biological Institute of RAS, 2010. 131 p. (In Russ.)
- Mishin V. L., Matishov G. G. [Sea Dual-Purpose Thermotechnical Systems]. Murmansk: MIP-999, 2000. 116 p. (In Russ.)
- Pavlova L. G. Academician Gennady G. Matishov (celebrating the 60th anniversary of birth). *Biologiya morya*. 2005. Vol. 31. No. 3. P. 229. (In Russ.)
- Ponarina E. 'Resist ... fight to the end, for all one is worth'. *Poisk*. 2014. December 26. No. 52. (In Russ.)

УДК 903.53

ББК 63.4(2)

**ТОПОГРАФИЯ, СПОСОБЫ ВОЗВЕДЕНИЯ
И КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КУРГАНОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ
НА ТЕРРИТОРИИ БАССЕЙНОВ ДОНА И МАНЫЧА**

**Topography, Construction Methods and Quantitative Characteristics
of Bronze Age Barrows on the Territory of the Don and Manych Basins**

А. В. Файферт (A. Faifert)¹

¹аспирант первого года обучения очного отделения кафедры археологии и истории Древнего мира Института истории и международных отношений Южного федерального университета. (First-year Post-graduate Student of the Archeology and History of Ancient World Chair of the Institute of History and International Relations at Southern Federal University). E-mail: faifert86@gmail.com.

В статье на основе новых полевых исследований, статистических материалов и результатов археологических раскопок исследуются проблемы топографического положения степных курганов эпохи бронзы, их архитектура, приемы возведения, количественные характеристики, историческое несоответствие между производительными силами природы и общества и численностью населения по археологическим данным. Определены рекомендации по выявлению и обособлению объектов археологического наследия курганного типа.

Ключевые слова: курган, эпоха бронзы, ямная культура, погребение, топография, экологические ресурсы, культура.

The major part of burial grounds of the Don and Manych basins were erected around the barrows of the Early Bronze Age. Their topography is fully determined by the character of the region's terrain. The researchers managed to define the relief items, which are more appropriate for the location of burial mounds as well as those, which significantly reduce labor costs for mound construction. Besides, they distinguished four types of topographic position of burial grounds (terraced and cape; floodplain; watershed; slope) and established four types of burial mounds (round, elongated, double and with jumpers). The remains of digging tools with flint bone tips were discovered during the excavations of burial mounds. According to the calculations, made by archeologists, only about 1 million people appeared to have been buried in the barrows (erected from the 5 cent. BC to the 15 century BC) in the Rostov region. Hence, it becomes evident that not all of the population used mounds for the burial. It was also found that, in accordance with modern standards of grazing, cattle breeding form of economy in the Rostov region could theoretically provide livelihoods for nearly 0.5 million people. However, no one knows for certain why the difference between the number of buried people and environmental resources of the steppe was so huge.

Keywords: barrow, the Bronze Age, Pit [Grave] culture, burial, topography, environmental resources, culture.

Топография курганов ямной культуры до сих пор не была объектом специального изучения, однако можно констатировать, что закономерности их расположения полностью совпадают с характером топографии всех курганных могильников Подонья, поскольку последние почти всегда формировались вокруг курганов эпохи ранней бронзы. Данные о топографии курганных

могильников основаны на наблюдениях автора, сделанных в ходе инвентаризации объектов археологического наследия Ростовской области в 2009–2014 гг., а также на результатах первичной инвентаризации, проведенной в 1990-х гг.

Степные курганы эпохи бронзы как историческое явление еще весьма недостаточно изучены. Данные по территории их

распространения неполны, и, пока не завершена инвентаризация археологических памятников во всех странах Евразии, точного ответа на главные вопросы мы не получим. Однако известно, что северной границей их распространения является кромка лесной зоны. Разумеется, это верно лишь при учете климатических колебаний в прошлом, когда леса могли занимать иную территорию. На востоке Евразии курганы найдены на Корейском полуострове и Китае, на юге они распространены вплоть до полуострова Декан, на западе граница их распространения проходит в Западной Европе. Однако на карте остается множество белых пятен, наличие или отсутствие этого исторического явления не подтверждающих. Впервые курганный обряд захоронения зародился и широко распространился в степной полосе от севера Балканского полуострова до Алтая в эпоху энеолита. Позже, в эпоху бронзы, на различных его этапах обряд погребения в земляных насыпях распространился на всей указанной выше территории.

Как показало изучение курганных могильников на территории Ростовской области, важнейшей особенностью курганов является их привязка к определенным формам рельефа. Так, Донское Правобережье в западной части занято отрогами Донецкого Кряжа, что обусловило наличие большого числа высоких водоразделов, небольших рек и балок. Обычно террасы рек, сравнительно узкие, часто прерываются. Левобережье, напротив, представляет собой обширную, открытую и ровную низменность с широкими террасами и плавными поднятиями. Это определило и характер различий в расположении курганов: на Правобережье наибольшее предпочтение отдавалось водоразделам, на Левобережье — террасам. Особенно ярко эти различия видны при сравнении курганов Западного Маныча и Северского Донца. Этим же объясняются различия в удаленности курганов от рек: на Правобережье курганы в первую очередь занимают высокие отдаленные водоразделы, на Левобережье — близкие к рекам террасы, возвышенные участки поймы и склоны. Замечена однозначная корреляция количества курганов с полноводностью ближайших рек, т. е. вблизи небольших пересыхающих рек курганов меньше всего, наибольшее их число отмечено на правом берегу протоки Дона — р. Мертвый Донец и вблизи впаде-

ния р. Маныч в Дон. Обычными являются случаи концентрации курганов вблизи водоточных (с обильными родниками) балок. Тем же объясняется малое число курганов или их отсутствие, например, на водоразделах верховьев мелких притоков р. Тузлов или их почти полное отсутствие в центре Целинского района Ростовской области, что на северном окончании Ставропольской возвышенности.

Важным для понимания сути этого исторического явления является ответ на вопрос: почему курганы располагаются преимущественно группами? По-видимому, причин несколько: ограниченность количества удобных мест для их создания, необходимость охраны покоя предков от посягательств, желательность захоронения членов семьи или рода в одном месте, необходимость иметь ориентиры для того, чтобы найти «свои» курганы для совершения поминовений. Действительно, курганы, которые в силу особенностей рельефа и удаленности от хорошо заметных насыпей трудно найти, весьма малочисленны. Так, например, редки одиночные насыпи, располагающиеся на плоских, но волнистых водоразделах и террасах, на значительном (более 1 км) удалении от русла реки. Их нет и в местностях, покрытых мелкими песчаными дюнами. Об этих явлениях можно достоверно судить по районам сплошной инвентаризации — Каменскому, Верхнедонскому, Тацинскому, Октябрьскому.

Для характеристики положения курганных могильников на местности нами была разработана схема типов топографического положения: 1) террасно-мысовые, 2) пойменные, 3) водораздельные, 4) склоновые.

Террасные и мысовые курганы объединены в один тип ввиду невозможности четкого разделения, поскольку террасы всегда имеют более возвышенные участки, ограниченные промоинами и балками, на которых и располагаются курганы. Поэтому выделить среди таких возвышений мысы можно лишь условно. Почти все энеолитические и доямные курганы относятся к этому типу. Как отмечал в свое время В. Я. Кияшко [Кияшко 1974: 84–86], для ранних курганных погребений характерна малая удаленность от рек. Ранее это интерпретировалось как доказательство неосвоенности отдаленных степных районов в энеолитическую эпоху [Мерперт 1974: 5–8], однако открытие

самых ранних курганных погребений у с. Перегрузное [Клепиков 2005: 21–23] в верховьях малых рек опровергает эту версию. Нечасто встречаются курганы на мысах и террасах балок, которые во всех случаях относятся к крупным водоточным балкам с родниками.

Среди пойменных курганов также не редки погребения энеолита и начала бронзового века, и, напротив, достоверных погребений ямной культуры до сих пор не встречено. Судя по обряду, к этому типу памятников близки грунтовые могильники на песчаных дюнах в долинах рек. Пока трудно понять, какова причина расположения курганов на нередко затапливаемых участках, поскольку встречаются насыпи, расположенные едва ли на 0,5 м над уровнем воды, в том числе и в долинах мелких рек, где водный режим не мог существенно измениться.

Более 90 % курганов Донского Правобережья расположены на водоразделах между реками и балками. Места для строительства кургана определялись следующим образом: наиболее предпочтительными по мере удаления от реки являлись первый и второй водоразделы, после них выбирался самый высокий водораздел на возвышенности между долинами рек. Причем расстояние от реки, по-видимому, не имело существенного значения. Общей особенностью террасно-мысовых и водораздельных курганных могильников является выбор для их расположения мест с наилучшей обзорностью, что связано с необходимостью их охраны, посещения и «престижности» курганов, видимых с большого расстояния, особенно с пастбищ у реки. Еще одним фактором для выбора места строительства курганов являлась желательность наличия естественных возвышенностей, которые небольшими усилиями можно было бы превратить в курган. По этой причине в большинстве случаев курганы расположены не на самой высокой точке водораздела, а в небольших понижениях или даже на склонах вершин водоразделов. Неоднократно замечено, что на вершинах водоразделов шириной 100–200 м почти всегда есть небольшая ложбинка, разделяющая вершину на две неравные части. Из них для строительства курганов выбиралась меньшая, поскольку узкий вал легко переоформить в ряд насыпей, что будет показано ниже. Особо следует отметить

небольшие насыпи, находящиеся в понижениях водоразделов, в небольших углублениях, на обратных от долины реки склонах. Это достаточно редкое явление, вероятно, связано с желанием скрыть от посторонних глаз курган и предохранить его от разграбления, и относятся подобные курганы, по-видимому, к раннему железному веку и средневековью.

До сих пор остается неясной причина, побуждавшая древних людей создавать курганные насыпи на склонах водоразделов. Наиболее распространены они на склоне водораздела коренного берега реки, обращенного к долине, а также на склонах террас. Нужно отметить, что этот тип курганных могильников встречается только в районах с высокой концентрацией курганов. Временные рамки строительства таких насыпей пока не ясны. Наиболее явно эта курганная традиция обнаруживается в «Курганно-грунтовом некрополе городища Танаис». Курганы на склонах не встречаются при уклоне более 20°. И, соответственно, чем больше угол падения склона, тем меньше вероятность встретить на нем курганы.

Все попытки автора статьи выявить закономерности в архитектуре курганных могильников, т. е. во взаиморасположении насыпей, не дали результатов. В итоге никакой иной системы расположения насыпей курганных могильников, кроме «кучно-цепочечной» с максимальным использованием особенностей рельефа, не выявлено. Можно с уверенностью утверждать, что перед строительством насыпей курганного могильника не производилась разметка территории, не продумывалась геометрия фигур, образованных линиями, проведенными между курганами.

Указанные закономерности расположения курганных могильников должны использоваться при их выявлении. Курганы, находящиеся в разном топографическом положении, рекомендуется выделять в отдельные памятники, если расстояние до ближайшего кургана составляет более 200 м, а находящиеся в одинаковом топографическом положении — при расстоянии более 300 м.

К сожалению, на сегодня нам мало известно об инструментах, применявшихся при строительстве курганных насыпей и рытье погребений. Однако данные об этом постепенно накапливаются. Так, при исследовании кургана 1 могильника «Красный

IV»¹ в насыпи, возведенной в эпоху средней бронзы, крупного 4-х метрового кургана был найден утерянный молот. На стенках колодца раннекатакомбного погребения 16 были прослежены длинные вертикальные желобки — следы от кола, который забивали для откалывания глины. В стенке колодца, внизу желобка, был найден обломок кремня, который, по-видимому, служил наконечником кола. Можно предположить, что именно таким образом брали грунт и для строительства насыпи, а носили его в плетеных корзинах. В кургане 2 могильника «Бейсужек 36», так же как и в других курганах, найдены костяные орудия, которые, вероятно, служили наконечниками земляных орудий и часто ломались.

По результатам подсчетов, в выборке из 300 случайных курганных могильников региона среднее число курганов составляет 4. И со временем оно вряд ли изменится, поскольку изменение среднего арифметического в сторону увеличения, по мере совершенствования методики и выявления новых насыпей в открытых памятниках, будет уравновешено выявлением совсем незначительного числа курганных могильников.

Среди разнообразия форм курганных насыпей можно выделить 4 типа: круглые, вытянутые, двойные, с перемычками. Особенности сооружения насыпи и их сохранность делают определение типа «круглые» условным. В их число, помимо стандартных конусо- и куполообразных, входят овальные, со смещенной относительно центра вершиной и др. Под вытянутыми понимаются курганы овальной и валообразной форм, если их пропорции явно свидетельствуют о том, что насыпь изначально сооружалась не круглой. Нередко насыпи сооружались настолько близко друг к другу, что сливались в одну, с двумя вершинами. Ярчайшим примером является могильник «Девять курганов», где 5 крупных насыпей полностью слиты в одну. Этот могильник имеет интересные особенности: с восточной стороны к каждому из курганов оставлен «мостик», что явно имело ритуальное значение; вокруг курганов выкопан широкий ров, из грунта которого и воздвигнуты насыпи,

¹ Автор выражает благодарность С. А. Науменко за предоставленные материалы по могильнику «Красный IV» в Аксайском районе Ростовской области и курганному могильнику «Бейсужек 36» в Кореновском районе Краснодарского края.

при этом сами насыпи оказались в яме, что издали делает их визуально ниже. Упомянутые особенности являются уникальными для региона. Наконец, курганы с перемычками обычно представляют собой несколько крупных насыпей, соединенных валами-перемычками. Такие курганы, так же как и вытянутые, обычно относятся к бабинской культуре, или культурам срубной общности. Примером служит план могильника «Ивановка III».

Основной способ создания курганной насыпи — выемка грунта из широкого кольцевого рва-выборки с укладыванием грунта в центре на нетронутой поверхности. Для снижения трудовых затрат и получения максимального результата строители курганов шли на некоторые хитрости, например, использовали естественные возвышения, подрезая их и придавая желаемую форму. В зависимости от удачности выбора возвышения трудозатраты можно было сократить в 2–10 раз. Второй по популярности способ снижения трудозатрат — подрезание с двух сторон узкой вершины водораздела с перемещением грунта на середину. Если выборки сделать плавными, то создавалось впечатление искусственной насыпи в небольшом понижении водораздела. В случае умелого использования природных останцов и узких мысовых площадок трудозатраты могли быть меньше в десятки раз. Есть случаи, когда перемещение всего 5–8 куб. м грунта с основания мыса на его вершину могло дать в результате вид искусственной насыпи до 3 м высотой. Таким же образом достигалось сокращение трудовых затрат при строительстве насыпей могильника четвертого типа.

Крупные насыпи курганов из-за физических особенностей грунта имеют стандартный профиль. Как показано на рис. 2, его можно описать четырьмя базовыми линиями, где линии С и D — дно выборки. Такую форму имеют курганы высотой от 1 м и диаметром 20–25 м. Соответственно, курганы меньшей высоты можно представить меньшим числом прямых линий. Как ни странно, очевидная конструкция насыпи, когда выкапывался узкий (0,5 м) ровик, а грунт из него складывался в центре площадки, встречена автором всего однажды — на первой надпойменной террасе р. Сал.

По-видимому, самым высоким из сохранившихся курганов на территории Нижнего Подонья является курган 1 могильника

«Царский», близ городища Танаис. Его измеренная высота составила 10,5–11 м. Разумеется, после окончания строительства он имел значительно большую высоту. Судя по аналогиям (например, курган 1 могильника «Байков»), первоначальная насыпь была воздвигнута в начале эпохи ранней бронзы, а основная толща насыпи была создана в эпоху средней бронзы.

Все вышеизложенное следует учитывать при поиске и идентификации курганных насыпей для выявления объектов археологического наследия. В соответствии с перечисленными закономерностями при поиске курганов нужно особенно внимательно обследовать ближайшие к рекам террасы, склоны и водоразделы. Поскольку удаленные от реки курганы обычно хорошо видны, на их поиск можно затрачивать меньше усилий.

На рис. 6 показано облако распределения размеров курганов. Диаграмма составлена на основе случайной выборки из 350 курганов. Минимальная высота кургана — 0,1 м, минимальный диаметр — 2 м. Как видно на диаграмме, основная масса курганов имеет диаметры от 16 до 64 м, высоты — от 0,1 до 3,8 м.

Основные типы подкурганных сооружений в эпоху ранней бронзы — ровик, каменное кольцо, каменная наброска, каменный панцирь, ямы, выкиды из ям. Основная часть известных на Нижнем Дону сооружений в курганах рассматриваемого времени (ровиков, колец и крепид из камня, всего — 44), а именно 62 %, относится к доямной эпохе, а если прибавить к этому конструкции переходного раннеямного этапа, то к развитому и позднему этапам ямной культуры относятся лишь 2 (4,5 %) конструкции. Возможно, что для ямной культуры развитого и позднего этапов основной территории Нижнего Дона сооружения в курганах вообще не характерны.

Принято считать [Кореневский 2012: 7], что степные курганы появляются в эпоху энеолита. Практически полностью исчезает курганный погребальный обряд с распространением ислама среди кочевников Евразийских степей. Хронологически курганные погребения эпохи палеометалла можно условно разделить на четыре этапа, согласно культурной атрибуции: 1) среднестоговская, константиновская; 2) репинская, ямная; 3) катакомбная, бабинская; 4) сруб-

ная, культуры валиковой керамики. Кроме первого, длительность каждого из периодов можно условно определить в 800 лет.

Весьма любопытно подсчитать примерное **количество погребений**, приходящихся **на одно поколение**. Для этого возьмем вычисленные по статистическим данным усредненные показатели. В качестве иллюстрации возьмем Ростовскую область, в которой население к 2008 г. насчитывало 4,5 млн человек. Общее число курганных могильников примем как равное 30 000 тысячам (данные основаны на собственном полевом опыте автора и согласуются с оценками других исследователей региона). В среднем в могильнике насчитывается 4 насыпи. Под одной насыпью в среднем встречается восемь погребений от энеолита до XIV в. В итоге насчитываем 960 тыс. погребений. Из них примерно 5 % — ямной культуры, т. е. всего 48000 погребений. Прибавим к ним костяки из коллективных могил, процент которых равен примерно 12, и этот процент увеличим в 1,5 раз за счет тройных погребений. В итоге округленно получаем 60000 костяков.

Если принять протяженность ямной культуры во времени равной 800 годам, а смену одного поколения — за 25 лет, то на одно поколение приходится 3750 человек. Если принять, что одновременно жило два поколения, то общая численность населения территории, которую занимает Ростовская область, составляла 7500 человек, таким образом, плотность населения = 0,8 человека на 1 км².

Это невысокий показатель (например, в современной Монголии, без учета городов, плотность составляет 1 чел. на 1 км²). Для предшествующей же эпохи энеолита этот показатель в 3–4 раза ниже. Такие соображения позволяют поставить вопрос: не было ли у населения, оставившего курганы, других ритуалов, не связанных с ингумацией? Существование бескурганных могильников бесспорно доказано работами на дюнных поселениях в пойме Дона. Если в эпоху средней бронзы многократно зафиксированы факты выемки костей погребенных из могил, то можно предположить, что не все погребенные были в них захоронены. Так, например, совсем не ясно, куда подевались тела покойников, найденных в погребении 12 кургана 1 могильника «Вертолетное поле».

Верификацию приведенных рассуждений о численности древнего населения региона можно провести еще одним способом — примерно оценив экологический потенциал степи. Так, из этнографических данных о казахах известно, что для обеспечения питанием одной семьи из 5 человек необходимо стадо из 70 овец и 2–3 коров. Для простоты подсчета примем величину стада в 100 овец. В соответствии с нормами выпаса скота, установленными в Ремонтненском районе Ростовской области и обеспечивающими устойчивое сохранение качества пастбищ, в засушливой степной зоне за норму принято 6 голов мелкого рогатого скота на 5 га. Снизим норму до 1 овцы на гектар. Итого: на территории региона может содержаться до 10 млн голов, т. е. на одну семью необходим всего 1 кв. км площади пастбища. Из этого следует, что минимальный потенциал скотоводства на территории региона может обеспечивать до 500 тыс. человек. Реальный же потенциал значительно больше.

Подобная постановка проблемы позволяет понять, что четкая взаимосвязь между численностью населения и экологическими факторами отсутствует. Тогда получает свое объяснение примерно одинаковая плотность курганов на территории хорошо увлажненного Нижнего Подонья и засушливых степей Калмыкии. По-видимому, климатические особенности не имели для скотоводства бронзового века решающего значения.

Таким образом, перед исследователями встает необходимость искать ответ на вопрос о причинах огромной разницы между экологическим потенциалом, имеющимися оценками численности населения степных регионов в раннем железном веке и средневековые и приведенной оценкой количества курганных погребений на одно поколение. Надо полагать, что ответ на этот вопрос будет по своему историческому значению равен установлению ньютоновских законов в физике и позволит подвести подлинный естественно-научный фундамент под исторические исследования бронзового века в евразийских степях. Каковы же могут быть причины, ограничивавшие рост скотоводческого степного населения? Поверхностный анализ позволяет выделить следующие:

1. Природные и географические факторы: а) засухи, сопровождающиеся труднодоступностью мест для водопоя; б) эпизоотии; в) снег и наст. Часто вызывали падеж скота также: г) недостаточность количества зимников и естественно укрепленных безопасных мест; д) неравномерное распределение речной сети.

2. Социально-экономические факторы: а) нерациональное распределение и использование пастбищ, обусловленные характером социальных отношений и хозяйственных традиций; б) воинственность скотоводов, повлекшая возможность использования в процессе производства детей и женщин, освобождая от труда мужчин; в) потребность в растительной пище — без соседства с земледельцами эта проблема могла стоять довольно остро; г) отсутствие возможностей для ремесленного производства; д) невозможность мирного сосуществования земледельцев и скотоводов (кочевников) в условиях отсутствия государства.

Последняя из отмеченных особенностей привела к практическому отсутствию земледельческих, рыболовных и ремесленных обществ рядом со скотоводами, по определению, воинственными. Эти факторы можно представить в виде понижающих коэффициентов, помноженных на максимально возможную численность населения, в соответствующей формуле расчета. Пока эта формула лишь воображаема, однако со временем развитие палеоисторических реконструкций позволит получить математическую основу. Помимо ограничивающих факторов, надо учесть и благоприятствующие — охота, собирательство и обмен скота на продукты земледелия и ремесла.

Очень редко в литературе [Липский 1966: 105] поднимается, казалось бы, первоочередной для рассматриваемого предмета вопрос о том, что подкурганный погребальный обряд не являлся единственным для эпохи бронзы. Согласно этнографическим данным, у первобытных народов нередко сосуществовали несколько обрядов для погребения. «На острове Сан-Кристобаль известен двадцать один способ погребения — начиная с погребений в земле, в море, в расселинах скал, на деревьях, помостах или в мешках и кончая сожжением и мумификацией» [Липс 2001: 410].

Литература

- Кияшко В. Я. Нижнее Подонье в эпоху энеолита и ранней бронзы. Дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 1974 // Архив ИА АН РФ, № 2143.
- Клепиков В. М. Энеолитические комплексы могильника Перегрузное I // Археологические записки. Вып. 4. Ростов-на-Дону, 2005. С. 21–23.
- Корневский С. Н. Рождение кургана (погребальные памятники энеолитического време-

ни Предкавказья и Волго-Донского междуречья). М.: Таус, 2012. 256 с.

- Липс Ю. Происхождение вещей: из истории культуры человечества: [Пер. с нем.]. Смоленск: Русич, 2001. 505 с.
- Липский А. Н. К вопросу об использовании этнографии для интерпретации археологических материалов // Советская этнография, 1966. С. 105–118.
- Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.: Наука, 1974. 152 с.

References

- Kiyashko V. Ya. [Lower Don River Region in the Eneolithic and Early Bronze Age]. Cand. Sc. (history) thesis. Rostov-on-Don, 1974. At: Archive, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences. Ref. No. 2143. (In Russ.)
- Klepikov V. M. Peregruznoe I burial site: Eneolithic complexes. In: [Archaeological Notes]. Vol. 4. Rostov-on-Don, 2005. Pp. 21–23. (In Russ.)
- Korenevsky S. N. [Birth of the Mound: Eneolithic Burial Monuments of Ciscaucasia and Volga-

Don Interfluvial Area]. Moscow: Taus, 2012. 256 p. (In Russ.)

- Lips J. [Origins of Things: Glimpses of History of Human Culture]. Smolensk: Rusich, 2001. 505 p. (In Russ.)
- Lipsky A. N. Revisiting ethnography as a means to interpret archaeological materials. *Sovetskaya etnografiya*. 1966. No. 1. Pp. 105–118. (In Russ.)
- Merpert N. Ya. [Earliest Livestock Breeders of the Volga-Ural Interfluvial Area]. Moscow: Nauka, 1974. 152 p. (In Russ.)

УДК 008+7.07.2+371.069

ББК 71+85+79.1

ЭКСПОЗИЦИОННЫЕ ОСНОВЫ МУЗЕЙНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ОТ МЕМОРИАЛЬНОГО КАБИНЕТА К КОНЦЕПЦИИ МУЗЕЯ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ КИГИ РАН

Exposition Bases of the Museum Activity: from the Memorial Study to the Conception of the Traditional Culture Museum of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences

С. Г. Батырева (S. Batyreva)¹

¹доктор искусствоведения, заведующий Музеем калмыцкой традиционной культуры имени Зая-пандиты Калмыцкого института гуманитарных исследований Российской академии наук (Ph. D. of Art Criticism, Head of the Museum of the Kalmyk Traditional Culture named after Zaya-Pandita at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: sargerel@mail.ru.

Статья посвящена культурологическому анализу интеграции музея в трансформирующуюся социокультурную систему общества. Объектом исследования является социокультурная среда функционирования музея, предметом — музей и экспозиция. Выявлены и осмыслены принципы концептуальной разработки экспозиционной деятельности Музея калмыцкой традиционной культуры имени Зая-пандиты Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН.

Ключевые слова: музей, экспозиция, пространство, искусство, буддизм, концепция, развитие.

The Museum of Kalmyk Traditional Culture named after Zaya-Pandita at the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences has undergone some changes before being transformed into the museum. In 2001 there was Zaya-Pandita's memorial study. In this connection in 1999 an exposition devoted to the anniversary of the Kalmyk national system of writing – «todo bichig» was organized. It contained manuscripts in both Tibetan and in «Clear Script», Oirat and Kalmyk settlement maps, as well as Buddhist cult objects and works of art. The purpose of the exposition was to show the activity of Zaya Pandita or Namkhajamts (1599–1662) as a scholar and a founder of the Kalmyk-Oirat written language.

The Museum of Kalmyk Traditional Culture named after Zaya-Pandita as a research unit of the Kalmyk Institute of the RAS has become a part of the academic museums of Russia. As a result of the museum's conceptual development of the permanent exposition – «Kalmyk traditional culture in the historical context of ethnogenesis» was created which was supported by the Russian Humanitarian Science Foundation (Grant 02-01-1000 46) within the framework of the museum project implementation. The study of culture is integrated into the museum, which functions not only as a repository and an educational institution, but also as an ethnocultural research center. Having been reconstructed by museum means, the structured model of the Universe has covered such aspects as the life of the nomads, as well as the time and space of traditional culture.

Coupled with culture, science and education, museum work is becoming an important social project in developing various conceptions. The museum embodies a qualitatively new content of the exposition in order to meet the needs of the visitors who are in search for cultural identity and adaptation in a changing social space of the modern world. The culturological conception of the exposition expresses the evolution of ethnic culture reflected in the art of the 19th–20th centuries. Folk art, decorative and applied art, as well as fine arts of Buddhism refer to material and cultural wealth of the Kalmyk ethnos. In accordance with the new exposition, arts and culture are interdependent in their historical development. The symbolic picture of the Universe has been recreated by means of art with the help of a selected collection of objects from the exposition. The evolution of the permanent exhibition of the Museum of the Kalmyk Traditional Culture is outlined by the movement from formal to conceptual artistic image.

Keywords: museum, exposition, space, art, Buddhism, conception, development.

Начало опыту музейной реконструкции культуры положено созданием Мемориального кабинета Зая-пандиты Калмыцкого института гуманитарных исследований Российской академии наук. Именно в таком качестве экспозиция, открытая к юбилею калмыцкой национальной письменности «тодо бичиг» в 1999 г., собрала рукописи на тибетском языке и «ясном письме», карты расселения ойратов и калмыков, предметы буддийского культа и произведения искусства. Этот материал был призван показать деятельность просветителя Зая-пандиты Намкайджамцо (1599–1662), основоположника ойрато-калмыцкой письменности, а также историческую эпоху, в которой он жил и творил. В ряду экспонатов портрету Зая-пандиты (1968, автор Г. Рокчинский), созданному в иконописных традициях, было отведено особое место. Идеал человека просветленного сознания, высокой духовности несет изображение буддийского священнослужителя, философа и политического деятеля. Портрет, созданный линией плоскостного письма, ментально значим для калмыцкой культуры. Декоративным фоном образа является Великий Шелковый путь, проходивший караванами через места поселения ойратов-калмыков в Прииртышье. Посредством его осуществлялись не только торговые связи Востока и Запада, Шелковый путь был дорогой знаний, дипломатии и просвещения. В таком контексте живописный образ Зая-пандиты воспринимался как символ духовности культуры, красноречиво представленной в экспозиции многообразием жанров рукописного наследия народа, сохраненного знаками национальной письменности.

Впоследствии экспозиция мемориального кабинета переросла рамки заданной тематики: фонды музея пополнялись не только рукописными памятниками и культовыми принадлежностями, но и фотоматериалами, предметами калмыцкого традиционного быта, произведениями изобразительного искусства и научными изданиями Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Преобразованное в Музей традиционной культуры им. Зая-пандиты в апреле 2001 г., научное подразделение КИГИ РАН вошло в систему академических музеев России.

Этапом концептуального развития музея становится создание постоянной экспозиции «Калмыцкая традиционная культура

в историческом контексте этногенеза» в реализации музейного проекта, поддержанного РГНФ (грант 02-01-1000 46). В основах экспонирования фондового материала нашли применение исследования культурного наследия в области истории, языкознания, фольклора, этнографии, искусствоведения. Историко-типологический, историко-генетический, сравнительно-исторический и структурно-функциональный методы изучения культуры интегрируются в музей, действующем не только как хранилище и культурно-просветительное учреждение, но и как научно-исследовательский этнокультурологический центр.

Своеобразным ключом к восприятию традиционной культуры является этническая картина мира. Воссозданная музейными средствами структурированная модель мироздания этноса в ценностных доминантах культуры становится предметом осмысления посетителями музея. Экспозиция «Калмыцкая традиционная культура в историческом контексте этногенеза» представляет наглядную концептосферу культуры народа, комплексно объединив в трактовке гуманитарные знания. Это дало возможность обозреть, что сделано и предстоит сделать, воссоздавая в полном объеме модель культуры в развитии. Транслируемая вниманию посетителей, музейная экспозиция постоянно дополняется экспонатами, комплекующими ее разделы, центральным из которых предстает конструктивная модель традиционного жилища.

Деревянный каркас кибитки «ишкэ гер», смыслообразующий центр экспозиции, замкнул в круге бытие номадов, время и пространство традиционной культуры. Жилище являет собой оптимальный тип мобильной архитектуры, отвечающий кочевому укладу животноводческого хозяйства. Простота и прочность, минимальное число деталей, их целесообразность, продуманная до мелочей, взаимозаменяемость, легкость и пластичность исходных материалов отличают его конструкцию, специально представленную без войлочного покрытия, что позволяет полностью воспринимать пространство кибитки, ориентированное крестовиной «цаһрг» дымника «харач» по сторонам света. Двустворчатая дверь «үүдн» устанавливается между решетками «терм» в традиционном южном направлении. Жилое пространство спроецировано осью перекрестия «север-юг» на правую «барун бий»

и левую «зүн бий» (**мужскую и женскую**) половины, составляющие гармоничную целостность интерьера, центром которого является очаг. Структурированная модель мироздания в ценностных доминантах культуры проецирует родовую структуру традиционного общества в круговой планировке сборно-разборного переносного жилища.

Убранство кибитки «ишкэ гер» изготавливалось из натуральных материалов (дерева, кожи, войлока), жилище собиралось без единого гвоздя. Резьба по дереву, рогу и кости, тонированное кожаное тиснение, вышивка и аппликация тканых и войлочных изделий быта определяют декоративную выразительность интерьера. Красота и целесообразность, взаимообусловленные в народном искусстве, сформировали художественный стиль предметов кочевого быта, органично связанных в традиционном функциональном назначении.

Культурно-бытовой комплекс кочевников определен ландшафтом, уровнем технического оснащения, традициями и в целом — мировоззрением народа. Естественный модуль структурирования пространства как ментальное ядро этнической культуры позволяет воспринимать его целостно. Семья, родовая ячейка общества и центр мироздания кочевника, выразительно определена гелиоцентрической символикой. Огонь очага воспринимается как проекция Солнца в пространстве бытия кочевников, воспроизводящем структуру Вселенной. Это центр, соединяющий небо и землю, предков и потомков, мужскую (правую, верхнюю) и женскую (левую, нижнюю), хозяйственную (южную) и сакральную (северную) части жилого пространства. Калмыцкая кибитка «ишкэ гер» выступает как модель мироздания традиционной культуры, представляемая вниманию посетителей.

В созданной музейными средствами информационной среде, ее внешнем слое, воспроизведено историческое бытие этноса во времени. Хронологическая канва экспозиции структурируется по столетиям от XVI до рубежа XX–XXI вв. в пространстве музея. Ее органичная связь с календарной системой животного цикла кочевников генерирует историко-культурный контекст предметного ряда экспозиции. Традиционное движение слева направо — по ходу солнца — объемлет ойрато-монгольский период калмыцкой истории как отправной момент осмотра экспозиции, последовательно рас-

крываясь по столетиям — XVII, XVIII, XIX и XX вв. Четыре столетия исторической жизни народа в составе Российского государства программируют начало третьего тысячелетия в перспективе развития музейной экспозиции. В ее спиралеобразной концепции спроецирован знаковый ход развития калмыцкой культуры, неотъемлемой от исторического бытия этноса. «Традиционная культура калмыков в историческом контексте этногенеза» — смыслополагающая тема постоянной экспозиции музея КИГИ РАН (2001–2013), выступающего хранилищем, транслятором и научным центром по изучению наследия народа [Батырева 2014: 135].

Трактовка информации в многопрофильном спектре функционирования является стержнем жизнедеятельности музея в динамике социобытия. Стратегия развития музея в целом, разработка и реализация концепции выставочной деятельности обретает актуальность в период трансформаций государственно-политической и социально-экономической сфер жизни страны [Кавецкая 2013: 99]. Уникальным экспозиционным опытом апробации концепции культуры обладает Музей им. Зая-пандиты, прошедший в своем развитии путь от создания мемориального кабинета к реализации концепции музея традиционной культуры. В синтезе культуры, науки и просвещения музейное дело обретает значение важного социального проекта, предполагающего междисциплинарное сотрудничество в вариативной разработке концепции. В музее воплощается качественно новое содержание экспозиции для удовлетворения потребностей посетителя в поиске средств культурной самоидентификации и адаптации общества в меняющемся социопространстве современного мира.

Концептуальные основы экспозиции музея призван разрабатывать с учетом культурной значимости сохраняемых им объектов исторической памяти общества. Произведения декоративно-прикладного и буддийского изобразительного искусства Калмыкии составляют основной фонд музея, представляемый в экспозиции. По принципу, определившему преимущественно индивидуальную форму знакомства с материалом, рассчитанную на диалог с личностью, выстроено экспозиционное пространство, дифференцирующее традиционное наследие этноса на материальную и духовную

культуру. Метакультура, осознающая и познающая в процессе взаимодействия иную культуру и самое себя, воспроизводит ценностные доминанты в искусстве. Сохранение и трансляция художественного наследия сопровождают процесс культуротворчества в экспозиционной практике, реализующей в исследовательском проекте философско-методологическую концепцию музея. Это не только поднимает образовательный уровень экспозиционной деятельности, но и качественно повышает уровень «культурного участия» посетителя, что укрепляет авторитет музея, усиливая его реальный вклад в культурное развитие общества.

Создание новой экспозиции в системном культурологическом подходе утвердило себя как самостоятельный жанр музейного творчества, обусловленный социокультурным заказом общества. Это комплексное создание среды, включающей в определенном соотношении ряд компонентов, объединенных концептуально-художественным замыслом в единую предметно-пространственную среду. В качестве последней продолжает выступать традиционная культура как система музейной экспозиции, представляющей искусство. Произведение искусства выступает как модуль, ориентирующий посетителя в восприятии культурного наследия.

В процессе «музейной коммуникации» Д. Камерон выделяет основные инстанции — передатчик (музей), посредник (экспонаты) и приемник (посетитель), дополняя систему понятием обратной связи, необходимой для оценки эффективности процесса [Cameron 1968: 33]. Последнее связано с понятием «музейного образа», эволюционирующим от формального к концептуальному художественному. Постепенное смещение границ классической экспозиции в сторону усиления ее художественной выразительности приводит к повышению информативности в ее восприятии. Ритмическое разнообразие композиции, максимальная информативность, яркость и запоминаемость художественного образа характеризуют искусство. Аппетитивность произведений искусства как основная тенденция современной экспозиции реализуется в органичном синтезе ее выразительных художественных средств.

Музейная экспозиция КИГИ РАН, эволюционируя в ходе развития, концептуально меняется в трансляции наследия.

Тезис «искусство в системе **калмыцкой традиционной культуры**» отвечает требованиям времени, формируя стилистику экспозиции, ориентированную на критерии традиционного искусства. Его бытие обусловлено историческими обстоятельствами судьбы народа, выявленными в структуре экспозиции. Культура ойратов Западной Монголии, предков калмыков, представлена как отправная веха (конец XVI – начало XVII вв.) процесса формирования этноса в новых условиях бытия. Этническая история калмыков дифференцирована на ойратский и собственно калмыцкий периоды в спектре этнокультурных контактов социума. Своеобразное пограничное – «буферное» положение и роль ойратов в истории тюрко-монгольских народов Центральной Азии синтезировало многое в их культуре. По кочевьям ойратов в Джунгарии пролегал Великий Шелковый путь, дорога дипломатии, религии и культуры Востока. Ойратский период истории с блистательной вершиной XVII–XVIII вв. характерен синхронным существованием Джунгарского, Хошеутского на Кукуноре и Калмыцкого ханств в составе России. Этот период определяет вводный раздел историко-культурного материала новой экспозиции музея. Искусство в системе культуры на рубеже XIX–XX вв. сохраняет номадические традиции. Наследие, трансформируемое в утратах и новациях адаптации, аккультурации и ассимиляции монголоязычного этноса, сформировано сменой хозяйственно-культурного типа общества в переходе к оседлости и в целом перипетиями российской истории.

Мировидение номадов измеряется категориями символической насыщенности – «пространством» и «временем» создаваемой в культуре модели мира. Локальные особенности творческого познания чудесным образом сконцентрированы в культурном наследии народа. Жемчужиной калмыцкого фольклора является героический эпос «Джангар», фокусирующий ментальную символику традиционной культуры. Символ солнца в зените на головном уборе, будь это пышный шелковый махор на женском уборе «халмаг», кисть на девичьей шапочке «камчатка» или красный верх мужского убора, имеет заданный традицией красный цвет, обозначаемый словосочетанием «улан зала» («красная кисть»). Самоназвание калмыков «улан залата хальмгуд» воспринимается как этнический, образно

осмысленный знак традиционной культуры. Квинтэссенция ее воплощена во времени и пространстве жилища «ишкэ гер», смыслообразующем центре музейной экспозиции.

Культура одухотворена традициями животноводческого хозяйства и тесно связанного с ним ремесленного производства: выделкой кожи и войлока, обработкой дерева, металла и ткани. Орудия труда и предметы быта представляют материальную хозяйственно-прикладную сферу бытия калмыков. Декоративное искусство, изоморфное культуре, выражает образное мифопоэтическое представление о гармоничном сосуществовании человека с природой. По восходящей вертикали огонь родового очага возносится в небо, обиталище предков, через круг «өрк» дымохода «харач». Отходящие от него красные жерди «уньн» подобно лучам солнца образуют верхнюю сферу полушария кибитки, повторяющей очертаниями купол небосвода. Солнце проникает внутрь жилого пространства, проходя по его кругу в течение дня и отмеряя время. Суточный зодиак кочевника традиционно связан с древним центрально-азиатским календарем, обозначенным 12 символами животных (мыши, коровы, барса, зайца, змеи, дракона, лошади, овцы, обезьяны, курицы, собаки и свиньи).

Материальная сфера бытия кочевников органично сопряжена с орнаментальной системой декора бытовых вещей. Декоративно-прикладное искусство как способ творческого бытия народа одухотворено мифопоэтическим сознанием. Для него характерен культ животного в мифологии и обрядности, оформленный в традициях ремесленного производства. Оно связано с изготовлением орудий труда, сбруи и упряжи, предметов быта и ритуального обихода. Бытовые вещи, украшенные народным орнаментом, представляют в функционально-декоративной совокупности пластический фольклор калмыков, созданный традиционными способами художественной обработки материалов (кожи и войлока, кости, дерева и металла, ткани). Они образуют предметный ряд экспозиции материальной культуры народа.

Мировоззрение буддизма, пришедшего на смену добуддийским культам природы, наложило формообразующую печать на изобразительное искусство религии. Канон буддизма воплощен в архитектуре, живописи, скульптуре, декоративной сфере ис-

кусства. Иконописная трактовка образов добуддийского происхождения связана с традиционным мировосприятием, одухотворяющим природу. Ойрато-калмыцкий вариант иконографии образа Белого Старца (калм. Цаһан Аав), сконцентрировав родовую суть архаичной традиции, выразительными средствами искусства представляет экологическое равновесие триады «Человек–Природа–Общество».

Ушли в небытие памятники ойратского зодчества в Прииртышье — крепости-монастыри, центры оседлых поселений, сохранились буддийские наскальные надписи, оставленные ойратами на территории современных Казахстана и Кыргызстана. Уникальный памятник калмыцкой архитектуры первой половины XIX столетия — Хошеутовский хурул (в нынешнем с. Речное Астраханской области) — хранил произведения монументальной живописи и скульптуры буддизма. Культурное наследие народа сохранилось в письменных памятниках на «тодо бичиг», произведениях буддийского, декоративно-прикладного и современного изобразительного искусства Калмыкии. В совокупности они образуют экспозицию буддийского раздела музея, представляющего духовную культуру Калмыкии.

Традиции органично объединяют материально-духовное бытие этноса, представляя его художественную культуру. Такова сфера пластических искусств (декоративно-прикладного и изобразительного), характерных своей вещностью в выражении традиционного мировидения. В искусстве этноса воспроизведен «автопортрет» культуры, ее уникальное своеобразие. В культурологической концепции экспозиции музея выражена эволюция этнической культуры, наглядно проецируемая в искусстве XIX–XX вв. Развитием художественной традиции обусловлено разнообразие видов и жанров народного декоративно-прикладного творчества и изобразительного искусства буддизма, представляющих материально-духовную сферу бытия калмыцкого этноса. Многочисленный пантеон персонажей (будд и бодхисаттв, учителей веры, идамов и дхармапал, локальных образов), созданных в плоскостной и объемной выразительности иконописи и скульптуры, представляет буддийскую модель мироздания. Обозначенное канонами искусство призвано провозглашать духовные

ценности буддизма. Иерархичная структура мира и общества, человек и его деятельность получают знаковое выражение в «вертикальном» типе мировидения старокалмыцкого искусства. Антитеза “верха” и “низа” воплощена в иконографическом каноне, определяющем композиционный строй, пропорции, символику цвета и линии в трактовке образов духовной культуры Калмыкии. Ей свойственна этническая специфика стилового своеобразия в создании каноничной формы под влиянием традиций декоративно-прикладного творчества. Это закономерно размывает границы в восприятии народного и религиозного искусства, духовного и материального начал художественной культуры.

Постоянная экспозиция Музея им. Зая-

пандиты наглядно воплощает идею о том, что культура и искусство взаимообусловлены в историческом развитии. В образной форме произведений искусства, составляющих материально-духовную сферу бытия народа, воплощен культурный смысл его творчества. В создании «второй природы» опредмечен процесс жизнедеятельности, опыт поколений калмыцкого народа. Средствами декоративно-прикладного и буддийского изобразительного искусства воссоздана знаковая картина мироздания в органичной совокупности предметного ряда экспозиции. Движением от формального к концептуальному художественному образу очерчена эволюция постоянной экспозиции Музея калмыцкой традиционной культуры им. Зая-пандиты КИГИ РАН.

Литература

- Батырева С. Г. Музей традиционной культуры: экспозиционные основы // Пальмовский вестник: Национал. музей РК. Элиста, 2014. С. 130–137.
- Кавецкая В. В. О философских основах музейной экспозиции // Гуманитарные исследова-

ния в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013, № 2. С. 9–15.

- Cameron D. A. Viewpoint: The Museum as a Communications System and Implications for Museum Education // *Curator*, Vol. 11. 1968. P. 33–40.

References

- Batyreva S. G. Museum of Traditional Culture: exhibition fundamentals. *Pal'movskiy vestnik: Natsional. muzey RK*. Elista, 2014. Pp. 130–137. (In Russ.)
- Cameron D. A. Viewpoint: The museum as a communications system and implications

for museum education. *Curator: The Museum Journal*. 1968. Vol. 11. Pp. 33–40. (In Russ.)

- Kavetskaya V. V. About philosophical bases of a museum exposition. *Humanities Research in the Russian Far East*. 2013. No. 2. Pp. 9–15. (In Russ.)

УДК 572

ББК 28.7

АНТРОПОЛОГИЯ САРТ-КАЛМАКОВ КЫРГЫЗСТАНА

Anthropology of Sart-Kalmaks of Kyrgyzstan

Н. В. Балинова (N. Balinova)¹, И. А. Хомякова (I. Khomyakova)²

¹ кандидат биологических наук, научный сотрудник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph. D. of Biology, Researcher of Ethnology Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences). E-mail: balinovs@mail.ru.

² кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник НИИ и Музея антропологии МГУ имени М. В. Ломоносова (Ph. D. of Biology, Leading Scientist of the Research Institute and Museum of Anthropology at Lomonosov Moscow State University). E-mail: irina-khomyakova@yandex.ru.

В ходе экспедиции 2013 г. антропологами и генетиками Института этнологии и антропологии РАН им. Н. Н. Миклухо-Маклая и Музея и НИИ антропологии МГУ было проведено комплексное исследование этнической группы сарт-калмаков. По антропометрической программе измерены 84 женщины, 119 мужчин; сделаны 830 фотоснимков для обобщенных портретов и заполнены бланки по расовой программе; собрано 197 образцов крови для генетического анализа. На основании сравнительного анализа основных морфологических показателей в выборках сарт-калмаков, киргизов и метисов выявлены некоторые особенности. У мужчин киргизов больше развито подкожное жиротложение, а для женщин это не характерно. Головной указатель больше у мужчин и женщин сарт-калмаков. У мужчин сарт-калмаков и метисов больше скуловой диаметр и более высокие лица, чем у киргизов, у женщин подобные тенденции в строении лица не отмечаются. Достоверные различия обнаружены только по высоте верхней губы и толщине губ у мужчин сарт-калмаков и метисов по сравнению с киргизами.

Ключевые слова: сарт-калмак, история изучения, современный антропологический облик, морфология.

The article assesses the data collected by the anthropologists and the geneticists of the N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, and Moscow State University Museum and Research Institute of Anthropology, who performed a complex anthropometric research of a Sart-Kalmak ethnic group during the 2013 expedition. Body measurements of 84 female and 119 male Sart-Kalmak adults, 830 photographic portraits, fill-out recording forms related to racial traits, and 197 blood samples for genetic analyses were obtained for the study.

The average anthropometric measurement values do not vary much among the groups studied. This could be due to either the insufficient number of the collected samples, or the fact that there are in fact no significant differences between the Sart-Kalmaks, the Kyrgyz and the mixed-race as to their somatic features and the size of their head and face.

Some peculiarities still need to be noted. Male Sart-Kalmak adults are the tallest of all, whereas the Kyrgyz tend to be more corpulent and their body mass index (BMI) is in the overweight range. Females of the mixed origin tend to be the tallest, however having the least weight and the lowest BMI as compared with the other groups. Kyrgyz male adults show more subcutaneous fat deposition, which is not typical for the women. As for the cephalic index it is the highest in both Sart-Kalmak male and female adults. Sart-Kalmaks and mixed-race men tend to have larger zygomatic diameter and a longer face than the Kyrgyz, whereas females have no such features in their face structure. Both the Sart-Kalmak and the mixed-race males show distinctive difference from the Kyrgyz only by the height of the upper lip and the thickness of the lips. Age-related changes of some morphological parameters in Sart-Kalmak men and women show standard dynamics common for many other ethnic groups. The increase in subcutaneous fat deposition with ageing is the main reason for waistline growth, particularly around the abdomen of both men and women. Most women experience an increase in hip circumference, associated with the manifestation of sexual dimorphism. The fact, that women over 50 tend to grow more abdominal fat, is mentioned by many researchers as menopause-related and accompanied by the accumulation of adipose tissue, mainly, in visceral fat depots. The current research presents the preliminary results of the morphological status analysis of the surveyed groups of the Sart-Kalmaks, the Kyrgyz and those of mixed origin.

Based on the data obtained in 2014 from the anthropological survey of sub-ethnic groups of the Kalmyks, we will conduct a comparative analysis of their anthropometric indices with those of the Sart-Kalmaks of Kyrgyzstan. The present research highlights the major trends in the current development of this ethnic group.

Keywords: Sart-Kalmak, a history of the study, modern humans physical appearance, morphology.

Каракольские калмыки, или сарт-калмаки — монголоязычная этническая группа ойратского происхождения. К изучению сарт-калмаков, их языка и культуры в разное время обращались ученые-языковеды, историки, этнографы, писатели, журналисты, пытавшиеся пролить свет на историю происхождения, расселения, а также материальную и духовную культуру калмаков Кыргызстана на основе сведений, собранных в ходе экспедиций. История изучения данной этнической группы была освещена в работе [Балинова, Хонинов 2014].

Летом 2013 г. нами была совершена экспедиция в районы проживания сарт-калмаков. Антропологами и генетиками Института этнологии и антропологии РАН им. Н. Н. Миклухо-Маклая и Музея и НИИ антропологии МГУ было проведено комплексное антропогенетическое исследование. По антропометрической программе измерены 84 женщины, 119 мужчин; сделаны 830 фотоснимков для обобщенных портретов и заполнения бланков по расовой программе; собрано 197 образцов крови для генетического анализа. По этнической составляющей наблюдается следующее распределение: 111 человек заявили, что оба их родителя являлись сарт-калмаками, из этого количество примерно половина знают родовую принадлежность родителей (51 чел.). Метисами между сарт-калмаками и киргизами являются 40 человек, у 29 человек оба родителя киргизы, 8 человек — метисы с казахами, уйгурами, татарами, башкирами.

Антропометрическая программа осуществлялась по стандартной методике [Бунак 1941] и включала измерение продольных и поперечных размеров тела, кожно-жировых складок, размеров головы и лица. На основании измеренных признаков вычислялся ряд показателей: длина ноги, руки, корпуса, индекс Кетле (ИМТ — индекс массы тела) по формуле $I=W/L^2$, головной указатель ГУ (отношение поперечного диаметра головы к продольному, выраженное в процентах).

Описательные признаки, характеризующие пигментацию кожи, волос и глаз, степень выраженности эпикантуса и развитие третичного волосяного покрова, определялись по стандартным антропологическим шкалам Лушана, Фишера, Бунака и т. д.

Средние значения большинства антропометрических признаков (табл. 1) в исследуемых группах не имеют значимых различий, что, вероятно, может объясняться двумя причинами — недостаточным количеством обследованных и/или реальным отсутствием существенных различий между сарт-калмаками, киргизами и метисами по основным соматическим характеристикам и размерам головы и лица.

В то же время можно отметить некоторые особенности. Мужчины сарт-калмаки самые высокорослые, а киргизы отличаются несколько большим весом и ИМТ (рис. 1). В женских выборках самыми высокими оказались женщины смешанного происхождения, при этом у них меньше вес и ИМТ (рис. 1).

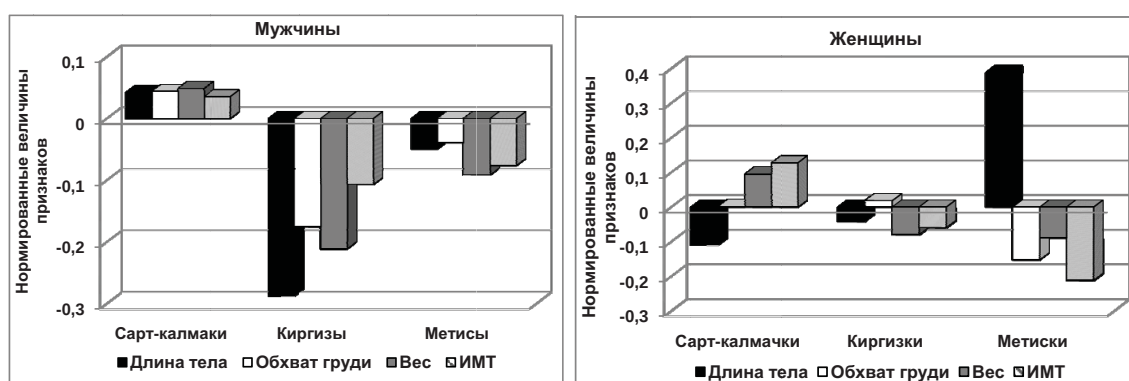


Рис. 1. Результаты дисперсионного анализа тотальных размеров тела в выборках мужчин и женщин.

Таблица 1. Основные статистические параметры морфологических признаков у мужчин и женщин
с. Чельпек, Бору-Баш Аксуйского р-на Кыргызстана

Признаки	Мужчины			Женщины		
	Сарт-калмаки N=80	Киргизы N=6	Метисы N=33	Сарт-калмаки N=43	Киргизы N=23	Метисы N=18
Длина тела, см	171,0	169,1	170,8	157,2*	157,4	160,1*
Вес, кг	74,5	71,1	70,9	66,2	64,1	64,0
Индекс массы тела (по Кетле)	26,1	25,5	25,7	26,7	25,8	25,0
Окружность груди, см	97,1	95,3	96,5	91,3	91,1	91,1
-----//----- талии, см	88,1	90,6	85,7	84,7	83,3	79,2
Жск под лопаткой, мм	13,1	15,8	13,5	20,9	19,9	20,4
Жск на задней поверх. плеча (1), мм	10,9	13,7	10,8	18,8	17,9	19,2
Жск на передней поверх. плеча (2), мм	4,9	5,9	4,5	7,6	11,9	8,3
Жск на животе 1	18,2	18,5	16,2	20,8	20,5	20,5
Жск на животе 2	10,2	13,2	9,8	15,0	15,3	14,9
Продольный диаметр головы, мм	191,3	189,5	192,4	180,2	181,4	182,2
Поперечный диаметр головы, мм	163,0	160,5	162,1	155,9	155,1	155,5
Головной указатель	85,2	84,9	84,3	86,6	85,5	85,4

Лобный диаметр, мм	113,0	113,0	112,3	110,1	108,9	109,7
Скуловой диаметр, мм	145,8	143,0	146,3	138,0	137,0	138,9
Нижнечелюстной диаметр, мм	113,4	112,0	111,3	107,5	108,2	107,7
Физиономическая высота лица, мм	199,2	196,2	201,2	188,6	188,3	188,8
Морфологическая высота лица 1, мм	136,5	135,7	136,3	127,4	127,9	128,8
Морфологическая высота лица 2, мм	124,7	122,8	124,9	114,2	114,0	115,1
Высота носа 1, мм	65,6	65,7	64,8	61,9	62,3	63,1
Высота носа 2, мм	54,3	52,8	53,8	48,8	48,7	49,5
Высота верхней губы, мм	<i>15,5*</i>	16,5	<i>14,2*</i>	14,7	14,2	14,7
Толщина губ, мм	<i>17,5*</i>	<i>15,5*</i>	<i>19,5*</i>	16,8	16,7	17,2
Ширина рта, мм	52,5	51,7	52,0	49,3	48,2	48,7
Ширина носа, мм	37,8	38,3	37,2	34,9	33,9	34,2
Окружность головы, мм	576,0	574,7	578,2	556,6	558,0	557,2

Примечание. Жирным шрифтом отмечены показатели, различия между которыми достигают уровня значимости (Т-критерий): * $p < 0,05$, ** - $p < 0,01$, *** - $p < 0,001$

У мужчин киргизов больше развито подкожное жировотложение, а для женщин

киргизок это нехарактерно (рис. 2).

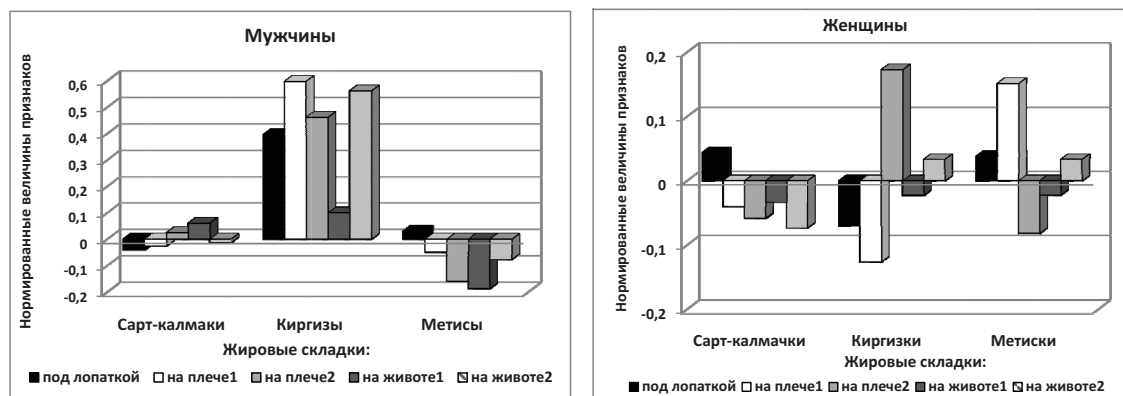


Рис. 2. Результаты дисперсионного анализа величины кожно-жировых складок в выборках мужчин и женщин.

Главной указатель больше у мужчин и женщин сарт-калмаков, что свидетельствует о большей брахикефальности (рис. 3). У мужчин сарт-калмаков и метисов больше скуловой диаметр и более высокие лица, чем у киргизов, у женщин подобные тен-

денции в строении лица не отмечаются. Достоверные различия обнаружены у сарт-калмаков только по высоте верхней губы и толщине губы мужчин и по ширине носа женщин.

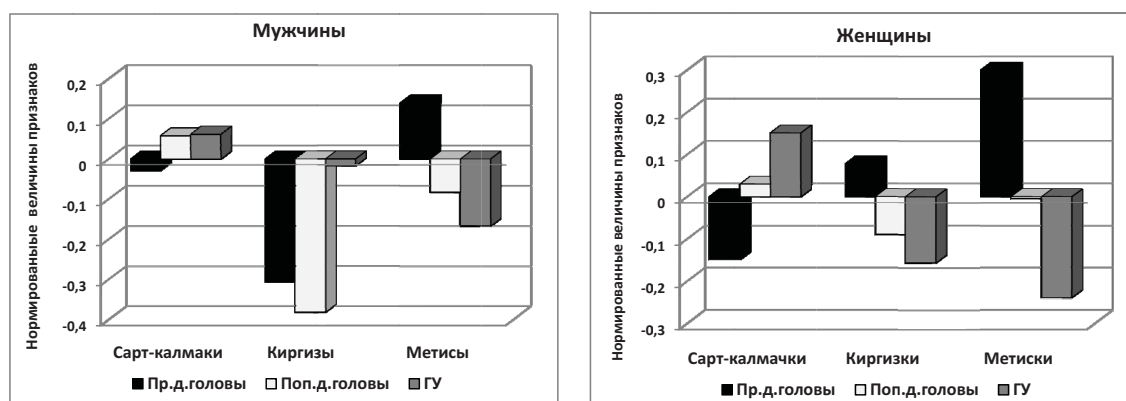


Рис. 3. Результаты дисперсионного анализа размеров головы в выборках мужчин и женщин (сокращения: пр. д. головы и поп. д. головы — продольный и поперечный диаметры головы, ГУ — головной указатель).

Возрастные изменения некоторых морфологических показателей у сарт-калмаков, мужчин и женщин, имеют обычную динамику, характерную для многих этнических групп [Чижикова, Смирнова 2009; Кокоба 2014]. Увеличение обхватных размеров с возрастом связано с повышением подкожного жировотложения, в особенности в области живота, как у мужчин, так и у женщин. У женщин существенно увеличивается также и окру-

жность бедер, что связано с проявлением полового диморфизма (рис. 4, 5).

Следует подчеркнуть, что у женщин тенденция увеличения жировотложения в области живота после 50 лет отмечается многими авторами и связывается с наступлением менопаузы, которая сопровождается накоплением жировой ткани преимущественно в висцеральных жировых депо [Дильман 1987; Пинхасов 2011; Лапшина 2014].

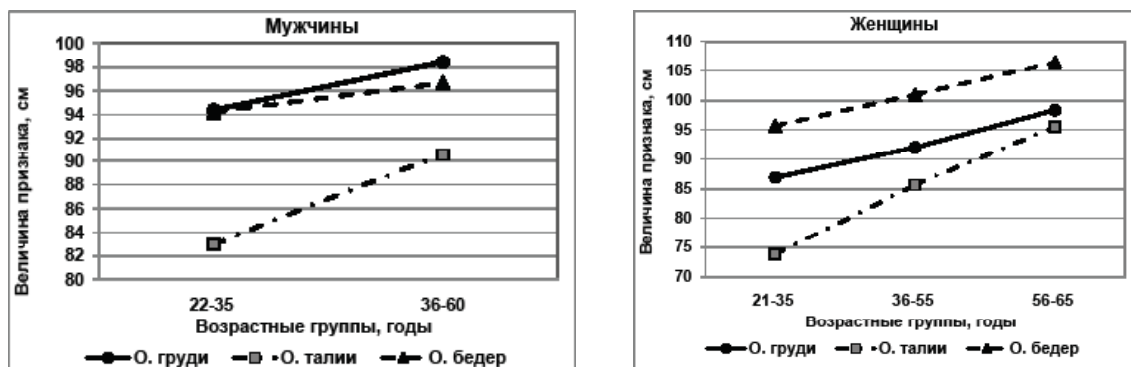


Рис. 4. Возрастные изменения величины обхватных размеров на туловище у мужчин и женщин сарт-калмаков. Различия достоверны: у мужчин — по обхвату груди ($p < 0,05$) и талии ($p < 0,001$), у женщин — по всем признакам между всеми возрастными группами.

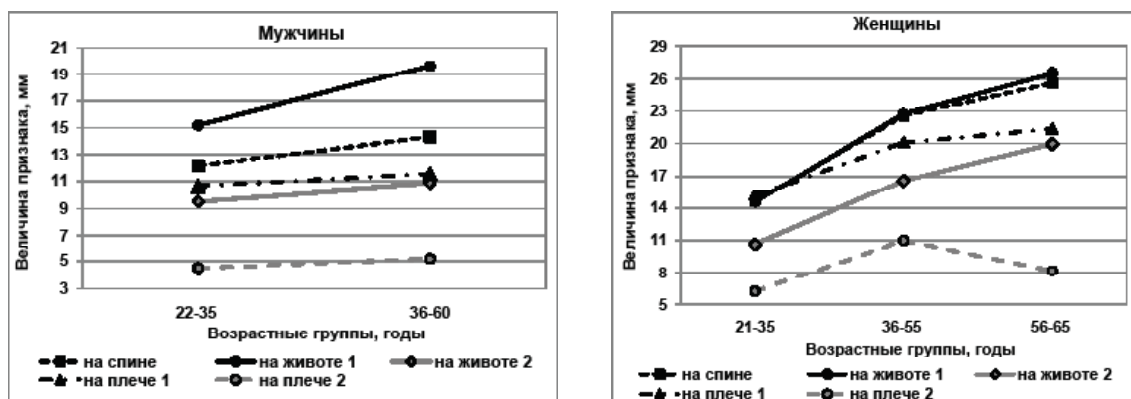


Рис. 5. Возрастные изменения величины подкожного жиротложения у мужчин и женщин сарт-калмаков. Различия достоверны: у мужчин — по жировой складке на животе ($p < 0,01$), у женщин — по всем жировым складкам, между возрастными группами 21–35 лет и 36–55 лет (исключение — на плече 2).

В настоящей работе представлены лишь предварительные результаты анализа морфологического статуса обследованных групп сарт-калмаков, киргизов и метисов. В дальнейшем, на основании материалов антропологического обследования субэтнических групп калмыков Калмыкии, полученных в

2014 г., будет проведен сравнительный анализ антропометрических показателей в данных выборках и сарт-калмаков Иссык-Куля. Представленное же в данной статье исследование позволит осветить наиболее актуальные тенденции в развитии данной этнической группы в настоящее время.

Литература

- Балинова Н. В., Хонинов В. Н. К вопросу об изучении этнической группы калмыков // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 3. С. 100–105.
- Бунак В. В. Антропометрия. М.: Учпедгиз. 1940. 363 с.
- Дильман В. М. Четыре модели медицины. Ленинград: «Медицина», Ленинград. отд.ние. 1987. 288 с.
- Кокоба Е. Г. Секулярные изменения морфологического статуса абхазов за последние десятилетия // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2009. № 2. С. 37–51.
- Латшина Н. Е. Темпы старения мужчин и женщин старше 60 лет в связи с морфофункциональными и некоторыми генетическими особенностями // Автореф. дис. ... канд. биол. наук. Москва, 2014. 16 с.
- Пинхасов Б. Б. Патогенетические особенности первичного ожирения и его типов у женщин репродуктивного возраста // Автореф. дис. ... д-ра мед. наук. Новосибирск, 2011. 39 с.
- Чижикова Т. П., Смирнова Н. С. Соматические характеристики в этногенезе восточных башкир // Вестник Московского университета. Серия XXIII антропология. 2009. № 2. С. 65–79.

References

- Balinova N. V., Khoninov V. N. To the issue of studying the ethnic group of Issyk-Kul Kalmyks. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2014. No. 3. Pp. 100–105. (In Russ.)
- Bunak V. V. [Anthropometry]. Moscow: Uchpedgiz. 1940. 363 p. (In Russ.)
- Chizhikova T. P., Smirnova N. S. Somatic characteristics in the ontogeny of Eastern Bashkirs. *Moscow University Anthropology Bulletin*. 2009. No. 2. Pp. 65–79. (In Russ.)
- Dilman V. M. [Four Models of Medicine]. Leningrad: Meditsina, 1987. 288 p. (In Russ.)
- Kokoba E. G. Secular changes in body morphology of the adult Abkhazian population in the last decades. *Moscow University Anthropology Bulletin*. 2009. No. 2. Pp. 37–51. (In Russ.)
- Lapshina N. E. [Men and Women Aged 60 and More: Ageing Rates in the Context of Morphofunctional and Some Genetic Features]. Cand.Sc. (biology) thesis abstract. Moscow, 2014. 16 p. (In Russ.)
- Pinkhasov B. B. [Initial Obesity and Its Types among Women of Reproductive Age: Pathogenetic Features]. Dr.Sc. (medicine) thesis abstract. Novosibirsk, 2011. 39 p. (In Russ.)

УДК 811.51.512.3

ББК (Ш) 81

ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ АНТРОПОНИМИЧЕСКИХ СИСТЕМ У МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ

Extralinguistic Factors of the Anthroponymic Systems Formation of the Mongolian Peoples

И. А. Ламожанова (I. Lamozhanova)¹

¹кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Забайкальского государственного университета (Ph. D. of Philology, Associate Professor, Senior Scientist at Transbaikal State University). E-mail: Lamira76@mail.ru.

В статье предпринято комплексное исследование основных экстралингвистических условий, источников становления систем личных имен у бурят, монголов, калмыков. Приводятся сведения из истории контактов монгольских народов с другими этносами, особенности основного компонента культуры – религии, которая в средневековье характеризовалась своеобразным эклектизмом, рассмотрено состояние именника.

Ключевые слова: экстралингвистический фактор, Монгольская империя, средневековье, религия, антропонимическая система.

A proper noun, particularly a personal name, is a part of an individualizing function, and generates such features as “distinctness and concreteness” in speech because it indicates a certain denotation that is closely related to the onym. It means that the extra linguistic factors play an important role in the formation of the proper nouns. These factors are of historical and cultural events, and they highlight components in society’s vital activities that are indicative of any fundamental aspects of either a social or cultural appurtenance. Complex researches of a language, in particular, researches of proper nouns’ system, are reasonable. This necessity probably gave birth to the direction some have taken in the fields of cognitive linguistics.

The main components that help form the extralinguistic conditions, the essential sources of formation that are used to create personal name systems like Buryats, Kalmyks, derived from a Mongol cultural aspect are examined in the article. The information is analyzed from the history of Mongolian clans’ contacts with other ethnic groups. Also, some features from the main cultural component extracted from their religious practices were characterized, peculiarly, to reflect the eclecticism during the period of the Middle Ages. Mongols are one of the most ancient people of the world, and their system of thinking can be viewed from their unique history, distinctive culture, peculiar traditions, and customs. Mongols’ military campaigns under the leadership of Chingis-Khan in large areas caused remaining of their proper nouns to stay intact. The proof of it is in such marks as geographical names of Mongolian language origin. In addition, there was foreign vocabulary in Mongolian anthroponymicon. Turkisms and sinologisms became later manchurism attributes. Religious eclecticism: the original religion- Shamanism, Christianity, Islam are reflected on personal names’ system, as well. Later Buddhism’s distribution is also reflected on this system of personal names. So, some original personal names in “The Secret History of the Mongols” have shamanic roots. Scientists have found Christian origin in the name of the fifth son of Jochi-Syban. The main medieval Mongolian tradition of giving names to people still exists in the culture of the modern Mongolian people.

Keywords: extralinguistic factor, the Mongol Empire, Middle Ages, religion, anthroponymic system.

Онимическая лексика функционирует в каждом языке мира в большом количестве, что обусловлено ее назначением — индивидуализировать предмет в массе однородных, которые обозначены обычной нарицательной лексикой. Сказанное подтверждается тем, что имена собственные имеют ярко выраженную предметность. Семантика апеллятивной основы имен собственных в большинстве случаев тяготеет к нулевому показателю. Асемантичность возникла вследствие потери понятийного плана содержания и соотносительности с конкретными реалиями. Это, в свою очередь, привело к тому, что в основном онимы, особенно антропонимы, непередаваемы с одного языка на другой язык. Осуществление индивидуализирующей функции имен собственных способствует появлению в речи таких признаков, как «определенность, конкретность» [Суперанская 1990: 5], поскольку они и денотат между собой тесно связаны. Отсюда следует, что экстралингвистические факторы играют важную роль при образовании имен собственных. Указанные особенности — это ономастическая универсалия для всех языков. Вместе с тем, кроме универсальных особенностей, каждый антропонимикон отражает собственные оригинальные черты как в плане внеязыковых предпосылок, так и в представлении их посредством онимов. Творчество в процессе именования происходит непросто, продуманно, ответственно, и это обусловлено религиозными воззрениями, национальными и семейно-брачными традициями, обычаями, культурой и др.

Комплексное исследование языка обосновано давно. Так, Л. В. Щерба указывал на тесную связь между языком и его носителем: «Я же зову любить, наблюдать и изучать человека... как единственного истинного носителя языка как выразительного средства» [Щерба 1962: 98]. Лингвисты выразили свою четкую позицию относительно данного положения во время научного обсуждения новой методологии: «... конкретный материал может быть проанализирован лингвистически, только если он поставлен в связь с общественными явлениями, особенностями жизни данного языкового коллектива, возрастными, социальными, имущественными отношениями и положением говорящих» [Ахманова, Краснова 1974: 42]. И анализ онимической лексики должен проводиться в аспекте исследования внелингвистических факторов, повлиявших

на формирование именника. Эти факторы представляют собой любые исторические и культурные составляющие жизни этнической общности. Данное положение подтверждено на материале антропонимии монгольских языков В. В. Денисовой, которая выявила ономастические универсалии в экстралингвистическом аспекте [Денисова 2004: 68–141].

Антропонимикон в каждом языке является особой лексической подсистемой. Такие характеристики антропонимической системы, как ареал формирования, количество, редкость (раритетность) / частотность, не тождественны таковым обычной нарицательной лексики. И, по мнению А. Г. Митрошкиной [1987: 15–21], следует разграничивать апеллятивные и антропонимические диалекты. В основе обоих диалектов — историчность и соотносительность с конкретными территориями проживания их носителей. Однако антропонимические диалекты, или изоглоссы, в монгольских языках имеют совершенно другой характер. В связи с вышесказанным мы предпринимаем описание основных историко-культурных, этнографических предпосылок формирования системы номинации у монгольских народов.

Монголы обладают уникальной историей, самобытной культурой, своеобразными традициями и обычаями. Ряд исследователей считает, что основным этническим ядром первого государства хунну на территории Центральной Азии являлись монголы [Сухбаатар 1996: 68].

Разрозненные в постоянных междоусобицах монгольские племена после провозглашения единой Монгольской империи под предводительством Чингис-хана (Темучина) громко и на века заявили о себе на мировой арене XIII–XIV вв. военными походами, которые были направлены на запад и юг. Завоевания чингисидов обширных территорий Средней Азии, Казахстана, Афганистана влекли за собой след — например, географические названия монгольского языкового происхождения [Мурзаев 1974: 259–268]. В монгольский язык также проникала тюркская лексика. Так, в языке «Сокровенного сказания монголов» (ССМ) — это названия рек, городов, этносов, титулов — **Идил (Волга), Бухар (Бухара), кан-лин (канглы), солтан** [Козин 1941: 507, 508].

Система личных имен у монголов во времена Золотой Орды представляет собой

следующую картину. По всей вероятности, многие монголы имели тюрко-монгольские или тюркские имена. Так, хан Золотой Орды, потомок Джочи, имел имя **Тохтамыш** [Банзаров 1997: 118]. В Древнетюркском словаре [1969: 577] значится **Toqtamış**. Это имя можно этимологизировать от др.-тюрк. глагола **токта-** ‘остановиться, удержаться’ [Малов 1959: 104], а также от монг. формы глагола **тогто-** с таким же значением. Н. А. Баскаков [1979] описывает множество русских фамилий, восходящих к тюркским апеллятивным основам, обоснованно предполагая, что основы этих русских фамилий — личные имена — имели чингисиды времен Золотой Орды: **Чаада(ев)~Чеода(ев)** — основа фамилии — личное имя второго сына Чингис-хана **Джагатай~Чагатай**, в основе же имени монг.-тюрк. **džayataj~čayataj** ‘храбрый, честный, искренний’ [Баскаков 1979: 223]. **Сабур(ов)** — араб. **šabur** ‘терпеливый, выносливый’ [Баскаков 1979: 57]. У бурят Верхоленья встречается имя с подобной звуковой основой **Шабуур**, здесь инициальный *s/š*. **Скрыпе(ев)** — тюрк. **soqyr~soqyr**, монг. **soxor** ‘слепой, слепой на один глаз, кривой’, **bej~bīj** ‘князь, господин, вельможа, дворянин’. Ср. калм. **Сохр**, монг. **Добу Сохор** (ССМ), бурят. **хохор** ‘слепой’. Последнее → ойконим **Хохорск** (село в Иркутской области). **Тарбе(ев)**: первоначальная основа — тюрк.-монг. слово, которое состоит из глагола **tarbaj~tarbuj~tarbej-** ‘растопыриться, раскорячиться’ и суф., образующего имя действующего лица и прилагательное **-γaj// -gej, -aj// -ej — tarba(j) —γaj // tarbe(j) —gej** ‘раскоряченный, раскоряка; растопыренный, растопыря’ [Баскаков: 68, 60–62]. В бурятском антропонимиконе функционируют фамилии **Тарба(ев)**, **Дарбе(ев)**, личное имя **Дарбай**, в основе которых бурят., монг. **дарбай** — ‘быть растопыренным, оттопыриваться’. **Татар(ун)(ов)** — **Татар** — потомок Чингис-хана. Антропоним восходит к этнониму **татарин** [Баскаков 1979: 122]. В «Сборнике летописей» Рашид-ад-Дина встречается личное имя **Татаар** [Рашид-ад-Дин 1952: I–1, 75]. Ср. бурятскую фамилию **Татар(ов) (а)**. **Булат(ов)** ← **Булат~Болат~Пулат**, имя — от **bulat** ‘сорт стали, стальной клинок, сталь’. У бурят **Булад** (универсальное, западное и восточное Прибайкалье), **Болод** (локальное, восточное Прибайкалье). Калм., монг. **Болд**. **Анбай~Амбай** — от **aman** ‘благополучный, невредимый, здоровый’

← арабское **amān** ‘безопасность, мир, пощада’ и **baj** ‘богатый, господин’ [Баскаков 1979: 227]. В родословии бурят села Бурлай Качугского района Иркутской области зафиксированы индивидуальное имя **Амбай** и групповое семейное **Амбайтан**. **Нагай** — монг. **похaj** ‘собака’. Ср. потамоним **Нагай(н) ухан** ‘река Нагая’ (в верховьях реки Лены Иркутской области). Название этноса в составе Золотой Орды сохраняется в бурятском языке в форме личного имени **Алаан**, вероятно, как компонент генонима эхиритского племени **Алаани Балтай** ‘Балтай Алана’. Геноним **Алаани Балтай** → ойконим **Алаани Балтай**.

В период монгольской империи Юань в монгольский язык проникали китаизмы. Это в основном титульные и личные имена: **тайji** — от кит. **тай-цзы** ‘царевич’ [Владимирцов 1934: 142]. Есть основание полагать, что китаизмы заимствованы монгольской антропонимией в этот период и сохранились до настоящего времени в бурятском антропонимиконе: **Тайжа** (жен.) (эхирит. говор) — ‘тайджи (князь, дворянин)’; **Маа** (качуг. говор) — возможно, от кит. **mā** ‘лошадь, конь, конный’; **Паанха** (качуг. говор) — ср. кит. **pān** (фамилия), ср. маньч. **панхaj** (<кит.) ‘рак (зоол.)’; **Мадаас** (бохан. говор) — ср. кит. **mādaz** ‘переметная сума (у седла)’.

В эпоху империи Цин монгольский язык заимствует маньчжуризмы, которые дают основу для личных имен: **амбань** [История Монгольской 1983: 212–213] — в родословной таблице (в XVI колоне от начала) у сагаангууд (Агинский Бурятский округ) (АБО) есть имя **Амба– амба(н)** ‘уст. амбань, сановник’, у монголов — **Амбан** ‘уст. губернатор, вельможа’. У калмыков — **Амба** ‘уст. сановник; тибет. крупный, высокого роста’ [Монраев 2012: 122]. У монголов Китая наличествуют формы с **-нга/-нго** [Монголджин-у ... 1991: 157]: **Агдунгга** — маньчж. **акда-** (**агда**) ‘доверять, надеяться, верить’; **Айшингга** — маньчж. **ajcu** ‘польза, выгода’; **ajcūn** ‘золото’; **Сабингга** — маньчж. **сабу** ‘предзнаменование (доброе)’. Монгольская антропооснова + **-нга/-нго**: **Ачингга**, **Дэгжингга**, **Тогтонгга**. В «Шара туджи» [1957] встречается **Нэмэнгэ** — ср. монг. **нэмэ-** ‘дополнять, прибавлять’, вероятно, в смысле пожелания деторождения. Монг. **Толинго** — **толь (толин)** ‘зеркало’. И в бурятском антропонимиконе встречаются подобные имена: **Байнга** (муж., жен.)

— **бай-** ‘остаться (жить)’, **Бүрхэнгэ, Шадрангаа**. Антропоформант имеет эвенкийское языковое происхождение. Вероятно, со времен правления Цинь сохранились имена у бурят — **Манжа, Манжи, Мянж, Манжуу, Манжа** ‘Маньчжурия’.

Одной из основ формирования антропонимикона является главный компонент духовной культуры, который характеризовался религиозным эклектизмом: исконная религия — христианство [Карпини 1957: 145–156], ислам [Хара-Даван 1991: 194], шаманизм [Скрынникова 1995: 69]. Так, представляется убедительным высказывание П. Пелльо о христианском происхождении имени и монгольской модификации имени пятого сына Джочи **Сыбан** (от **Степан**) [Карпини 1957: 207]. Вдова Тулуя, ее имя **Соргахтани-беки** — **соргах** ‘родимое пятно’, **-тани** — архаическая форма суффикса женского рода, **беки** ‘княгиня’, была несторианкой [Карпини 1957: 207]. Распространение буддизма позднее, с конца XVI–XVII вв., заметно меняет корпус именника по языкам происхождения.

Источник монгольского антропонимикона — «Сокровенное сказание монголов». Исконные имена в ССМ характеризуются по структуре как однокомпонентные (с антропоформантами и без), двух- и трехкомпонентные, по семантике — социально и религиозно обусловленные. К первому типу можно отнести: 1. **Восхваляющие**: женские имена с **гоа/гуа** <стп.-м. **үгөө** ‘красивый, изящный’ — **Алан-гоа** — **алан** калм. ‘девственная, непорочная, чистая; изумление, загадочное явление’ [Долгих 1960: 250–251; Нимаев 1988: 82]. Ср. калмыцкое этнонимическое название **алангосуд** [Долгих 1960: 250–251; Нимаев 1988: 82]. **Борогчин-гуа, Гуа-Марал**, в фольклоре **Наран-Гоо-хон** (антропоформанты отделяем дефисом), **Түмэн-Гоо-хон, Гоо-хон**. Ср. бурят. **Гоо-хон**, прозвищное имя **Гое Бааля** ‘красивая Валя’, калм. **Гоо-га**, монг. **Гэрэл-гоо. Хубилай** — возможно, в основе имени монгольское сочетание **хувь заяа** ‘судьба, участь, доля’. Ср. бурят. **Хубдай** или **Хубадай**.

2. **Содержащий какой-либо признак**: **Мэнгэ-л, Мэнгэ-л-ун** — от **мэнгэ** ‘родинка, родимое пятно’ [об антропоформантах -л, -ун см. Митрошкина 1987: 115, 106]. Ср. калм. **Менгэ** (жен.).

3. **Возвышающие**: **Цуу** — **цуу** ‘молва, слава, известность’. В бурятской антро-

понимии это имя имеет форму **Суута** (в родословии Шоно, Шарайд) ‘известный, знаменитый, прославленный’ → ойконим **Суута** (Верхоленье). Ср. и у калмыков, и у монголов — **Суут**.

4. **Прозвищные**: **Их-нүдэн** ‘большеглазый’; **Тарг-уудай** — **тарган** ‘упитанный, толстый’.

5. **Ситуативные** имена: **Джебе** ‘стрела’. Носителю присвоено это имя в честь того, что он подстрелил коня Чингис-хана [Хара-Даван 1991: 35]. У бурят **Зэбэ**, у монголов **Зэв**, у калмыков **Зев. Зочи** ‘гость’. Калм. **Зөч**.

Ко второму типу можно отнести следующие. 6. **Пожелательные**: **Мөнх** ‘вечный’ распространено у бурят, калмыков, монголов. **Тохтоа**. Этому имени соответствуют бурят. **Тогтохо** (муж., жен.) ‘оставаться (жить)’, **Тогтоон**, калм. **Тогт, Тогтн, монг. Тогт**.

7. **Цветовая символика** в именах: **Хара-ндай, Хар-чу, Хар Хадаан** — **хар** ‘черный’ как символ силы. В Верхоленье фиксируется имя **Хадаан. Хөхө-чу** — **хөх** ‘синий, голубой’, ср. **хөх мөнх тэнгэр** ‘синее вечное небо’. Цветовые имена распространены у монгольских народов.

8. Имена, в апеллятиве которых **названия животных и их масти**: **Хасар** — ср. калм. **хаср** ‘охотничья собака’; имя **Хаср** встречается у калмыков. **Хасар бала** — тюрк. **bala** ‘дитя’; **Хуагчин** — монг. **хуа** ‘каурий, рыжеватый (о масти)’; **Хуаран**. Ср. бурят. **Хуаанар. Хүлүг** ‘аргамак, рысак’. У бурят и монголов **Хүлэг**.

9. Имена — **названия предметов быта**: **Хонхо-тан** — **хонхо(н)** ‘звонок, колокол’. Калм. **Хонх** ‘колокольчик’.

Набор антропонимов ССМ включает в себя иноязычные элементы, в основном тюркские. Л. Беше [1978], В. И. Рассадин [1995] провели этимологический анализ около 40 имен, возвели их к тюркским апеллятивам. Имена из родословия Тэмучжина (ССМ, §§ 45–47) встречаются у бурят. Например, **Бөртэ** (или **Бүртэ**) **чино** — др.-тюрк. имя **Bört** + ‘волк’. У западных бурят — **Борто. Байшинхор** — **baj** ‘богатый’, **ᠰᠣᠩᠬᠣᠷ, sonᠬur** ‘кречет’. В бурятском языке встречается S-инициальная форма — **Сонхор** → фамилия **Сонхоров. Хабтурхас** — **qar** ‘сосуд, мех, бурдюк, мешок’, **turī** — имя собственное, **Qaz** — имя собственное или **qaz** ‘гусь’ [ДТС 1969: 420, 587, 438]. Ср. бурятское имя **Хазай**. Возможно, от

qar образованы **Хааба**, **Хаабшаг** (у бурят Верхоленья). Последнее ср. также с др.-тюрк. **qarɕuq** ‘мешочек’ [ДТС 1969: 420]. **Малиг** — вероятно, кит. **мǎ** ‘лошадь, конь, конный’, **Ма** (фамилия) и **-лиг** — др.-тюрк. аффикс со значением обладания по исходной основе [ДТС 1969: 656]. Бурят. **Маа**. В основе имени не нужно усматривать тибетское **ма** ‘женщина, мать’, поскольку имя бытует у верхоленьских бурят, среди которых не был распространен буддизм.

Таким образом, история монголов, в составе которой тюркский, китайский и тунгусо-маньчжурский этнический миры, и особенности религиозного воззрения, отражается как в языке, так и в наборе личных имен. Основные традиции именования людей у монголов в средние века продолжают функционировать в имятворчестве современных монголызычных народов. Так, в XII колене родословия потомков рода Худанса Шарайд хоринского племени значится **Үгэдэй** — имя третьего сына Чингис-хана; **Түмүүжэн** (≈XXIII колена, пгт. Агинское АБО).

Источники

Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г.: введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарии. М.; Л.: АН СССР, 1941. Т. 1. 619 с.

Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1, кн. 1 / пер. Л. А. Хетагурова / ред., примеч. А. А. Семенова. М.; Л.: АН СССР, 1952. 279 с.

«Шара Туджи» – монгольская летопись XVII века / Свод. текст, пер., введ. и примеч. Н. П. Шастиной. М.; Л.: АН СССР, 1957. 199 с.

Литература

Ахманова О. С., Краснова И. Е. О методологии языкознания // ВЯ. 1974, № 6. С. 32–47.

Банзаров Д. Замечание о монголизмах в ярлыке Тохтамыш-хана // Собрание сочинений. Улан-Удэ: БИОН СО РАН, 1997. С. 118–119.

Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения. М.: Наука, 1979. 276 с.

Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л.: АН СССР, 1934. 233 с.

Sources

[*Shar Tuuj (Sira Tuuji)*]: a 17th-Century Mongolian Chronicle]. N. P. Shastina (introd., transl., etc.). Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1957. 199 p. (In Russ.)

[*The Secret History (of the Mongols)*]: a Mongolian Chronicle of 1240]. A. Kozin (introd., transl., etc.). Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1941. Vol. 1. 619 p. (In Russ.)

Rashid-al-Din. [Collected Manuscripts]. Vol. 1, book 1. L. A. Khetagurov (transl.), A. A. Semenov (ed., comment.). Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1952. 279 p. (In Russ.)

References

[Dictionary of Old Turkic]. V. M. Nadelyaev et al. (eds.). Leningrad: Nauka, 1969. 676 p. (In Russ.)

[History of the Mongolian People’s Republic]. Moscow: Nauka, 1983. 661 p. (In Russ.)

[The Mongols: a Case Study of Tribal and Clan Names]. Goolbagan et al. (eds.). Ulagananda, 1991. 603 p. (In Classical Mong.)

Akhmanova O. S., Krasnova I. E. Methodology of linguistics revisited. *Voprosy Jazykoznanija*. 1974. No. 6. Pp. 32–47. (In Russ.)

Banzarov D. Discussing Mongolisms in Khan Tokhtamysh’s *jarlig* (edict). In: [Collected Works]. Ulan-Ude: Buryat Institute for Social Science (Sib. Branch) of RAS, 1997. Pp. 118–119. (In Russ.)

Baskakov N. A. [Russian Family Names of Turkic Origin]. Moscow: Nauka, 1979. 276 p. (In Russ.)

Bese L. Some Turkic personal names in the Secret History of Mongols. *Acta Orientalica Academiae Scientiarum Hung.* 1978. Vol. XXXII (3). Pp. 353–369. (In Eng.)

Carpine G. da Pian del. *Ystoria Mongalorum*. Moscow, 1957. (In Russ.)

Denisova V. V. [Universal Mongolic Anthroponyms]. Ulan-Ude: East-Siberian State Institute of Culture, 2004. 159 p. (In Russ.)

Dolgikh B. O. [Peoples of Siberia in the 17th Century: Clan and Tribal Structures]. Moscow:

Денисова В. В. Универсалии монгольских антропонимов. Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2004. 159 с.

Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М.: АН СССР, 1960. 621 с.

Древнетюркский словарь / ред. В. М. Наделяев и др. Л.: Наука, 1969. 676 с.

История Монгольской Народной Республики. М.: Наука, 1983. 661 с.

Карпини Дж. Дель Плано. История монголов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. М.: География, 1957. 266 с.

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М., Л., 1959. 111 с.

Митрошкина А. Г. Бурятская антропонимия. Новосибирск: Наука, 1987. 224 с.

Монголджин-у монгол обог кигедайилун нерес-үнсудулал / ред. Гоолбагана и др. Улагананда, 1991. 603 х. (на старомонг. граф.).

Монраев М. У. Калмыцкие личные имена (семантика). Элиста: Герел, 2012. 253 с.

Мурзаев Э. М. Очерки топонимики. М.: Мысль, 1974. 381 с.

Рассадин В. И. Тюркские элементы в языке «Сокровенного сказания монголов» // «Тайная история монголов»: источниковедение, история, филология. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. С. 108–111.

Нимаев Д. Д. Проблемы этногенеза бурят. Новосибирск: Наука, 1988. 169 с.

Скрынникова Т. Д. Представления монголов XIII века о харизме и культ Чингис-хана // «Тайная история монголов»: источниковедение, история, филология. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. С. 66–88.

Суперанская А. В. Имя – через века и страны. М.: Наука, 1990. 192 с.

Сухбаатар Г. Монгольские этнонимы дочингисовской эпохи // Монголо-бурятские этнонимы. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1996. С. 68–76.

Щерба Л. В. О задачах лингвистики // Вопросы языкознания, 1962. № 2. С. 98.

Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 221 с.

Bese L. Some turcic personal names in the Secret History of Mongols // Acta Orientalica Academiae Scientiarum Hung, 1978. t. XXXII (3). p. 353–369.

USSR Academy of Sciences, 1960. 621 p. (In Russ.)

Khara-Davan E. [Genghis Khan as a Warlord and His Heritage]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1991. 221 p. (In Russ.)

Malov S. E. [Mongolia and Kyrgyzstan: Monuments of Old Turkic Script]. Moscow, Leningrad, 1959. 111 p. (In Russ.)

Mitroshkina A. G. [Buryat Anthroponymy]. Novosibirsk: Nauka, 1987. 224 p. (In Russ.)

Monraev M. U. [Kalmyk Personal Names: Semantics]. Elista: Gerel, 2012. 253 p. (In Russ.)

Murzaev E. M. [Essays on Toponymy]. Moscow: Mysl, 1974. 381 p. (In Russ.)

Nimaev D. D. [The Buryats: Ethnogenetic Issues]. Novosibirsk: Nauka, 1988. 169 p. (In Russ.)

Rassadin V. I. *The Secret History of the Mongols*: Turkic elements in the language of the monument. In: [*The Secret History of the Mongols*: Source Studies, History, Philology]. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (Sib. Branch) of RAS, 1995. Pp. 108–111. (In Russ.)

Rubruck W. The Journey of William of Rubruck to the Eastern Parts of the World. Moscow: Geografiya, 1957. 266 p. (In Russ.)

Shcherba L. V. Revisiting challenges of linguistics. *Voprosy Jazykoznanija*. 1962. No. 2. Pp. 98. (In Russ.)

Skrynnikova T. D. Genghis Khan’s charisma and cult: representations of 13th-century Mongols. In: [*The Secret History of the Mongols*: Source Studies, History, Philology]. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (Sib. Branch) of RAS, 1995. Pp. 66–88. (In Russ.)

Sukhbaatar G. Mongolian ethnonyms of the pre-Genghis era. In: [Mongolian and Buryat Ethnonyms]. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (Sib. Branch) of RAS, 1996. Pp. 68–76. (In Russ.)

Superanskaya A. V. [Name – Across Centuries and Countries]. Moscow: Nauka, 1990. 192 p. (In Russ.)

Vladimirtsov B. Ya. [Social Order of the Mongols: Mongolian Nomadic Feudalism]. Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1934. 233 p. (In Russ.)

**О ПОДГОТОВКЕ ТЕКСТОВ ПЕСЕН ЭПОСА «ДЖАНГАР» ПРИ СОСТАВЛЕНИИ
ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ: ПУНКТУАЦИОННОЕ ОФОРМЛЕНИЕ
(обособление деепричастий и деепричастных оборотов)**

On the Preparation of Texts of Songs from the epos *Dzhangar* when Compiling Explanatory Dictionary: Punctuation (separating participles and misrelated participles)

Н. М. Мулаева (N. Mulaeva)¹

¹ кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела теоретической и экспериментальной лингвистики Калмыцкого института гуманитарных исследований Российской академии наук (Ph.D. of Philology, Researcher of the Department of Theoretical and Experimental Linguistics at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: munimi76@mail.ru.

В статье постулирован ряд правил по пунктуационному оформлению деепричастий и деепричастных оборотов в калмыцком предложении в связи с подготовкой текстов эпических песен для «Толкового словаря калмыцкого героического эпоса „Джангар“». В калмыцком языкознании до сих пор нет ни одного справочника по пунктуации, следовательно, необходима дальнейшая тщательная разработка и составление правил пунктуации для калмыцкого языка, с учетом стилистического многообразия и развития языка на протяжении длительного периода.

Ключевые слова: калмыцкий язык, толковый словарь, эпос «Джангар», морфологическая обработка текстов, правила пунктуации калмыцкого языка, обособление деепричастий и деепричастных оборотов.

The aim of the article is to lay down punctuation rules on participles and misrelated participles in a Kalmyk sentence when preparing texts of epic songs for compiling “Explanatory dictionary of the Kalmyk heroic epos *Dzhangar*”. Punctuation of particles and misrelated participles in Kalmyk language like in many other languages is strongly dependent on syntax. However, the meaning in the speech is a crucial moment to be taken into account, when building a sentence and choosing punctuation marks. It should be noted that the rules, laid down by the authors, are relevant only for the language materials of the epos *Dzhangar*. The main assumption is that it refers to the early historical period of the Oirat literary language, to its origin. For it bears the marks of the literary language due to its literary processing (arranged set of formulas – poetic, oratory, legal, everyday), its supradialectal form, as well as functional and stylistic diversity.

Keywords: Kalmyk language, explanatory dictionary, the epos “*Dzhangar*”, morphological processing of texts, punctuation rules of the Kalmyk language, separating participles and misrelated participles.

Лексикография связана со всеми разделами языкознания, особенно с лексикологией, многие проблемы которой получают в первой дисциплине специфическое преломление. Последняя подчеркивает важную социальную функцию словарей, которые фиксируют совокупность знаний общества той или иной эпохи. В языкознании наряду с грамматикой разрабатывались в первую очередь вопросы составления лексикографических трудов для того или иного языка.

Первые калмыцкие словари (в основном это были двуязычные русско-калмыцкие лексикографические труды) в России стали

известны с первой половины XVIII в., среди них наиболее ценными для калмыцкой лексикографии являются труды ученых-востоковедов К. Ф. Голстунского [1860], А. М. Позднеева [1911] и др. В современной калмыцкой лексикографии можно выделить «Русско-калмыцкий словарь» Б. Б. Басангова [1940], одними из значимых трудов до сих пор остаются «Русско-калмыцкий словарь» [1964] и «Калмыцко-русский словарь» [1977].

В истории калмыцкой лексикографии существует определенный опыт составления толковых словарей или работ с элементами толкования — это «Толковый словарь

калмыцкого языка» Э.-А. Кекеева [1932], «Опыт лингвистического исследования эпоса „Джангар“» [Тодаева 1976], «Толковый словарь традиционного быта калмыков» [Пюрбеев 1996], «Толковый словарь калмыцкого языка» [Манджикова 2002] и др.

В Калмыцком институте гуманитарных исследований РАН с целью сохранения, развития и исследования калмыцкого языка осуществляется создание «Толкового словаря языка калмыцкого героического эпоса „Джангар“». На начальном этапе работы необходимо провести подготовку текстов эпоса «Джангар» для их морфологической обработки в программе, созданной для Национального корпуса калмыцкого языка¹ [Куканова и др. 2013; Куканова и др. 2014; Бембеев и др. 2014]. Некоторые из текстов ранее не публиковались, часть из них была передана для работы отделом фольклора и джангароведения КИГИ РАН, ведущим работу по подготовке многотомного Свода калмыцкого фольклора [Манджиева 1999; 2009; Убушиева 2011; 2011a]².

Перед морфологической обработкой необходимо унифицировать оформление текстов песен «Джангара» в соответствии с нормами орфографии и пунктуации калмыцкого языка, при этом сохранить их лексические и синтаксические особенности. Данная работа необходима для того, чтобы программа морфологического анализатора могла автоматически выделять, например, коллокации³, фразеологизмы, идиомы, парные слова с учетом знаков препинания. Если в предложении при выделении синтаксического оборота запятая или запятые стоят неверно, то без учета знаков препинания программа автоматического анализа не сможет правильно определить границы устойчивых сочетаний.

При переложении текстов песен циклов эпоса «Джангар» на современный калмыц-

кий язык оформление текстов проводилось согласно правилам пунктуации, которые еще недостаточно четко разработаны для современного калмыцкого языка⁴. Целью настоящей статьи является постулирование ряда правил, связанных с пунктуационным оформлением деепричастий и деепричастных оборотов в калмыцком предложении. Примеры на каждое правило приводятся из песен эпоса «Джангар».

Вопросам пунктуации в калмыцком языкознании была посвящена статья профессора Г. Д. Санжеева, в которой разработаны некоторые пунктуационные правила для калмыцкого языка. Автор справедливо отмечает, что пунктуация в некоторых случаях является наиболее сложным вопросом грамматики и эти проблемы могут быть правильно разрешены лишь в свете рассмотрения синтаксических функций частей речи (деепричастий и причастий) и типов предложения. По мнению Г. Д. Санжеева, наиболее неясным из пунктуационных вопросов является, судя по практике многих языков, употребление запятой при выделении однородных членов предложения, деепричастных и причастных оборотов. Отдельные вопросы пунктуации требуют еще дополнительной и детальной разработки, к таковым относятся, например, обороты с глаголами *гих*, *гигж* и т. д. [Санжеев 1973].

В учебном пособии по синтаксису У. У. Очирова [Очра 1990¹] описаны правила пунктуации в калмыцком языке. На наш взгляд, нормы, описанные У. У. Очировым более двадцати лет назад, по-прежнему важны, так как научно систематизированные и теоретически осмысленные положения являются базовым источником для составления полноценного справочника по пунктуации калмыцкого языка, который до сих пор не создан. Приведем правила обособления деепричастий и деепричастных оборотов²:

- Если распространенные обстоятельства выражены деепричастными оборотами и не находятся рядом со сказуемым, то запятая ставится в конце оборота.
- Если одиночные разделительные и соединительные деепричастия являются однородными, то они друг от друга отделяются запятыми.

⁴ Как отмечает Н. В. Скилкова, ни о какой специализированной системе пунктуации в калмыцком языке, говорить не приходится [Скилкова 2003: 26].

¹ В 2013 г. запущена тестовая версия Национального корпуса калмыцкого языка (<http://kalmscorp.ru>).

² За содействие в составлении Толкового словаря выражаем его сотрудникам глубокую признательность.

³ Если раньше обучение языку начиналось с изучения слов или семантически связанных групп слов, то сейчас ученые и педагоги больше склоняются к обучению через фразы и коллокации [Обучение коллокациям ...; Ягунова, Пивоварова 2010]. Думается, что данная методика может быть применима и при обучении калмыцкому языку.

- Одиночные деепричастия с аффиксами *-хла/-хлэ*, *-хларн/-хлэрн*, *-тл* выделяются запятыми с двух сторон [Очра 2011: 216–220].

Максимально полно синтаксические явления в области калмыцкого предложения освещены в монографии Г. Ц. Пюрбеева [Пюрбеев 2010], изложенные в его работе теоретические положения и практический материал были применены нами при составлении правил обособления деепричастий и деепричастных оборотов в калмыцком языке.

Основываясь на трудах Г. Д. Санжеева [Санжеев 1973], У. У. Очирова [Очра 1990; 2011], Г. Ц. Пюрбеева [Пюрбеев 2010], а также на правилах пунктуации, разработанных в родственном бурятском языке [Краткий справочник ... 1940; Правила орфографии ... 2009], мы постулируем ряд правил пунктуации для деепричастий и деепричастных оборотов в калмыцком предложении, которыми мы руководствовались при подготовке текстов песен эпоса «Джангар» для составления Толкового словаря.

Следует подчеркнуть, что правила составлены нами только на языковом материале эпоса «Джангар», который обнаруживает

признаки литературного языка: обработанность (сложившийся набор формул — поэтических, ораторских, правовых, обиходно-бытовых), наддиалектность, функционально-стилистическую вариативность, что позволяет предположительно отнести его к раннему периоду истории ойратского литературного языка, к истокам его зарождения [Салыкова 2007]. В настоящей статье мы не претендуем на полноту описания правил обособления деепричастий и деепричастных оборотов в современном калмыцком языке.

Деепричастие

Деепричастие — это атрибутивная форма глагола, в которой совмещаются значения двух частей речи: глагола и наречия, т. е. значение действия и обстоятельственно-определяющее значение [Русская грамматика 2005: 671]. В калмыцком языке выделяются десять видов деепричастий, которые образуются присоединением к глагольной основе различных аффиксов и делятся на две группы [Грамматика калмыцкого языка 1983: 248–259]:

I		II	
сопутствующие		обстоятельственные	
вид деепричастия	аффиксы	вид деепричастия	аффиксы
соединительное	<i>-жс/-ч</i>	условное	<i>-хла/-хлэ</i> , <i>-вас/-вэс</i>
слитное	<i>-н</i>	предельное	<i>-тл</i>
разделительное	<i>-ад/-эд</i> <i>-һад/-һэд</i>	последовательное	<i>-хларн/</i> <i>-хлэрн</i>
		предварительное	<i>-м цацу</i> (послелог)
		продолжительное	<i>-сар/-сэр</i>
		целое	<i>-хар/-хэр</i>
		уступительное	<i>-вчн/-вч</i>

Деепричастным оборотом называется вид глагольных сочетаний слов, в которых структурно-организующим компонентом является форма деепричастия. Выступая в качестве ведущего слова оборота, деепричастие подчиняет себе все другие члены и вместе с ними относится к какому-нибудь члену предложения или ко всему предложению в целом [Пюрбеев 2010: 162]. Деепри-

частный оборот обычно состоит из главного слова (деепричастия) и одного или нескольких зависимых от него слов.

Одиночные деепричастия и деепричастные обороты в калмыцком языке могут занимать в предложении инициальную и медиальную позиции. В калмыцком языке (литературном и разговорном) деепричастные обороты иногда располагаются в конце

¹ Ввиду актуальности и значимости работы У. У. Очирова данное учебное пособие по синтаксису калмыцкого языка было переиздано [Очра 2011].

² Перевод правил с калмыцкого языка на русский язык осуществлен автором статьи.

предложения, являясь парцеллированными конструкциями, в таком случае они всегда обособляются, приобретая предцированный характер [Пюрбеев 2010: 171].

Обособление одиночных деепричастий

1. Обстоятельственные одиночные деепричастия (условные деепричастия с аффиксами *-хла/-хлэ*, *-вас/-вэс*; предельные — *-тл*; последовательные — *-хларн/-хлэрн*; предварительные — *-м¹*; продолжительные — *-сар/-сэр*; целевые — *-хар/-хэр*; уступительные — *-вчн/-вч*) обособляются независимо от занимаемой позиции в предложении, например:
 - *Хойр алхад, **хурвдхла**, шархин амн деер харч ирчкэд, унл уга бээһэд бээв* [ЭО: IX].
 - *Тавн миңһн хоңх жиңнэд, **түлкхла**, түмн хоңх жиңнэд, Арнэл Зеердин өөр һарад ирв унл уга бээһэд бээв* [ЭО: I].
 - *Мөрнь, **тиигхлэг²**, келнэ өмнэснь* [ОБ: I].
 - ***Ирхлэнь**, хан күүкн һурвн цөгц эрк өгв* [ЭО: I].
 - ***Хэлэвэс**, тиньгр у тег³* [Цит. по: Грамматика калмыцкого языка 1983: 257].
 - ***Босвас**, домбрт келн бишлхэнэ* [Цит. по: Грамматика калмыцкого языка 1983: 257].
 - ***Хурхларн**, Жаңһр кесг олн баатрмуд дахулад, нарн үдүр тедн һарад йовна* [ОБ: I].

¹ Предварительное деепричастие в калмыцком языке употребляется редко, оно образуется путем присоединения к глагольной основе сочетания из аффикса *-м* и послелога *цацу*: *келм цацу* ‘как только сказал’, *өгм цацу* ‘как только дал’, *ирм цацу* ‘как только вошел’ [Грамматика калмыцкого языка 1983: 251, 258]: *Тиигжэ Манжиковиг келм цацу, Сергей торл уга харч ирлэ* ‘Как только так сказал Манжиков, Сергей, не задерживаясь, вышел’ [Цит. по: Пюрбеев 2010: 165].

² Иногда деепричастие на *-хла/-хлэ* в значении условия совершения действия оформляется аффиксом винительного падежа *-г* [Пюрбеев 2010: 176].

³ Примеры на некоторые случаи в эпосе «Джангар» не были обнаружены, поэтому соответствующие примеры приведены из «Грамматики калмыцкого языка: фонетика и морфология» [1983] и монографии Г. Ц. Пюрбева «Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис» [Пюрбеев 2010].

- *Чамаһан нег хэр һазрт зарн гижээнэв, **зархларн**, Күдр Заарин Зан Тээж хаанд, эл болхла, ээлинь соңсад, дэн болхла, дээһинь соңсад, мини кел гисн үгиг күргэж келич* [ЭО: V].
 - ***Көрхларн**, алтн мөңгн хойрар урсдг бээж, гинэ* [ОБ: I].
 - *Богд Жаңһр, **хэрхларн**, нанд үрн болх күүһан һанц бийинь илгэти* [ЭО: IX].
 - ***Үксэрн**, орад үкнэв* [ОБ: I].
 - ***Алдвчн**, чам деерэс алдхар йовна би* [ШД: II].
2. Сопутствующие одиночные деепричастия (соединительные деепричастия с аффиксами *-ж/-ч*; слитные — *-н*; разделительные — *-ад/-эд*, *-һад/-һэд*) обособляются в инициальной и медиальной позициях в предложении, например:
 - ***Босхжэ**, наар-цаар йовулн бээһэд, шарин зурһан миңһн арвн хойр бийэрн шинжлэж бээһэ* [ЭО: I].
 - ***Байрлэж**, сэн гижэ зэрлг болад, Арнэл Зеерд деерэн дэкн мордв, элвг сээхн хурдарнь гүүлгэд харв* [ЭО: I].
 - ***Цокчкад**, Хоңһр келнэ* [ОБ: I].
 - ***Үзэд**, келжэ өгсн күмниг, гелң болхла, Бумб дала гидг далад бум күцэд бүүрлгсн хурлын лам мет бээһнэв* [ЭО: I].
 - *Зун жилин буруһан, **ирэд**, эржэ ав гижэ бээһэ* [БЦ: II].
 3. Не обособляются одиночные сопутствующие (соединительные, слитные, разделительные), а также обстоятельственные (целевые, условные, продолжительные) деепричастия, которые в сочетании со вспомогательными глаголами *бээ⁴* и *бол-* образуют неослож-

⁴ В работе В. В. Барановой подробно изучены сложные глаголы в калмыцком языке (сложные глаголы состоят из двух и более лексических единиц, образующих одну синтаксическую единицу). Набор глаголов, которые могут выступать в качестве вершины сложного глагола в калмыцком языке, ограничен; это глаголы движения (*ааш-* ‘приближаться’, *ир-* ‘приходить’, *јов-* ‘идти, ходить’, *од-* ‘уходить’, *ор-* ‘входить’, *уар-* ‘выходить’ и др.), глаголы позиции (*суи-* ‘сидеть’, *кевт-* ‘лежать’), глаголы *ав-* ‘брать’ и *өг-* ‘дать’, *орк-* ‘класть’, *тäv-* ‘класть’, *хаж-* ‘бросать’, *бää-* ‘быть’, *бол-* ‘становиться’, *алд-* ‘терять’, *gi-* ‘говорить’, *хälä-* ‘смотреть’, *üz-* ‘видеть’ и др. Сложные глаголы в калмыцком состоят из

ненное составное глагольное сказуемое¹, например:

- o *Хар-цоохр тугинь шуучэж хавтхлад, нээмн түмн хар һалзн агтынь зогсэж бээнэ*² [ЭО: V].
- o *Чи ман хойрт сэн болдг угаһинь кен меджэ бээнэ*? [ЭО: VIII].
- o *Көлэри көндэн одгснд захин хойрт келэж бээнэ* [ЭО: II].
- o *Иигэн-тиигэн хойрт тоңһ дарад бээв* [ЭО: I].
- o *Ө-балтан бэрсн Күндл Һарта Начн Савр хэрү эргэж ирэд бээнэ* [БН: I].
- o *Эзн Жаңһртан зөвэн күргн, келн бээв* [ЭО: I].

4. Не обособляются одиночные сопутствующие деепричастия (соединительные, слитные, разделительные), а также обстоятельственные (целевые), которые в сочетании со вспомогательными глаголами образуют неосложненное составное глагольное сказуемое³, основное содержание которого заключено в деепричастии, например:

- o *Шар Ширмин хан, көвүн уга хан, энүг көвүчлэж авв* [ШД: I].
- o *Альвн сээхн күлгин альвар цокулад уга, арднь орэж йовна* [БЦ: I].
- o *Элвг сээхн хурдарнь гүүлгэд һарв* [ЭО: I].
- o *Күрл хар бээшнд шидрдс гихэд, күрэд ирв* [ЭО: I].
- o *Миңһн улан хөн харһлдн, дэврэд ирв* [БЦ: I].

деепричастной формы зависимого глагола и синтаксически главного глагола (вершины), который оформляется показателями, относящимися ко всей конструкции [Баранова 2009].

¹ См. подробно: [Пюрбеев 2010: 91–93].

² В современном литературном калмыцком языке под влиянием живого литературного языка аналитическая форма сказуемого наиболее подвержена фузии, или сращению. Ср. *зогсэж бээнэ* — *зогсчана* ‘стоит’, *меджэ бээнэ* — *меджэнэ* ‘понимает, осознает, догадывается’, *келэж бээнэ* — *келжэнэ* ‘говорит, рассказывает’ [Пюрбеев 2010: 91].

³ К неосложненным составным глагольным сказуемым относятся сказуемые, в которых основная (полнозначная часть) выражена формами деепричастий, а служебно-грамматическая часть — вспомогательными глаголами, например: *һарх* ‘выходить’, *ирх* ‘приходить’, *орх* ‘входить’, *авх* ‘брать, принимать’, *йовх* ‘идти’, *оркх* ‘положить, оставить’ и т. д. См. подробно: [Пюрбеев 2010: 90, 93–96].

- o *Сөөг сө гил уга, өдриг өдр гил уга, гүүлгэд оркна* [ЭО: X].
- o *Эңкр ах Санл, танд зөвэн келхэр ирлэв* [ЭО: V].

5. Не обособляются одиночные сопутствующие (соединительные, слитные, разделительные), а также обстоятельственные (целевые) деепричастия, которые в сочетании с одним или двумя одноосновными глаголами-связками *бээ-* или со вспомогательными глаголами образуют осложненное составное глагольное сказуемое⁴, например:

- o *Хашир мөңгн үүднд ирэд, тэвн сээни көвүдэр бэрүлэж бээһэд тохв* [ЭО: I].
- o *Арднь үлдгсн Жаңһрахн сээһэн тээлэд бээһэд бээнэ* [ОБ: I].
- o *Тер кевэрн жцирһэд бээһэд бээжэ* [ОБ: I].

6. Сложные формы слитных и разделительных деепричастий, образованные от разнородных глагольных основ, не отделяются друг от друга запятыми, а пишутся через дефис, например:

- o *Босн-сун томгсн улан торһн жолаһинь дел деерэн тальвад* [БМ: VI].
- o «Намаг му деерм му кевч», *гихэд, һундад-өөлэд йовна* [ШД: II].

7. Редупликативные формы соединительных, слитных и разделительных деепричастий⁵, образованные от одних и тех же глаголов, не отделяются друг от друга запятыми, а пишутся через дефис, например:

- o *Йовэж-йовэж, Өлзэтэ Өл Маңхн уулын ора деер һарад ирв* [ШД: IV].
- o *Тер эрвңгэрн хатхэж-хатхэж, дүүргэж авад, шувтрад хайчкад йовна* [ШД: IV].
- o *Зер-зевэр боли уга болад, хараданаһар шүүрлдэд, буур кевтэ нүрлдэж ирэд, авн-авн сегсрлдэд, ачн-ачн цоклдв* [ЭО: I].
- o *Хурдлад-хурдлад йовэж, Хар Кермн хаана барун эркнд ирэд буув* [ШД: II].
- o *Мини сээрэр гүвдэд-гүвдэд йов!* [ШД: II].

8. Аналитические сочетания, конечный компонент которых выступает в форме одиночных сопутствующих (соедини-

⁴ См. подробно: [Пюрбеев 2010: 101–103].

⁵ См. подробно: [Грамматика калмыцкого языка 1983: 252–253].

тельных, разделительных) и обстоятельственных (условных, предельных) деепричастий, не отделяются друг от друга запятыми¹:

- **Тиигэж хувлэж**, танд нег усн унд хойр күргэж өглэв [ЭО: II].
- **Дэкэд йова йовтлнь**, хүчн хүрвн шорта, хүрвн хар мөргтэ киитн хар шорар чилм хар мөртэ баатр чичхэр ардаснь күрэд ирвэл [БМ: IV].
- **Тиигэ йовтлнь**, тернь чигн элэд, ор һанцхн бэрм үлднэ [ОБ: I].

Обособление деепричастных оборотов

1. Обстоятельственные деепричастные обороты обособляются независимо от места расположения по отношению к сказуемому, например:

- **Тер адунтн бээдг болхла**, эзн богд Жаңһр минь, Арнэл хурдн Зеердэн намд хээрлтн [БМ: III].
- Алдр нойн баав, **таниг тиигэд сурхла**, дуулад өгч болх [ШД: II].
- **Хэрэс гиич ирхлэ**, эркн сэн сөңчэн кенэв, өгтхэ гилэ [ЭО: II].
- **Ууль хар ууридан күрэд ирхлэнь**²,

¹ Обстоятельства меры и степени характеризуют действие, состояние или признак с количественной стороны и выражаются, например, аналитическими глагольными сочетаниями, конечный компонент которых выступает в форме деепричастий на *-жс*, *-ад/-эд*, *хла/-хлэ* и *-тл*: Бидн **йова йовжс**, худнр болн гижэнавидн. См. подробно: [Пюрбеев 2010: 143–151].

² Субъектное имя оборота (причастного и деепричастного) чаще всего оформляется именительным, винительным и родительным падежами. Причем в винительном и родительном падежах субъекта может иметь место как аффиксальная (ненулевая) форма, так и безаффиксальная (нулевая). Выбор той или иной падежной формы зависит от разных факторов. Так, например, ненулевая форма винительного падежа субъекта употребляется, когда ведущим словом является деепричастие на *-тл*, *-хла/-хлэ* с частицей *-нь*, например: Гүүлгдэд **йовжс йовтлнь**, Гаң Мөңгн дала Мөсн Цаһан уул хойр үзгдв. См. подробно: [Пюрбеев 2010: 164–167]. Э. У. Омакаева считает, что наиболее употребляемый показатель *-нь* является маркером данного, т. е. ориентирован на нужды коммуникативно-прагматического членения высказывания с точки зрения слушающего в момент произнесения высказывания. С его помощью выделяется то, что является для слушающего известным в коммуникативном плане.

ик хар эмгнь өмнэснь һарад ирв [ЭО: II].

- **Богц болсн сээр деегүрм шовт тусад үлдхлэчн**³, эзн мини эргү билэ гижэ, хэрү орвэж хамжавшив [ОБ: I].
 - **Дэтин көвүн Шоңхр, Арнэлын хурдн Зеердиг авч иржэ эс**⁴ өгхлэчнь, Арл Манз хаана олхд иргсн элмр [ШД: IV].
 - **Өргнь һазрт дөңн алдтл**, хурдлв [ШД: IV].
 - **Жаңһртаһан болхларн**, өнчн көвү, өлн ноха үлдэл уга, чавчад окжэ [БН: I].
 - Замбл хан, **Бумбин орнд ирхлэрин**, хүрвн жсилд хамринь хатхад уга һунн шар тормиг хээһэд, олдл уга, тана Бумбин орнд бээнэ гих зэңгэр ирүв [ЭО: I].
 - **Арг Хоңһр ик байрта ирсэр**, күчтэ арзин сүүр болад, арслңгуд эч-тач согтжэ киисэд, дүң хар арз болад унтв [ЭО: III].
 - **Цахрас арһс ачхар**, оһтр улан цард маңһд тергэн татгсн өвгн күрэд ирв [ЭО: I].
 - Мана **Әср Улан Хоңһрла Арслңгинтн Бөк Цаһан бээр бэрхэр**, махн болдар мөрглүлгсн, алмс болдар ирлүлгсн, доклуртнь догшин хар селмән дола дэкжэ иринь долажэ бээнэ [БН: I].
 - **Оцл Дамбан Көк Һалзн күлг маңһдур һаңхвчн**, һал үдин чингэд эс күргдм болхлэчнь ... [ШД: II].
2. Сопутствующие деепричастные обороты обособляются независимо от места расположения по отношению к сказуемому, например:
- **Тер бийнь, әм арһлэж**, әрә һарла [ЭО: II].
 - **Мөндр торш уга мөсн уул деер һарч**, ноолдый гихэд, һарад йовна [ОБ: I].
 - **Алс улван хормаһаснь арвн цаһан хурһар авн**, эмәлиннь бүүрг деер күм дарад ... [ЭО: II].

См. подробно: [Омакаева 2011: 45–46].

³ В обстоятельственных деепричастных оборотах со значением времени формы условного и предельного деепричастий могут принимать лично-притяжательные частицы [Пюрбеев 2010: 175–176].

⁴ Деепричастия (I и II условное, уступительное, соединительное, разделительное, продолжительное) принимают препозиционную частицу *эс* как показатель отрицания [Грамматика калмыцкого языка 1983: 292].

- *Арвн хойр иртэ балтн хуһ тусад, нээмн давхр цока торһн салдрһнь чигчэднь ясдад одв* [ЭО: VII].
 - *Тедн тиигэд дундахурнь йовжэ¹ йовад, зогсад, хург хурна, тедн* [ОБ: I].
 - *Дегц зурһан давхр тохминь тэвб, дөш хар эмэлинь тэвэд, терд мөңгн көвцгинь тэвб* [ЭО: II].
 - *Дарцг цаһан эрвэцднь далн хойр хурняс һарһад, нээмн татур хавснднь шуһу орулн татад оркв* [ЭО: I].
 - *Дүүрц һарсн арвн тавни сар мет дүңгәһэд, дөрвлжн деернь һарад суув, мендинь сурад, идән-ундын эдлв* [ЭО: I].
 - *Не², йовгсн йовдлан номин йосар күцәһэд, Ар Бумбин орндан алдр Жаңһриннь хашир мөңгн үүднд иржэ бууһич!* [ЭО: II].
3. Деепричастный оборот в предложении может состоять из двух или нескольких одиночных деепричастий, в таких случаях между деепричастиями внутри оборота запятые не ставятся, например:
- *Тер тоосн Теңгерин орхһр цаһан үүлнлэ худхлдад, күрсәр күрэд, ирдэ болна* [ОБ: I].
 - *Асхн ора дааһан хэләһэд хәржэ йовтлнь, шинжч цаһан күүкн гүүһэд, күрэд ирв* [ЭО: I].
 - *Күрсәр күрч ирэд, гедргән авад цокчкад, нәрхн салдрһаснь төмр амһлжар оосрлж авад, чирэд һарна* [ОБ: I].
4. Если в предложении деепричастный оборот стоит на стыке простых предложений в составе сложного или между однородными членами предложения, то он обособляется запятыми, например:
- *Арвн хойр күн Хоңһриг бэрэд, авад ирхвидн, муурад ирхләрн, Хоңһр манниг дуудн уульх* [ЭО: II].
5. Если деепричастный оборот стоит в конце предложения, то всегда обособляется запятой, поскольку является парцелированной конструкцией, например:

¹ Следует отметить, что в текстах эпоса встречаются аналитические конструкции, являющиеся сложной глагольной формой: *Мордад йовжэ йовхларн, дөрвн үзгин хаадудт герчлн, дөрвн әңг элч тальвб* [БМ: II]; *Довтлн йовжэ, эмэлиннь барун хавцнд улан мөңгәр хадав* [БМ: II].

² Если деепричастный оборот стоит после частицы утверждения *не* 'ладно, да', то обособляется запятыми.

- *Тохчкад, Бурхн болсн толһаһарн бумб жова мөргэд, орад ирнэ, мөрнэ зэд күцв гүһэд* [ОБ: I].
- *«Терүгән хайн гив чигн, хээртэ эд эс билү?» гүһэд, хатхинь йоралд хайчкад, аһр зандн эрвэцгән татжэ авч ирэд* [ОБ: I].

Обособление однородных и неоднородных одиночных деепричастий и деепричастных оборотов

1. Одиночные однородные деепричастия отделяются запятыми, например:

- *Сээдүдин көвүднь мөргн, сөгдн, зөвән күргн бәәнә* [ЭО: I].
- *Отгинь тер мөриг эзн уга, эмал уга гүүжэ йовхинь үзчкэд, ардаснь дахад, уульлдад, шууглдад, мөрнлэ эдл күрч ирнэ* [ОБ: I].

2. Однородные деепричастные обороты обособляются запятыми, например:

- *Далн күн дамжлдг³ далһа шар шаазңгар дараһар һурв кезэ ууһад, бурхн хар маңнаһарн һурв мөргэд, бульһр улан альхан делгэд, бул мөңгн девскрт булц хойр өвдгәрн өвдглэд, келв* [ЭО: VIII].
- *Хашир мөңгн үүднд ирэд, болдын сәәнәр боһчад, төмринь сәәнәр тушад, тәвн сәәни көвүдәр бәрүлжэ бәәһэд, тохв* [ЭО: I].
- *Йовсн кергән номин йосар күцәжэ, алтн жолаһан хәрү эргүлжэ, алдр нойн богдын ар Бумбин орнд амр тавта ир!* [ЭО: I].

3. Неоднородные деепричастные обороты⁴ отделяются запятыми, например:

- *Барун эркнд тогтн тухсла, хол һазрт йовсн Харвада көвүн-адуч хотта цусн болад, хольврад, унад одв* [ШД: III].
- *Күн унтхин чигт, дууна чигэ һазрас гүүжэ ирэд, цергин захас һәрәдхләрн, бәәшңгин зивгт оч тусв* [ЭО: III].

³ Нередко причастный оборот может находиться в составе деепричастного оборота. В данном примере в составе разделительного деепричастного оборота имеется простой причастный оборот с ведущим словом *дамжлдг*.

⁴ Под неоднородными деепричастными оборотами мы понимаем совокупность разных деепричастных оборотов, например, условных и разделительных, последовательных и разделительных, относящихся к одному сказуемому.

Таким образом, пунктуационное оформление деепричастий и деепричастных оборотов в калмыцком языке, как и в других языках, строится на синтаксической основе, однако исходным моментом для строения предложения и для выбора знаков препинания является смысловая сторона речи. В данной статье мы попытались сформулировать лишь некоторые правила обособления деепричастий и деепричастных оборотов на материале песен эпоса «Джангар», которые, как и другие правила пунктуации, требуют дальнейшей тщательной разработки в калмыцком языке, с учетом стилистического многообразия и динамичности калмыцкой речи.

Источники

- Багацохуровский цикл
[БЦ: I] Дуут богд Жаңһр Догшн Хар Кинесиг дөрөцүлгсн бөлг.
[БЦ: II] Аср Улан Хоңһр Догшн Шар Маңһс хааг эмдэр кел бәрж авч иргсн бөлг.

- Цикл песен из репертуара Ээлян Овла
[ЭО: I] Хоңһрин гер авлһна бөлг.
[ЭО: II] Арслнгин Арг Улан Хоңһр Арг Манзин Буурлта, Ээх Догшн Маңна хаанла бээр бәрлдгсн бөлг.
[ЭО: III] Баатр Хар Жилһн хаанла бээр бәрлдгсн бөлг.
[ЭО: IV] Хошун Улан, баатр Жилһн, Аля Шоңхр хурвна бөлг.
[ЭО: V] Буурл һалзн мөртэ Бульһрин көвүн Догшн Хар Санлын бөлг.
[ЭО: VI] Күнд һарта Саврин бөлг.
[ЭО: VII] Орчлнгин Сээхн Миңъян Түрг хаани түмн шар-цоохр агт көөгсн бөлг.
[ЭО: VIII] Орчлнгин Сээхн Миңъян Күчтэ Күрмн хааг эмдэр бәрж иргсн бөлг.
[ЭО: IX] Алтн Цееж Жаңһр хойрин бээр бәрлдгсн бөлг.

- Цикл песен из репертуара Басңһа Мукөвүн (Мукебена Басангова)
[БМ: III] Ар үзгт бээдг Шар Кермн хаана шур делтэ, сувсн сүүлтэ, сээхн күрң һалзн адуг Хоңһрин көөгсн бөлг.
[БМ: IV] Тавн ор һаргсн Так Бирмс хаана замгта нуурин көвэд заядар өсгсн долан сай тунжрмудыг Санлын догдлулж көөж авч иргсн бөлг.
[БМ: V] Хоңһрин йисн бер Ягцана орнд оч шимүлгсн бөлг.

- Цикл песен из репертуара Шавалин Дава (Давы Шавалиева)
[ШД: I] Арнзлын хурдн Зеердиг хулха авсна туск бөлг.

- [ШД: II] Арг Улан Хоңһрин гер авлһна бөлг.
[ШД: III] Ке шар-цоохр мөртэ Кермин көвүн Моңхуляла дээлдгсн бөлг.
[ШД: IV] Оцл Дамбан көк һалзн күлтэ Азг Улан Хоңһр нисдг алг мөртэ Арл Манз хааг даргсн бөлг.

Песня из репертуара Балдра Наснк (Насанки Балдырова)

- [БН: I] Алдр богд Жаңһрахн Ээх Догшн Маңна хаанла бээр бәрлдгсн бөлг.

Песня из репертуара Овшин Бадм (Бадмы Обушинова)

- [ОБ: I] Баатр Улан Хоңһр Авлһн хаанла бээр бәрлдгсн бөлг.

Литература

- Баранова В. В. Сложные глаголы в калмыцком языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. V. Ч. II: Исследования по грамматике калмыцкого языка / научн. ред. С. С. Сай, В. В. Баранова, Н. В. Сердобольская. СПб.: Наука, 2009. С. 255–309 [Электронный ресурс] // URL: <http://publications.hse.ru/chapters/71853115> (дата обращения: 19.02.2015).
- Басангов Б. Б. Русско-калмыцкий словарь / сост. Б. Б. Басангов. отв. ред. Л. С. Сангаев. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1940. 328 с.
- Бембеев Е. В., Куканова В. В., Каджиев А. Ю. Частотный словарь современного калмыцкого языка: правила анализа текстового материала // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 3. С. 128–141.
- Грамматика калмыцкого языка: фонетика и морфология. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. 336 с.
- Голстунский К. Ф. Русско-калмыцкий словарь. СПб.: тип. Акад. наук, 1860. IV. 136 с.
- Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Рус. яз., 1977. 768 с.
- Кекеев Э.-А. Толковый словарь калмыцкого языка. Под ред. Н. Манджиева. Саратов: Нижне-Волж. кн. изд-во, 1932. 79 с.
- Краткий справочник по орфографии и пунктуации бурят-монгольского языка: отв. ред. Ж. Г. Гончиков и др. Улан-Удэ: Бургиз, 1940. 27 с.
- Куканова В. В., Манджиева Б. Б., Горяева Б. Б. Оцифровка калмыцких фольклорных произведений: вызовы и решения // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Обществ. науки. 2013. № 6 (178). С. 124–130.
- Куканова В. В., Каджиев А. Ю. Алгоритм работы морфологического парсера калмыцкого

- языка // Писменото наследство и информационните технологии [Текст]: Материали от V международна науч. конф. (Варна, 15-20 септември 2014 г.) / отг. ред. В. А. Баранов, В. Желязкова, А. М. Лаврентьев. София. Ижевск, 2014. С. 116–119.
- Манджиева Б. Б. Старокалмыцкая рукопись «Джангара». Малодербетовский список // Актуальные проблемы алтаистики и монголоведения (язык и литература). Тезисы докладов и сообщений Международного симпозиума, посвящ. 400-лет. со дня рождения основателя ойратской письменности Зая-Пандиты и 390-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав России. Ч. 1. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. С. 106–107.
- Манджиева Б. Б. Шавалин Даван бөлгүдин урн-зокъмж (Композиционные особенности эпических песен репертура Давы Шавалиева) // Мат-лы Междунар. науч. конф. «Единая Калмыкия в Единой России: через века в будущее», посвящ. 400-лет. добров. вхожд. калм. народа в состав Российского гос-ва. Элиста, 13–18 сент. 2009 г. Элиста, 2009. Ч. 2. С. 113–118.
- Манджикова Б. Б. Толковый словарь калмыцкого языка: пособие для учащихся / отв. ред. Н. Н. Убушаев. КИГИ РАН. Элиста: АПП «Джангар», 2002. 171 с.
- Обучение коллокациям английского языка в школе [Электронный ресурс] // URL: <http://bo0k.net/index.php?bid=15587&chapter=1&p=achapter> (дата обращения: 28.01.2015).
- Омакаева Э. У. Типология моделирующих членов предложения в калмыцком и монгольском языках в свете глагольно-актантной теории. Улан-Батор: «Найман од» ХХК, 2011. 240 с.
- Очра У. Өдгэ цагин хальмг келн. Синтаксис. Элст: Хальмг дегтр харһач, 1990. 199 х.
- Очра У. Өдгэ цагин хальмг келн. Синтаксис. 2-гч харц. Современный калмыцкий язык. Синтаксис. Учебное пособие. Изд. 2-е. Элст: Хальмг дегтр харһач, 2011. 232 х.
- Позднеев А. М. Калмыцко-русский словарь: пособие к изучению русского языка в калмыцких начальных школах / сост. А. М. Позднеев. СПб.: Тип. Императ. акад. наук, 1911. 306 с.
- Правила орфографии и пунктуации бурятского языка: под общ. ред. д-ра фил. наук, проф. Л. Д. Шагдарова. Буряад хэлэнэй бэшэгэй дүрим. 2-е изд. с изм. и доп. Улан-Удэ, «Бэлиг», 2009. 168 с.
- Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1996. 176 с.
- Пюрбеев Г. Ц. Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис. 2-е изд., перераб. Элиста: КИГИ РАН, 2010. 299 с.
- Русская грамматика: научные труды: в 2 тт. / ред. Н. Ю. Шведова и др. М., 2005. 1 т. 784 с.
- Русско-калмыцкий словарь / КНИИЯЛИ. сост. А. Ш. Кичиков [и др.]; под ред. И. К. Илишкина. М.: Сов. энцикл., 1964. 803 с.
- Салыкова В. В. Лексико-стилистические особенности языка синьцзян-ойратской и калмыцкой версий эпоса «Джангар»: дис. ... канд. филол. наук. Элиста, 2007. 317 с.
- Санжеев Г. Д. Вопросы пунктуации (Тезисы к докладу) // Ученые записки Калмыцкого НИИЯЛИ. Вып. XI. Сер. филологии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1973. С. 173–176.
- Скилкова Н. В. Стилистическая обусловленность межъязыковых соответствий в узусе двоеточия: сопоставительное исследование на материале английского, калмыцкого и русского языков: дис. ...канд. филол. наук. Пятигорск, 2003. 128 с.
- Тодаева Б. Х. Опыт лингвистического исследования эпоса «Джангар». Элиста: Калм. кн. изд-во, 1976. 530 с.
- Убушиева Д. В. Песня «О битве богатыря Алого Хонгора с Авланги ханом» в записи от Бадмы Обушинова (к вопросам текстологии) // Вестник КИГИ РАН. 2011. № 1. С. 168–173.
- Убушиева Д. В. Текстологический анализ песен из репертуара сказителя Мукебюна Басангова // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011а. № 2. С. 150–152.
- Ягунова Е. В., Пивоварова Л. М. Природа коллокаций в русском языке. Опыт автоматического извлечения и классификации на материале новостных текстов // Сб. НТИ, сер. 2, № 6. М., 2010 [Электронный ресурс] // URL: http://webground.su/services.php?param=priroda_collac&part=priroda_collac.htm (дата обращения: 28.01.2015).
- Ulaanbaatar: Nayman Od 2011. 240 p. (In Mong.)
- Ochra U. [Modern Kalmyk Language: Syntax]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1990. 199 p. (In Kalm.)
- Ochra U. [Modern Kalmyk Language: Syntax]. 2nd ed. Student manual. Elista: Kalmyk Book Publ., 2011. 232 p. (In Kalm.)
- Pozdneev A. M. [Kalmyk-Russian Dictionary: (Supplement to the) Textbook for Russian Language Classes in Kalmyk Preliminary Schools Compiled by A. M. Pozdneev]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1911. 306 p. (In Russ. and Kalm.)
- [Buryat Orthography and Punctuation Rules]. Prof. L. D. Shagdarov (ed.). 2nd ed., rev. and suppl. Ulan-Ude: Belig, 2009. 168. (In Bur. and Russ.)
- Pyrbeev G. Ts. [Traditional Household Activities of the Kalmyks: Explanatory Dictionary]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1996. 176 p. (In Kalm. and Russ.)
- Pyrbeev G. Ts. [Kalmyk Grammar: Syntax]. 2nd ed., rev. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute of RAS, 2010. 299 p. (In Russ.)
- [Russian Grammar: Collected Works]. In 2 vols. N. Yu. Shvedova et al. (eds.). Moscow, 2005. Vol. 1. 784 p. (In Russ.)
- [Russian-Kalmyk Dictionary]. Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History. A. Sh. Kichikov et al. (comps.), I. K. Ilishkin (ed.). Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1964. 803 p. (In Russ. and Kalm.)
- Salykova V. V. [Xinjiang Oirat and Kalmyk Versions of the *Jangar* Epic: Lexical and Stylistic Features of the Language]. Cand. Sc. (philology) thesis. Elista, 2007. 317 p. (In Russ.)
- Sanzheev G. D. Issues of punctuation: heads of report. In: [Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History: Scholarly Notes]. Vol. XI. Ser. 'Philology'. Elista: Kalmyk Book Publ., 1973. Pp. 173–176. (In Russ.)
- Skilkova N. V. [Stylistic Conditionality of Inter-Language Correlations in the Use of Semicolon: a Comparative Study of English, Kalmyk and Russian Languages]. Cand.Sc. (philology) thesis. Pyatigorsk, 2003. 128 p. (In Russ.)
- Todaeva B. Kh. [A Linguistic Study of the *Jangar* Epic]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1976. 530 p. (In Russ.)
- Ubushieva D. V. Badmy Obushinov's version of the 'Song Depicting the Battle Between Ulan Khongor Baatar and Avlangi Khan': textual issues revisited. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2011. No. 1. Pp. 168–173. (In Russ.)
- Ubushieva D. V. Epic songs from Mukeybyun Basangov's repertoire: textual analysis. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2011. No. 2. Pp. 150–152. (In Russ.)
- Yagunova E. V., Pivovarova L. M. Russian collocations: an effort of automatic extraction and classification from news texts. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Seriya 2*. 2010. No. 6. An Internet resource: http://webground.su/services.php?param=priroda_collac&part=priroda_collac.htm (accessed: January 28, 2015). (In Russ.)

References

- Baranova V. V. Kalmyk compound verbs. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2009. Vol. V. Part II: 'Studies in German Grammar'. Pp. 255–309. An Internet resource: <http://publications.hse.ru/chapters/71853115> (accessed: February 19, 2015). (In Russ.)
- [Russian-Kalmyk Dictionary]. B. B. Basangov (comp.), L. S. Sangaev (ed.). Moscow: Foreign and National Dictionaries Publ., 1940. 328 p. (In Russ.)
- Bembееv E. V., Kukanova V. V., Kadzhiev A. Yu. Frequency dictionary of modern Kalmyk language: rules of analysis of text material. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2014. No. 3. Pp. 128–141. (In Russ.)
- [Kalmyk Grammar: Phonetics and Morphology]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1983. 336 p. (In Russ.)
- Golstunsky K. F. [Russian-Kalmyk Dictionary]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1860. IV. 136 p. (In Russ. and Kalm.)
- [Kalmyk-Russian Dictionary]. B. D. Muniev (ed.). Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 768 p. (In Kalm. and Russ.)
- Kekeev E.-A. [Explanatory Dictionary of the Kalmyk Language]. N. Mandzhiev (ed.). Saratov: Lowe Volga Book Publ., 1932. 79 p. (In Kalm. and Russ.)
- [Handbook of Buryat-Mongolian Orthography and Punctuation]. Zh. G. Gonchikov et al. (eds.). Ulan-Ude: Burgiz, 1940. 27 p. (In Russ. and Bur.)
- Kukanova V. V., Mandzhieva B. B., Goryaeva B. B. Digitizing Kalmyk folklore: challenges and solutions. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region*. Ser. 'Social Sciences'. 2013. No. 6 (178). Pp. 124–130. (In Russ.)
- Kukanova V. V., Kadzhiev A. Yu. An algorithm for a morphological parser of the Kalmyk language. *Pismenoto nasledstvo i informatsionnate tekhnologii*. Conf. proc. (Varna; September 15-20, 2014). V. A. Baranov, V. Zhelyazkova, A. M. Lavrentiev (eds.). Sophia. Izhevsk, 2014. Pp. 116–119. (In Russ.)
- Mandzhieva B. B. Revisiting a Clear Script manuscript of the *Jangar*: the Baga Dorbet version. In: [Topical Issues of Altaic and Mongolian Studies: Language and Literature]. Symposium proc. Vol. 1. Elista: Kalmyk Book Publ., 1999. Pp. 106–107. (In Russ.)
- Mandzhieva B. B. Epic songs from Dava Shavaliyev's repertoire: compositional features. In: [United Kalmykia in United Russia: through Centuries into the Future]. Conf. proc. (Elista; September 13–18, 2009). Elista: Dzhangar, 2009. Vol. 2. Pp. 113–118. (In Kalm.)
- Mandzhikova B. B. [Explanatory Dictionary of the Kalmyk Language: Student Manual]. N. N. Ubushaev (ed.). Kalmyk Humanities Research Institute of RAS. Elista: Dzhangar, 2002. 171 p. (In Kalm. and Russ.)
- [Teaching English Collocations at School]. An Internet resource: <http://bo0k.net/index.php?bid=15587&chapter=1&p=achapter> (accessed: January 28, 2015). (In Russ.)
- Omaкаева E. U. [Typology of Modelling Sentence Parts in Kalmyk and Mongolian Languages: a Perspective from the Verb-Actant Theory].

**ФОРМУЛЫ-ТОЛКОВАНИЯ
ЦВЕТООБОЗНАЧАЮЩИХ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ
(на материалах песен эпоса «Джангар»)**

**Definition Formulas of Adjectives Denoting Color
(on materials of the songs of the epos *Dzhangar*)**

С. Е. Бачаева (S. Bachaeva)¹

¹кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела теоретической и экспериментальной лингвистики Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. (Ph.D. of Philology, Researcher of the Theoretical and Experimental Linguistics Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: basaeg@mail.ru.

Данная статья представляет разработку системы дефиниций для цветообозначающих имен прилагательных калмыцкого языка. Результаты исследования дают базовую основу для совершенствования практики адекватного толкования и дальнейшей разработки клише-толкований для остальных групп в создаваемом Толковом словаре калмыцкого героического эпоса «Джангар».

Ключевые слова: калмыцкий язык, эпос «Джангар», цветообозначающие прилагательные, толкование, клише.

The article is devoted to describing clichés-interpretations of color adjectives in the Kalmyk language. Since the explanatory dictionary is the first of its kind in the history of Kalmyk lexicography, there is no previous experience in making definitions by a group of authors, which is why it is necessary to implement the initial stage with understanding how to develop a system for word defining and show their connections within the language, presenting them in a unified and consistent way. The clichés-formulas obtained will allow providing the fullest and most accurate definitions to head words in 'The explanatory dictionary of the Kalmyk epic 'Dzhangar'', as well as create the environment for a more systematic definition process when describing lexical units of one theme group following the same formulas.

Definitions of adjectives denoting color are presented in the explanatory dictionary in comparison with an object that is suitable and comprehensible for all Kalmyk speakers: хар — көөһин, нүрснэ өңгтэ 'black — soot or coal-colored'; цаһан — цасна, үснэ өңгтэ 'white — snow or milk-colored'; улан — цусна өңгтэ 'red — blood-colored'. Secondary colors, which are referred to as composite colors, include light blue, orange, gray, and brown: цөңкр — чилгр теңгрин өңгтэ, цэвр көк 'light blue — color of a clear sky'; оошк — цэвр улан 'pink — light red'; күрң — чииктэ һазрин өңгтэ 'brown — color of wet soil'. Besides the key adjectives with one-part structure, the epic also features color entities which consist of two equitable colors or shades (compound color adjectives), which specify their combination: 1) шар өңгин деер олн зүсн өңгтэ толв 'mottled yellow — yellow with multicolored spots' 2) нег өңгтэ биш 'non-uniform yellow'; 3) сээхн эрэтэ шар өңгтэ 'flamboyant, bright, extravagant yellow'. The epic features words, traditionally found in folklore, which denote a color figuratively, for instance, lexical units with the primary meaning of natural material: алтн — гилвкр шар өңгтэ, алтн өңгтэ 'gold — shiny yellow, color of gold'; мөңгн — өңгэрн эс гиж гилвкэрн цаһан мөңг дураһн, гилвкр цаһан 'silver — resembling silver in color or in shine; shiny white'.

The presented interpretation formulas for adjectives denoting color provide a basis for improving the practices for adequate interpretation and further development of clichés-interpretations for other groups in the explanatory dictionary of the Kalmyk epic 'Dzhangar'.

Keywords: Kalmyk language, the epic 'Dzhangar', color denoting adjectives, interpretation, clichés.

Современная лексикография насчитывает множество различного рода общих и узкоспециальных словарей, предназначенных для разных категорий пользователей и для разных целей: орфографические, этимологические, синонимические, исторические, толковые, одноязычные, двуязычные и т. д. Калмыцкий язык в последние десятилетия относят к группе исчезающих языков, именно это определяет настоятельную необходимость компилирования (составления) толковых словарей.

В Калмыцком институте гуманитарных исследований РАН ведется работа по созданию первого толкового словаря языка калмыцкого героического эпоса «Джангар», одного из любимых и известных произведений устного народного творчества калмыцкого народа, рассказывающего о прославленной, могучей и благодатной стране Бумбе. На протяжении веков песни «Джангара» бытовали в устной традиции, из поколения в поколение передавались народными сказителями-джангарчи. Начиная с XIX в. из-

вестные ученые-монголоведы стали изучать и фиксировать песни «Джангара», благодаря их трудам сохранились песни эпоса из Малодербетовского цикла (3 песни), Багацохуровского цикла (3 песни), репертуара Ээлян Овла (10 песен, магтал), Мукебюна Басангова (6 песен), Давы Шавалиева (4 песни, магтал), Насанки Балдырова (1 песня), Бадмы Обушинова (1 песня).

Толковый словарь представляет собой особый жанр справочного издания, построенного по алфавитному или алфавитно-гнездовому принципу и содержащего объяснения лексических значений и иллюстрации с примерами употребления. Толковый словарь — это единое цельное издание, обладающее всеми признаками текста.

В структуру словарной статьи в разрабатываемом толковом словаре эпоса «Джангар» входят следующие элементы: заголовочное слово, абсолютная частота употребления лексической единицы в текстах эпоса, транскрипция, грамматические и стилистические пометы, объяснение их значений — толкования и примеры использования слов в данном значении, фразеологизмы, дериваты, сложные слова, коллокации. В словник включаются все слова, встречающиеся во всех циклах эпоса «Джангар».

В словник вошли все части речи: имена существительные, прилагательные, числительные, глаголы, местоимения, служебная лексика. В данной работе мы остановимся на имени прилагательном (*чинрлгч нерн*), обозначающем качество, свойство, признак предмета, выступающего в качестве определения или сказуемого и отвечающего на вопрос *какой?* (*ямр?*, *ямаран?*): *көгшин авһ, алтн жзола, хар үүлн*. В словаре имя прилагательное маркируется частеречной пометой ч. н.: УЛАН ч. н., БИЧКН ч. н. Лексико-грамматическими и синтаксическими признаками имя прилагательное отличается от всех остальных частей речи. По сравнению с прилагательными в русском языке в калмыцком языке они не изменяются по падежам и числам, т. е. являются неизменяемой частью речи.

Целью данной работы является разработка системы дефиниций для колоративов в калмыцком языке. Подобный толковый словарь создается впервые в истории калмыцкой лексикографии, опыт составления толкований у коллектива составителей отсутствует, поэтому важно на начальном этапе разработать определения для слов и

при этом показать их связи в языке, дать их унифицированно, единообразно. Полученные формулы-клише позволят давать наиболее полные и точные определения заголовочным словам в Толковом словаре языка «Джангара», а также создадут возможности и условия для более системного толкования при описании лексических единиц одной тематической группы по одинаковым формулам-толкованиям.

Как известно, имена прилагательные бывают оценочные (*сэн* ‘хороший’, *му* ‘плохой’), пространственные (*барун* ‘правый’, *зун* ‘левый’), обозначающие возраст (*көгшин* ‘старый’, *баахн* ‘молодой’), обозначающие свойства и качества вещей, воспринимаемые чувствами (*киитн* ‘холодный’, *халун* ‘горячий’, *амтәхн* ‘сладкий’), физические и телесные качества человека и животных (*чидлтә* ‘сильный’, *таңх* ‘глухой’), характеризующие телосложение человека (*махта* ‘полный’, *хатмл* ‘худой’), его характер (*номһн* ‘спокойный’, *инәмсг* ‘смешливый’), обозначающие способности (*ухата* ‘умный’, *эргү* ‘глупый’), скорость (*шулун* ‘быстрый’, *удан* ‘медленный’), цветовые характеристики (*цаһан* ‘белый’, *ноһан* ‘зеленый’) и др. Принадлежность слов к одной тематической группе позволяет, на наш взгляд, реализовать системные связи лексических единиц в рамках одной языковой структуры.

При толковании имен прилагательных можно использовать следующие компоненты значения или формулы-толкования для семантически однотипных единиц:

- 1) *ик халу / киит даадг* ‘выдерживающий (высокую / низкую температуру)’;
- 2) *өңгтә болдг* ‘имеющие цвет’;
- 3) *кегдсн* ‘изготовленный из’;
- 4) *тогтсн* ‘состоящий из’;
- 5) *белдсн, кегдсн* ‘приготовленный, сделанный из’;
- 6) *йилһрсн* ‘отличающийся’;
- 7) *ирлцәтә, орлцата* ‘относящиеся к’;
- 8) *тоод ордг* ‘принадлежащий’;
- 9) *бәәлһнә нернлә учр-утхарн дүңцәтә, терүнлә залһлдата* ‘соотносящийся по значению с сущ., связанный с ним’;
- 10) *өңг* ‘цвет’;
- 11) *зүсн* ‘масть’;
- 12) *онц өңг* ‘отдельный цвет’;
- 13) *амр өңг* ‘простой цвет’;
- 14) *талдан өңгтә ниилсн* ‘сложный (смешанный с другими) цвет’;

15) *өңг уга, шир уга* 'отсутствие цвета, бесцветный',

16) *өңгтә* 'наличие цвета',

17) *нег өңгтә* 'одного цвета',

18) *олн өңгтә* 'разных цветов',

19) *нег юмар чимгледсн* 'украшенный чем-л.',

20) *өңгәри ... дурасн* 'похожий цветом на...',

21) *нег юмна нилчәр өңгән геесн* 'потевший окраску под действием чего-л.' и т. д.

Как отмечалось выше, нас интересуют прилагательные-кологративы в калмыцком языке. У любого народа существует своя цветовая символика, которая показывает его мировосприятие и традиционное мировоззрение. Стороны света, предметы, географические названия, архитектура имеют свою цветовую символику¹. По этой причине важно правильно и системно давать толкования для этой группы слов.

По статистическим данным, в цикле Ээлян Овла наиболее употребительными лексемами, обозначающими цвет, являются: *хар* 'черный' (153), *цаһан* 'белый' (92), *шар* 'желтый' (54), *улан* 'красный' (42), *көк* 'синий' (16). Кроме основных пяти цветов, также встречается *бор* 'серый' (2) — Бор уул, Борзатын бор толһа [Очирова, Бачаева, Мулаева 2014: 143].

Как пишет Э. У. Омакаева, принято различать в солнечном спектре 7 основных «цветов радуги», которая является одним из природных спектров. Однако носители различных языков, исходя из особенностей своего языка, определяют «цвета радуги» по-своему: так, в Китае в радуге различают пять цветов, в калмыцком и монгольском языке — три цвета (красный, желтый, синий), в русском языке — семь цветов (фиолетовый, синий, голубой, зеленый, желтый,

оранжевый, красный), в английском языке — шесть цветов [Омакаева 2009: 271].

Ж. П. Соколовская провела исследования на материале прилагательных, анализируя их смысл, оттенки значений, стилистическую характеристику, лексическую и синтаксическую сочетаемость, развернутые толкования семы «цвет». Она выделяет архисему и дифференциальные семы. Например: смолистый — черный и блестящий (о волосах); смуглый — более темной окраски; чернявый — темноволосый; молочный — белый, похожий цветом на молоко; серебряный — блестящий с белым отливом, каштановый — коричневый, цвета каштана и т. д. [Соколовская 1979: 26–50]. В данной работе утверждается, что в толковом словаре толкование цветообозначающих имен прилагательных дается в сравнении с каким-нибудь предметом.

Отметим, что не все сравнения русского языка можно применить для калмыцкого языка. Так, например, коричневый определяется как «темно-буро-желтый»; цвета **корицы**, или жареного **кофе**; синий — имеющий окраску одного из основных цветов спектра — среднего между **голубым** и **фиолетовым**» [Соколовская 1979: 26–50]. Однако для калмыков цвет корицы ни о чем не говорит, так же как спектр цвета между голубым и фиолетовым, поэтому при составлении толкования необходимо искать предметы для сравнения, подходящие и понятные носителям калмыцкого языка.

Ориентируясь на анализ словарного толкования семы «цвет», проведенный Ж. П. Соколовской, для некоторых прилагательных мы попытались дать толкование на калмыцком языке.

ХАР [xar¹]

ч. н. көһин, нүүрснэ өңгтэ² *Дөрвү мицһн уньта, / Хар* зандн *харачта* [ОБ: I]; *Нарн орх үзгас / Теңгрин / Орхһр цаһан үүлнлэ / Нархн хар тоосн / Худхлдад хардг болна* [ОБ: I]; *Алтн Чеежсин хө хэрүлжл йовсн / Хотхр хар дааһта көвүнэл / Хажуһар хархла* [БН: I]

ЦАҺАН [caħān]

ч. н. цасна, үснэ өңгтэ⁴ *Элвг сээхн Буурлыннь күзү теврэд, / Эзн уга эрм цаһан көдә*

² В переводе 'цвета сажи, угля'.

³ Здесь и далее в квадратных скобках указывается источник и номер главы. Список используемых сокращений дается в конце статьи. В примерах в целях сохранения стихотворного деления используется знак « / ».

⁴ В переводе 'цвета снега, молока'.

¹ Цветовую символику рассматривали в разных аспектах в рамках этнологии, религиоведения, лингвистики, культурологии: Н. Л. Жуковская [2002], Г. Ц. Пюрбеев [1993], М. У. Монраев [2006], Э. У. Омакаева [2009], Л. Б. Олядыкова [2008] и мн. др. По мнению Э. У. Омакаевой, рассмотрение цвета как социокультурного феномена в зеркале языка позволит ответить на вопрос, как, изучая цветообозначения, их семантику, объяснить особенности той или иной этнической культуры и, наоборот, как, изучая культуру, объяснить особенности лингвоцветовой картины мира того или иного языка [Омакаева 2009: 275].

темцэд, / Эрвлзгсн хурдарнь харч йовна [ЭО: VI] **Цаһан** зандн цаһргста, / Һал шил үүдтэ [ОБ: I]; Эрүн **цаһан** мирдэрн эдслүдэ, / Эмд зиндмэнэн хөвлһ орулж авад [БН: I]

УЛАН |ulān|

ч. н. цусна өнгтэ¹ Угзр-угзр татулад, / **Улан** көөсэр бүрүлэд, / Күрэд ирнэ [ОБ: I]; Далн күн дамжлэдг / Далһа шар ааһарн / Түмн бедр ордг / Түүкэ **улан** бочкас кенэд, / Далвлзулад залуд ирнэ [ОБ: I]; **Улан** торһн жсолаһинь / Дел деерэн тальвад, / Арвн алд бул торһн цулвраснь / Алд делм бэрэд көтлвл [БМ: VI]

ШАР |šarʌ|

ч. н. нарна өнгтэ² Асхни **шар** нарн дегжэд орх алднд [МД: I]; «Долан үйдэн да-хулгсн / Долвңсн **шар** тугиһан өгтхэ» гилэ [БН: I]; Тархаһас утх сурулхлань, / **Шар** иштэ тоһрган / Тарха һарһад өгв [ШД: II]

КӨК |kökʌ|

ч. н. тенгсин, тенгрин өнгтэ³ Мана **көк** дархн долан хонгин һазр / Арнзлыһан андһарлж автн [БН: I]; Арнзлын хурдн Зе-ерд мөрн / **Көк** девән өвсн хазлврта, / Көк зандн модн шөрг элһтэ [ШД: I]; Салвин **көк** сээхн ташуд / Сээхн күлг заагт йовсн [НБ: I]; Күүни көврдгн дүңгэ / **Көк** болд өнсэр өнслэд оркж [ШД: II]

К дополнительным, или, как их называют, к «смесям» элементарных цветов, относят голубой, оранжевый, серый, коричневый: **цеңкр** — чилгр тенгрин өнгтэ, **цээвр көк** 'голубой — цвета ясного неба, светло-синий'; **оошк** — цээвр улан 'розовый — светло-красный'; **күрң** — чиигтэ һазрин өнгтэ 'коричневый — цвет мокрой земли'. Ниже приведен фрагмент словарной статьи БОР.

БОР |borʌ|

ч. н. хар цаһан өнгтэ ниилсн, үмснэ өнгтэ⁴ **Богшурһан** дүңгэ **бор** көөсн / Буль-глад һарад ирв [ШД: II]; Ардаснь адуни за-хас / Эр **бор** дааһ унад [ШД: II] **Цурх цаһан** чеежиг далдалһж, / **Богшурһан** чиңгэ / **Бор** зүркиг делгж гинэ [ОБ: I]

Кроме основных прилагательных, односоставных по своей структуре, в эпосе встречаются цветоименования, состоящие из двух равноправных цветов, оттенков

(сложные колоративы), которые уточняют их различное сочетание⁵:

ШАР-ЦООХР |šar-sōxʌr|

ч. н. 1) шар өңгин деер оln зүсн өнгтэ толв⁶ Ора деерэн / Ор һанцхн нүдтэ / Оңкр **Шар** баатр, / Уулын чиңгэн охтр / **Шар-цоохр** мөртэ баатр, / Онцдан нег отг / Орулж авч йовсн бээж [ОБ: I]; **Шар** Шир-мин хаани бодң / Ке **шар-цоохр** мөртэ / Кермин көвүн Моңхула [ШД: I]

2) цевр шар биш өнгтэ⁷

Шовирад, / Ке **шар-цоохр** олңгин захар / Нег дарв, / Келкэ нээмн һорькин дораһур / Хойр дарв [ШД: I]; Ке **шар-цоохр** олңгинь / Деернь зүүвл, / Келкэ нээмн яркаһинь / Дөрвн үзгтнь шаргулвл [БМ: VI]

3) оln зүсн эрэтэ, сээхн шар өнгтэ⁸

Зан арслң хойриг / Шүүрдүлн делдүлгсн, / **Шар-цоохр** бээшңнь / Ээмцәһән даңхаж үзгднэ [ОБ: I]; Өмн бийднь болхлага / Оһтрһас һору дуту, / Орчлңгас дөрү өндр дүңгэ / **Шар-цоохр** бээшң тогтсн бээдг [БН: I]; **Шатр** болгсн / **Шар-цоохр** өргэдән / Тэвн дөрвн дуңһра күцэд, / Шахцл уга, арзин сүүр болад, сууцхав [БМ: VI]

ХАР-ЦООХР |xar-sōxʌr|

ч. н. хар өңгин деер оln зүсн өнгтэ толв⁹ Асхн хот болад ирв. / Хаана күүкн һар арчх альчур сурулхлань, / **Хар-цоохр** альчуран / Тарха һарһад өгв [ШД: II]; Хулд гижэ / **Хар-цоохр** альчуран өглэв [ШД: II]

Для выражения интенсивности цвета в калмыцком языке служит аффикс -вр, и такие прилагательные поясняются следующим образом: **улавр** — эрэ улан өнгтэ 'крас-

⁵ По мнению М. Ю. Закурдаевой, под сложными колоративами следует понимать адъективные цветообозначения, состоящие из двух и более основ, такие как: *светло-красный, ярко-синий, желтовато-коричневый, желто-зеленый, канареечно-желтый, черный-печерный*. С помощью сложных колоративов можно назвать гораздо большее число цветов и их оттенков, чем при помощи простых. Кроме того, они дают возможность называть сочетания цветов, что значительно сокращает речевые конструкции. Заполняя лексические лакуны и реализуя языковые потенции, сложные колоративы всегда остаются понятными носителям языка [Закурдаева 2010: 133-138].

⁶ В переводе 'желтый с разноцветными пятнами'.

⁷ В переводе 'неоднородный желтый'.

⁸ В переводе 'узорчатый, красивый желтый'.

⁹ В переводе 'черный с разноцветными пятнами'.

¹ В переводе 'цвета крови'.

² В переводе 'цвета солнца'.

³ В переводе 'цвета моря, неба'.

⁴ В переводе 'смешение черного с белым, цвета пепла'.

новатый — слегка красного цвета’, *ноһавр* — эрэ *ноһан* өңгтэ ‘зеленоватый — слегка зеленого цвета’; *цаһавр* — эрэ *цаһан* өңгтэ ‘беловатый — слегка белого цвета’.

Активно употребляются в эпосе слова, традиционно широко распространенные в фольклоре и обозначающие в переносном значении цвет, например, лексические единицы, в первом значении называющие природные материалы.

АЛТН |altˢn|

1. ¹ ...

2. ч. н. гилвкр шар өңгтэ, алтн өңгтэ²
Алтн жёла эргүлэд, / *Арвн тавн жилин*
эргүдэн / *Ар Бумбин орнд иржэ*, / *Амрад-жирһэд*, ... / *Дүүвр арзин сүүрдэн сууцхажэ*
[БН: I]; *Алтн каронь авхулад*, / *Авч ирэд*, /
Суулһчкдг болна [ОБ: I]; *Халвр мөңгн хавц-та* / *Дөш алтн эмалиг* / *Дөрвн тө дөрү*
өмкүлэд тохвл [БМ: VI]

МӨҢГН |mõŋgˢn|

1. ^{2a} ...

2. ч. н. өңгэрн эс гиж гилвкэрн цаһан мөңг дурасн, гилвкр цаһан³ *Ке Жилһн нойн*
ахлгчта / *Кесг олн нойдудын көвүд* / *Буһр мөңгн цулвр талнь* / *Булалдсн бээнэ гинэл*
[БМ: VI]; *Буһу мөңгн цулвриг* / *Бүгллжэ эвкэд*, / *Барун тохаднь өлгчкэд*, / *Залу гүн алхад* / *Ордг болна* [БО: I]; *Богчин көвүн* / *Бор Маңна саак* / *Хал мөңгн хазариг авад*, /
Хурлдад харч йовна [ШД: II]

Встречаются в тексте прилагательные-дериваты: от *хар* ‘черный’ с помощью аффикса *-һу* образовалось *харһу* — өңгэрн хард өөрхн, мууһар герл давулдг ‘темный — по цвету близкий к черному, плохо отражающий свет’.

Таким образом, как показало исследование, цветообозначения многочисленны, разнообразны и играют важную роль в языке эпического текста. Семантика всех прилагательных складывается из значений основных цветообозначений. Прилагательные, обозначающие цвет, описывают основной цвет; путем прибавления различных аффиксов выражается сема «яркости», «насыщен-

ности», тем самым создаются различные оттенки цвета, а при помощи сложения двух основ разных лексем образуются сложные колоративы, обозначающие более сложное сочетание цветов. При семантическом определении цветообозначающих прилагательных применяются несколько способов толкований: описательный (сравнительный), отрицательный.

Приведенные формулы-толкования цветообозначающих прилагательных дают базовую основу для совершенствования практики адекватного толкования и дальнейшей разработки клише-толкований для остальных групп в «Толковом словаре калмыцкого героического эпоса “Джангар”».

Источники

Малодербетовский цикл

[МД: I] Ут Цаһан Маңһсиг Богд Жаңһр дөрэцүлсн бөлг

Цикл песен из репертуара Ээлян Овла

[ЭО: VI] Дуутхулын ач, Дуутын көвүн Аля Моңхла Жаңһрин түмн нээмн миңһн цусн Зеерд агт көөсн бөлг.

Цикл песен из репертуара Басңһа Мукөвүн (Мукебена Басангова)

[БМ: I] Жаңһрин бийиннь түрүн төрэн авгсн бөлг.

[БМ: VI] Хоңһрин йисн бер Ягцана орнд оч шимүлгсн бөлг.

Цикл песен из репертуара Шавалин Дава (Давы Шавалиева)

[ШД: I] Арнзлын хурдн Зеердиг хулха авсна туск бөлг.

[ШД: II] Арг Улан Хоңһрин гер авлһна бөлг.

Песня из репертуара Балдра Наснк (Насанки Балдырова)

[БН: I] Алдр богд Жаңһрахн Ээх Догһн Маңна хаанла бээр бэрлдгсн бөлг.

Песня из репертуара Овшин Бадм (Бадмы Обушинова)

[ОБ: I] Баатр Улан Хоңһр Авлһн хаанла бээр бэрлдгсн бөлг.

Литература

Жуковская Н. Л. Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика. М.: Восточная литература, 2002. 248 с.

Закурдаева М. Ю. Пять классов адъективного колоратива в современном русском языке // Вісник Дніпропетровського університету. Серія «Мовознавство». № 11, 2010. Вип. 16. С. 133–138.

¹ Здесь мы начинаем со второго значения, которое обозначает имя прилагательное, т. к. 1. в этой словарной статье — существительное.

² В переводе ‘блестяще-желтого цвета, цвета золота’.

^{2a} Пункт 1. в этой статье посвящен существительному, поэтому цитата здесь начинается с п. 2 — о прилагательном.

³ В переводе ‘цветом или блеском напоминающий серебро; блестяще белый’.

- Монраев М. У. Концепт «цаган» («белый») в калмыцкой лингвокультуре // Этнокультурная концептосфера: общее, специфическое, уникальное. Материалы междунар. науч. конф. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2006. С. 76–81.
- Олядыкова Л. Б. Сакральный белый цвет в поэзии Давида Кугультинова (к 85-летию народного поэта Калмыкии) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. № 7. 2008. С. 126–130.
- Омакаева Э. У. Колоративный образ этнической культуры: лингвоцветовая картина мира и базовая хроматическая лексика в монгольских языках (к постановке проблемы) // Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее. Мат-лы Междунар. науч. конф., г. Элиста, 13–18 сент. 2009 г.: в 2 ч. Ч. 2. Элиста: ЗАОр «АПП «Джангар», 2009. С. 269–276.
- Очирова Н. Ч., Бачаева С. Е., Мулаева Н. М. Цикл песен эпоса «Джангар» в записи Ээлян Овла: опыт количественной обработки // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 4. С. 137–145.
- Пюрбеев Г. Ц. Эпос «Джангар»: культура и язык (этнолингвистические этюды). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 127 с.
- Соколовская Ж. П. Система в лексической семантике (анализ семантической структуры слова). Киев: Изд-е объедин. «Вища школа», 1979. 189 с.
- Monraev M. U. Concept 'tsagan' ('white') in Kalmyk linguoculture. In: [Ethnocultural Sphere of Concepts: Common, Specific and Unique Ones]. Conf. proc. Elista: Kalmyk State University, 2006. Pp. 76–81. (In Russ.)
- Ochirova N. Ch., Bachaeva S. E., Mulaeva N. M. The song cycle of the Epic *Dzhangar* by Eelyan Ovla: experience in quantitative analysis. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2014. No. 4. Pp. 137–145. (In Russ.)
- Olyadykova L. B. The sacred white in David Kugultinov's poetry: celebrating the 85th anniversary of birth. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 2008. No. 7. Pp. 126–130. (In Russ.)
- Omaeva E. U. Color images of ethnic culture: linguocolor worldview and most essential chromatic vocabulary in Mongolic languages (problem statement revisited). In: [United Kalmykia in United Russia: through Centuries into the Future]. Conf. proc. (Elista; September 13–18, 2009). Elista: Dzhangar, 2009. Vol. 2. Pp. 269–276. (In Russ.)
- Pyurbeyev G. Ts. [The *Jangar* Epic: Culture and Language. Collected Ethnolinguistic Essays]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1993. 127 p. (In Russ.)
- Sokolovskaya Zh. P. [System in Lexical Semantics: Analyzing Semantic Structure of the Word]. Kiev: Vishcha Shkola, 1979. 189 p. (In Russ.)
- Zakurdaeva M. Yu. Five classes of adjective color vocabulary in modern Russian. *Visnyk of Dnipropetrovsk University*. Ser. 'Linguistics'. 2010. No. 11. Is. 16. Pp. 133–138. (In Russ.)
- Zhukovskaya N. L. [Nomads of Mongolia: Culture, Traditions, Symbols]. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2002. 248 p. (In Russ.)

КЛАСТЕРНАЯ СТРУКТУРА ИМЕННОЙ ЛЕКСИКИ КАЛМЫЦКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕСЕН В ЗАПИСИ А. В. БУРДУКОВА*

**Cluster Structure of Nominal Lexicon of the Kalmyk Historical Songs Recorded
by A. V. Burdukov**

Б. Х. Борлыкova (B. Borlykova)¹, Э. У. Омакаева (E. Omakeeva)²

¹ кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела фольклора и джангароведения Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph. D. of Philology, Senior Scientist of the Folklore and Dzhangar Studies Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: borlboskha@mail.ru.

² кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела теоретической и экспериментальной лингвистики Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph. D. of Philology, Associate Professor, Senior Scientist of the Theoretical & Experimental Linguistics Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: elomakeeva@mail.ru.

В статье рассматриваются вопросы системности фольклорного лексикона, в частности, используется идея кластеров и кластерного анализа для выявления национально-культурного своеобразия именной лексики в калмыцких исторических песнях, записанных А. В. Бурдуковым. Кластер представлен в виде системы взаимосвязанных субкластеров, составляющих целостную характеристику определенного фрагмента песенной картины мира.

Ключевые слова: калмыцкая историческая песня, А. В. Бурдуков, лексика, кластер, субкластер, натурфакт, артефакт, социофакт, ментифакт.

The article deals with the issues of folk lexicon as a system, employing the notion of clusters and cluster analysis for the detection of national and cultural identity of nominal lexicon of the Kalmyk historical songs recorded by A.V. Burdukov. A cluster is represented as a system of interrelated subclusters, which frame an integral character of a certain fragment of worldview expressed in a song.

The article is based on the corpus of clustered nominal lexemes identified in the lyrics of the songs, recorded in Kalmykia in 1937 by a renowned mongolist A.V. Burdukov. The manuscript resides in the sound archive of the Institute of Russian Culture (Pushkin's house) of the Russian Academy of Sciences. The data collected has been generalized and classified in keeping with the cluster approach.

The paper employs ethnolinguistic approach to folk text studies. Our key objective has been to carry out a lexical analysis of Kalmyk historical texts, recorded in 1930s, and identify the nouns that constitute such clusters as sociofact 'social and marital status, profession, occupation, sociometric status', naturfact (natural object), artifact (any material culture object), and mentifact (product of the mind) in their contextual environment, accompanied with their significance evaluation and the proportion of every (sub)cluster in the worldview expressed in the songs.

The clusters that prevail in the analyzed song corpus are 'naturfacts' (6 subclusters, 36 lexemes) and 'sociofacts' (5 subclusters, 67 lexemes). Among other clusters found are 'artifacts' (12 lexemes) and 'mentifacts' (3 subclusters, 9 lexemes). The results obtained may serve as a basis for further analysis of lexical structure of song lyrics.

Keywords: Kalmyk historical song, A. V. Burdukov, lexicon, cluster, subcluster, naturfact, artefact, sociofact, mentifact.

Системный подход к изучению лексики предполагает парадигматическое ее описание, так как именно в лексических группировках словарного состава языка заложены концептуальные знания о мире, различных явлениях действительности. Поскольку

«язык фольклора образно отражает действительность», в песенном тексте «представлена особая фольклорная действительность, которая во многих своих аспектах представляет собой идеальный вариант действительности» [Оссовецкий 1975: 76]. Это,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-04-00436/а

по известному выражению Б. Н. Путилова, «трансформированный мир действительности» [Путилов 1994: 4].

Если культурную модель фольклорного мира изучает фольклорист, то языковая картина мира, представленная в семантике фольклорного слова, является объектом лингвистического исследования. Что касается структуры фольклорной картины мира, то «она представляет собой своеобразную семантическую «сеть», узлами которой являются опорные полнзначные слова со всей их семантической информацией» [Хроленко 1983: 18].

Вопросы изучения семантики калмыцкого песенного лексикона, в том числе его кластерного описания затрагивались в работах Э. У. Омакаевой и Б. Х. Борлыковой [2013], Э. У. Омакаевой [2012], Б. Э. Убушиевой [2013], Б. Х. Борлыковой.

Кластер, как и семантическое поле, представляет собой сегмент текста, вычлененный на основании семантически и/или функционально связанных между собой слов, репрезентирующих тот или иной фрагмент языковой картины мира. В состав кластера в отличие от семантического поля входят лексические единицы одной частеречной принадлежности.

Вещное пространство песенного текста отражено в субстантивах (именах существительных), которые образуют статическую модель мира. Особый интерес представляют состав кластеров, соотношение в них более частотных и менее частотных лексем, лексические корреляции

Материалом для данной статьи послужил корпус объединенных в кластеры именных лексем, выявленных из песенных текстов, записанных в Калмыкии в 1937 г. известным монголоведом А. В. Бурдуковым: рукопись песен хранится в фонограммархиве Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. Собранный материал был обобщен и классифицирован в свете кластерного подхода.

В работе реализован этнолингвистический подход к изучению фольклорного текста. Главная наша задача — выявить на основе лексического анализа текстов калмыцких исторических песен, записанных в 1930-е гг., имена существительные, входящие в состав таких кластеров, как *социофакт* (социальное и семейное положение, профессия, род занятий, межличностный статус), *натурфакт* (природный объект),

артефакт (любой материальный объект культуры) и *ментифакт* (духовный продукт), с указанием контекста и определением значимости, удельного веса каждого из (суб)кластеров в песенной картине мира.

Так, в кластере «социофакты» в субкластере «термины родства и родственных отношений» оказались четыре лексемы: *ээж* 'мать' (5), *аав* 'отец; дедушка' (8), *эцк* 'отец' (1), *ах* 'старший брат' (4). Как видим, наиболее частотной лексемой является *аав* 'отец, дедушка'. Калмыцкие номинации лиц мужского пола по степени родства рассматривались на материале фольклорных, в том числе песенных, текстов [Очирова, Омакаева 2014].

Что касается субстантивных лексем, связанных с возрастными характеристиками героев песни, то в записи А. В. Бурдукова встречаются лексемы: *баһчуд* 'молодежь' (4), *дүүнр* 'младшие братья, сестра' (1), *көвүн* 'парень' (2), *күүкн* 'девушка' (1), *өвгн* 'дед' (1), *өвк* 'дед' (2). Здесь наиболее частотным является собирательное слово *баһчуд* 'молодежь'.

В субкластер «названия народов, этнических и субэтнических групп, а также родов (этнонимы)» вошли такие слова, как *пранц* 'француз' (1), *орс* 'русский' (2), *хасг* 'казах, казахи' (1), *маһнд* 'татарин, татары' (2), *хальмг* 'калмык, калмыки' (1), *торһуд* 'торгут, торгуты' (2), *шемнр* 'шабинер, шабинеры' (1).

Среди названий профессий и занятий, титулов и званий, чинов и других обозначений социального статуса фигурируют как исконные слова, так и заимствования (русизмы): *начальник* 'начальник' (1), *ах-лач* 'глава, начальник' (1), *чабан* 'чабан' (1), *адуч* 'табунщик' (1), *ударник* 'ударник' (1), *стахановц* 'стахановец' (2), *нойн* 'нойон' (6), *зээсн* 'зайсанг' (3), *хан* 'хан' (2), *хатн* 'ханша, жена хана' (1), *байн* 'богатый' (3), *баячуд* 'богатые' (3), *эзн* 'хозяин' (3), *середняк* 'середняк' (1), *угатнр*, *угатһнр* 'бедняки' (3), *харчуд* 'бедняки' (1), *барагуд* 'батраки' (1), *командир* 'командир' (8), *пионер* 'пионер' (1) *коммунист* 'коммунист' (1).

Всего две лексемы — *үүрмүд* 'товарищи' (2), *иньгүд* 'друзья' (1) — выступают в песенных текстах как наименования статусов межличностных отношений.

Субкластер «антропонимы» представлен достаточно большим количеством личных имен собственных (28). Исторические песни в силу своей жанровой

специфики отличаются высокой степенью коннотативности и прецедентностью многих имен. Это прежде всего имена исторических деятелей и известных личностей того периода.

Говоря о частотности тех или иных антропонимов, можно отметить явное доминирование мужских имен. В анализируемых текстах по вполне понятным причинам частотностью отмечены такие антропонимы, как *Ленин* (7), *Сталин* (6), *Пүрвэн Анжур* (6), *Матуша Санж* (4).

Лексической репрезентации образа Сталина в калмыцком песенном дискурсе посвящены две статьи [Омакаева, Борлыкова 2013б; 2014], остальные же антропонимы, упомянутые выше, пока не привлекли внимания исследователей, между тем они концентрируют в себе культурно-исторический контекст эпохи.

Так, хорошо известна общественно-политическая деятельность Анджура Пюрбеевича Пюрбеева (1904–1938), видного государственного и политического деятеля Калмыкии 20–30-х годов XX в. Он внес большой вклад в строительство калмыцкой столицы, развитие народного хозяйства и культуры молодой автономии. В 1935 г. при его личном участии успешно прошла Первая областная олимпиада самодеятельности. В народе были популярны две песни, связанные с А. Пюрбеевым: «Черная машина» и «Да здравствует Элиста!».

Героем песни стал и Матышев Санджи, уроженец Багахурульского аймака Малодербетовского улуса, делегат первого Общекалмыцкого съезда Советов, состоявшегося в поселке Чилгир Икицохуровского улуса 1 июля 1920 г. Имя *Санж* в сочетании с термином *командир* встретилось в песенном тексте 7 раз.

Такие имена, как *Маруша*, *Манжсин* *Һэрэ*, *Манж*, встречаются в текстах песен по три раза. Дважды употреблены антропонимы *Очра Бактан*, *Иствэнэ Нээмн*, *Маркс*, *Хомутников*. По одному разу встречаются следующие имена: *Һэрэ*, *Жирэ*, *Бамбан Шеерн*, *Аюша Яаһур*, *Шаран Нээмн*, *Эддэн Боова*, *Андран Шүтэн*.

Анализ индивидуализирующей семантики антропонимов в песенном тексте свидетельствует о том, что они образуют особую микросистему, осуществляя в тексте индивидуализацию указательного (первичную) и отождествляющего (вторичную) характера.

Кластер «натурфакты» (естественные объекты, природные явления) образован из четырех субкластеров:

1. Субкластер «природа», представленный наименованиями небесных светил, атмосферных осадков, орографическими (рельеф), гидрографическими (водоемы) и топографическими номинациями: *нарн* 'солнце' (1), *сар₁* 'луна, месяц' (1), *хур* 'дождь' (1), *тег* 'степь' (3), *уул* 'гора' (2).

Знания о погодных явлениях отражаются в языке песен с помощью метеонимов, под которыми понимаются лексемы, характеризующие состояние и строение атмосферы. Лексика природы мало изучена по сравнению с лексикой материальной и духовной культуры калмыков. Между тем метеонимы представляют одну из ключевых групп песенной лексики. Различные атмосферные процессы непосредственно влияют на жизнь людей, поэтому метеорологическая лексика занимает важное место в осмыслении мира человеком.

2. Субкластер «географические названия» представлен топонимами с превалированием гидронимов: *Манц* 'Маныч' (2), *Күм* 'Кума' (12), *Урмпа* 'Урал' (2), *Состин нуурмуд* 'Состинские озера' (1), *Көк теңгс* 'Каспийское море' (1). Номинации водных объектов, встречающиеся в калмыцких и западномонгольских народных песнях, уже стали объектом лингвистического исследования [Омакаева, Борлыкова 2013].

В записанных А. В. Бурдуковым песнях встречаются и ойконимы (названия городов и сельских населенных пунктов): *Улан хөөч* 'Улан Хечи' (2), *Чилгр* 'Чилгир' (1), *Нисэн* 'Нисян' (1), *Москва* 'Москва' (1), *Эддрхн* 'Астрахань' (1). Зафиксирован хороним *Хальмг Таңһч* 'Калмыкия' (1) и ороним *Омргин хар толһа* ' (1).

3. Субкластер «животный мир» представлен в лексике рассматриваемых песен 8 лексемами. Это, в основном, орнитонимы: *хан һард* 'орел' (1), *бүргд шовун* 'беркут' (1), *күрлдэ шовун* 'канарейка' (1). Также зафиксированы названия трех видов домашнего скота: *мөрн* 'лошадь' (3), *хөн* 'овца' (3), *темэн* 'верблюд' (1). Зафиксирован фауноним *ноха* 'собака' (1). Из номинаций диких животных встречается слово *чон* 'волк' (1).

4. Субкластер «время» включает слова: *сар₂* 'месяц' (1), *сө* 'ночь' (1), (1), *өрүн* 'утро' (1), *зун* 'лето' (1), *хавр* 'весна' (2), *цаг* 'время' (2). Темпороним *сар* означает 'месяц' (календарный отрезок года, единицу измере-

ния времени по лунному календарю, равную одной двенадцатой части года). В «природном» субкластере нами зафиксировано слово *сар* как название ночного светила ('луна'). Это омонимы (слова, звучащие и пишущиеся одинаково, но означающие разные понятия), возникшие в результате распада полисемии, т. е. деления одного многозначного слова на два. Данные омонимы, относящиеся к разным субкластерам, возникли в результате переноса значения с диска луны или его части, связанной с лунной фазой, считаемой по четвертям (*шин сар* 'новый месяц', *дүүрн сар* 'полнолуние', *хуучн сар* 'старый месяц'), на временной период, который занимает полный цикл лунных фаз.

Кластер «ментифакты» в рассматриваемом объеме лексики калмыцких песен представлен шестью лексемами: *хув* 'доля' (1), *зовлн* 'горе' (1), *заян* 'судьба' (1), *иткл* 'надежда' (1), *кишг* 'счастье' (1), *гем* 'вина' (1), *зөөр* 'достояние, собственность' (2).

Существительные, называющие артефакты (предметы, созданные трудом человека), представлены в рассматриваемых текстах разными субкластерами, относящимися к разным сферам материальной культуры калмыков (одежде, жилищу, вооружению, музыкальным инструментам и т. д.).

Мы выделяем в составе артефактной лексики следующие субкластеры:

- 1) названия одежды (вестонимы): *махла* 'шапка' (2), *носн* 'сапоги' (1), *хувцн* 'одежда' (1), *картуз* 'картуз' (1);
- 2) наименования оружия и его атрибутов: *селм* 'сабля' (1), *сум* 'пуля' (1), *бу* 'ружье' (1);
- 3) названия музыкальных инструментов: *кеңкрэ* 'барабан' (1), *домбр* 'домбра';
- 4) номинации жилища: *гер* 'дом' (3).

Названия артефактов относятся к лексике сферы удовлетворения повседневных материальных потребностей человека. К жилищу как наиболее важной составляющей материальной культуры относится комплекс построек, обслуживающих бытовые и хозяйственные потребности семьи. У калмыков, кочевого в прошлом народа, наиболее приспособленной к кочевому образу жизни формой жилища была кибитка (гер).

Экспрессивная нагруженность поэтических номинаций артефактов демонстрирует продуктивность этого кластера в реализации образных контекстов и свидетельствует о его богатом эстетическом потенциале в песен-

ном тексте. Так, артефакт *гер* 'дом' участвует в реализации поэтического образа Дома.

Таким образом, наиболее объемными в анализируемом песенном корпусе оказались кластеры «натурфакты» (6 субкластеров, 36 лексем) и «социофакты» (5 субкластеров, 67 лексем). Кластер «артефакты» состоит из 12 лексем, кластер «ментифакты» включает 3 субкластера, 9 лексем. Полученные результаты послужат основой для дальнейшего анализа лексической структуры песенных текстов.

Источники

- УХ – Улан хөөч // Тексты калмыцких песен, собранных Бурдуковыми в КАССР в 1937 г. – Фонограммархив ИРЛИ РАН, Ф.А.П. – 30, ед. хр. 271, № 1.
- СХП – Сөм хамрта пранц // Тексты калмыцких песен, собранных Бурдуковыми в КАССР в 1937 г. – Фонограммархив ИРЛИ РАН, Ф.А.П. – 30, ед. хр. 271, № 7.
- СҺТ – Самбрин хувн толһа // Тексты калмыцких песен, собранных Бурдуковыми в КАССР в 1937 г. – Фонограммархив ИРЛИ РАН, Ф.А.П. – 30, ед. хр. 271, № 8.
- Б – Батлһн // Тексты калмыцких песен, собранных Бурдуковыми в КАССР в 1937 г. – Фонограммархив ИРЛИ РАН, Ф.А.П. – 30, ед. хр. 271, № 9.
- ОБО – Очра Бактан отряд // Тексты калмыцких песен, собранных Бурдуковыми в КАССР в 1937 г. – Фонограммархив ИРЛИ РАН, Ф.А.П. – 30, ед. хр. 271, № 10.
- ЧЛ – Чимдэн Леежн // Тексты калмыцких песен, собранных Бурдуковыми в КАССР в 1937 г. – Фонограммархив ИРЛИ РАН, Ф.А.П. – 30, ед. хр. 271, № 14.
- ИН – Иствэнэ Нээмн // Тексты калмыцких песен, собранных Бурдуковыми в КАССР в 1937 г. – Фонограммархив ИРЛИ РАН, Ф.А.П. – 30, ед. хр. 271, № 16.
- СК – Санж командир // Тексты калмыцких песен, собранных Бурдуковыми в КАССР в 1937 г. – Фонограммархив ИРЛИ РАН, Ф.А.П. – 30, ед. хр. 271, № 16.
- ПА – Пүрвэн Анжур // Тексты калмыцких песен, собранных Бурдуковыми в КАССР в 1937 г. – Фонограммархив ИРЛИ РАН, Ф.А.П. – 30, ед. хр. 271, № 18.
- ЛТД – Ленинэ туск дун // Тексты калмыцких песен, собранных Бурдуковыми в КАССР в 1937 г. – Фонограммархив ИРЛИ РАН, Ф.А.П. – 30, ед. хр. 271, № 21.
- СТД – Сталинэ туск дун // Тексты калмыцких песен, собранных Бурдуковыми в КАССР в 1937 г. – Фонограммархив ИРЛИ РАН, Ф.А.П. – 30, ед. хр. 271, № 27.

- ПД – Пионермудын дун // Тексты калмыцких песен, собранных Бурдуковыми в КАССР в 1937 г. – Фонограммархив ИРЛИ РАН, Ф.А.П. – 30, ед. хр. 271, № 31.
- ӨУТ – Өндр улан туг // Тексты калмыцких песен, собранных Бурдуковыми в КАССР в 1937 г. – Фонограммархив ИРЛИ РАН, Ф.А.П. – 30, ед. хр. 271, № 32.
- МhН – Манц хатлад нүүхнь // Тексты калмыцких песен, собранных Бурдуковыми в КАССР в 1937 г. – Фонограммархив ИРЛИ РАН, Ф.А.П. – 30, ед. хр. 271, № 34.
- КУ – Комсомол уралан // Тексты калмыцких песен, собранных Бурдуковыми в КАССР в 1937 г. – Фонограммархив ИРЛИ РАН, Ф.А.П. – 30, ед. хр. 271, № 35.
- МС – Матуша Санж // Тексты калмыцких песен, собранных Бурдуковыми в КАССР в 1937 г. – Фонограммархив ИРЛИ РАН, Ф.А.П. – 30, ед. хр. 271, № 43.
- Л – Ленин // Тексты калмыцких песен, собранных Бурдуковыми в КАССР в 1937 г. – Фонограммархив ИРЛИ РАН, Ф.А.П. – 30, ед. хр. 271, № 52.
- УЦУ – Улан цергин үкл // Тексты калмыцких песен, собранных Бурдуковыми в КАССР в 1937 г. – Фонограммархив ИРЛИ РАН, Ф.А.П. – 30, ед. хр. 271, № 53.
- БК – Бат колхоз // Тексты калмыцких песен, собранных Бурдуковыми в КАССР в 1937 г. – Фонограммархив ИРЛИ РАН, Ф.А.П. – 30, ед. хр. 271, № 55.
- УХД – Улан хальмгин дун // Тексты калмыцких песен, собранных Бурдуковыми в КАССР в 1937 г. – Фонограммархив ИРЛИ РАН, Ф.А.П. – 30, ед. хр. 271, № 56.
- 1916 ЖД – 1916-гч жилэ дун // Тексты калмыцких песен, собранных Бурдуковыми в КАССР в 1937 г. – Фонограммархив ИРЛИ РАН, Ф.А.П. – 30, ед. хр. 271, № 58.
- ТУБ – Тавн уулын белд // Тексты калмыцких песен, собранных Бурдуковыми в КАССР

в 1937 г. – Фонограммархив ИРЛИ РАН, Ф.А.П. – 30, ед. хр. 271, № 59.

ОБМ – Охтр бор мөрн // Тексты калмыцких песен, собранных Бурдуковыми в КАССР в 1937 г. – Фонограммархив ИРЛИ РАН, Ф.А.П. – 30, ед. хр. 271, № 60.

БЭБ – Бадан Эдлэ байн // Тексты калмыцких песен, собранных Бурдуковыми в КАССР в 1937 г. – Фонограммархив ИРЛИ РАН, Ф.А.П. – 30, ед. хр. 271, № 62.

Литература

Борлыкова Б. Х. Калмыцкие исторические песни: опыт кластерного описания лексики // Вестник КИГИ РАН. 2013. № 4. С. 47–52.

Омакаева Э. У. Проблемы текстообразования в фольклорном дискурсе: жанр калмыцкой песни в свете лексикографического и корпусного подходов // Вестник КИГИ РАН. 2012. № 1. С. 21–27.

Омакаева Э. У. Борлыкова Б. Х. Калмыцкие песни из коллекции финского монголоведа Г. Рамстедта: кластерное описание лексики // Бааза-багши и его духовное наследие. Коллективная монография. Элиста: НПП «Джангар», 2013. С. 133–145.

Оссовецкий И. А. О языке русского традиционного фольклора // Вопросы языкознания. 1975. № 5. С. 66–77.

Очирова В. С., Омакаева Э. У. Номинации лиц мужского пола по степени родства в калмыцком языке (на материале песенных текстов) // Вестник КИГИ РАН. 2014. № 1. С. 42–46.

Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. СПб., 1994. 238 с.

Убушиева Б. Э. Лексика калмыцких народных песен (когнитивно-семантический аспект). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Элиста, 2013. 34 с.

Хроленко А. Т. Поэтическая фразеология русской народной лирической песни. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1981. 163 с.

Sources

- [Texts of Kalmyk Songs Collected by A. Burdukov in the Kalmyk ASSR in 1937]. At: Institute of Russian Literature of the RAS, Phonogram Archive. Fond 30, folder 271:
- No. 1: 'The Red Shepherd' (In Kalm.);
- No. 7: 'The Long-Nosed French' (In Kalm.);
- No. 8: 'The Three Heads (of Leaders) on the Blackboard' (In Kalm.);
- No. 9: 'The Strengthening' (In Kalm.);
- No. 10: 'Bakta Ochirov's Squadron' (In Kalm.);
- No. 14: 'Leejin Chimdyayev' (In Kalm.);
- No. 16: 'Nyamin Istvinov' (In Kalm.);
- No. 16: 'Commander Sanji' (In Kalm.);
- No. 18: 'Anjur Pyurbeev' (In Kalm.);
- No. 21: 'Lenin's Song' (In Kalm.);
- No. 27: 'Stalin's Song' (In Kalm.);
- No. 31: 'Pioneers' Song' (In Kalm.);
- No. 32: 'The High Red Banner' (In Kalm.);
- No. 34: 'Crossing the Manych' (In Kalm.);
- No. 35: 'Komsomol, Straight Ahead!' (In Kalm.);
- No. 43: 'Sanji Matushov' (In Kalm.);
- No. 52: 'Lenin' (In Kalm.);
- No. 53: 'Dying for the Red Army' (In Kalm.);
- No. 55: 'The Tidy Kolkhoz' (In Kalm.);
- No. 56: 'The Song of Kalmyk Communists' (In Kalm.);
- No. 58: 'The Song of 1916' (In Kalm.);
- No. 59: 'Riding along the Five Mounts' (In Kalm.);
- No. 60: 'The Curly Grey Horse' (In Kalm.);
- No. 62: 'Rich Man Edlya Badaev' (In Kalm.).

References

- Borlykova B. Kh. Kalmyk historical songs: a cluster description of the vocabulary. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2013. No. 4. Pp. 47–52. (In Russ.)
- Khrolenko A. T. [Poetic Phraseology of Russian Folk Lyrical Song]. Voronezh: Voronezh State University, 1981. 163 p. (In Russ.)
- Ochirova V. S., Omakeeva E. U. Naming units for men by degree of familial relationship: a case study of song texts. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2014. No. 1. Pp. 42–46. (In Russ.)
- Omakeeva E. U. Borlykova B. Kh. Kalmyk songs from the Finnish Mongolist G. J. Ramstedt's collection: a cluster description of the vocabulary. In: [Baaza-Bagshi and His Spiritual Heritage]. Coll. papers. Elista: Dzhangar, 2013. Pp. 133–145. (In Russ.)
- Omakeeva E. U. Problems of text production in folklore discourse: the genre of Kalmyk song in the light of lexicographic and corpus approaches. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2012. No. 1. Pp. 21–27. (In Russ.)
- Ossovetskiy I. A. The language of traditional Russian folklore revisited. *Voprosy Jazykoznanija*. 1975. No. 5. Pp. 66–77. (In Russ.)
- Putilov B. N. [Folklore and Folk Culture]. St. Petersburg, 1994. 238 p. (In Russ.)
- Ubushieva B. E. [Kalmyk Folk Song Vocabulary: Cognitive and Semantic Aspects]. Cand.Sc. (philology) thesis abstract. Elista, 2013. 34 p. (In Russ.)

ӨДГЭ ЦАГИН ХАЛЬМГ КЕЛНЭ КЕЛЦ ҮГМҮД ШИНЖЛҮНЭ ТУСКАР (Об изучении фразеологических образований современного калмыцкого языка)

On Studying Phraseological Units of the Contemporary Kalmyk Language

В. Н. Мушаев (V. Mushaev)¹

¹ доктор филологических наук, профессор кафедры калмыцкого языка и монголистики Калмыцкого государственного университета (Ph. D. of Philology, Professor of the Kalmyk Language and Mongolian Studies Department at Kalmyk State University). E-mail: mushaev_vn@mail.ru.

Статья посвящена комплексному лингвистическому исследованию фразеологических образований на материале современного калмыцкого языка. Исследуется обобщенная система лингвистических особенностей фразеологизмов с точки зрения структуры, семантики и речевых функций. Также рассматриваются лингво-стилистические особенности употребления и функционирования базового лексического фонда фразеологизмов в произведениях калмыцких авторов. В художественном плане широкое использование устойчивых сочетаний придает яркую эмоциональную окраску и определяет индивидуальные особенности языка калмыцких писателей, а также передает универсалии языковой картины мира калмыцкого народа.

Ключевые слова: фразеологизмы, структурно-синтаксические функциональные единства, сращения, сочетания, сфера употребления, частотность.

Studying phraseological units of the Kalmyk language is a topical objective of contemporary Kalmyk linguistics. The difficulty of studying set-expressions stems from the fact that their meaning is not defined by the meanings of their individual components. Besides, their grammatical meaning, which appear as grammatical archaisms, does not comply with the norms of the modern language. On the other side, they add emphasis to speech, and highlight ethnical features and the uniqueness of a language.

Employing the data of the Kalmyk language, the article studies the generalized system of special linguistic aspects of phraseological units in relation to their structure, semantics, and speech function. The author reviews the linguo-stylistic aspects of usage and functioning of the basic phraseological lexicon in the works by Kalmyk authors. From the artistic point of view phraseological units impart strong emotional tone and define the individual features of Kalmyk writers, as well as convey the universals of the Kalmyk people worldview.

Keywords: phraseological units, structural and syntactic functional units, fusions, collocations, sphere of application, frequency.

Келц үгмүд онц шинж-темдгтэ, ондан кел тогтлһна бүрдэмжин дунд эврэ орман эзлнэ. Келц үгмүдиг, нег таласнь, йирин үгин ниицлһэс йилһх кергтэ. Хойрдвар, салу күцц чинртэ үгмүдэс салһх кергтэ, юңгад гихлэ келц үгмүд салу үглэ эдл олзлгдна, зуг тогтацарн олн үгмүдэс бүрднэ, иим тогтацин үг болһн эврэ чинртэ. Эн хойрин хоорндк йилһвриг сээнэр медснэ хөөн келц үг шинжлгч ном гидг энгин тускар келж болх [Виноградов 1947: 8; Бертагаев 1970: 80; Пюрбеев 1972: 201].

Келц үгмүд гисн — хойр эс гиж хойрас үлү ударлтта энгэс тогтсн үгмүд, эврәннь ид-чинрэрн, кецэрн (структурарн) болн орлцжах үгмүдэрн нег кевтэн бээдг, белн кевэр келгддг келнэ бүрдэмж.

Келц үгмүд белн кевэр келгддгэрн сул үгин ниицлһэс йилһрэд, үгд өөрхн болна, зуг

келц үгмүд үглэ эдл морфемэс тогтдмн биш, белн кевэр келгднэ. Келц үгмүд оньдинд орлцжах үгмүдэрн, үгмүдин дараһарн, хоорнднь ирлцжэх ид-чинрэрн нег кевтэн бээнэ. Орлцжах үгмүдэрн болн ормарн келц үгмүд йирин үгмүдин морфемслэ эдл. Орлцжах үгмүдин дарань сольгдхла, соңсчах күн шин эргц гиж меднэ [Пюрбеев 1969: 213; Бардаев 1985: 130].

Үгмүд морфемэс тогтна, келц үгмүд нег үгин бээдлтэ (словного характера) энгэс тогтна. Келц үгмүдиг үглэ дүнцүлж йилһсн цагт — келц үгмүдин ниилмж салһхд түрү болна. Келц үгмүдин ниилмжин энгс салу күцц чинр уга болхла, үг болж чадхш, эврәннь хол чинрэн геенэ. Үг болн келц үгмүдин ниилмж хоорндан айлтин бээдлэр йилһрнэ: үг нег ударлтта, келц үгмүдин ниилмж — хойрас үлү [Пюрбеев 1968: 12].

Келц үгмүдин ниилмж ид-чинрэрн хувагддо, хойрас үлү үгэс бүрдхлэрн, үг болһнь салу ид-чинртэ болхш.

Ашлвр кежэх цээлһвр: келц үгмүд салу үглэ болн үгин ниийдлһнлэ залһлдата болв чигн, эврэ йилһвр шинж-темдгтэ:

- 1) келц үгмүд белн кевэр келнэс авгдна;
- 2) ид-чинрэрн, орлцжах үгмүдэрн болн кецэрн келц үгмүд хуврлт угаһар, нег кевэрн бээх зөвтэ;
- 3) айлтарн — хойрас үлү ударлтта, айлтарн зэнглэ эдл онц чинр уга;
- 4) келц үгмүд энгсэр йилһгдж чадна, энг болһиг келжэх күн нег үгин чинртәһэр тоолна [Пюрбеев 1970: 35].

Келц үгмүдин шинжлэчнр хойр хол шинж-темдг зөвшөлнэ: а) үгэс үлү ид-чинр болн кев-янз (сверхсловность); б) белн кевэр тогтлһн, келгдлһн (воспроизводимость).

Эврәннь кецэрн келц үгмүдт оржах үгмүд хол үгэрн болн хоорндан негдж эварһарн йилһрнэ.

Грамматическ кев-янз уга келц үгмүд салу орм эзнэ, салу баг тогтж чадна. Үлгүрнь: *жигтэ юмн, буйн болтха; хара зөндөн*. Зэрм номтнр иим келц үгмүдиг ниилсн үгмүд (слитные слова) гиж нерәднэ.

Келц үгмүд ид-чинрэрн хойр багд хувагдна:

1. Ид-чинрэрн болн бээдлэрн зэнглэ эдл келц үгмүд эврәннь кецэрн зэнг болж чадна. Үлгүрнь: *Алтн жоло эргүлж ирх. Гал деер тос асхх. Гал долаһад һарч ирх. Гуйан һанзһлад һарч ирх.*
2. Ид-чинрэрн үглэ болн үгин ниийдлһнлэ эдл келц үгмүд. Үлгүрнь: *хорха көндрх; нег киһһәр; һа болх*. Эн багин зэрм келц үгмүд олн ид-чинртэ болна, үлгүрнь: *амнь халх* — *эркэс амн хална; келсн үгэс амн халад ирнэ; амнднь күрх* — *зовах; алх, уга кех; һазр авх* — *хуучта болх; наста болх*.

Салу күцц келнэ бүрдэмж болдг учрар, келц үгмүд зэнгд орсн цагтан ямаран чигн мөчин үүрг даана. Г. Ц. Пюрбеевин көдлмшэс авсн үлгүрмүд: *көлән дарлго* — төрүц амрлго; *келкәтә нәәмн ясн* — чинән-чидл уга; *уурхан саң* — чилшго, дала зөөр; *муулян эдлх* — зовлң үзх [Пюрбеев 1969а: 2]. Зэнгд келц үгмүд иим үүрг (функц) күцәнэ: *Эн көгиин арат* (нерлгч) *ямаран мектә* [Бадмин А.]; *Мал харһнж бәәнә. Хөн иргүдтәһән үкәд бәәнә. Мөрд* — *келкәтә нәәмн ясн* (келгч) [Манжин Н.]; *Эцкнь барун бийдән бәәсн уурхан саңгас* (немлт) *утхад, нег тулм алт келәд өгнә* [Хальмг тууль];

Хар бүрүләс авн асхн күртл көлән дарлго (уршг) *көдлнә* [Нармин М.]. *Ичртән ишкә наасн* (цээлһлт) *күн бәәсмчи? Маңһдур эн колхозникудин чирә яһж халәхмч?* [Эрнжәнә К.].

Өдгә цагин хальмг келнэ келц үгмүдиг келнэ номин халхар иим тавн таласнь шинжлж болхмн:

- келц үгмүдин кец (структура);
- келц үгмүдин ид-чинр (значение);
- келц үгмүдин тогтлһн (образование);
- альд, кезә келц үгмүд олзлгдлһн (сфера употребления);
- келц үгмүд ямр өргнәр олзлгдлһн (активность / пассивность употребления).

Хальмг келнэ келц үгмүд кев-янзин халхар хойр багд хувагдна:

1. Үгин ниийдлһнә кев-янзта, зэнгд нег мөч болж олзлгддг келц үгмүд, үлгүрнь: *махлата мал* — эк-толһа уга күн; *көл сольж одх* — хулха авад геедрж одх; *бийән бив гисн* — деегүр сана зүүсн, караг күн. Иим келц үгмүдин кец тогтлһнд хойр эс гиж олн үгмүд орлцна. Икәрнь авхла, келц үгмүдин багтамжнь зурһан-долан үгэс давхш. Үлгүрнь: *делүһән девсх* — дегд цаһан саната болх; *киисән нег утхар керчүлсн мет* — төрл-төрсн мет; *нульмсн көрм жсиңд, ноха һаңһым һаңд* — киитнд чигн, халунд чигн тесх; *ораһас авн сүл күртл халәх* — деерәснь дор күртлнь соньмсж харх.
2. Зэнгин кев-янз авсн келц үгмүд. Иим зэнг нурһлж коммуникативн-цээлһгч бээдлтә, үлгүрнь: *кишгнь иржәнә* — бээхтә болад, байр-бахмжнь өсх; *һарнь алтн* — ю болв чигн кедг, урн күн; *хойр чикм һарад бәәнә* — мууһан дардг, нуудг арһ уга. Зэнгин кев-янз авсн келц үгмүд эврәннь кецэрн наадк келц үгмүдин бүрдэмжәс йилһгдхш. Эн учрар келц үгмүдин кец зэнгд нег мөчин үүрг даажах келц үгмүдин бүрдэмжәр шинжлх санатавидн.

Эврәннь ид-чинрэрн нег үгәр келгддг учрас келц үгмүд морфологин халәцәс ямр нег келлһнә хүвлә ирлцж чадна. Хальмг келнэ келц үгмүд бәәлһнә нернлә, чинрлгч нернлә, наречлә болн үүлдэгчлә эдл чинрэрн болж ирлцнә (равнозначны).

Бәәлһнә болн чинрлгч нернлә чинрэрн эдл болж ирлцжәх,

бәәлһнә эс гиж чинрлгч нерн хол үг болжәх келц үгмүд

Иим келц үгмүд әмтә болн әмн уга юм нерәднә эс гиж күүнә болн юмна дүр-бәәдл,

чинр-зүс тодрха цээлһнэ. Үлгүрнь: *зуд уга амтн* — анхун, санамр улс; *сүл уга чон* — хулхач, тонач; *хату үүл* — амр биш юмн; *хар яста күн* — эгл күн; *хартан үүлтэ* — эрдмтэ, урч күн; *һазрин шора эрвэлдэ улан хорха* — хармнч күн.

Эн багин келц үгмүдэс иим кев-янзин кецтэ бүрдэмжэ өргнэр олзлгдна:

1. Бээлһнэ нерн болн чинрлгч нерн негдэд тогтсн келц үгмүд. Үлгүрнь: *халун мөнд* — байрта харһлт; *хар ухан* — му санан, седвэр; *идр наста* — нас күрсн авсн дамлгта күн; *дохлң нульмсн* — түрү йовдл, санан; *чишгтэ арсн* — худл-хуурмг йовдл харһдг күн; *цаһан санан* — сэн, эрүн санан.
 2. Хойр бээлһнэ нернэ кев-янз ирлцэд тогтсн келц үгмүд. Түрүн орм ээлжэх, хол үгин үлмэд оржах бээлһнэ нерн нерэдгч, төргч болн хамцулгч киискврин кев-янз авч чадна, үлгүрнь: *Алтн һасн* — өрүни одн; *төмр хаалһ* — һал тергн (поезд) йовдг хаалһ; *алтн йорал* — чилшго ик зөөр (нерэдгч киискврт); *задын хутхур* — керүл-цүүгэ, ноолдана эк татач; *чеежн (седклин) килэсн* — дотран санад, зовад йовлһн, нууц зовлн; *кишгин шилэвр* — хамг цуглуулсн зөөр тарадг күн (төргч киискврт); *гижгтэ күүкн* — насарн хэрд харх күүкн (окн); *махлата мал* — тенг, эк-толһа уга күн; *бөдүн күзүтэ күн* — күүнэ үгд ордго күн.
 3. Кев-янзин кецэрн һурвн үгэс тогтна: чинрлгч нерн, киизң болн нерэдгч киискврт бээх бээлһнэ нерд, үлгүрнь: *хурц келтэ күн* — олмһа, кеерүлэд келдг күн; *хату зүрктэ күн* — юмнас ээдго, сансан күцэдг күн.
 4. Бээлһнэ нерн тоолгч нер олзлад келц үг бас тогтаж чадна, үлгүрнь: *дөрвн үзг нээмн зовк* — эң-зах уга һазр; *хойр толһата моһа* — хойр зүсн кевэр бийэн бэрдг күн; *келкэтэ нээмн ясн* — йир эццн күн; *жирн жилэ һазр* — делкэн нег зах, йир хол.
- Тоолгч нернэс йир өргнэр долан гидг тоолгч нерн келц үгмүд тогталһнд орлцна. Нерн келц үгмүд: *долан өдр*, *долан хонг*, *долан-долан дөчн йисн хонг*, *долан бурхн*, *долан үй*, *долан нарн*; үүлдвр келц үгмүд: *долан уулд бээтхэ*, *долан бульчрха күртлнь медх*.
5. Дала өргнэр эс болвчн бээлһнэ нерн причасть немж анад келц үгмүд тогтана, үлгүрнь: *ухаһан алдчкдг күн* — ээхлэрн

(адһхларн) юм мартдг (алддг) күн; *келсн күүкн* — гер-мал болх, дурлсн, заасн күүкн; *ноха һаңһньм халун* — йир халун цаг.

Нерн келц үгмүдин хол үгнь нурһлж нерэдгч киискврин кев-янзд авгддг болвчн зэрмдэн киизң киискврмүдт бас тэвгдж чадна. Киизң киискврмүдэс хамгин өргнэр хамцулгч болн бүрдэгч киискврмүд олзлгдна.

6. Келц үгин хол бүрдэгч киисквр авсн үлгүрмүд: *хар көлсэрн* — күнд көдлмшэрн күцэх; *сэн күн санаһар* — харһж ирх; *хар седклэр* — му санаһар кех.
7. Хол үг болжах бээлһнэ нерн хамцулгч киискврт олзлжах үлгүрмүд: *гесндэн гер шүдтэ* — мектэ, нууц сана зүүсн күн; *цаһан хаалһта* — сэн кевэр, мөнд йовдг (күн); *эрэ киштэ* — эрэ эмд (бээх); *һазаран элктэ* — ухан-санаһарн хэр, *хойрамта* — бууһин бээдл (двустволка), дала юм күцэдг (юмн).

Келц үгмүдин хол үгмүд чинрлгч нерэр бас келгднэ, үлгүрнь: *амндан бат* — келсн үгдэн күрдг, күцэдг (күн); *цурх мет ховдг*, *үкрдэ мет һульдрмха* — күүнэ му занг; *цөснь дүүрң*, *цуснь халун* — чидл дала, санан-седвэр ик; *му заята* — кишг дуту.

Амн үгин үүдэврмүдэс эн багд үлгүрмүд болн тежг үгмүд йир өргнэр олзлгдна: *келсн үг* — *керчсн модн*; *эрүлин ухан* — *соктуднь*, *экин седкл* — *үрнд*; *садта күн* — *салата модн*.

Нерн келц үгмүд оржах үгмүдэрн хойрас авн долан күртл үгмүд олзлж анад йилһрнэ. Деер хойр-һурвн үгэс кев-янзин кец тогтсн келц үгмүд цээлһгдсн учрар эн үлгүрмүдэн дөрвн үгэс авн эклхмн: *бээсэрн байн*, *суусарн өнр* — байрлад, дигтэ күцц (суух); тавн үгэс: *ноха хатрм болж йовх цаг* — асхна кем; зурһан үгэс: *мордохин үг негн*, *мөрнэ чикн хойр* — йовхд цуг юмн, цугтан белн көндрх кергтэ; долан үгэс: *керэ даам тоста*, *келн ээдрм агта цэ* — хальмг сэн цээһин тускар.

Шинжлгдсн негдгч багин келц үгмүд зэңгд орсн цагтан нерлгч, цээлһлт, немлт эс гиж эргцин объект болж олзлгдна. Үлгүрнь: *Бергэсин ухаһар болхла*, *хар яста күн* (нерлгч) *тиим килңц харһж чадхмн* [Бадмин А.]; *Олнд, уга ядуд йосинь хартнь өгэ бээтл*, *хар улст* (немлт) *тер күцц медгдэжэхш* [Нармин М.]; *Каңкнсн улан зандн жомбад*, *керэ даам тос* (объект) *тэвэд*, *келн ээдрмэр заты* (объект) *зоржэ*

тэвэд, көөстүлжэ самрад, Харка Ноонь, Киштэ хойрин өмн тэвц деер тэвчкэ [Эрнжэнэ К.]; **Наснь һазр авсн** (цээлһлт), *нугдһр хар өвгн хойр өвдгэн түшжэ босад бээв* [Манжин Н.].

Үүдэврлэ чинрээн эдл болж ирлцжэх, үүлдэгч эс гиж наадк үүлдвр келлһнэ хувс хол үг болжах келц үгмүд. Үүлдвр келц үгмүд йир өргнэр хальмг бичэчнрин үүдэврмүдт харһна. Тедн дунд нурһлж хойр үгэс тогтсн келц үгмүд олзлгдна. Товчлад келхлэ, хальмг келнэ келц үгмүдиг эклэд үүлдвр келц үгмүдэс шинжлсмн, цуг моңһл келнэ келц үгмүдин түрүн тольд үүлдвр уңгта келц үгмүд орулсмн. Эврәннь кев-янзин кецэрн иим келц үгмүд дөрвн зүсн кевэр тогтна:

1. Киизн киискврт бээх бээлһнэ нерн ирх цагин үүлдэгчин үлмэд орад, үүлдвр келц үгмүд тогтана. Үлмэ энгнь өргнэр гемнгч болн өггч киисквр олзлна, үлгүрнь: *аман татх* — үлү юм келлго; *буг болх* — керг уга, ацан болх; *нүдн-амн болх* — нөкд болх, хэлэх; *бээр бэрлдх* — дээлдх, ноолдх; *ам авх* — үгинь авх; *толһа негдүлх* — нег санаһар бээх (гемнгч киисквр); *хорхад (уланжэад) утх харһх* — чидл уга күүнд күч үзүлх; *чирэдэн ишкэ наах* — ичр-һутр уга бох, ичрэн геех; *долан уулд бээтхэ* — холд йовтхэ; *күүкнд эрк зөөх* — хадмуд хээх; *хормаднь һал орх* — уха сөгөһән алдсн мет гүүх, хурдлх; *сээни орнд төрх* — өңгрх (өггч киисквр). Наадк киизн киискврмүдин кев-янз бас олзлгдна, үлгүрнь: *нег ааһта-шаһта бээх* — ни-негн бээх (хамцулгч киисквр); *өрчэр орад, өрэр һарх* — йир шулун-шудрмг күн (бүрдэгч киисквр); *батхнас зан кех* — үлү, давад келчкх (һаргч киисквр).
2. Нареч эс гиж уршг чинртэ үгмүд үүлдэгчлэ ирлцэд, үүлдвр келц үгмүд болж тогтна. Үлгүрнь: *деегүр авх* — деерклх, күцц биш кех; хэрү цухрх — келсн үгэн хэрү авх; *һээд үзгдх* — мууһар бийән бэрх; *эд-бод кех* — дигтэ, сээнэр кех; *нег мөслэд бээх* — эврәһәрн нег кевтән, ухалсарн бээх.
3. Наадк үүлдвр келлһнэ хувэс причасть болн деепричасть бас келц үгмүдин хол үг болж чадна, үлгүрнь: *хордсн темән довтлдг* — арһан бархларн (причасть); *көлән дарлго* — зогслго көдлх, юм күцэх (деепричасть); *һарин хурһд цацурхла* — кезэчн күцшго керг (деепричасть); *хойр болхла, негинь авдг, хоосн болхла, орминь*

илдг — наадг улсин тускар ухалх (причасть); *элкн нурһн хойр харһн алдх* — өлсх, харһнх (деепричасть + дүнцүл бээмжин чинртэ үг (сравнительное модальное слово)).

4. Андһар, йөрәл, харалас авгдсн үүлдвр келц үгмүд эврә кев-янзта, үлгүрнь: *амнчн тоста болтхэ; хар һазрт орг; толһа деерән маань хатхул; нар үздго одсв, бурхн өришэтхэ.*

Үүлдвр келц үгмүд зэнгд келгч эс гиж эргид делгрнү уршг тогтлһнд олзлгдна. Үлгүрмүд: *Не, тер темән ширилэд эрлнэ гидг тер* [Эрнжэнэ К.]; **Цусн халун, нүдн хурц тадн, эн эң-зах уга теегиг эд-бод кеһэд, эврәннь һартан орулх чигн бизт** [Бадмин А.]; *Баазр көвүнлэ күүнднэ, көвүн зөв өгнэ* [Нармин М.]; *Инжэ мөрән үзнэв болж мундаслв* [Балакан А.].

Наречлэ чинрээн эдл болж ирлцжэх келц үгмүд уршг болн учр заадг ид-чинртәһәр олзлгдна, үлгүрнь: *хээр-бээр угаһар* — юм эрвллго, хармнлго (цокх, гүвдх); *хар нүднэс күмсг һаза* — өөр бээсэн, эврә күүһән (юман) татх; *дурта дурго хойрин загар* — цань арһ уга болад, седклән өглго; *нүднд хол, чикнэс далд* — эмтнэс заагта (хол); *мөрн дел деер* — адһн-шидһн; *ноосан харһулжэ болиго* — хол бээх; *һал цаһан өдрәр* — эмтн үзж йовсн цагт.

Эн багин келц үгмүд зэнгд олзлгдсн цагтан нурһлж уршгуд болж орлцна, үлгүрнь: *Үкрмүд гесән эрә даалдәд, дурта дурн уга хойрин заагар* көлмүдән үрвэж ишклдәд *герән темцлдәд аашицхана* [Эрнжэнэ К.]; *Эмтәхн гисн наһц ээжһн үгэс хара зөңдән шүлсн делврд һарч ирәд, холд гижэ хоолар зальггдәд* [Балакан А.]; *Йирин тиим улс мана хальмгуд дунд хамань болв чигн хара бишәр харһнаһм* [Доржин Б.].

Келц үгмүд тогтлһнд оһн-зүсн церглгч үгмүд йир өргнэр орлцна. Эдн дундас эмоциональн-экспрессивн чинртэ үгмүд, э дурагч үгмүд болн бурушагч хувс зөвәр икәр олзлгдна.

Деер келгдсн келц үгмүдин кец йилһлһнэ кевәр наадк дөрвн келц үгмүдин онц темдгүд: ид-чинр, тогтлһн, олзлгддг төрн болн шунмһа / шунмһа биш олзлһн бас шинжлгднә.

Ашлврнь иим болв: хальмг келнэ келц үгмүд келнэ номд кегдсн цуг келн улсин келц үгмүдин онлла ирлцнә.

Кецэрн келц үгмүд хойр үгэс авн долан күртл, бүкл зэнглә эдл болна. Һол үгәрн нерн болн үүлдвр энгд хувагдна. Хальмг келнд нурһлж үүлдвр келц үгмүд олзлгдна.

Ид-чинрэрн хальмг келнэ келц үгмүдт омонимия, синонимия, антонимия, полисемия харһна. Ид-чинрэрн келц үгмүд: негдлт, ниилмж, ниицлһн гиж йилһгднэ.

Тогтлһарн хальмг келнэ келц үгмүдин һол саң уул хальмг келнэ йозурта, зэрм келц үгмүд чинрэн болн янз-бээдлэн ондан келнэс авч бүрднэ, зуг тиим келц үгмүд хальмг келнд йир баһ.

Олзлгддг төрэрн хальмг келц үгмүд улсин туужла, авъясла, заңшалла, билг-

эрдмлэ, бээдл-жирһллэ залһлдата. Эн халхар күүнэ туск, аң-аһурсна туск, шажна туск, авъясин туск келц үгмүд гиж хувагдна.

Келц үгмүд шунмһа / шунмһа бишэр олзлгдна. Амн-үгин күүнэ туск хойр-һурвн үгэс тогтсн үүлдвр уңгта уул хальмг келнэ олн зүсн чинртэ келц үгмүд шунмһа кевэр олзлгддмн. Наадк бээдлтэ тогтацарн олн зүсн болдг, литературн келнд өөрхн, хуучрсн эс гиж мартгдсн үгмүд олзлгддг келц үгмүд шунмһа бишэр харһна.

Литература

Бардаев Э. У. Современный калмыцкий язык. Лексикология. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1985. С. 129–151.

Бертагаев Т. А. Об устойчивых фразеологических выражениях (на материале современного бурят-монгольского языка) // Сборник трудов по филологии. Вып. 2. Улан-Удэ: Буриздат, 1970. 88 с.

Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Академик А. А. Шахматов. Сб. ст. и мат-лов / под ред. акад. С. П. Обнорского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 332–364.

Пюрбеев Г. Ц. Глагольная фразеология монгольских языков. М.: Наука, 1972. 208 с.

Пюрбеев Г. Ц. К вопросу об устойчивых сочетаниях слов и фразеологизмах (на материале монгольских языков) // Системы и уровни языка. М., 1969. С. 212–220.

Пюрбеев Г. Ц. Лексикография монгольских языков и опыт отражения фразеологических единиц в национально-русских словарях // Вестник Калмыцкого НИИЯЛИ. 1968. Вып. 3. С. 139–156.

Пюрбеев Г. Ц. О калмыцкой фразеологии // Филологические вести (научные сообщения и доклады): в 2 т. Т. 2. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. С. 38–49.

Пюрбеев Г. Ц. Фразеологизм гисн юмб? // Хальмг үнн. 1969а. 3 сентября.

References

Bardaev E. U. [Modern Kalmyk Language: Lexicology]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1985. Pp. 129–151. (In Russ.)

Bertagaev T. A. Revisiting set phrases: a case study of the modern Buryat-Mongolian language. In: [Collected Philology Research Papers]. Vol. 2. Ulan-Ude: Burizdat, 1970. 88 p. (In Russ.)

Pyurbееv G. Ts. [Mongolic Languages: Verbal Phraseology]. Moscow: Nauka, 1972. 208 p. (In Russ.)

Pyurbееv G. Ts. 'What is a phraseological unit?' *Khal'mg ünn*. 1969, September 3. (In Kalm.)

Pyurbееv G. Ts. About Kalmyk phraseology. In: [Philological Newsletter: Scholarly Messages and Reports]. In 2 vols. Vol. 2. Elista: Kalmyk Book Publ., 1970. Pp. 38–49. (In Russ.)

Pyurbееv G. Ts. Mongolic lexicography, and efforts of including phraseological units into respective Russian-Mongolic dictionaries. In: [Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History: Scholarly Notes]. Vol. 3. Elista, 1968. Pp. 139–156. (In Russ.)

Pyurbееv G. Ts. Revisiting set word combinations and phrases: a case study of Mongolic languages. In: [Systems and Levels of Language]. Moscow, 1969. Pp. 212–220. (In Russ.)

Vinogradov V. V. Russian phraseological units: basic types revisited. In: [Academician A. Shakhmatov: Collected Papers and Materials]. Acad. S. Obnorsky (ed.). Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1947. Pp. 332–364. (In Russ.)

СТРУКТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ КАЛМЫЦКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ С КОМПОНЕНТОМ 'ЖИВОТНОЕ'

The Structural Description of Paremiological Units in the Kalmyk and English Languages Containing 'an Animal Component'

Ж. Д. Чеджиева (*Z. Chedzhieva*)¹

¹старший преподаватель кафедры иностранных языков и общей лингвистики Калмыцкого государственного университета (Senior Teacher of the Foreign Languages and General Linguistics Department at Kalmyk State University). E-mail: jejn2010@yandex.ru.

Синтаксический анализ паремиологических единиц калмыцкого и английского языков показывает, что наиболее характерным типом для обоих языков являются паремии со структурой сложноподчиненного предложения. Среди калмыцких пословиц, оформленных как сложноподчиненные предложения, в основном встречаются сложноподчиненные предложения с придаточными условия, времени, места, а также с придаточными уступительными. Английские паремии наиболее часто имеют структуру сложноподчиненных предложений, далее следуют сложносочиненные и бессоюзные сложные предложения. Калмыцкие паремии чаще оформлены бессоюзными сложными предложениями. Сложносочиненные предложения употребляются редко.

Ключевые слова: этнокультурный, модель мира, паремиологические единицы, сопоставительное изучение, простое предложение, сложное предложение, сложноподчиненное предложение, бессоюзное предложение.

The article is devoted to the issue of the ethnic and cultural specifics of the Kalmyk and English proverbs and phraseological units containing 'an animal component'. The main assumption is that each nation and each linguistic community perceives and reflects the world under the influence of its cultural and national customs, traditions and history, and creates its own worldview. The ethno-cultural character of any community's worldview is clearly fixed in the language. Moreover, the language preserves the culture of the people and transfers it further to the next generations.

The aim of the article is to give a structural description of the Kalmyk and English paremiological units. For this purpose, the ethnic peculiarity of each nation is examined and compared with that of the other one. Paremiological units with the structure of complex sentences present compound, complex and conjunctionless sentences.

According to the comparative analysis, the most common type for both languages are paremiological units with the structure of complex sentences. The complex sentence structure with subordinate clauses of condition, time, place, as well as attributive and concessive subordinate clauses are mainly found in the Kalmyk proverbs. Whereas, complex, compound and conjunctionless sentences are often found in the structure of English proverbs. However, most Kalmyk proverbs have the structure of conjunctionless sentence and compound sentences are rarely used.

Keywords: ethnocultural, world model, paremiological units, comparative study, simple sentence, complex sentence, compound sentence, conjunctionless sentence.

Сопоставительное изучение паремий калмыцкого и английского языков показывает, что в указанных единицах обнаруживается большое количество образов из животного мира. Животный мир в широком смысле включает такие родовидовые общности, как домашние животные, дикие

животные, птицы, насекомые и др. Материалом для анализа в статье служат калмыцкие и английские паремиологические единицы с компонентом 'животное'. Данные единицы в переводах на русский язык взяты из различных лексикографических источников.

Зоосемия английского языка богата и разнообразна. Под термином «зоосемия» понимается совокупность лексики, тематически связанная с понятиями о животном мире [Лясота 1984: 47]. В пословицах английского языка используются образы как домашних, так и диких животных. Кроме того, в английских пословицах употребляются наименования и экзотических животных: обезьяна, верблюд, лев, леопард. Например, *The leopard cannot change his spots* — ‘Леопарду не изменить своих пятен’ [Райдаут, Уиттинг 1997: 118]. В калмыцких паремиях в большей степени используются наименования домашних животных: *Мөртә күн эживртәлә әдл* — ‘У кого конь, у того крылья’ [Калмыцко-русский словарь 1977: 360].

Целью статьи является структурная классификация паремиологических единиц калмыцкого и английского языков с компонентом ‘животное’.

Между пословицами и поговорками много общего. По мнению Г. Л. Пермякова, поговорками называют иносказательные словесные обороты, выражающие «незаконченные суждения, а пословицами — иносказательные предложения, которые формируют законченную мысль» [Пермяков 1970: 8]. Тонкого разграничения между пословицей и поговоркой в обоих языках не проводится. Пословицы и поговорки английского языка являются цельнопредикативными структурами. А.В. Кунин относит пословицы и поговорки к классу коммуникативных фразеологических единиц. [Кунин 1972: 240]. Ряд филологов (В. В. Виноградов, Н. Н. Амосова, А. М. Бабкин, А. И. Молотков, Г. Ц. Пюрбеев) не включают пословицы и поговорки в состав фразеологии. Мы придерживаемся точки зрения С. И. Ожегова, который в своей статье «О структуре фразеологии» впервые ввел понятие фразеологии в узком смысле слова, в которое входят фразеологические единицы, являющиеся «наряду с отдельными словами средствами построения предложений или элементами предложений» Ожегов [1957: 30], и в широком смысле слова, включающее все устойчивые выражения, в том числе пословицы и поговорки.

Паремии калмыцкого и английского языков, с точки зрения их структурной организации, представлены большим количеством типов предложений. Паремиологические единицы в форме простых предложений делятся на повествовательные, побудительные и вопросительные.

Наиболее обширная группа калмыцких и английских паремий представлена повествовательными предложениями. В этой группе паремий встречаются практически все типы предложений, но между данными типами предложений очевидны большие количественные расхождения.

Паремии в форме повествовательных предложений имеют как утвердительную, так и отрицательную семантику. Наиболее распространены паремиологические единицы в форме простого утвердительного предложения: *Эвтә шааһа туула бәрде* — ‘Дружные сороки и зайца поймают’ [Пословицы, поговорки 2007: 292]; *Эцсн мөрн эврән күчләнә* — ‘Худой конь надеется (рассчитывает) на свои силы’ [Пословицы, поговорки 2007: 118]; *Cats hide their claws* — ‘Кошки прячут свои коготки’ [Мюррей 2008: 108]. *Dog eat dog* — ‘Собака поедает собаку’ [Буковская 1981: 71]. Паремий в форме повествовательных предложений с отрицательной семантикой значительно меньше: *One swallow does not make a summer* — ‘Одна ласточка весны не делает’. *Нохан нүдн ута йилһдмн биш* — ‘Собачьи глаза дыма не чуют’ [Пословицы, поговорки 2007: 594].

Побудительные предложения, которыми представлены пословицы и поговорки, можно разделить на: 1) предложения, выражающие побуждение совершить то или иное действие: *Put the saddle on the right horse* — ‘Седлай верную лошадь’ [Райдаут, Уиттинг 1997: 162]. *Ил һазрт мөрән уй, иткмәжтә күмнд нәәд* — ‘Привязывай коня на открытом месте, доверяйся лишь надежному человеку’ [Пословицы, поговорки 2007: 573]; 2) предложения, запрещающие производить то или иное действие: *Kill not the goose that lays the golden egg* — ‘Не режь гусыню, несущую золотые яйца’ [Райдаут, Уиттинг 1997: 115]. *Бийән бурхнд бичкә бод, үүрән нохала бичкә дүңцүл* — ‘Не считай себя богом, а друга не сравнивай с собакой’ [Пословицы, поговорки 2007: 544].

В форме вопросительных предложений паремии калмыцкого и английского языков встречаются крайне редко: *Үс уга үкриг хоңх уад базрлв чигн үстә үкр хәәсн күн авхий?* — ‘Яловую корову, хоть выставляй на показ с колокольчиком на шее, разве купит ее тот, кто ищет дойную корову?’ [Пословицы, поговорки 2007: 581]; *What can you expect from a hog but a grunt?* — ‘Чего ждать от свиньи, кроме хрюканья?’ [Райдаут, Уиттинг 1997: 195].

Паремиологические единицы со структурой сложных предложений представлены сложносочиненными, сложноподчиненными и бессоюзными предложениями.

Примеры паремиологических единиц со структурой сложносочиненных предложений

Калмыцкие паремии	Английские паремии
1. <i>Чон жыл болһн хагзлна, зуг заңгнь хуврдг уга</i> — ‘Волк каждый год линяет, но повадки своей не меняет’ [Пословицы, поговорки 2007: 386]. Букв. ‘Волк каждый год линяет, но его повадки не меняются’. 2. <i>Арат керсү, болв кун аратас даву керсү</i> — ‘Лиса хитра, а человек еще хитрее’ [Калмыцко-русский словарь 1977: 46]. Букв. ‘Лиса хитра, но человек лисы намного хитрее’. 3. <i>Темэн эврәннь күзүһән матьхринь меддмн биш, зуг моһа матьхр цогцта гиж келдмн</i> — ‘Верблюд не знает, что у него шея кривая, но упрекает змею, что у нее тело кривое’ [Калмыцко-русский словарь 1977: 491]. Предложения соединяются друг с другом при помощи союзов <i>зуг</i> ‘но, да’ и <i>болв</i> ‘но, однако’.	1. <i>You can take a horse to the water, but you cannot make him drink</i> — ‘Можешь привести коня к воде, но не сможешь заставить его пить’ [Кунин 1984: 399]. 2. <i>Little fishes slip through nets, but great fishes are taken</i> — ‘Мелкая рыбка проскакивает сквозь сети, а большая рыба ловится’ [Мюррей 2008: 121]. 3. <i>The best horse needs breaking, and the aptest child needs teaching</i> — ‘И самого хорошего коня нужно обездыхать, и самого способного ребенка нужно учить’ [Мюррей 2008: 94]. Предложения соединяются друг с другом при помощи союзов <i>but</i> ‘но’ и <i>and</i> ‘и’.

Наиболее характерным типом для обоих языков являются паремии со структурой сложноподчиненного предложения. Построение сложноподчиненного предложения в калмыцком языке весьма отличается от подобных предложений в английском. Сказуемые «подчиненных предложений могут выражаться не личной формой глагола, а каким-нибудь причастием в сочетании с

другими словами, а также деепричастием» [Очиров 1964: 194].

Среди калмыцких пословиц, оформленных как сложноподчиненные предложения, в основном встречаются сложноподчиненные предложения с придаточными условия, времени, места, а также с придаточными уступительными и определительными.

Примеры паремиологических единиц со структурой сложноподчиненных предложений

Калмыцкие паремии	Английские паремии
<i>Сложноподчиненные предложения с условно-следственными придаточными предложениями</i>	
1. <i>Кемр чини үүрчн аратла эдл болхла, хавхан оньдинд белнар бэр</i> — ‘Если твой друг словно лиса, то держи капкан наготове’ [Пословицы, поговорки 2007: 602]. Придаточное предложение условия вводится служебным словом <i>кемр</i> ‘если’. 2. <i>Үннинь келхлә, үксн моһа һүрвкнә</i> — ‘Если говорить правду, то даже убитая змея может зашевелиться’ [Пословицы, поговорки 2007: 406]. 3. <i>Көгин аэжрһ көлән авхла, будана амтн болде</i> — ‘Если старый жеребец околеет, то мясо его сгодится на приправу’ [Пословицы, поговорки 2007: 578]. 4. <i>Күмн күмн гихлә, күрң эрән моһа болх</i> — ‘Если слишком много внимания обращать на человека, он может стать коричнево-пестрой змеей’ [Пословицы, поговорки 2007: 11]. В данных примерах значение условия передается деепричастными оборотами.	1. <i>If you sell the cow you will sell her milk too</i> — ‘Продаешь корову — значит, продаешь и ее молоко’ [Кунин 1984: 182]. 2. <i>If the hen does not prate, she will not lay</i> — ‘Если курица не кудахчет, она яйцо не снесет’ [Мюррей 2007: 107]. 3. <i>A dog will not howl if you beat him with a bone</i> — ‘Собака не станет лаять, если ей будут грозить костью’ [Кусковская 1987: 134]. 4. <i>If you run after two hares you will catch neither</i> — ‘Если побежишь за двумя зайцами, не поймаешь ни одного’ [Мюррей 2008: 75]. В данных примерах придаточные предложения условия вводятся союзом <i>if</i> ‘если’.

Сложноподчиненные предложения с придаточными времени	
1. Темэн үквл, темнд күрдг уга — ‘Когда погибает верблюд, он не стоит цены большой толстой иглы’ [Пословицы, поговорки 2007: 584]. 2. Уул деер бар тогльвл, уя деерк элжгн үргдг — ‘Когда барс на горе резвится, осел на привязи шарахается’ [Пословицы, поговорки 2007: 427]; В обоих предложениях придаточные предложения времени вводятся причастными оборотами.	1. When the cat's away the mice will play — ‘Когда кошки нет, мыши резвятся’ [Мюррей 2007: 12]. 2. When the fox preaches, take care of your geese — ‘Когда лиса читает проповеди, загоняй гусей’ [Модестов 2008: 323]. В обоих предложениях придаточные предложения времени вводятся союзом <i>when</i> ‘когда’.
Сложноподчиненные предложения с придаточными предложениями места	
1. Хаха хадрсн хазрт ханцарн бичэ йов, хазаран элктә күүнд ухаһан бичә медул — ‘Не ходи один по тому месту, где рыла свинья, не откровенничай с инакомыслящим человеком’ [Калмыцко-русский словарь 1977: 382]. Придаточное предложение места вводится причастным оборотом. 2. Батхн бәдсн хазрт өтн хорха олн гидг — ‘В том месте, где мухи водятся, там личинок-червяков множество’ [Пословицы, поговорки 2007: 611]. Придаточное предложение места вводится причастным оборотом.	1. Where the horse puts its hoof, there the crab sticks its claw — ‘Куда конь с копытом, туда и рак с клешней’ [Кузьмин, Шадрин 1989: 113]. 2. Where the dam leaps over, the kid follows — ‘Куда мать скачет, туда и козленок следует’ [Мюррей 2007: 106]. В обоих предложениях придаточные предложения места вводятся союзным словом <i>where</i> ‘где, куда’ [Мюррей 2007: 106].
Сложноподчиненные предложения с придаточными определительными предложениями	
В паремиях калмыцкого языка данный тип предложения встречается крайне редко.	1. It is an ill bird that fouls its own nest — ‘Худая та птица, которая гнездо свое марае’ [Буковская 1981: 31]. 2. He that makes himself a sheep, shall be eaten by the wolf — ‘Кто становится овцой, того съест волк’ [Мюррей 2007: 140]. Определительные предложения вводятся местоимениями <i>that</i> и <i>it</i>.
Сложноподчиненные предложения с придаточными предложениями причины	
1. Хур орв гижэ малан услл уга бичә бә — ‘Как бы ни шел дождь, но скот напои’ [Пословицы, поговорки 2007: 321]. Придаточное предложение соединяется с главным при помощи союзного слова <i>гижэ</i>. 2. Нүүнә гижэ түлә бичә бар — ‘Собравшись откочевывать, не сжигай все топливо’ [Пословицы, поговорки 2007: 323]. Придаточное предложение вводится при помощи союзного слова <i>гижэ</i>.	В паремиях английского языка данный тип предложения встречается крайне редко.

Сложноподчиненные предложения с придаточными предложениями цели	
1. <i>Бал идий гивл зөг тежэ, байн эмдрий гивл кэлс хар</i> — ‘Хочешь кушать мед, разводи пчел, хочешь богато жить, трудись в поте лица’ [Пословицы, поговорки 2007: 611].	1. <i>Burn not your house to frighten the mouse away</i> — ‘Не сжигай дом, чтобы избавиться от мышей’ [Кусковская 2007: 59]. 2. <i>Take not a musket to kill a butterfly</i> — ‘Не хватайся за мушкет, чтобы убить бабочку’ [Мюррей 2007: 76]. В обоих предложениях придаточные предложения цели вводятся при помощи инфинитивных конструкций
Сложноподчиненные предложения с придаточными предложениями уступительными	
1. <i>Шаазһа шовун кедү цадхлң болв чигн нүдн мөрнэ дээр</i> — ‘Как ни сыта сорока, она все смотрит на ссадину конской спины’ [Пословицы, поговорки 2007: 501]. 2. <i>Үкр кедү ундасн чигн һазр малтж ус уудг уга</i> — ‘Сколько бы корова не жаждала пить, не раскопает (воду) в земле’ [Пословицы, поговорки 2007: 580]. В состав придаточных предложений входит частица с количественно-усилительным значением <i>кедү</i> ‘сколько’ и союз-частица <i>чигн</i> .	1. <i>An ape's an ape, a varlet's a varlet, though they be clad in silk or scarlet</i> — ‘Обезьяна — есть обезьяна, слуга — есть слуга, хотя они одеты в шелка и ткани ярко-красного цвета’ [Мюррей 2007: 88]. 2. <i>Though thy enemy seem a mouse, yet watch him like a lion</i> — ‘Хоть твой враг и кажется мышью, следи за ним, как за львом’ [Мюррей 2007: 153]. В обоих предложениях придаточное соединяется с главным при помощи союза <i>though</i> ‘хотя’.

Широко распространены предложения с противопоставлением, в которых придаточное выражает то, с чем сравнивается и чему предпочитается содержание главного предложения: *Better be the head of a dog than the tail of a lion* — ‘Лучше быть головой собаки, чем хвостом льва’ [Райдаут, Уиттинг 1997: 31]; *A living dog is better than a dead lion* — ‘Живая собака лучше мертвого льва’ [Дубровин 1993 : 188]; *Эв уга барас эвтэ шаазһа деер* — ‘Чем несогласные между собой барсы, лучше дружные сороки’ [Пословицы, поговорки 2007: 291]; *Му нөкдт орхнь сән мөрн деер* — ‘Лучше хороший конь, чем плохой друг’ [Пословицы, поговорки 2007: 291].

Рассмотрим калмыцкие пословицы и поговорки, имеющие структуру сложных бессоюзных предложений: *Сән эмэл агтин чимг, сән экнр герин чимг* — ‘Красивое седло — украшение коня, хорошая жена — украшение дома’ [Пословицы, поговорки 2007: 398]; *Хар мис цаһан болдг уга, хуучн өшәтн иньг болдг уга* — ‘Черная кошка не делается белой, старый враг не делается другом’ [Пословицы, поговорки 2007: 317]; *Хар санан бийән бардг, хамута мөрн ижлән бардг* — ‘Злой умысел самого губит, чесоточная лошадь всех остальных портит’ [По-

словицы, поговорки 2007: 573]. *Ховч күмн ээл эвднә, хулхач ноха гер эвднә* — ‘Сплетник разрушает семью, вороватая собака разоряет дом’ [Пословицы, поговорки 2007: 524].

Паремии калмыцкого языка со структурой бессоюзных предложений авторами лексикографических источников переведены на русский язык в основном как сложносочиненные предложения: *Көгшн нохан хуцлһн өр цәәтл соңсгддг, көгшн кууна сурһмж цуг жирһлд кергелддг* — ‘Лай старого пса слышен вплоть до утра, а слова пожилых пригодятся на всю жизнь’ [Калмыцко-русский словарь 1977: 382]; *Чон өлсхдән хулхалдг, күмн атарххдан ховлдг* — ‘Волк от голода ворует, а человек от зависти клеветает’ [Пословицы, поговорки 2007: 525]; *Сән үр чолун эрст орхнь бат, сән мөрн бүргдт орхнь хурдн* — ‘Хороший друг крепче каменной стены, а хороший конь быстрее беркута’ [Пословицы, поговорки 2007: 302]. *Шовун живрәрн күчтә, күн иньгәтәрн күчтә* — ‘Птица сильна крыльями, а человек силен дружбой’ [Пословицы, поговорки 2007: 366].

Рассмотренные примеры позволяют сделать следующие выводы: в калмыцких и английских паремиях, соответствующих по

структуре сложноподчиненным предложениям, наибольшая частотность характерна для предложений с условно-следственными, уступительными, временными и определительными придаточными.

Сложноподчиненные предложения с придаточными цели, причины и места встречаются редко. В калмыцких паремиях придаточные предложения условия, времени и места вводятся не только при помощи союзов, но и при помощи причастного и деепричастного оборотов.

Источники

- Буковская М. В. Словарь употребительных английских пословиц. М.: Рус. яз., 1990. 240 с.
- Дубровин М. Книга английских пословиц и поговорок. М.: Просвещение, 1993. 349 с.
- Калмыцко-русский словарь / под ред. Муниева Б. Д. М.: Рус. яз., 1977. 768 с.
- Кузьмин С. С., Шадрин Н. Л. Русско-английский словарь пословиц и поговорок. М.: Рус. яз., 1989. 352 с.
- Кунин А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь. М.: Рус. яз., М., 1984. 944 с.
- Кусковская С. Ф. Сборник английских пословиц поговорок. Минск.: Высш. шк., 1987. 253 с.
- Модестов В. С. Английские пословицы и поговорки и их русские соответствия. М.: Рус. яз. – Медиа, 2007.
- Мюррей Ю. В. Большая книга русских пословиц и поговорок и их английских аналогов. М.: АСТ, 2008. 256 с.

Sources

- [Kalmyk-Russian Dictionary]. Muniev B. D. (ed.). Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 768 p. (In Kalm. and Russ.)
- [Kalmyks of Russia and Oirats of China: Proverbs, Sayings and Riddles] B. Kh. Todaeva (comp., transl.). Elista: Dzhangar, 2007. 839 p. (In Kalm.)
- Bukovskaya M. V. [Dictionary of Common English Proverbs]. Moscow: Russkiy Yazyk, 1990. 240 p. (In Eng. and Russ.)
- Dubrovin M. [Book of English Proverbs and Sayings]. Moscow: Prosveshchenie, 1993. 349 p. (In Eng. and Russ.)
- Kunin A. V. [Unabridged English-Russian Phraseological Dictionary]. Moscow: Russkiy Yazyk, 1984. 944 p. (In Eng. and Russ.)
- Kuskovskaya S. F. [Collected English Proverbs and Sayings]. Minsk.: Vysshaya Shkola, 1987. 253 p. (In Eng. and Russ.)
- Kuzmin S. S., Shadrin N. L. [Russian-English Dictionary of Proverbs and Sayings]. Moscow: Russkiy Yazyk, 1989. 352 p. (In Russ. and Eng.)

Структурный анализ пословичного фонда калмыцкого и английского языков также показал преобладание паремий, являющихся и простыми предложениями. Английские паремии наиболее часто имеют структуру сложноподчиненных предложений, далее следуют сложносочиненные и бессоюзные сложные предложения. Калмыцкие паремии чаще оформлены бессоюзными сложными предложениями. Сложносочиненные предложения употребляются редко.

- Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая. Сост., пер. Б. Х. Тодаевой. Элиста: НПП «Джангар», 2007. 839 с.
- Raidout P., Witting C. Толковый словарь английских пословиц. М.: Лань, 1997. 250 с.

Литература

- Кунин А. В. Фразеология современного английского языка. М.: «Международ. отношения», 1972. 288 с.
- Лясота Ю. Л. Английская зоосемия. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1984. 116 с.
- Ожегов С. И. О структуре фразеологии // Лексикографический сборник. Вып. II. М.: Рус. яз., 1957. С. 26 – 35.
- Очиров У. У. Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис. Элиста: Калмгосиздат, 1964. 242 с.
- Пермяков Г. Л. От поговорки до сказки. М.: Наука, 1970. 240 с.

- Modestov V. S. [English Proverbs and Sayings with Russian Equivalents]. Moscow: Russkiy Yazyk – Media, 2007. (In Eng. and Russ.)
- Murray Yu. V. [A Big Book of Russian Proverbs and Sayings with Their English Equivalents]. Moscow: AST, 2008. 256 p. (In Russ. and Eng.)
- Ridout R., Witting C. English Proverbs Explained. Moscow: Lan, 1997. 250 p. (In Eng. and Russ.)

References

- Kunin A. V. [Modern English Phraseology]. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya, 1972. 288 p. (In Russ.)
- Lyasota Yu. L. [English Zoosemy]. Vladivostok: Far Eastern University, 1984. 116 p. (In Russ.)
- Ochirov U. U. [Kalmyk Grammar: Syntax]. Elista: Kalmgosizdat, 1964. 242 p. (In Russ.)
- Ozhegov S. I. About the structure of phraseology. In: [Lexicographic Collection]. Vol. II. Moscow: Russkiy Yazyk, 1957. Pp. 26 – 35. (In Russ.)
- Permyakov G. L. [From Proverb to Fairy Tale]. Moscow: Nauka, 1970. 240 p. (In Russ.)

ВКЛАД Ф. Г. ХИСАМИТДИНОВОЙ В НАУКУ И ОБРАЗОВАНИЕ БАШКОРТОСТАНА

The Contribution of F. G. Khisamitdinova to Science and Education of Bashkortostan

З. А. Сиразитдинов (Z. Sirazitdinov)¹, Р. Н. Каримова (R. Karimova)²

¹кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН (Ph.D. of Philology, Senior Scientist of the Linguistics Department of the Institute of History, Language and Literature in the Ufa Scientific Center of the RAS). E-mail: sazin11@mail.ru.

²младший научный сотрудник отдела языкознания Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН (Researcher of the Linguistics Department of the Institute of History, Language and Literature in the Ufa Scientific Center of the RAS). E-mail: karimova67@gmail.com.

В данной статье приводится краткая биография известного ученого, Фирдаус Гильмитдиновны Хисамитдиновой, анализируются ее труды по башкирскому языкознанию, отмечается вклад в башкирскую историческую фонетику, лексикологию, лексикографию, этнолингвистику и тюркологию в целом.

Ключевые слова: историческая фонетика, этнолингвистика, тюркология, лексикология, лексикография.

The article contains a brief biography of F. Khisamitdinova, the prominent Bashkir scientist, who made a great contribution to the development of Bashkir linguistics, particularly, to such scientific courses as historical phonetics, lexicology, lexicography, ethnolinguistics and turkology as a whole.

Keywords: historical phonetics, ethnolinguistics, turkology, lexicology, lexicography.

Хисамитдинова Фирдаус Гильмитдиновна родилась 1 января 1950 г. в деревне Рахметово Абзелиловского района Башкирской АССР.

Ее отец, Гильмитдин Хисамитдинов, был в родном селе уважаемым и образованным человеком. Он был призван в армию еще до начала Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., участвовал в советско-финской войне, освобождал Западную Украину, Белоруссию. В 1946 г., вернувшись с победой домой, поднимал сельское хозяйство, был председателем колхоза. Мама в годы войны работала на лесоповале, как многие женщины из ее деревни.

Фирдаус с самого раннего детства воспитывали в атмосфере любви и уважения, что заложило в ее характере качества лидера: она выросла уверенной в себе, в своих силах.

После окончания школы Фирдаус Хисамитдинова поступила в известное своим высоким образовательным уровнем далеко за пределами республики Белорецкое педагогическое училище, в котором до сих пор сохраняются высокие стандарты обучения

и воспитания будущих учителей. В период учебы Фирдаус активно участвовала в общественной жизни училища: была старостой группы, комсомольским секретарем, успешно занималась спортом.

Окончив Белорецкое педагогическое училище, Ф. Г. Хисамитдинова в 1970 г. поступает в Башкирский педагогический институт на отделение русского языка и литературы филологического факультета.

В стенах института пробудился ее интерес к научной деятельности: студентка выступала на научных диспутах, конференциях, ее работы побеждали на конкурсах и отмечались жюри. На четвертом курсе Фирдаус Хисамитдинова участвовала в научном симпозиуме в Москве, где ее выступление имело неожиданный успех. Тогда она и познакомилась со своим будущим научным руководителем — известным ученым, членом-корреспондентом РАН Э. Р. Тенишевым. В студенческие же годы вышла ее первая научная статья в журнале «Советская тюркология» [Хисамитдинова 1974: 13–14].

По распределению после окончания института Ф. Г. Хисамитдинова работает в

д. Шигаево Белорецкого района учительницей русского языка и литературы. Работая в школе, она получает приглашение в аспирантуру в Москву и в 1976 г. поступает на учебу в Институт языкознания Академии наук СССР. Талантливая аспирантка еще до окончания срока аспирантуры защитила кандидатскую диссертацию [Хисамитдинова 1980] и была направлена на работу в Институт истории, языка и литературы младшим научным сотрудником. В первые годы работы в Институте Фирдаус Хисамитдинова сосредоточивает основное внимание на изучение истории и генезиса системы согласных башкирского языка в связи с этнической историей башкир.

В 1985 г. ее приглашают в Башкирский государственный педагогический институт. Высокий научно-педагогический авторитет, активность и настойчивость, забота о родном языке и подготовке высококвалифицированных кадров позволили Фирдаус Гильмитдиновне убедить руководство педагогического института открыть самостоятельный факультет башкирской филологии, где благодаря ее стараниям были созданы кафедры башкирского языка, башкирской литературы и культуры, открылись башкирско-английское, башкирско-турецкое, башкирско-немецкое отделения, специальность «Башкирский язык, история и культура Башкортостана».

Свою работу в качестве декана факультета Ф. Г. Хисамитдинова сочетала с исследовательской, научно-организационной и педагогической деятельностью. Приоритетным направлением ее научной работы в эти годы является область башкирской ойконимии. Исследователь последовательно изучает этапы формирования башкирской ойконимии XVII–XIX вв., и в 1991 г. выходит в свет ее монография «Башкирская ойконимия XVI–XIX вв.» [Хисамитдинова 1991]. Данная работа стала итогом фундаментального исследования башкирской ойконимии: это результат комплексных обобщений, синтез архивных материалов и фактов, тщательно собранных и изученных за долгие годы. Хронологические рамки позволили автору выявить формирование и становление современной башкирской ойконимии. В 1992 г. Фирдаус Гильмитдиновна защитила докторскую диссертацию по истории формирования ойконимической системы башкирского языка в Институте языкознания РАН [Хисамитдинова 1992a], стала профес-

сором. В 1992 г. также вышел в свет словарь «Географические названия Башкортостана» [Хисамитдинова 1992b]. В годы работы в Башгоспединституте Фирдаус Гильмитдиновной были разработаны учебно-методические комплексы по таким дисциплинам, как «Введение в языкознание», «История и культура Башкортостана», «Введение в тюркологию», «История башкирского языка» [Хисамитдинова 1989; 1992в, 1992г].

С 1995 по 1998 гг. Ф. Г. Хисамитдинова работала министром образования Республики Башкортостан. Именно в эти годы в столице Башкортостана и в районных центрах были открыты десятки школ и интернатов с обучением на башкирском языке, в русских школах был введен предмет «Башкирский язык как государственный язык Республики Башкортостан».

В 1998 г. Фирдаус Гильмитдиновна вернулась в Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН и работала заместителем директора, а с 2005 г. по настоящее время Ф. Г. Хисамитдинова является директором Института истории, языка и литературы и заведующим отдела языкознания.

В последние годы научный интерес ученого связан с изысканиями в области лексикографии. В этой сфере следует особо отметить работы по двум направлениям. Первое — топонимическая лексикография Башкортостана. Ею были подготовлены и изданы словари-справочники населенных пунктов, водных объектов, урбонимов республики [Хисамитдинова 2001, 2005, 2008]. Эти лексикографические разработки, с одной стороны, направлены на нормализацию передачи башкирской топонимии на русском языке, с другой — дают глубокие сведения по этимологии топонимов. Справочники были разработаны в русле общей концепции автора — «необходимости паспортизации не только крупных, но и малых географических объектов республики». Работа в этом направлении продолжается и поныне: готовится к выходу словарь-справочник оронимов Республики Башкортостан. Второе направление — этнолингвистическая лексикография. Ученым опубликовано 5 словарей башкирской мифологии, представляющих собой синтез мифологического и толкового словарей, содержащих богатый материал по персонажам, традиционным праздникам, обычаям и природным явлениям [Хисамитдинова 2002; 2010; 2011а; 2011б;]. Данные труды автора представляют несомненный

вклад в изучение не только башкирской, но и тюркской мифологии в целом.

Велика заслуга Ф. Г. Хисамитдиновой и в активизации составления отраслевых и терминологических словарей. Под ее руководством и научным редактированием созданы и опубликованы словари родинного обряда, ткачества и рукоделия, народной медицины, современной башкирской антропологии, словарь-справочник для работников предприятий бытового обслуживания и др. [Батыршина 2008; Каримова 2005, 2013; Сулейманова 2007, 2013].

Круг научных интересов Ф. Г. Хисамитдиновой поистине широк: это фонетика, лексикология, лексикография, этнолингвистика, фольклорная лингвистика, этнография, духовная культура тюркских народов и др. Она не только активно работает в этой области, но и занимается подготовкой специалистов. Под руководством профессора Хисамитдиновой защищены кандидатские диссертации по исторической фонетике, по обрядовой лексике, этнолингвистике [Батыршина 2008а; Муратова 2009; Ишкильдина 2013]. Можно с уверенностью сказать, что в республике сложилась школа Ф. Г. Хисамитдиновой по этнолингвистике. Кроме того, она принимает активное участие и в экспериментально-фонетических исследованиях [Хисамитдинова 2012, 2014]. Работы в этом направлении осуществляются совместно с учеными из Сибирского отделения РАН и представляют яркий пример интеграции регионов в науку. Данные исследования ученого позволяют по-новому рассмотреть проблему артикуляционной классификации фонем башкирского языка.

Многолетняя научная и научно-организационная деятельность Фирдаус Гильмитдиновны весьма плодотворна. Только за последние 5 лет Ф. Г. Хисамитдиновой подготовлено и издано более 90 работ, в том числе такие крупные коллективные труды, как «Академический словарь башкирского языка» в 10 т. (вышло 6 томов) [Академический словарь башкирского языка 2011; 2011а; 2012; 2012а; 2013; 2014], «История башкирского народа» в 7 томах и 8 приложениях [История башкирского народа 2010].

На данном этапе одним из крупных проектов в области башкирского языкознания, реализуемых Институтом, является Академический словарь башкирского языка, которому Ф. Г. Хисамитдинова отдает много сил и времени. Данный словарь является пер-

вым в истории башкирской лексикографии толково-переводным словарем, максимально охватывающим существующую лексику башкирского языка, представленную в художественной, научно-популярной, учебно-методической, публицистической литературе, и свидетельствует о многовековом развитии и богатстве языка башкирского народа.

Значительна роль Фирдаус Гильмитдиновны и в реализации республиканских законов по поддержке башкирского языка и этноса. Под ее руководством были разработаны комплексы мероприятий по реализации закона «О языках народов Республики Башкортостан», государственных программ по сохранению, изучению и развитию языков народов Республики Башкортостан на 2000–2005 гг. и 2006–2010 гг., «Народы Башкортостана» и др. [Хисамитдинова 2000; 2000а].

Ф. Г. Хисамитдинова известна в Республике Башкортостан и за ее пределами и как общественный деятель. Достаточно отметить, что она долгие годы являлась руководителем и исполнителем международных научных проектов, на протяжении ряда была председателем Союза женщин Республики Башкортостан (1996–1998), Общества башкирских женщин Республики Башкортостан (2000–2003), женской комиссии Исполкома Всемирного курултая башкир (с 2000 г.).

Многогранная и плодотворная научная, общественная деятельность Ф. Г. Гильмитдиновой оценена по достоинству. В 2003 г. ей присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Республики Башкортостан»; в 2008 г. — почетное звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации». В 2014 г. она награждена орденом Дружбы.

Литература

- Академический словарь башкирского языка:* в 10-ти томах. Т. I: (Буква А) / под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Уфа: Китап, 2011. 432 с.
- Академический словарь башкирского языка:* в 10-ти томах. Т. II: (Буква Б) / под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Уфа: Китап, 2011а. 568 с.
- Академический словарь башкирского языка:* в 10-ти томах. Т. III: (Буквы В–И) / под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Уфа: Китап, 2012. 864 с.
- Академический словарь башкирского языка:* в 10-ти томах. Т. IV: (Буква Й–К) / под ред.

Ф. Г. Хисамитдиновой. Уфа: Китап, 2012а. 944 с.

Академический словарь башкирского языка: в 10-ти томах. Т. V: (Буква К) / под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Уфа: Китап, 2013. 888 с.

Академический словарь башкирского языка: в 10-ти томах. Т. VI: (Буквы Л–Ө) / под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Уфа: Китап, 2014. 944 с.

Батыршина Г. Р. Башкирско-русский словарь лексики родинного обряда (ответ. ред. Хисамитдинова). Уфа, 2008. 56 с.

Батыршина Г. Р. Терминология родинного обряда башкир. Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Институт языкознания Российской академии наук. Москва, 2008а. 24 с.

История башкирского народа: 7 т. Т. V. Уфа: Гилем, 2010. 468 с.

Ишкильдина Л. К. Историческое развитие консонантизма башкирского языка (на материале диалектов). Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Казан. (Приволж.) федерал. ун-т. Казань, 2013. 28 с.

Каримова Р. Н. Башкирско-русский словарь терминов ткачества и рукоделия: лексика материальной и духовной культуры (отв. ред. Хисамитдинова Ф. Г.). Уфа, 2013. 122 с.

Каримова Р. Н. Башкирско-русский, русско-башкирский словарь терминов народной медицины (отв. ред. Хисамитдинова Ф. Г.). Уфа, 2005. 120 с.

Муратова Р. Т. Символика чисел в башкирском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Институт языкознания РАН. Уфа, 2009. 24 с.

Сулейманова Р. А. Башкирско-русский словарь-справочник личных имен и фамилий (отв. ред. Хисамитдинова Ф. Г.). Уфа, 2013. 364 с.

Сулейманова Р. А. Русско-башкирский словарь-справочник для работников предприятий бытового обслуживания (отв. ред. Хисамитдинова Ф. Г.). Уфа, 2007, 112 с.

Хисамитдинова Ф. Г. Атлас артикуляторных настроек согласных восточного диалекта башкирского языка (в соавт. Уртегешев Н. С., Ишкильдина Л. К., Селютин И. Я.). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012, 104 с.

Хисамитдинова Ф. Г. Атлас артикуляторных настроек согласных северо-западного диалекта башкирского языка (в соавт. Уртегешев Н. С., Ишкильдина Л. К.). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. 116 с.

Хисамитдинова Ф. Г. Башкирская мифология (на башкирском языке). Уфа: Гилем, 2002. 126 с.

Хисамитдинова Ф. Г. Башкирская ойконимия XVI–XIX вв.: Монография. Уфа: Башкнигоиздат, 1991. 254 с.

References

[Academic Dictionary of the Bashkir Language]. In 10 vols. Vol. I: ‘А’. F. G. Khisamitdinova (ed.). Ufa: Kitap, 2011. 432 p. (In Bash.)

[Academic Dictionary of the Bashkir Language]. In 10 vols. Vol. II: ‘Б’. F. G. Khisamitdinova (ed.). Ufa: Kitap, 2011. 568 p. (In Bash.)

[Academic Dictionary of the Bashkir Language]. In 10 vols. Vol. III: ‘В–И’. F. G. Khisamitdinova (ed.). Ufa: Kitap, 2012. 864 p. (In Bash.)

[Academic Dictionary of the Bashkir Language]. In 10 vols. Vol. IV: ‘Й–К’. F. G. Khisamitdinova (ed.). Ufa: Kitap, 2012. 944 p. (In Bash.)

[Academic Dictionary of the Bashkir Language]. In 10 vols. Vol. V: ‘К’. F. G. Khisamitdinova (ed.). Ufa: Kitap, 2013. 888 p. (In Bash.)

[Academic Dictionary of the Bashkir Language]. In 10 vols. Vol. VI: ‘Л–Ө’. F. G. Khisamitdinova (ed.). Ufa: Kitap, 2014. 944 p. (In Bash.)

[History of the Bashkir People]. In 7 vols. Vol. V. Ufa: Gilem, 2010. 468 p. (In Russ.)

Batyrshina G. R. [Birth Rites: a Bashkir-Russian Glossary]. F. Khisamitdinova (ed.). Ufa, 2008. 56 p. (In Bash. and Russ.)

Batyrshina G. R. [Terms of Bashkir Birth Rites]. Cand.Sc. (philology) thesis abstract. Institute of Linguistics of the RAS. Moscow, 2008. 24 p. (In Russ.)

Ishkildina L. K. [Consonantism in the Bashkir Language: Historical Development Revisited (a Case Study of Bashkir Dialects)]. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Kazan Federal University. Kazan, 2013. 28 p. (In Russ.)

Karimova R. N. [Bashkir-Russian / Russian-Bashkir Dictionary of Folk Medicine Terms] . F. Khisamitdinova (ed.). Ufa, 2005. 120 p. (In Bash. and Russ.)

Karimova R. N. [Bashkir-Russian Dictionary of Weaving and Needlework Terms: Vocabulary of Material and Spiritual Culture]. F. Khisamitdinova (ed.). Ufa, 2013. 122 p. (In Bash. and Russ.)

Khisamitdinova F. G. [‘Sonorant + Tenius’ Bashkir Consonant Combinations in Historical Perspective]. Cand.Sc. (philology) thesis abstract. Institute of Linguistics of the USSR Academy of Sciences. Moscow, 1980. 21 p. (In Russ.)

Khisamitdinova F. G. [Bashkir Mythology]. Ufa: Gilem, 2002. 126 p. (In Bash.)

Khisamitdinova F. G. [Bashkir Place Names: 16th – 19th Centuries]. Ufa: Bashkir Book Publ., 1991. 254 p. (In Bash.)

Khisamitdinova F. G. [City Street Names of Bashkortostan: Russian-Bashkir Dictionary]. Co-authored by Z. Sirazitdinov and N. Sufyanova. Ufa: Institute of History, Language and Literature of Ufa Federal Research Center (RAS), 2008. 310 p. (In Russ. and Bash.)

Khisamitdinova F. G. [Dictionary of Bashkir Mythology]. In 3 vols. Vol. 1. Ufa: Institute of History, Language and Literature of Ufa Federal Research Center (RAS), 2011. 164 p. (In Bash.)

Khisamitdinova F. G. [Dictionary of Bashkir Mythology]. In 3 vols. Vol. 2. Ufa: Institute of History, Language and Literature of Ufa Federal Research Center (RAS). 2011. 152 p. (In Bash.)

Khisamitdinova F. G. [Dictionary of Bashkir Mythology]. In 3 vols. Vol. 3. Ufa: Institute

Хисамитдинова Ф. Г. Географические названия Башкортостана. Словарь. Уфа: РИО БГПИ. 1992б. 96 с.

Хисамитдинова Ф. Г. История башкирского языка: Мат-лы по исторической фонетике. Уфа: БашГПИ, 1989. 96 с.

Хисамитдинова Ф. Г. К вопросу о реликтовых звукосочетаниях, сохранившихся в лексике башкирского языка на материале среднего говора // Советская тюркология. 1974. № 5. С. 13–14 (в соавт.).

Хисамитдинова Ф. Г. Консонантные сочетания башкирского языка типа «сонорный+глухой смычный» в историческом освещении: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: Ин-т языкозн. АН СССР. 1980. 21 с.

Хисамитдинова Ф. Г. Мифологический словарь башкирского языка. М.: Наука, 2010. 456 с.

Хисамитдинова Ф. Г. Практикум по истории башкирского языка и введению в тюркологию. Учебное пособие. Уфа: БашГПИ, 1992 г. 40 с.

Хисамитдинова Ф. Г. Русско-башкирский словарь водных объектов Республики Башкортостан. Уфа: Китап, 2005. 256 с. (соавт. Шакуров Р. З., Сиразитдинов З. А., Юлдашбаев Ю. Х.).

Хисамитдинова Ф. Г. Русско-башкирский словарь названий улиц городов Республики Башкортостан. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2008. 310 с. (соавт. Сиразитдинов З. А., Суфьянова Н. Ф.).

Хисамитдинова Ф. Г. Русско-башкирский словарь-справочник названий населенных пунктов Республики Башкортостан. Уфа: Китап, 2001. 320 с. (соавт. Сиразитдинов З. А.).

Хисамитдинова Ф. Г. Словарь башкирской мифологии. В 3 кн. Кн. 1. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН. 2011а. 164 с.

Хисамитдинова Ф. Г. Словарь башкирской мифологии. В 3 кн. Кн. 2. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН. 2011. 152 с.

Хисамитдинова Ф. Г. Словарь башкирской мифологии. В 3 кн. Кн. 3. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН. 2011б. 128 с.

Хисамитдинова Ф. Г. Формирование ойконимической системы башкирского языка: Авторефер. дис. ... д-ра филол. наук / Институт языкознания АН СССР. М., 1992а. 55 с.

Хисамитдинова Ф. Г. Языки народов Республики Башкортостан: Сб. док. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН. 2000. 132 с. (в соавт.) и др.

Хисамитдинова Ф. Г. Языковые проблемы городских башкир // Ватандаш. 2000а. № 12. С. 112–116.

Хисамитдинова Ф. Г., З. Я. Шарипова, Л. И. Нагаева. Родной Башкортостан: Учебное пособие. Уфа: Сонико, 1992 в. 304 с.

of History, Language and Literature of Ufa Federal Research Center (RAS). 2011. 128 p. (In Bash.)

Khisamitdinova F. G. [Dictionary of Bashkir Mythology]. Moscow: Nauka, 2010. 456 p. (In Bash. and Russ.)

Khisamitdinova F. G. [Eastern Dialect of the Bashkir Language: Atlas of Consonant Articulatory Properties]. Co-authored by N. Urtegeshev et al. Ufa: Institute of History, Language and Literature of Ufa Federal Research Center (RAS), 2012, 104 p. (In Bash.)

Khisamitdinova F. G. [History of the Bashkir Language and Introduction to Turkic Studies: a Practical Course]. Ufa: Bashkir State Pedagogical Institute, 1992. 40 p. (In Russ.)

Khisamitdinova F. G. [History of the Bashkir Language: Materials on Historical Phonetics]. Ufa: Bashkir State Pedagogical Institute, 1989. 96 p. (In Russ.)

Khisamitdinova F. G. [Languages of Bashkortostan]. Coll. papers. Ufa: Institute of History, Language and Literature of Ufa Federal Research Center (RAS), 2000. 132 p. (In Russ.)

Khisamitdinova F. G. [Locality Names of Bashkortostan: Russian-Bashkir Reference Dictionary]. Co-authored by Z. Sirazitdinov. Ufa: Kitap, 2001. 320 p. (In Russ. and Bash.)

Khisamitdinova F. G. [Northwestern Dialect of the Bashkir Language: Atlas of Consonant Articulatory Properties]. Co-authored by N. Urtegeshev and L. Ishkildina. Ufa: Institute of History, Language and Literature of Ufa Federal Research Center (RAS), 2014. 116 p. (In Bash.)

Khisamitdinova F. G. [Place Names of Bashkortostan: Dictionary]. Ufa: Bashkir State Pedagogical Institute, 1992. 96 p. (In Russ.)

Khisamitdinova F. G. [The Shaping of Bashkir Placename System]. Dr.Sc. (philology) thesis abstract. Institute of Linguistics of the USSR Academy of Sciences. Moscow, 1992. 55 p. (In Russ.)

Khisamitdinova F. G. [Water Bodies of Bashkortostan: Russian-Bashkir Dictionary]. Co-authored by R. Shakurov et al. Ufa: Kitap, 2005. 256 p. (In Russ. and Bash.)

Khisamitdinova F. G. Bashkirs in urban localities: language problems. *Vatandash*. 2000. No. 12. Pp. 112–116. (In Russ.)

Khisamitdinova F. G. Revisiting relict sound combinations in lexical units of the central Bashkir dialect. *Sovetskaya tyurkologiya*. 1974. No. 5. Pp. 13–14. (In Russ.)

Khisamitdinova F. G., Z. Ya. Sharipova, L. I. Nagaeva. [Dear Homeland Bashkortostan]. Student manual. Ufa: Soniko, 1992. 304 p. (In Russ.)

Muratova R. T. [Symbolism of Numerals in the Bashkir Language]. Cand.Sc. (philology) thesis abstract. Institute of Linguistics of the RAS. Ufa, 2009. 24 p. (In Russ.)

Suleymanova R. A. [Bashkir-Russian Reference Dictionary of Personal and Family Names] . F. Khisamitdinova (ed.). Ufa, 2013. 364 p. (In Bash. and Russ.)

Suleymanova R. A. [Russian-Bashkir Reference Dictionary for Workers of Consumer Service Enterprises]. F. Khisamitdinova (ed.). Ufa, 2007, 112 p. (In Bash. and Russ.)

УДК Ш40

ББК 82.0

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СУЩНОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ В ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ КРИТИКЕ И ГЕРМЕНЕВТИКЕ

The Interpretation of the Essence of Literature in the Critics of Phenomenology and Hermeneutics

Т. М. Кекеева (T. Kekeyeva)¹

¹кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии Калмыцкого государственного университета. (Ph.D. of Philology, Associate Professor of the Germanic Philology Department at Kalmyk State University). E-mail: aspirantura@kalsu.ru.

В статье рассматриваются вопросы интерпретации сущности литературы выдающимися европейскими и американскими учеными на основе концепций феноменологии и герменевтики.

Идеи феноменологии и герменевтики близки в том, что они подчеркивают приоритет данности и событийности акта творчества, в котором писатель должен интуитивно выражать скрытую последовательность духовных традиций истории.

Оценки методов феноменологии и герменевтики помогают глубже проникнуть в специфику словесно-художественного творчества.

Ключевые слова: интерпретация, критика, феноменология, герменевтика, сознание, сущность, анализ.

The article deals with the interpretation of the essence of literature by prominent European and American scientists, who left a rich literary heritage, focusing their research on the concepts of phenomenology and hermeneutics.

Phenomenological critique called for a completely immanent, independent reading of the text, the meaning of which, as they believe, is the very embodiment of the author's mind. Literature is not a lifeless scheme designs and themes, it is a reality, organized and experienced by the subject. Phenomenological critique is interested in the way the author feels the time and space, relations between him and the world, his perception of the material world.

Hermeneutics, on the one hand, has borrowed the idea of phenomenology as a whole, but, on the other hand, promotes to understanding the essence of literature as reading, considered virtually technological ideas about the real possibilities of the computer age of the reader.

Hermeneutics argues specifics of literary texts that only this true artistic level makes reading really meaningful. At the same time the idea of phenomenology and hermeneutics are similar in what they emphasized the priority of the given act of creativity and event, in which the writer must intuitively express the hidden sequence of spiritual traditions, history. Evaluation of methods of phenomenology and hermeneutics helps penetrate deeper into the specifics of verbal art.

Keywords: interpretation, criticism, phenomenology, hermeneutics, consciousness, the essence, the analysis.

Понимание сущности литературы является средоточием острых практических и теоретических проблем при оценке литературного процесса, выработке адекватного отношения к ценности литературного творчества, определения его места и роли в

истории культуры, в формировании системы просвещения, образования, эстетического воспитания.

Для суждения о ценности произведения важно опираться на непротиворечивое представление о сущности литературы, что

и делает исследование ее трактовок актуальным.

В определении различных аспектов понятия литературы в современном литературоведении Запада круг авторов, в том числе классиков, крупнейших философов, литературоведов, основоположников различных школ и течений, представлен именами Р. Барта [1994], Х.-Г. Гадамера [1988], Д. Гартмана [1991], Э. Гуссерля [2002, 2005], Ж. Дерриды [1999], В. Дильтея [2001], Т. Иглтона [1981], В. Изера [1980], Р. Ингардена [1999], Ж.-П. Сартра [1999], С. Фиша [2011], Е. Хирша [1976, 2006], Ф. Шлейермахера [2004], Р. Якобсона [1973] и др.

Среди работ отечественных исследователей, посвященных отдельным аспектам этой темы, выделяются труды М. М. Бахтина [1975], Р. А. Будагова [2000], В. В. Виноградова [1980], И. П. Ильина [2007], А. Н. Николукина [1988] и др.

Исследование интерпретации сущности литературы, затрагивающее как процесс художественного творчества, так и область его теоретического осмысления, дает важнейший материал для воссоздания рождения эстетических ценностей, выявления источников формирования интереса к ним, и причин, побуждающих отдавать предпочтение тем или иным авторам, литературным стилям или сюжетам.

Целью данной работы является освещение понимания сущности литературы феноменологией и герменевтикой.

Изучение данной темы ориентировано не на абстрактно-логическое рассмотрение сущности литературы, а на конкретное исследование взглядов выдающихся европейских и американских ученых, оставивших богатое литературное наследие, фокусирующее поиски определения сущности литературы на основе концепций феноменологии и герменевтики.

Задачи исследования: основываясь на трудах классиков, изучить и проанализировать концепции этих направлений для уяснения сущности теоретических представлений о предмете и специфике литературы, определить взаимовлияние ведущих направлений западного литературоведения для понимания общего и особенного в современном теоретико-литературном процессе, сформулировать выводы.

Основатель феноменологии, немецкий философ-идеалист, математик Эдмунд Гуссерль [Гуссерль 1994, 2002, 2005], стре-

мился превратить философию в «строгую науку» посредством феноменологического метода. Его последователи внедрились феноменологические принципы в этику, социологию, юриспруденцию, психологию, эстетику, литературоведение.

Феноменологическая критика призвала к имманентному, абсолютно ни от чего не зависящему, прочтению текста, смысл которого, как считала она, и есть само воплощение сознания автора. Стилистические особенности творчества феноменология воспринимала лишь как органические части сложного целого, объединяющей сущностью которого является авторское сознание. Типичным для феноменологической критики является интерес к тому, как автор ощущает время и пространство, к связям между ним и окружающими, к его восприятию явлений материального мира.

Феноменология исследовала не только то, что художник воспринял, но и универсальную сущность акта восприятия. Она претендовала на раскрытие сокровенных структур собственно художественного сознания и одновременное выявление сути феноменов. Все, что не принадлежит сознанию, должно быть исключено; реалии должны рассматриваться как «чистые» феномены, единственно достоверные данные, из которых мы можем исходить.

Но «чистые» феномены, рассматриваемые Гуссерлем [Гуссерль 2005: 98], представляют собой нечто большее, чем просто случайные частности. Они являются системой универсальных сущностей творчества, ибо феноменология редуцирует в воображении каждый объект, чтобы выявить инвариантное в нем. Для проникновения в какой-либо феномен полностью и чистейшим образом необходимо постичь то, что инвариантно составляет его сущность.

Идея феноменологической критики состояла в стремлении к упорядочению восприятия художественного опыта посредством выделения феноменологически очевидного, т. е. воспринимаемого как упорядоченное, законченное отражение внешнего события или явления.

Таким образом, ценность и масштабное представление феноменологической критики о сущности литературы состоит в том, что литература представляется ей не безжизненной схемой замыслов и сюжетов, а способностью нашего восприятия, которое не может и не должно быть однозначным.

Герменевтика, в целом воспринявшая представления феноменологии, базируется на идеях ее первооткрывателей, которыми были немецкие мыслители Ф. Д.-Э. Шлейермахер [Шлейермахер 2004] и В. Дильтей [Дильтей 2001]. В качестве основоположника современной герменевтики признан крупнейший немецкий литературовед и эстетик Ханс-Георг Гадамер. Значение литературного произведения, по Гадамеру [Гадамер 1998: 51], не исчерпывается авторской интенцией, и при переходе от одного культурного или исторического контекста к другому возникают новые ассоциации, о которых, возможно, не помышлял ни автор, ни его читатели. Литературу нельзя понять вне этого контекста.

Интерпретация произведений прошлого, по Гадамеру, представляет собой диалог минувшего и настоящего, в котором можно вслушаться в голос автора, обращенный к нашим сегодняшним проблемам. Понимание сущности литературы должно быть продуктивным, необходимо учитывать, что всегда нужно переосмысление, раскрытие в содержании творчества новых потенциалов и изменений. Настоящее доступно пониманию только через прошлое, образуя с ним живое единство. Раскрывая сущность литературы, надо верить истории. Все, что прошло, вернется, ибо в глубинах истории живет, безмолвно охватывая прошлое, настоящее и будущее, объединяющая сущность, именуемая традицией [Гадамер 1998: 125].

Гадамера не заботит то, что наши культурные предубеждения могут исказить восприятие произведений прошлого. Теория Гадамера исходит из гипотезы о существовании только одной, главной традиции — самой истории. Литература прошлого углубляет, а не разрушает наше сознание, поскольку чужое всегда есть втайне знакомое. Говоря о сущности литературы, герменевтика должна рассматривать ее как живой диалог между прошлым, настоящим и будущим, с помощью литературы стремясь терпеливо устранить препятствие этой бесконечной взаимной коммуникации. Трудно смириться с мыслью о несостоятельности преемственности, которую нельзя было бы усилить более тонкой интерпретацией текста, встроенной в коммуникативные структуры целых обществ.

Наряду с тяготением к традиционализму следует отметить и другую его особенность — положение о том, что литературные про-

изведения образуют органическое единство. Метод герменевтики, стремящейся вписать каждый элемент текста в законченное целое, известен как герменевтический круг, т. е. круговая структура понимания, когда индивидуальные черты понятны только в полном контексте, проявляющем их.

Герменевтика получила развитие в теории восприятия, которая, в отличие от теории Гадамера, обращена не только к произведениям прошлого, но и к исследованию роли читателя в литературе. Пришло время реабилитировать читателя, без которого, очевидно, не было бы литературы.

Чтение — это удивительно сложный, большей частью неосознанный труд, но, не замечая этого, мы создаем гипотезы о смысле прочитанного, выискивая подразумеваемые связи, заполняя пробелы, делая заключения. Каким бы цельным произведение ни казалось, для теории восприятия оно всегда состоит из пробелов, неопределенностей, элементов, функция которых зависит от читательской интерпретации. Парадокс состоит в том, что чем больше информации содержит произведение, тем оно неопределеннее.

Большую историчность в подходе проявляет другой представитель теории восприятия — Ханс Роберт Яусс [Яусс 1995:54], который пытается в стиле Гадамера вписать литературное произведение в историческую панораму, в контекст культурных значений, внутри которого оно было создано, и затем исследует взаимоотношения и изменяющиеся горизонты исторически развивающегося читательского мышления. Цель его исследований — создать новый вид истории литературы, где центром является не автор и литературные течения, а литература, как она определяется и интерпретируется в разные моменты исторического восприятия.

Более подробное историческое исследование в области литературного восприятия представляет Жан-Поль Сартр [Сартр 1999], который считает, что каждый литературный текст сориентирован с учетом его потенциальной аудитории, включает образ того, для кого он написан, в каждом произведении заключено то, что называют «подразумеваемый читатель», в нем все указывает на предполагаемого «адресата». Писателю нужна аудитория, сам язык, на котором он пишет, уже подразумевает ту или иную читательскую среду, и в выборе ее автор всегда свободен.

Представляется, что теории восприятия, предложенные Яуссом [Яусс 1995] и Изером [Iser 1980:192], ставят насущную эпистемологическую проблему. Если считать произведение чем-то вроде скелета, набора схем, ожидающих своей различной конкретизации читателями, то невозможно рассматривать их без соответствующей детализации. Говоря о «собственно тексте», соизмеряя его как норму с отдельными интерпретациями, мы, вероятно, имеем дело с чем-либо еще, существующим помимо нашего прочтения.

Американский критик Стэнли Фиш [Fische 1982; 2011] признает, что нет вообще никакого «объективного» произведения. Истинным писателем является читатель, поскольку чтение открывает не значение текста, а процесс переживаний читателя. Объектом внимания критики является структура опыта читателя, а не какая-то объективная структура, находящаяся в самом произведении. Все в тексте — грамматика, значение, формальные единицы — есть продукт интерпретации. Чтобы избежать растворения текста в тысяче соперничающих прочтений, Фиш обращается к стадиям интерпретации, общим для читателей, которые направляют их личные реакции. В самом произведении, утверждает Фиш [Fische 2011: 250], нет ничего, что дает представление о том, что значение имманентно языку текста.

Итак, литература определяется как меняющийся объект, поскольку духовные ценности не имеют прочной опоры в общественном сознании. Тем не менее, в качестве таковых предлагаются и авторская интенция [Hirsch 2006: 45], и «стратегии интерпретации» [Fische 2011: 355]. Существуют на этот счет и официальные мнения, пытающиеся в значительной степени определять, какие прочтения произведений допустимы или совершенно очевидны. Между издателями, редакторами, обозревателями, представителями академической науки идет борьба идей, и борьба не просто между тем или иным прочтением творчества конкретного автора, а вокруг категорий, условностей, стратегий самой интерпретации.

Таким образом, стилистические особенности творчества феноменологическая критика воспринимала как органические части сложного целого, объединяющей сутью которого является авторское сознание. Усваивая повторяющиеся темы и образы, мы узнаем то, как автор воспринимал

мир, свои взаимоотношения между ним как субъектом и действительностью как объектом.

Авторы рассмотренных в работе концепций фактически сходятся в том, что в процессе развития литературы количество жанров, методов, направлений увеличивается быстро и проследить все реальные возможности использования приемов литературности и смещения стилей в разных целях, разными писателями в разных направлениях представляется невозможным.

Герменевтика аргументирует специфику «литературности» текста тем, что только его истинно художественный уровень делает процесс чтения действительно осмысленным.

В то же время идеи феноменологии и герменевтики, подчеркивавшие приоритет данности и событийности акта творчества, в котором писатель должен интуитивно выражать скрытую последовательность духовных традиций истории, близки. Оценки методов феноменологии и герменевтики помогают глубже проникнуть в специфику словесно-художественного творчества.

Проведенное исследование показывает, что проблема понимания сущности литературы требует дальнейшего изучения, которое может способствовать совершенствованию восприятия и интерпретации литературного произведения.

Литература

- Барт Р. От науки к литературе // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994. С. 375–383.
- Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. 504 с.
- Будагов Р. А. Слово и его значение. М.: Добросвет-2000, 2003. 64 с.
- Виноградов В. В. О языке художественной прозы // Избранные труды. М.: Наука, 1980. Т. 5. 361 с.
- Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. Пер. с нем / общ. ред. и вступ. ст. Бессонова Б. Н. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
- Гуссерль Э. Избранные работы. Сост. В. А. Куренной. М.: Издат. дом «Территория будущего», 2005. 464 с.
- Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология / пер. В. И. Молчанова. М.: Логос, 2002. № 1. С. 132—143.

- Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск: Сагуна, 1994. 258 с.
- Деррида Ж. Голос и феномен и другие работы по теории знака Гуссерля. Пер. с фр. С. Г. Кашиной и Н. В. Сулова; Серия *Gallicinium*. СПб.: Алетея, 1999. 208 с.
- Дильтей В. Собрание сочинений в 6 тт. Т. 4: Герменевтика и теория литературы. Под ред. А. В. Михайлова и Н. С. Плотникова. Пер. с нем. В. В. Бибикина. М.: Дом интеллект. кн., 2001. 531 с.
- Ильин И. П. Постмодернизм: Словарь терминов. М.: ИНИОН РАН (отдел литературоведения). INTRADA, 2007. 374 с.
- Николюкин А. Н. Как работает поэт: статьи, интервью. Сборник. Пер. с англ. / сост. и послесловие А. Николюкина. М.: Радуга, 1988. 544 с.
- Сартр Ж.-П. Что такое литература? Слова. Пер. с фр. М. В. Драко. Мн.: ООО "Попурри", 1999. 448 с.
- Яусс Х. Р. История литературы как провокация литературоведения// Новое литературное обозрение. М., 1995. № 12. С. 34–84.
- Шлейермахер Ф. Герменевтика. Пер. А. Вольский. СПб.: «Европ. Дом», 2004. 241 с.
- Eagleton T. Walter Benjamin or Towards a Revolutionary Criticism. London, 1981. 296 p.
- Hartman G. H. Minor Prophecies: The Literary Essay in the Culture Wars. London: Harvard University Press, 1991. 264 p.
- Hirsch E. D. The Knowledge Deficit. Hardcover, 2006. 192 p.
- Hirsch E. D. Validity in Interpretation. Yale University Press. 1976. 302 p.
- Ingarden R. Phenomenological Aesthetics: An Attempt at Defining its Range // Journal of Aesthetics and Art Criticism. Pooler, Georgia, 1999. P. 257–269.
- Iser W. The Act of Reading: A Theory of Aesthetic Response by Wolfgang Iser. Ingle Crosman. London: Duke University Press, 1980. P. 192–195.
- Jacobson R. Selected Writings. The Hague: Mouton, 1973. P. 551–53.
- Fische S. How to Write a Sentence: And How to Read One. New York: Harper Collins Publishers, 2011. 181 p.

References

- Bakhtin M. M. [Questions of Literature and Aesthetics: Studies of Various Years]. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1975. 504 p. (In Russ.)
- Barthes R. From science to literature. In: [Selected Works: Semiotics, Poetics]. Moscow: Progress, 1994. Pp. 375–383. (In Russ.)
- Budagov R. A. [Word and Its Meaning]. Moscow: Dobrosvet-2000, 2003. 64 p. (In Russ.)
- Derrida J. Speech and Phenomena and Other Essays on Husserl's Theory of Signs. S. G. Kashina and N. V. Suslov (transl.); Ser. 'Gallicinium'. St. Petersburg: Aleiteya, 1999. 208 p. (In Russ.)
- Dilthey W. [Collected Works]. In v 6 vols. Vol. 4: 'Hermeneutics and Theory of Literature'. A. V. Mikhaylov and N. S. Plotnikov (eds.). V. V. Bibikhin (transl.). Moscow: Dom Intellektualnoi Knigi, 2001. 531 p. (In Russ.)
- Eagleton T. Walter Benjamin or Towards a Revolutionary Criticism. London, 1981. 296 p. (In Eng.)
- Fish S. How to Write a Sentence: And How to Read One. New York: Harper Collins Publishers, 2011. 181 p. (In Eng.)
- Gadamer H.-G. Truth and Method: Fundamentals of Philosophical Hermeneutics. B. Bessonov (transl., ed., foreword). Moscow: Progress, 1988. 704 p. (In Russ.)
- Hartman G. H. Minor Prophecies: The Literary Essay in the Culture Wars. London: Harvard University Press, 1991. 264 p. (In Eng.)
- Hirsch E. D. The Knowledge Deficit. Boston, 2006. 192 p. (In Eng.)
- Hirsch E. D. Validity in Interpretation. Yale University Press. 1976. 302 p. (In Eng.)
- Husserl E. [Selected Works]. V. A. Kurennoy (comp.). Moscow: Territoriya Budushchego, 2005. 464 p. (In Russ.)
- Husserl E. Philosophy as Rigorous Science. Novocherkassk: Saguna, 1994. 258 p. (In Russ.)
- Husserl E. The Crisis of European Sciences and Transcendental Philosophy. V. I. Molchanov (transl.). Logos. 2002. No. 1. Pp. 132–143. (In Russ.)
- Ilyin I. P. [Postmodernism: Terminological Dictionary]. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences (RAS), INTRADA, 2007. 374 p. (In Russ.)
- Ingarden R. Phenomenological aesthetics: an attempt at defining its range. *The Journal of Aesthetics and Art Criticism*. 1975. Vol. 33. No. 3. Pp. 257–269. (In Eng.)
- Iser W. The Act of Reading: A Theory of Aesthetic Response. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1980. 252 p. (In Eng.)
- Jacobson R. Musicology and linguistics. In: Selected Writings. Vol. 2. The Hague: Mouton, 1973. Pp. 551–553. (In Germ.)
- Jauss H. R. Literary history as a challenge to literary theory. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 1995. No. 12. Pp. 34–84. (In Russ.)
- Nikolyukin A. N. [Poet at Work: Articles, Interviews]. A. Nikolyukin (transl., comp., etc.). Moscow: Raduga, 1988. 544 p. (In Russ.)
- Sartre J.-P. What Is Literature? The Words. M. V. Drako (transl.). Minsk: Popurri, 1999. 448 p. (In Russ.)
- Shleyermakher F. Hermenevtika. Per. A. Vol'skiy. SPb.: «Evrop. Dom», 2004. 241 s.
- Vinogradov V. V. On the language of fictional prose. In: [Selected Works]. Moscow: Nauka, 1980. Vol. 5. 361 p. (In Russ.)

«ТЫ НЕ ЛЕПЕЧЕШЬ ПО-ФРАНЦУЗСКИ...»

(Послание А. С. Пушкина «Калмычке»: из материалов к комментарию)

“You don’t Prattle in French...”

(A. S. Pushkin’s Address “To a Kalmyk Maiden”: from the Materials to the Comments)

Б. А. Кичикова (B. Kichikova)¹

¹ кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела письменных памятников, литературы и буддологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. (Ph. D. of Philology, Associate Professor, Senior Scientist of Manuscript, Literature and Buddhist Studies Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: kigiran@elista.ru.

Статья содержит историко-литературный комментарий к строке «Ты не лепечешь по-французски» из послания А.С. Пушкина «Калмычке» (15–22 мая 1829 г.). Для комментирования привлекаются фрагменты из поэмы «Граф Нулин», романа «Евгений Онегин» и пушкинской литературной критики, но прежде всего — ряд черновых вариантов четверостишия, противопоставляющего портрет калмычки собирательному эпитаграмматическому портрету русской дворянки с его главной чертой — «полоевропейской полупросвещенностью».

Ключевые слова: Пушкин, калмычка, портрет, эпитаграмма, просвещение и цивилизация, «естественный человек», язык и культура, патриотическая публицистика, литературная критика.

The article contains historical and literary commentary on the line “You don’t prattle in French...” from A. Pushkin’s Address “To a Kalmyk Maiden” (May 15–22, 1829). To comment it a number of draft quatrains are involved, which contrast Kalmyk Maiden portrait description with an epigrammatic generalized portrait of Russian noblewoman with her cardinal trait – halfeuropean halfenlightenment. Addressing to some fragments of the poem “Earl Nulin”, the novel in verse “Eugene Onegin”, to Pushkinian literary criticism, to historical and literary as well as to historical and everyday materials of the era, is necessary to cover a subject matter of the Russian language and national culture, mentioned in the commented line of the address “To a Kalmyk Maiden”.

Keywords: Pushkin, Kalmyk Maiden, portrait, epigram, enlightenment, and civilization, “natural person”, language and national culture, patriotic essays, literary criticism.

Как широко известно, стихотворение «Калмычке», написанное в 1829 г., в начале путешествия А. С. Пушкина на Кавказ и в Закавказье — к действующей армии, отображает впечатления от встречи с калмыками, которые издавна вызывали живейший интерес поэта, и от посещения калмыцкого семейства в его кибитке. На основании «картографических и статистических материалов» и биографических свидетельств И. В. Борисенко установил, что «получасовая встреча Пушкина в 1829 году произошла на Черкасском тракте в кочевьях Нижнего улуса донских калмыков при проезде поэта через почтовые станции Кагальницкую, Мечетинскую, Егорлыкскую», предположительно определив место этой встречи: «у станции Кагальницкой, у современной станции Кагальницкой Зерноградского района

Ростовской области» [Борисенко 1981: 59].

Черновой вариант стихотворения хронологически соотносится со сделанной в Георгиевске записью путевого дневника от 15 мая 1829 г., где к рассказу о встрече со «степной Цирцеей» приписана фраза: «Вот к ней послание, которое вероятно никогда до нее не дойдет» (VIII, 1029; вариант 18¹). Текст стихотворения «Калмычке» не был вписан.

¹ Тексты А. С. Пушкина приводятся в статье с указанием тома и страницы в скобках после цитаты по репринтному воспроизведению Большого академического издания: *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. В 16-ти т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1949, — дополненного к юбилею поэта: В 19-ти т. М.: Воскресенье, 1994–1997. Орфография и пунктуация приближены к современным нормам, кроме передачи черновых вариантов.

По мнению исследователя, черновой текст послания «набросан именно 15 мая», после первого варианта («Все тихо, на Кавказ идет ночная мгла») стихотворения «На холмах Грузии...», посвященного М. Н. Волконской [Левкович 1988: 121]. Вероятно, виды Предкавказья вызвали воспоминания о предыдущей (1820 г.) поездке по Кавказу с семейством генерала Н. Н. Раевского и о юношеской влюбленности поэта. Тут же, по ассоциации, вспоминается и недавняя встреча – с «занимавшей» воображение калмычкой. «К ней послание» перебелено 22 мая, уже во Владикавказе, а его «национальный колорит вызывает замену русского названия Владикавказ старинным Кап-Кой» [Левкович 1988: 121], как следует из пометы о времени и месте перед текстом (III, 728). Таким образом, «в запись от 15 мая необходимо включать стихотворение «Калмычке» — его место в дневнике сразу было определено самим Пушкиным» [Левкович 1988: 133].

«Послание» дочери народа, к которому он питал давнюю и явную симпатию, по своему уникально в творческом наследии Пушкина. Стихотворение «Калмычке» является одним из связующих звеньев между основными системами его художественного наследия — поэзии (включаясь в создававшийся цикл «Стихи, сочиненные во время путешествия (1829)», или «Кавказского цикла», как его не совсем точно называют) и прозы (авторское название «путевые записки» нередко заменяют определением «Кавказский дневник», в 1835 г. переработанный в «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года»).

Эти взаимосвязи не ограничиваются лишь эпизодом дорожной встречи, хотя «наличие разных прозаических версий позволяет» исследователю «рассматривать стихотворную прежде всего как еще один жанрово-стилистический эксперимент на фоне двух других» [Шапир 2009: 211]. Кроме того, в нем слышатся отголоски, а то и предвещание литературно-эстетической концепции «поэзии действительности», сформировавшейся в пушкинской критике на рубеже 1820–1830-х гг. Данное послание связано и с семейным эпистолярием поэта. Таким образом, это центральное произведение пушкинского «калмыцкого текста» представляет собой существенную историко-литературную проблему, разрешение которой требует комплексного исследования

и подробнейшего комментария к тексту. В частности, в данной статье комментируется строка 8 **Ты не лепечешь по-французски.**

Эта строка входит в состав четверостишия с портретной характеристикой адресата послания:

**Твои глаза, конечно, узки,
И плосок нос, и лоб широк,
Ты не лепечешь по-французски,
Ты шелком не сжимаешь ног** (III, 159).

Черновые наброски сохранили следы напряженных поисков тематического разрешения этого, важного в плане композиции всего послания, второго четверостишия, которое поначалу кажется практически готовым и вполне удавшимся:

**Твои глаза конечно узки
И плоско милое лицо
Ты не болтаешь по-французски
Не можешь вы<молвить> словцо...**
(III, 726)

Знакомый с чертами этнического типа калмыков, Пушкин видит их «сейчас» в природной, «естественной» среде — в интерьере кибитки (микрокосм) и на степном просторе (макрокосм) он словно постигает эти черты заново. Возможно, именно поэтому возникает замысел обрисовать внешность калмычки не просто как «необычную», но в тонах эпатажа, иронически подразумевающих снисходительность позиции «цивилизованного» наблюдателя внешности и повадок «инородцев». Ведь в отличие от «прозаического» описания калмычки, передающего ее очарование в эпизоде «Путевых записок», портрет в поэтическом «к ней послании» вовсе не «поэтичен»: в нем выделена расово-этническая доминанта (с шутливо-констатирующим «конечно» в значении «как и следует быть») — «**твои глаза, конечно, узки**», подчеркнуты характерные пропорции и детали лицевого рельефа — «**И плосок нос, и лоб широк**», но зато устранены признаки «миловидности» (в черновом варианте: «**И плоско милое лицо**»).

По поводу этого портретного описания Д. Д. Благой заметил: «... если в «Кавказском пленнике» «природа», в лице «девы гор», представала в романтическом, идеализированном виде, здесь она дана такой, как есть. <...> Подобный этнографически точный женский портрет, конечно, был бы немыслим ни в южных поэмах, ни вообще во всей предыдущей лирике Пушкина» [Благой 1967: 358].

Трудно было бы усмотреть в этом беглом наброске отнюдь не мадригального свойства намеки на восхищение «красой», пусть даже и «дикий». Однако последние слова этих двух строк (а ведь именно из «концевых» слов складывается энергия стиха), противоположные по смыслу («узкие — широкие»), функционально предваряют развернутое далее противопоставление калмычки «младым грациям» и «модным женам», которое образует смысловую и композиционный центр послания, и представляют позицию его автора в ключе эпиграммы.

При переработке черновика этого четверостишия изменение второй строки означало отказ и от рифмующей с нею четвертой строки. И тогда определился замысел второй части четверостишия как более резкой по характеристике условного персонажа — антипода калмычки:

О Ламар<тине> по французски...

В шелку не жмешь проворных ног...

Имя Ламартина возникло в черновой рукописи по далеко не случайной ассоциации.

Ламартин, Альфонс-Мари Луи, де (1790–1869) своими «Поэтическими раздумьями» (1820) и «Новыми поэтическими раздумьями» (1823), о которых Пушкин заметил: «Первые думы Ламартина в своем роде едва ли не лучше Дум Рылеева» (черновик письма П. А. Вяземскому, 4 ноября 1823 г., из Одессы; XIII, 381), — открыл эпоху романтической лирики во Франции, с запозданием вступившей в общеевропейское движение романтизма. Ламартин оставался единственным французским романтиком, «более или менее известным в России до 1830 г.» [Томашевский 1960: 162]. И если в 1824 г. Пушкин еще находил, что Ламартин «хорош какой-то новой гармонией» (набросок письма П. А. Вяземскому, 5 июля 1824 г., из Одессы; XIII, 102), то год спустя обывательское, профанное «общее мнение» об этом поэте сформулировал, иронически скалмбурируя: «Под романтизмом у нас разумеют Ламартина» (А. А. Бестужеву, 30 ноября 1825 г., из Михайловского; XIII, 245).

«И чем больше растет популярность Ламартина, тем меньше ценит его Пушкин. Он вкладывает достаточно презрения к этому поэту, когда заставляет говорить о нем легкомысленного графа Нулина» [Томашевский 1960: 161] в ответ на расспросы провинциальной дамы о парижской жизни:

«Какой писатель нынче в моде?»

— Все d'Arlincourt и Ламартин. —

«У нас им также подражают».

— Нет? право? Так у нас умы

Уж развиваться начинают?

Дай бог, чтоб просветились мы! (V, 7)

Поэма «Граф Нулин» написана 13-14 декабря 1825 г., впервые опубликована в альманахе «Северные цветы на 1828 год» А. А. Дельвига 22 декабря 1827 г. По всей видимости, уже к лету 1829 г., когда имя Ламартина промелькнуло в черновике послания «Калмычке», у Пушкина окончательно сложилось мнение о французском романтике, которое год спустя он выскажет в заметке «Об Альфреде Мюссе»: «сладкозвучный, но однообразный Ламартин» (24 октября 1830 г.; XI, 175). «После 1830 г., когда Ламартин издал свои «Поэтические и религиозные созвучия» <...>, Пушкин окончательно осудил его за ханжество в поэзии. Лирики «благочестивой» Пушкин не признавал» [Томашевский 1960: 161–162]. Одним из ведущих литературных суждений Пушкина 1830-х годов является мнение о полном упадке поэзии во Франции. Он называл французов «народом самым анти-поэтическим» и писал: «Не знаю, признались <ли> наконец они в тощем и вялом однообразии своего Ламартина, но тому лет 10 они без церемонии ставили его на равне с Байроном и Шекспиром» (<Начало статьи о В. Гюго>, осень 1832 г.; XI, 219).

Словом, безликим персонажам стихотворения «Калмычке», как и героям юмористической стихотворной повести «Граф Нулин», нетрудно было бы беседовать о Ламартине: его поэзия с годами не менялась, что у Пушкина, стремительно переросшего романтический этап своей творческой эволюции, не могло не вызвать иронического отношения, разумеется, имевшего далеко не однозначный характер [см.: Эткинд 1999: 163–200]. «Ламартин» становится лишь случайным поводом для оформления речи: о нем можно «рассуждать», как и на любую другую тему, с ценимым в свете «ученым видом знатока». Таким образом, идея поверхностно усвоенной европейской культуры, определяющей «внутренний мир» массовидного светского человека, здесь уже выявилась. Но от вторжения литературной темы в эту часть стихотворения Пушкин отказался: она уводила в сторону и нарушала непрерывность «графической линии» в эскизном наброске «статистики», выхваченной из тол-

пы «антиподов» адресата послания. Строка с упоминанием имени Ламартина не вошла в окончательный текст стихотворения, но «вкус» ее литературной проблематики и ассоциативный ряд, вызванный ею, определит последующее развитие творческой мысли автора. Пока же в эпиграмматически лаконичной строке способность вести разговор «о Ламартине» (с которым Пушкин «разделался» еще в «Графе Нулине») была лишь сатирической подробностью, но не стала доминирующим признаком характеристики персонажа. В поисках такого признака помогло «концевое» слово черновой строки — **«по-французски»**, пригодился и бесценный опыт работы над «Евгением Онегиным». Так естественно появилась простая, но емкая по смыслу, строка:

Ты не лепечешь по-французски... — Французская речь — общеизвестный, а для пушкинского времени — главный признак принадлежности к «благородному» сословию, имевший значение «своеобразного социального пароля» [Лотман 1980: 125]. Быт русского дворянства «с екатерининских времен испытывал сильное влияние Франции, в результате этого влияния для многих представителей русского дворянского общества родным языком наравне с русским был французский» [Томашевский 1960: 65].

Ирландка Мэри Уилмот (Вильмот), разделявшая ученый досуг знаменитой, некогда возглавлявшей две российские Академии, кн. Е. Р. Дашковой, описала свои впечатления от длительного пребывания в России начала XIX в.: «Высшие сословия стараются, к сожалению, во всем подражать французам. Среди этого поклонения французским манерам и обычаям есть что-то детски забавное в их напаках на Бонапарта и французов, когда они не смогут съесть своего обеда, чтобы он не был приготовлен французским поваром; когда они не могут воспитать своих детей без разных искателей приключений из Парижа в виде наставников и гувернанток» [цит. по: Познанский 1975: 20].

«Жалкая тошнота по стороне чужой», как она названа в комедии «Горе от ума», — постоянная тема новой, то есть послепетровской, русской литературы. Нападки на расточительность и мотовство в лихорадке дворянского «чужебесия», характерные для русской сатиры со времен А. Д. Кантемира («Деревню взденешь потом на себя ты целу», — обвинял он веком ранее пустого-

лового потомка некогда заслуженно знатных предков во II сатире «На зависть и гордость дворян злонравных. Филарет и Евгений» — 1729) [Кантемир 1956: 72], сменяются насмешками над речью «поврежденного класса полувосточных», как выразился А. С. Грибоедов (в очерке «Загородная поездка» — 1826 [Грибоедов 1953: 389]), — с ее предпочтением французского языка или характерной смесью «французского с нижегородским». А с начала 1820-х гг. — в декабристской публицистике, в «Горе от ума» и в первых главах «Евгения Онегина» — развитие этой темы в русле идеи возрождения национального языка и культуры сблизило романтическую концепцию «народности» (К. Ф. Рылеев и А. А. Бестужев) с реалистической концепцией духовного возрождения нации и самобытности ее исторического развития (А. С. Грибоедов и А. С. Пушкин).

Тема дворянской языковой культуры и, в частности, речевой культуры женщин, образует широкий диалогический контекст в отступлении из III главы «Евгения Онегина», приглашающем читателя к обсуждению поступка Татьяны — ее письма к Онегину, написанного по-французски и изложенного по-русски «в переводе» автора. Пушкинское осмысление этой темы развивается не без оглядки на ее литературную репутацию: ведь «дамские ошибки в русском языке и французский лепет «прекрасного пола» были традиционным, безоговорочно завоеванным полем сатиры» [Лотман 1996: 386]. Однако от характеристики коллективного образа «милых созданий», которые

... русским языком

Владея слабо и с трудом,

Его так мило искажали,

И в их устах язык чужой

Не обратился ли в родной?

(гл. III, стр. XXVII; VI, 63) —

эта тема переходит в область, где противоречиво дополняют друг друга собственные пристрастия автора романа («Без грамматической ошибки / Я русской речи не люблю») и высказанное с такой грациозной иронией чувство долга национального поэта («Родной земли спасая честь, / <...> Письмо Татьяны перевесть»).

В этом тематическом пространстве сгустились слова «лепет», «лепетание» и даже каламбурно-иронический неологизм «лепетация» (от «репетиция» — повторение), отобранные для характеристики как русской,

так и французской речи светского общества.
Начало XXIX строфы:

Неправильный, небрежный лепет,
Неточный выговор речей... (VI, 64) –
Ю. М. Лотман комментирует так: «“Язык щеголей” — светский, и в особенности дамский жаргон — отличался особой артикуляцией, небрежной и нечеткой. Ср. портрет “модной девицы”: “С приятностию умеющая махаться веером и помощью одного знающая искусно развевать и разбрасывать волосы, *по моде несколько картавящая и пришепеты- вающая язычком*, прищуривающая томные свои глазки и имеющая привлекательную улыбку»» [Лотман 1980: 225 (курсив Ю. Л.)]. Сам же Пушкин, изъездивший к 1830 г. почти всю европейскую часть России и слушавший родной язык в многозвучии северо-западных, центральных и южных его говоров, констатировал: «Московский выговор чрезвычайно изнежен и прихотлив. Звучные буквы *щ* и *ч* пред другими согл<асными> в нем изменены. Мы даже говорим *женщины, нослег...*» (из цикла <Опровержение на критики>. Статьи и заметки. — Сентябрь — октябрь 1830; XI, 149).

В беловом автографе строфу о «небрежном лепете» предворяли еще две — с критикой современной российской словесности, и открывались они принципиальным суждением:

Сокровищем родного слова
(Заметят важные умы)
Для лепетации чужого
Безумно пренебрегли мы. (VI, 583)

Фрагменты этих строф Пушкин позднее переносит в VII главу, отведя им место в «Альбоме Онегина», который должна была прочесть Татьяна, посещая «деревенский кабинет» отправившегося в путешествие героя. Под номером 7 в качестве сентенции самого Онегина тут помещена иная редакция приведенного выше суждения:

Сокровища родного слова
Заметят важные умы
Для лепетания чужого
Безумно пренебрегли мы
Мы любим Муз чужих игрушки
Чужих наречий погремушки...

(VI, 615–616).

Таким образом, строфы о «сокровищах родного слова», написанные к июню 1824 г. и связанные с кругом основных идей прогрессивной патриотической публицистики, сохраняют для Пушкина свою актуальность и весной 1828 г. (беловая рукопись «Альбома Онегина» помечена 5 апреля). Осенью 1828 г., завершая так трудно давшуюся ему VII главу, поэт решил не включать «Альбом» в текст романа [Лотман 1980: 314–320], однако ввел скрытую переключку с мотивом «лепета» из «пушкинско-онегинских» сентенций в прокомментированную строку послания «Калмычке».

Литература

Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина (1826–1830). М.: Сов. писатель, 1967. 724 с.
Борисенко И. В. О месте встречи А. С. Пушкина с калмыками в 1829 г. // Исследования по исторической географии Калмыцкой АССР. Элиста, 1981. С. 49–61.
Грибоедов А. С. Сочинения. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1953. 771 с.
Кантемир А. Д. Собрание стихотворений / ред. П. Н. Берков. Л.: Сов. писатель, 1956. (Большая серия «Библиотеки поэта». Изд. 2). 544 с.
Левкович Я. Л. Автобиографическая проза и письма Пушкина. Л.: Наука, 1988. 328 с.
Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVII – начало XIX века). СПб.: «Искусство – СПб», 1996. 399 с.
Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Пособие для учителя. Л.: Просвещение, 1980. 416 с.
Познанский В. В. Очерк формирования русской национальной культуры. Первая половина

XIX века. М.: «Мысль», 1975. 223 с.
Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 19-ти т. М.: Воскресенье, 1994–1997.
Т. 3. Стихотворения. 1826–1836. М.: 1997. 1379 с.
Т. 5. Поэмы. 1825–1833. М.: 1994. 543 с.
Т. 6. Евгений Онегин. М.: 1994. 697 с.
Т. 8. Романы и повести. Путешествия. М.: 1995. 1117 с.
Т. 11. Критика и публицистика. 1819–1834. 588 с.
Т. 13. Переписка. 1815–1827. М.: 1996. 651 с.
Томашевский Б. В. Пушкин и французская литература // Томашевский Б. В. Пушкин и Франция. Л.: Сов. писатель, 1960. С. 62–174.
Шанир М. И. О неровности равного: Послание Пушкина «Калмычке» на фоне макроэволюции русского поэтического языка // Шанир М. И. Статьи о Пушкине. М.: Языки слав. культур, 2009. С. 209–217.
Эткинд Е. Г. Божественный глагол: Пушкин, прочитанный в России и во Франции. М.: Языки русской культуры, 1999. 600 с.

References

Blagoy D. D. [Pushkin’s Career as a Writer (1826–1830)]. Moscow: Sovetskiy Pisatel, 1967. 724 p. (In Russ.)
Borisenko I. V. About the locality where A. S. Pushkin encountered Kalmyks in 1829. In: [Kalmyk ASSR: Studies in Historical Geography]. Elista, 1981. Pp. 49–61. (In Russ.)
Etkind E. G. [The Divine Word (Glagol): Interpretations of Pushkin’s Works in Russia and in France]. Moscow: Yazyki Russkoi Kultury, 1999. 600 p. (In Russ.)
Griboedov A. S. [Collected Works]. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1953. 771 p. (In Russ.)
Kantemir A. D. [Collected Poems]. P. N. Berkov (ed.). Leningrad: Sovetskiy Pisatel, 1956. 544 p. (In Russ.)
Levkovich Ya. L. [Pushkin’s Autobiographical Prose and Correspondence]. Leningrad: Nauka, 1988. 328 p. (In Russ.)
Lotman Yu. M. [A. S. Pushkin’s Eugene Onegin: Comments]. Teacher’s manual. Leningrad: Prosveshchenie, 1980. 416 p. (In Russ.)
Lotman Yu. M. [Conversations about Russian

Culture: Everyday Life and Traditions of the Russian Nobility (17th – Early 19th Centuries)]. St. Petersburg: Iskusstvo – SPB, 1996. 399 p. (In Russ.)
Poznansky V. V. [Essay on the Shaping of Russian National Culture: Early-to-Mid 19th Century]. Moscow: Mysl, 1975. 223 p. (In Russ.)
Pushkin A. S. [Complete Works]. In 19 vols. Moscow: Voskresenie, 1994–1997. (In Russ.)
Shapir M. I. On inequality of the equal: Pushkin’s *To the Kalmyk Maiden* in the context of macroevolution of the Russian poetic language. In: Shapir M. I. [Articles about Pushkin]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kultur, 2009. Pp. 209–217. (In Russ.)
Tomashevsky B. V. Pushkin and French literature. In: Tomashevsky B. V. [Pushkin and France]. Leningrad: Sovetskiy Pisatel, 1960. Pp. 62–174. (In Russ.)
Vol. 11: ‘Reviews and Political Essays. 1819–1834’. 588 p.
Vol. 13: ‘Correspondence. 1815–1827’. 651 p.
Vol. 3: ‘Poetic Compositions. 1826–1836’. 1379 p.
Vol. 5: ‘Poems. 1825–1833’. 543 p.
Vol. 6: ‘Eugene Onegin’. 697 p.
Vol. 8: ‘Novels and Stories. Travel Notes’. 1117 p.

УДК 332.12

ББК 65.04

ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОС КАК ВАЖНЕЙШИЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ АГРОБИЗНЕСА В РОССИИ*

The Land Issue as a Key Factor in the Development of Agribusiness in Russia

Н. Е. Дарбакова (N. Darbakova)¹

¹ кандидат экономических наук, доцент, заместитель декана экономического факультета Калмыцкого государственного университета (Ph. D. of Economics, Associate Professor, Deputy Dean of the Faculty of Economics at Kalmyk State University).

В статье рассматриваются земельные ресурсы в сельском хозяйстве, которые являются одним из важнейших ресурсных компонентов. Рациональность и эффективность использования земельных ресурсов проецируются на весь аграрный социум. Многофункциональность сельского хозяйства является одной из составляющих обеспечения национального благосостояния и определяет необходимость государственного вмешательства в обеспечение устойчивого развития сельских территорий.

Ключевые слова: земельные ресурсы, агробизнес, устойчивое развитие сельских территорий, эколого-экономическая система.

Purpose: The purpose of the paper is to rationalize the environmental and economic mechanisms for sustainable land use, to form some organizational and economic tools of rational use of land resources in the natural-economic complex of the Republic as the basis of ecological and economic systems of the arid region.

Methods: Such scientific methods as analysis and synthesis, dialectical, abstract and logical, system analysis of the processes of social development have created the methodological basis of the research.

Results: The author of the article concludes that it is necessary to prepare and adopt the national strategy for sustainable development of rural areas, taking into account not only universal, but ethnic peculiarities of the Russian rural lifestyle (special, due to the spatial specificity), and the role of the village in social and economic life of the Russian society.

Discussion: Since the land resources are one of the major resource components in agriculture, their rational and efficient use is reflected on the whole agrarian society. The effectiveness of the regional system of agricultural land use can not be improved because of limited land resources: low level of natural fertility of arid lands, the constant threat of desertification, loss of productivity of forage lands, low bioclimatic potential, on the one hand, and the lack of the comprehensive environmental remediation of the site with the financing of security and restoration activities for the development of infrastructure in rural areas on the other. All these factors do not allow to increase the efficiency of the regional system of agricultural land use.

Keywords: land resources, agribusiness, sustainable development of rural territories, ecological and economic system.

* Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований № 14-12-08009 “Разработка алгоритмов расчета арендной платы за земли сельскохозяйственного назначения с учетом экологических особенностей”

Земля — главное национальное достояние и богатство нашего народа. Земельные ресурсы в сельском хозяйстве являются одним из важнейших ресурсных компонентов, рациональность и эффективность использования которого проецируется на весь аграрный социум.

В настоящее время в Российской Федерации сложились объективные организационно-экономические и экологические предпосылки для формирования новых механизмов в сфере земельных отношений.

Низкий уровень эффективности использования земельных ресурсов характерен для российских регионов, имеющих в собственности и распоряжающихся огромным земельно-ресурсным потенциалом. Обширные территории черноземных почв являются одним из наиболее ценных природных ресурсов, который имеет Россия. При этом общее состояние эколого-экономической системы аграрной сферы современной России можно оценить как неустойчивое, с выраженными аспектными признаками деградации. Переход к устойчивому развитию обусловлен траекторией эволюции аграрных цивилизаций.

Эти траектории были разноректорны в силу географических особенностей, но в целом сам характер сельскохозяйственного производства неразрывно связан со своей природной первоосновой, опосредован социальной структурой общества, исторически сложившейся и пространственно гетерогенной, обусловленной географическим фактором.

Формирование и функционирование территориальной социально-эколого-экономической системы Республики Калмыкия происходит под влиянием аридизации природно-климатических условий. Территория

Калмыкии находится в аридной (восточная часть), среднеаридной (центральная часть) и умеренно аридной (северная часть) условиях. Фактор аридизации является существенным в использовании земельного фонда, его структуры. В большей степени он обусловил современную структуру угодий, с незначительной долей пашни и высокой долей естественных пастбищ.

На территории современной Калмыкии сформировалась модель аграрного природопользования, характеризующаяся экстенсивным земледелием и экстенсивным животноводством. Современный уровень аграрного природопользования не соответствует экологическому потенциалу природной среды, что влечет за собой снижение уровня эффективности функций агроландшафтов.

Основными проблемами сельской местности как в России, так и в целом для Калмыкии являются: структурная слабость сельской экономики; отставание доходов населения на селе от доходов городских жителей (бедность, безработица), недостаток рабочих мест, миграция молодежи и трудоспособного населения в крупные экономические центры, информационная изолированность; разрушение традиционного уклада жизни на селе, утрата ценностей культуры; слабость институциональной структуры; низкая конкурентоспособность сельского хозяйства и высокие издержки аграрного производства; проблема продовольственной безопасности и качества продуктов питания; деградация агробиотопов, сокращение площадей ценных земель и ввод в эксплуатацию малопродуктивных земельных угодий, загрязнение окружающей среды отходами сельскохозяйственного производства [Бакинова 2000].

Таблица 1. Алгоритм оценки устойчивости агробизнеса в сельской местности

Типизация	Оценка уровня устойчивости и стабильности	Характеристика	Интегральный показатель (К)
Тип 1	Высокая устойчивость	Предприятия агробизнеса контролируют ситуацию, сохраняют реальную и потенциальную возможность социально-экономического роста, платежеспособность и кредитоспособность	$K > 0,61$
Тип 2	Средняя устойчивость	Испытывают временные трудности, связанные с отсутствием стратегии развития, необходима помощь в разработке стратегического плана развития	$0,6 > K > 0,4$

Тип 3	Низкая устойчивость	Пока удается контролировать ситуацию, сохраняется реальная и потенциальная возможность социально-экономического роста. Запас материальной прочности незначителен, необходима помощь в разработке программы восстановления платежеспособности, реструктуризации задолженности	$0,4 > K > 0,21$
Тип 4	Кризисная ситуация	Сложившаяся структура агробизнеса не приспособлена к изменившимся условиям хозяйствования. Невозможно восстановить платежеспособность. Необходима замена руководителя, введение антикризисного управления	$K > 0,20$

Современное состояние агросферы в различных странах спроецировано исторически сложившимися традиционными аграрными структурами. Модернизация социально-экономических трансформаций, а именно — привнесение экономических институтов, инфраструктурных элементов и технологий в различные сферы — не всегда давала ожидаемые результаты. Зачастую эти методы отторгались или получали неожиданные функции.

Осмысление крайне противоречивых процессов развития аграрных цивилизаций состоит в том, что каждая из них была самоорганизующейся и самовосстанавливающейся системой.

Традиционные аграрные структуры, как правило, хорошо адаптированы к местным природным и социокультурным условиям, органично вписаны в них. По международным критериям, к сельским и преимущественно сельским районам относится 98% административных районов Российской Федерации [Дарбакова 2012].

Учитывая удельный вес сельских территорий, сложную социально-экономическую ситуацию и «обезлюдение» села, разработку методологических и методических подходов, разработку программных мероприятий для различных регионов страны в области устойчивого развития сельских территорий, принятие законодательных решений по правовому оформлению политики и разработки пилотных проектов сельского развития необходимо признать необходимыми для изменения ситуации на селе.

На основе изучения и анализа существующих понятий «устойчивого развития» Ю. Н. Асеевым и Е. Н. Астанковой предложен алгоритм оценки, который позволяет рассчитать комплексный интегральный показатель (K), отражающий устойчивость развития предпринимательства на селе и на его основе проранжировать организации агробизнеса в сельской местности по уровню устойчивости и стабильности (табл.2). [Асеев, Астанкова 2012].

Таблица 2. *Народнохозяйственные функции села*

Функции села	Сущность народнохозяйственных функций
Производственная	Удовлетворение потребностей общества в продовольствии и сырье для промышленности, продукции лесного и охотничьего промысла
Социально-демографическая	Воспроизводство сельского населения, обеспечение сельского хозяйства и других отраслей экономики трудовыми ресурсами
Культурная	Создание сельским населением духовных ценностей, сохранение национально-культурных традиций, охрана памятников природы, истории и культуры, расположенных в сельской местности
Природоохранная	Поддержание экологического равновесия в агробиоценозах, охрана культурных ландшафтов, содержание заповедников, заказников, национальных парков
Рекреационная	Создание условий для восстановления здоровья и отдыха городского и сельского населения

Пространственно-коммуникационная	Предоставление пространственного базиса и обслуживание инженерных коммуникаций — дорог, линий электропередач, связи, водо-нефте-газопроводов
Социального контроля над территориями	Содействие сельского населения органам государственной и муниципальной власти в обеспечении общественного порядка и безопасности в сельской местности, охране приграничных территорий, недр, земельных, водных и лесных ресурсов, флоры и фауны

По мнению А. В. Петрикова, именно многофункциональность сельского хозяйства является одной из составляющих обеспечения национального благосостояния и определяет необходимость государственного вмешательства в обеспечение устойчивого развития сельских территорий [Петриков 2005].

Сельской местности как социально-территориальной и эколого-экономической подсистеме принадлежит ряд социальных функций, и углубление депрессивности села грозит рядом необратимых системных рисков, из которых, помимо аграрных и продовольственных проблем, следует назвать следующие:

- риск утраты влияния на значительные территории, и не только сельские;
- риск утраты территориальной целостности России;
- риск обострения социального кризиса в городах, ибо миграция является зачастую единственным способом решения социальных проблем.

Сегодня важно понимание не только того, как структурируется проблематика устойчивого развития сельских территорий, но и того, какие проблемы наиболее актуальны, то есть без решения каких проблем мы не сможем перейти к устойчивому развитию.

Рост экономики страны дает органам исполнительной власти основание для перехода (в качестве непосредственно решаемой задачи) от борьбы за выживание к стратегии устойчивого развития, что, по мнению Д. И. Торопова, в полной мере, относится к развитию сельских территорий [Торопов 2005].

Необходимы подготовка и принятие государственной национальной стратегии устойчивого развития сельских территорий, цивилизованно учитывающей не только общечеловеческие, но и этнические особенности российского сельского образа жизни, особую, в силу пространственно-территориальной специфики, роль деревни в соци-

альной и экономической жизни российского общества.

Принятие стратегии устраним негативные факторы и тенденции социально-экономического развития сельских территорий, что приведет к повышению качества сельской жизни, создаст основы для повышения престижности проживания в сельской местности, привлечения и закрепления молодых кадров, способных к освоению новых технологий, современной техники.

Анализ и систематизация проблем по достижению устойчивого развития сельских территорий позволяет обобщить зарубежный опыт и выработать собственную оценку и направления на уровне субъекта Российской Федерации.

Таким образом, на основании проанализированных материалов можно сделать следующие выводы:

- включение земельных ресурсов в планы устойчивого развития и их реализация подтвердили целесообразность таких решений во многих зарубежных странах;
- не решена проблема определения индикаторов устойчивого развития аграрной сферы в целях сбалансированности экономического развития;
- региональная эколого-экономическая система реагирует на сигналы, которые подают ее отдельные составляющие, на внешние импульсы, которые исходят из других подотраслей отечественного АПК, национальной и мировой экономической систем, взаимодействующих с агросферой экологической, демографической и социальной систем;
- всестороннее развитие, сбалансированное между обществом, экономикой и природой в пределах отдельной территории, связано с самоорганизацией системы и подразумевает в этих условиях работу так называемых новейших методов и концептуальных средств познания: системного анализа, бифуркационного состояния, принципов энтропии, информации, обратной связи, экологического императива.

Литература

- Асеев Ю. И., Астанкова Е. Н.* Обеспечение устойчивого развития сельских территорий (на материалах Ставропольского края) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.rusnauka.com/NIO/Economics> (дата обращения: 15.01.2014).
- Бакинова Т. И.* Эколого-экономические проблемы аграрного землепользования в аридной зоне (на примере Республики Калмыкия). Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 2000. С. 226–227.
- Дарбакова Н. Е.* Формирование механизмов устойчивости региональной эколого-эконо-

мической системы землепользования: Дис. ... канд. экон. наук. М.: ГУЗ, 2012. 198 с.

- Петриков А. В.* Проблемы и направления политики по устойчивому развитию сельских территорий в России // Законодательное обеспечение устойчивого развития сельских территорий. Белгород, 2005. С. 8–14.
- Торопов Д. И.* О деятельности Министерства сельского хозяйства Российской Федерации по законодательному обеспечению развития сельских территорий // Законодательное обеспечение устойчивого развития сельских территорий. Белгород, 2005. С. 14–19.

References

- Aseev Yu. I., Astankova E. N. [Securing a Sustainable Development of Rural Territories: a Case Study of Stavropol Krai]. An Internet resource: <http://www.rusnauka.com/NIO/Economics> (accessed: January 15, 2014). (In Russ.)
- Bakinova T. I. [Agricultural Land Tenure in Arid Zones: Ecological and Economic Challenges (a Case Study of the Republic of Kalmykia)]. Rostov-on-Don: North Caucasus Scientific Center, 2000. Pp. 226–227. (In Russ.)
- Darbakova N. E. [Regional Ecological-and-Economic System of Land Tenure: Developing Stability Mechanisms]. Cand.Sc. (economics) thesis. Moscow State University of Land Management. Moscow, 2012. 198 p. (In Russ.)
- Petrikov A. V. Sustainable development of Russia's rural territories: problems and directions of policies. In: [Sustainable Development of Rural Territories: Regulatory Guidelines]. Belgorod, 2005. Pp. 8–14. (In Russ.)
- Toropov D. I. Legislative regulation for the development of rural territories: respective activities by Russia's Ministry of Agriculture revisited. In: [Sustainable Development of Rural Territories: Regulatory Guidelines]. Belgorod, 2005. Pp. 14–19. (In Russ.)

МЕХАНИЗМЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ ПРОЕКТОВ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Financing Mechanisms of Public-Private Partnership Projects in the Regional Economy

К. М. Максимова (K. Maksimova)¹

¹ аспирант кафедры государственного и муниципального управления и права Калмыцкого государственного университета (Post-graduate Student of the Department of State and Municipal Management and Law at Kalmyk State University).

В статье рассмотрены основные механизмы финансирования проектов государственно-частного партнерства (ГЧП) в региональной экономике. Финансовое обеспечение ГЧП является одним из наиболее важных вопросов, предопределяющим уровень его инвестиционного потенциала и экономическую эффективность реализации проекта ГЧП.

Вложение капитала требует рационального, экономически прибыльного инвестиционного размещения, поэтому одним из важнейших организационно-управленческих вопросов ГЧП является поиск компромиссных решений, обеспечивающих достаточную для бизнеса доходность вложенного капитала при разумном распределении рисков, а также решения актуальных вопросов, находящихся в компетенции государства.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, частный сектор, государство, источники финансирования, бюджетные инвестиции, международные финансовые институты.

Public-private partnership is one of the most promising tools for financing projects, which includes benefits for both the state (improved fiscal, economic and social benefits of infrastructure projects) and the private sector (the guaranteed cash flow for a long time). The choice of financing mechanisms is a key issue of joint investment projects between state and private sector. Another important issue is a financial security in the implementation of public-private partnership projects that pre-determines the level of its investment potential and cost-effectiveness.

Since capital investment requires rational, economically profitable placement, it is necessary to find such solutions which would provide proper business profitability of the investment at a reasonable risk allocation and resolve issues within the competence of the state. The equity investment and credit resources of private banks are considered to be the main financing sources of the public-private partnership projects. The state support provides guarantee and direct budget investments in order to encourage investors and develop the market.

Combining different funding sources of the project allows the state and municipal authorities to improve fiscal, economic and social effectiveness of the project and attract a large number of potential investors and lenders. The state can vary the proposed financing model for each project, which makes it possible to supervise its attractiveness for both the society and investors. The types and forms of the state and private sector participation in financing the projects on the base of mutual interests for both parties are considered in the article.

Keywords: public-private partnership, the private sector, state, funding sources, budget investments, international financial institutions.

В современной России, в соответствии с существующим распределением полномочий между уровнями власти, развитие общественной инфраструктуры законодательно возложено на государственные региональные и муниципальные органы власти, для которых проблема нехватки бюджетных средств особенно актуальна.

Текущее состояние таких объектов инфраструктуры, как дорожное хозяйство, жилищно-коммунальное хозяйство, электроэнергетика, требует немалых финансовых вложений в их обновление и расширение. Низкое качество инфраструктуры резко снижает экономическую эффективность функционирования как частного, так и госу-

дарственного секторов экономики. Для бизнес-структур это может выражаться в росте себестоимости продукции, усложнении реализации новых проектов, возрастании эксплуатационных и других рисков. Для государства это означает рост расходов на эксплуатацию инфраструктурных объектов по причине их материального и морального износа, снижение темпов роста налоговых поступлений. Создается угроза безопасности, в т. ч. экономической [Климов].

Однако на сегодняшний день у субъектов РФ нет достаточного объема финансовых средств для инвестирования, особенно в условиях снизившихся доходных бюджетных поступлений [Варнавский].

Ситуация осложняется тем, что уровень бюджетной обеспеченности значительно различается от региона к региону, и если одни регионы имеют возможность содержать большую часть инфраструктуры, то в других бюджетных средств недостаточно на ее текущее содержание, и тем более на реконструкцию и модернизацию, в которой нуждаются очень многие инфраструктурные объекты.

В этой связи возрастает необходимость взаимодействия государства с частным сектором, попытки найти соответствующие решения, позволяющие государству использовать капитал частного сектора для решения задач государственной политики. В современных условиях государственно-частное партнерство стало особенно важным инструментом создания объектов инфраструктуры общественного сектора.

На сегодняшний день в регионах России механизм государственно-частного партнерства (ГЧП) находится в процессе формирования, что, с одной стороны, говорит о большом потенциале его использования, а с другой — о необходимости осуществления серьезной целенаправленной работы по его развитию и совершенствованию законодательного регулирования возникающих отношений собственности, разделения рисков и ответственности.

Одним из наиболее важных вопросов является вопрос финансового обеспечения ГЧП, предопределяющего уровень его инвестиционного потенциала и экономическую эффективность. Поскольку любое вложение капитала требует его рационального, экономически выгодного (прибыльного) инвестиционного размещения, одним из важнейших организационно-управленческих вопросов ГЧП является поиск

компромиссных решений, обеспечивающих достаточную для бизнеса доходность вложенного капитала при разумном распределении рисков, а также максимально быстрое и качественное решение актуальных социальных проблем и эффективное управление объектами государственной собственности [Мантаева, Слободчикова, Манджиев 2012: 48].

При реализации проектов ГЧП возможно использование различных источников финансирования:

- акционерный капитал: инженерные и строительные компании, банки и специализированные инвестиционные фонды;
- заемное (долговое) финансирование: кредитные ресурсы частных банков, выпуск облигаций, кредитование через международные финансовые институты;
- государственная поддержка: бюджетные инвестиции, включая гранты, государственные (муниципальные) гарантии для привлечения кредитных ресурсов.

Комбинирование различных источников финансирования проекта позволяет органам государственной и муниципальной власти как улучшить бюджетную и социально-экономическую эффективность по проекту, так и привлечь большое количество потенциальных инвесторов и кредиторов [Дерябина]. Для каждого конкретного проекта государство может варьировать предлагаемую частному сектору модель финансирования, что делает возможным управление привлекательностью проекта одновременно обществом и инвесторами.

Основными источниками финансирования проектов ГЧП могут выступать собственный капитал инвесторов в сочетании с кредитными ресурсами частных банков. Государственная поддержка может применяться в качестве госгарантий в целях стимулирования заинтересованности инвесторов и развития рынка ГЧП. Участие частного сектора в капитале в проектах ГЧП происходит путем долевого участия при создании смешанных предприятий или акционирования предприятий [Окольнишникова, Куватов].

Вложение в инвестиционные проекты акционерных обществ осуществляется на средства акционерного капитала, в том числе за счет акционерного капитала государства. Чем выше доля акционерного

капитала в финансировании инвестиционных проектов, тем больше степень свободы частного сектора и (или) государства в принятии административных, финансовых и хозяйственных решений. Риски государства и частного сектора распределяются пропорционально доле в капитале.

При реализации проектов ГЧП государственное участие присутствует постоянно. Таким образом, при государственном участии в капитале частный бизнес обладает меньшей самостоятельностью в принятии административно-хозяйственных, инвестиционных и финансовых решений [Боджаева, Слободчикова 2010: 12].

При наличии относительно дешевых и доступных заемных средств возможна стремительная реализация проектов ГЧП. Однако в условиях финансового кризиса, когда стоимость заемного капитала существенно возросла и, как следствие, преимущество в переговорах полностью перешло на сторону банков, регионы России ощутили эти изменения наиболее остро. Сегодня от органов государственной и муниципальной власти требуются активные действия по поиску решений для обеспечения проектов ГЧП финансовыми ресурсами, от которых будет зависеть и заинтересованность инвесторов в участии в этих проектах.

24 ноября 2014 г. Комитет Совета Федерации по экономической политике Федерального Собрания РФ утвердил Рекомендации парламентский слушаний «О мерах по предупреждению негативных вызовов национальной экономике и о первоочередных задачах экономического развития в современных условиях». В данных Рекомендациях отмечается необходимость ускорения работы по совершенствованию механизма проектного финансирования и рассмотрению возможности расширения кредитования институтов с целью обеспечения долгосрочных инвестиций и использования механизма ГЧП [Письмо Комитета].

Все большую роль в финансировании проектов ГЧП играют международные финансовые институты, которые могут предложить «длинные деньги» по относительно низкой процентной ставке и предоставить необходимые средства, кредитую либо государство, либо непосредственно частный сектор [Айрапетян]. Кредитование со стороны частных банков остается возможным источником финансирования проектов. При этом необходимо отметить, что стоимость данного финансирования будет

достаточно высокой и срок кредита может отличаться от длительности заключаемого контракта ГЧП, что влечет за собой риск рефинансирования в будущем (в частности, риск связан с неопределенностью относительно доступности заемного финансирования в момент проведения рефинансирования и стоимости капитала). В связи с этим у государства сегодня есть несколько путей поддержания реализации проектов по созданию или реконструкции инфраструктуры общественного сектора:

- отбор небольших (с точки зрения требуемых капитальных затрат) проектов для реализации их через механизм ГЧП;
- отбор проектов с высоким коммерческим потенциалом, не требующих финансового участия государства;
- отбор проектов, в которых можно расширить коммерческий потенциал, что позволит проекту окупиться самостоятельно, без необходимости осуществления выплат со стороны государства (или будет служить дополнительным параметром устойчивости проекта, с точки зрения его реализации, что уменьшит требуемый от государства объем финансирования);
- увеличение государственного финансирования проекта для повышения вероятности его реализации.

Рассматривая заемное финансирование, можно отметить, что банки до настоящего времени более охотно предоставляли финансирование для реализации проектов ГЧП при условии наличия гарантированных доходов в предлагаемой модели ГЧП. Осторожная избирательность банков в отношении отбора проектов и обширный спектр требований, которые кредиторы предъявляют к заемщикам, приводят к увеличению сроков реализации проектов ГЧП [Эрназаров 2011: 134]. Вероятность привлечь необходимые средства в приемлемые сроки повышается через банковскую синдикацию кредита, но при этом стоимость такого кредита может быть выше средней, т. к. снижается конкуренция банков за проект и повышаются возможности банков диктовать свои условия.

В данный период как на федеральном уровне, так и в субъектах РФ существуют ограничения заемных источников финансовых средств, что ведет к усложнению финансирования крупных проектов. Другое очевидное последствие дефицита ис-

точников заемного финансирования — повышение кредитных ставок [Максимов 2011: 22]. Поэтому целесообразно принять меры к совершенствованию механизма предоставления государственных (муниципальных) гарантий предпринимательским структурам, принимающим участие в развитии ГЧП в России. Естественно, что в целях эффективного и целесообразного предоставления государственных (муниципальных) гарантий необходим строжайший контроль со стороны государственных и муниципальных органов управления [Воронников 2010: 12].

Еще одно перспективное направление государственной поддержки предусматривает возможность финансирования проектов государственно-частного партнерства из средств бюджета посредством осуществления бюджетных инвестиций. Бюджетные инвестиции представляют собой бюджетные средства, направляемые на создание или увеличение за счет средств бюджета стоимости государственного (муниципального) имущества.

Основными признаками государственных (бюджетных) инвестиций являются:

- финансирование только за счет бюджетных средств;
- порядок предоставления этих инвестиций устанавливается государством;
- размеры инвестиций напрямую зависят от утвержденного государственного бюджета;
- целевое использование бюджетных инвестиций контролирует государство.

Таким образом, отличительные особенности таких инвестиций носят формальный характер. Смысл в том, что именно государством, а не частными инвесторами, определяются объекты, объемы и источники государственных инвестиций [Социальная сеть инвесторов].

Бюджетный кодекс Российской Федерации выделяет три возможных направления бюджетных инвестиций:

1. Бюджетные инвестиции в объекты государственной и муниципальной собственности, предусматриваемые в форме капитальных вложений в основные средства государственных (муниципальных) учреждений и государственных (муниципальных) унитарных предприятий, в соответствии с долгосрочными целевыми программами,

а также нормативными правовыми актами, соответственно, Правительства Российской Федерации, высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации, администрации муниципального образования либо в установленном указанными органами порядке решениями главных распорядителей бюджетных средств соответствующих бюджетов. Одними из существующих направлений бюджетных инвестиций являются бюджетные инвестиции в объекты капитального строительства государственной (муниципальной) собственности, предоставляемые на основании концессионных соглашений.

2. Предоставление бюджетных инвестиций юридическим лицам, не являющимся государственными и муниципальными учреждениями и государственными или муниципальными унитарными предприятиями, влечет возникновение права государственной или муниципальной собственности на эквивалентную часть уставных (складочных) капиталов указанных юридических лиц, которое оформляется участием Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований в уставных (складочных) капиталах таких юридических лиц, в соответствии с гражданским законодательством Российской Федерации.

3. Инвестиционные фонды Российской Федерации, субъекта РФ, представляющие собой часть средств федерального бюджета, в целях реализации инвестиционных проектов, осуществляемых на принципах государственно-частного партнерства [Бюджетный кодекс].

При подготовке ведомственных, региональных нормативных правовых актов, а также подзаконных регулирующих ГЧП документов, следует придерживаться единообразного понимания термина «капитальные вложения». Под капитальными вложениями законодательно понимаются инвестиции в основной капитал (основные средства), в том числе затраты на новое строительство, расширение, реконструкцию и техническое перевооружение действующих предприятий, приобретение машин, оборудования, инструмента, инвентаря, проектно-изыскательские работы и другие затраты [Федеральный закон 1999]. Введение в региональных нормах других понятий, например, «реставрация», «модернизация» и т. п., требует обоснований и

пояснений их применения к инвестиционной деятельности и к ГЧП, в частности.

При реализации инвестиционных проектов на условиях государственно-частного партнерства могут быть также применены механизмы субсидирования юридических лиц в целях возмещения затрат и недополученных доходов. Порядок предоставления субсидий должен быть определен актом уполномоченного государственного (муниципального) органа соответствующего уровня. Данный документ должен содержать критерии отбора лиц в целях предоставления им субсидий, цели и условия предоставления, а также порядок возврата в случае их нарушения.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что, несмотря на серьезные

финансовые потрясения, ГЧП выгодно как государству, так и частному сектору. В современных условиях развития (дефицит источников заемных средств и их удорожание) меняется структура финансирования — увеличивается доля государственного участия и международных финансовых институтов.

Таким образом, несмотря на сложности, существующие сегодня на кредитном рынке, ГЧП является одним из перспективных инструментов финансирования проектов, который включает в себя выгоды как для государства — в виде улучшения бюджетной и социально-экономической эффективности инфраструктурных проектов, так и для частного сектора — путем обеспечения гарантированных денежных потоков на протяжении длительного времени.

Литература

- Айрапетян М. С. Зарубежный опыт использования государственно-частного партнерства [Электронный ресурс] // URL: <http://wbase.duma.gov.ru:8080/law?d&nd=981605628&mark=r981605004>. (дата обращения: 15.10.2014).
- Боджаева В. В., Слободчикова И. В. Частно-государственное партнерство как инструмент развития региональной экономики // Проблемы теории и практики управления развитием социально-экономических систем: Материалы VII – Всероссийской научно-практической конференции. 23–25 ноября 2010 г., Махачкала. С. 12–17.
- Бюджетный кодекс Российской Федерации (в ред. от 26.12.2014 г.) / Правовая система Гарант.
- Варнавский В. Г. Частно-государственное партнерство [Электронный ресурс] // URL: http://www.opec.ru/article_doc/asp.d_no=50578 (дата обращения: 15.10.2014).
- Воротников А. Организация управления проектами государственно-частного партнерства // Государственная служба. 2010. № 3. С. 12–15.
- Дерябина М. А. Теоретические и практические проблемы государственно-частного партнерства: доклад на секционном ученом совете научного направления «Теория экономики» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.inecon.ru/ru/index.php?go=Content&id=29> (дата обращения: 15.10.2014).
- Климов П. Е. Государственно-частное партнерство как механизм финансирования модернизации инфраструктуры [Электронный ресурс] // URL: <http://www.uecs.ru/uecs-35-352011/item/791-2011-11-17-06-04-34> (дата обращения: 15.10.2014).

References

- [Budget Code of the Russian Federation] (As amended on December 26, 2014). At: GARANT Legal Information Resource Complex. (In Russ.)
- [Federal Law of the Russian Federation of 25 February 1999 No. 39-ФЗ ‘On Investment Activities in the Russian Federation’]. At: GARANT Legal Information Resource Complex. (In Russ.)
- [Letter by the Federation Council Committee for Economic Policies of 25 December 2014 No. 3.6-09/1860]. (In Russ.)
- [Social Network of Investors – Public Investments]. An Internet resource: <http://jli.ru/terminologija/investici/gosudarstvenye-investici.html> (accessed: October 15, 2014). (In Russ.)
- Ayrapetyan M. S. [Public-Private Partnership: Foreign Experiences]. An Internet resource: <http://wbase.duma.gov.ru:8080/law?d&nd=981605628&mark=r981605004>. (accessed: October 15, 2014). (In Russ.)
- Bodzhaeva V. V., Slobodchikova I. V. Public-private partnership as a development instrument of regional economies. In: [Managing the Development of Socio-Economic Systems: Issues of Theory and Practice]. Conf. proc. (Makhachkala; November 23–25, 2010). Pp. 12–17.
- Deryabina M. A. [Theoretical and Practical Challenges of Public-Private Partnership: Report Delivered to the Scientific Council, Theory of Economics Section]. An Internet resource: <http://www.inecon.ru/ru/index.php?go=Content&id=29> (accessed: October 15, 2014). (In Russ.)

- Максимов А. А. Формы государственно-частного партнерства в современных российских условиях // Политика и общество. 2011. № 1. С. 22–27.
- Мантаева Э. И., Слободчикова И. В., Манджиев А. В. Взаимодействие науки, государства и бизнеса в процессе формирования инновационной инфраструктуры региона // Вестник Института Дружбы народов Кавказа. 2012. № 4. С. 48–52.
- Окольнишникова И. Ю., Куватов В. Г. Внедрение механизмов государственно-частного партнерства как фактор развития регионального бизнеса и экономик регионов [Электронный ресурс] // URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vnedrenie-mehanizmov-gosudarstvenno-chastnogo-partnerstva-kak-faktor-razvitiya-regionalnogo-biznesa-i-ekonomik-regionov> (дата обращения: 15.10.2014).
- Письмо Комитета Совета Федерации по экономической политике от 25.12.2014 г. № 3.6-09/1860.
- Социальная сеть инвесторов – Государственные инвестиции [Электронный ресурс] // URL: <http://jli.ru/terminologija/investici/gosudarstvenye-investici.html> (дата обращения: 15.10.2014).
- Федеральный закон от 25.02.1999 № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» / Правовая система Гарант.
- Эрназаров Т. Я. Применение системного подхода к оценке эффективности реализации ГЧП проекта // Проблемы экономики. 2011. № 6. С. 134–139.

- Ernazarov T. Ya. Employing a system approach to estimate efficiency of project PPP practices. *The Problems of Economy*. 2011. No. 6. Pp. 134–139. (In Russ.)
- Klimov P. E. [Public-Private Partnership as a Mechanism to Fund Infrastructure Modernization]. An Internet resource: <http://www.uecs.ru/uecs-35-352011/item/791-2011-11-17-06-04-34> (accessed: October 15, 2014). (In Russ.)
- Maksimov A. A. Public-private partnership and its forms in present-day Russia. *Politika i obshchestvo*. 2011. No. 1. Pp. 22–27. (In Russ.)
- Mantaeva E. I., Slobodchikova I. V., Mandzhiev A. V. Developing innovation regional infrastructure: interaction between science, state and business entities. *Bulletin. Peoples' Friendship Institute of the Caucasus*. 2012. No. 4. Pp. 48–52. (In Russ.)
- Okolnishnikova I. Yu., Kuvatov V. G. [Introduction of PPP Mechanisms as a Factor for Development of Regional Businesses and Economies]. An Internet resource: <http://cyberleninka.ru/article/n/vnedreniemehanizmov-gosudarstvenno-chastnogopartnerstva-kak-faktor-razvitiya-regionalnogobiznesa-i-ekonomik-regionov> (accessed: October 15, 2014). (In Russ.)
- Varnavsky V. G. [Public-Private Partnership]. An Internet resource: http://www.opec.ru/article_doc/asp.d_no=50578 (accessed: October 15, 2014). (In Russ.)
- Vorotnikov A. Public-private partnership: introducing project management practices. *Public Administration*. 2010. No. 3. Pp. 12–15. (In Russ.)

УДК 331.526 + 314.93

ББК. 312.9

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ В НАЧАЛЕ XXI в.

The General Characteristic of the Population Employment in the Republic of Kalmykia at the Beginning of XXI Century

Е. А. Гунаев (E. Gunayev)¹

¹ кандидат юридических наук, старший научный сотрудник отдела социально-политических и экологических исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph.D of Jurisprudence, Senior Scientist of the Social, Political and Ecological Studies Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: gunayev@yandex.ru.

В статье на основе данных официальной статистики приведена общая характеристика занятости населения Республики Калмыкия. Исследованы социально-демографические показатели занятого и незанятого населения (по возрастным группам, полу, типу населения (городское, сельское), уровню образования) и экономические аспекты занятости (по формам собственности, видам экономической деятельности). По данным показателям имеются особенности и отличия от общероссийских показателей (высокая доля работающих с высшим образованием, а также занятость в государственном и муниципальном секторе экономики, ниже доля частного сектора, вместе с тем высока самозанятость населения, устойчивая тенденция межрегиональной трудовой миграции за пределы региона).

Ключевые слова: занятость населения, трудовые ресурсы, экономика, официальная статистика, Республика Калмыкия, социальная политика.

Purpose: The employment of the population is one of the major socio-economic indexes characterizing the labour market situation and social and labor sphere of society in general, which influences the quality of life of the population. Therefore, employment of the economically active population is one of the priority directions in the field of social policy of the state including the regional level. Based on the official statistical data of Rosstat for 2005–2012, the article gives the general characteristic of the population employment in the Republic of Kalmykia.

Methods: The research involved historical, statistical and systems methods.

Results: The general characteristic of the population employment of Kalmykia has been given in the article on the basis of the data of official statistics. Social and demographic indicators like age group, sex, population type (city, rural), education level of the employed and unemployed population, as well as economic aspects of employment such as forms of the ownership, types of economic activity have been analyzed in the research.

Discussion: These indicators differ from those of the all-Russian ones. For instance, there is a high proportion of the working population with higher education, and those who are employed in the state and municipal sector of the economy. At the same time, there is a lower proportion of the working population who are a part of the private sector, and a high proportion of those who are self-employed. However, a steady tendency of the interregional labor migration out of the borders of the region remains high.

Keywords: employment of the population, manpower resources, economy, official statistics, the Republic of Kalmykia, social policy.

Занятость населения — один из важнейших социально-экономических показателей, характеризующих состояние рынка труда и в целом социально-трудовую сферу общества, влияющих на качество жизни населения [Капустин 2006: 258]. Соответственно, обеспечение занятости экономически активного населения является одним из приоритетных направлений в области социальной политики государства, в том числе на региональном уровне. Проблемы занятости населения традиционно исследуются в рамках научных специальностей — экономики и социологии труда [Голенкова 2009; Иванова, Зуева 2012; Рофе 2010; Современное 2014; Тощенко, Цветкова 2012; Трудовые 2013; Чеканов 2014; Экономика 2008]. В Калмыкии занятость исследовалась в контексте развития регионального рынка труда [Убушаев 2006; Шарина 2014; Эрэндженова 2008], демографического и трудового потенциала региона [Бадмаева, Иджаева 2013], обеспечения занятости молодежи [Гунаев 2013, Намруева 2014]. Цель настоящей статьи — дать общую характеристику занятости населения Республики Калмыкия в сравнительно-статистическом аспекте — по формам собственности, видам экономической деятельности, по полу,

возрасту, уровню образования и др., а также охарактеризовать незанятое население, включая безработных. В качестве источника использованы данные сборника Росстата «Труд и занятость в России» 2013 г., в котором наиболее широко представлены статистические сведения о рынке труда в Российской Федерации за 2005–2012 гг. В указанном сборнике данные за 2005–2011 гг. о численности населения, относительные показатели, рассчитываемые с использованием численности населения, итоги выборочного обследования населения по проблемам занятости пересчитаны с учетом итогов Всероссийской переписи населения 2010 г. [Труд и занятость 2013].

Согласно Закону РФ «О занятости населения в Российской Федерации» 1991 г., занятость — это «деятельность граждан, связанная с удовлетворением личных и общественных потребностей, не противоречащая законодательству Российской Федерации и приносящая, как правило, им заработок, трудовой доход» (п. 1. ст. 1.) [Закон РФ 1991].

Рассмотрим данные о численности населения в трудоспособном возрасте, численности и составе экономически активного населения, занятых и безработных, трудоустройстве населения, трудовой миграции.

*Таблица 1. Численность населения в трудоспособном возрасте
(на конец года)*

	Тыс. человек					Удельный вес в общей численности населения, процентов				
	2005	2009	2010	2011	2012	2005	2009	2010	2011	2012
Российская Федерация	90158,0	88561,2	87847,5	87055,3	86137,5	63,0	62,0	61,5	60,8	60,1
Южный федеральный округ	8484,4	8417,3	8354,8	8306,8	8227,7	61,3	60,8	60,3	59,8	59,2
Республика Калмыкия	188,4	185,7	183,1	179,0	174,2	64,2	64,1	63,4	62,4	61,3

Источник: [Труд и занятость в России 2013: 38].

Численность населения Республики Калмыкия в трудоспособном возрасте с 2005 по 2012 гг. уменьшилась со 188,4 до 174,2 тыс. чел., в процентном отношении с 64,2 до 61,3 % от общей численности на-

селения. На уровне России и по Южному федеральному округу прослеживается та же тенденция, в целом в Калмыкии и по стране численность трудоспособного населения снизилась за указанный период на 3 %.

Таблица 2. Численность экономически активного населения, занятых и безработных

	Численность эконом. активного населения – всего, тыс. человек	из него		Уровень эконом. активности населения, процентов	Уровень занятости, процентов	Уровень безработицы, процентов
		занятые в экономике	безработные			
Российская Федерация						
2005	73581,0	68339,0	5242,0	66,0	61,3	7,1
2006	74418,9	69168,7	5250,2	66,3	61,7	7,1
2007	75288,9	70770,3	4518,6	67,1	63,1	6,0
2008	75700,1	71003,1	4697,0	67,4	63,2	6,2
2009	75694,2	69410,5	6283,7	67,6	62,0	8,3
2010	75477,9	69933,7	5544,2	67,7	62,7	7,3
2011	75779,0	70856,6	4922,4	68,3	63,9	6,5
2012	75676,1	71545,4	4130,7	68,7	64,9	5,5
Республика Калмыкия						
2005	147,9	121,2	26,7	66,9	54,8	18,0
2006	148,9	123,7	25,1	66,6	55,3	16,9
2007	149,1	127,5	21,7	66,3	56,7	14,5
2008	153,1	129,0	24,1	68,2	57,5	15,8
2009	152,0	127,0	25,1	68,2	57,0	16,5
2010	148,6	126,7	22,0	67,1	57,1	14,8
2011	149,0	127,8	21,2	67,9	58,2	14,2
2012	145,3	126,2	19,1	67,3	58,5	13,1

Источник: [Труд и занятость в России 2013: 53].

Численность экономически активного населения в Республике Калмыкия с 2005 г. постепенно возрастала, достигнув максимума в 2008 г. (153,1 тыс. чел.), затем происходило постепенное снижение, с 2011 г. по 2012 г. произошло резкое снижение (со 149,0 тыс. до 145,3 тыс. чел.). Из них занятое население составило на 2012 г. — 126,2 тыс., или 58,2 % от населения), за 2005–2012 гг. занятость населения несколько возросла, в процентном отношении показатели численности экономически активного и занятого населения оставались стабильными — 66–68 % и 56–58 %, соответственно. Доля безработных граждан

с 2005 по 2012 гг. снижалась, тенденция снижения стала устойчивой с 2010 г., когда она снизилась с 22,0 тыс. чел. до 19,1 тыс. в 2012 г., в процентах — с 14,8 до 13,1 %. Для примера, в 2005 г. безработные составляли 18 % от населения. Уровень экономической активности населения в Республике Калмыкия совпадает с общероссийским, по занятости показатели ниже, но происходило постепенное повышение занятости и сближение показателей с общероссийским уровнем. Уровень безработицы по-прежнему вдвое превышал общероссийский уровень, однако он значительно снизился с 2005 г.

Таблица 3. Структура занятых в экономике по возрастным группам в 2012 г. (в процентах)

	Всего	в том числе в возрасте, лет						Средний возраст, лет
		15–19	20–29	30–39	40–49	50–59	60–72	
Российская Федерация	100	0,7	22,6	26,0	23,9	22,1	4,6	40,3
Южный федеральный округ	100	0,8	22,9	25,8	24,1	21,7	4,8	40,2
Республика Калмыкия	100	1,1	25,3	23,4	25,3	21,5	3,4	39,6

Источник: [Труд и занятость в России 2013: 76–77].

Структура занятости по возрастным группам показывает, что в целом показатели Республики Калмыкия не отличались сильно от общероссийских и ЮФО, сред-

ний возраст занятых несколько ниже и составляет 39,6 лет. В Калмыкии выше занятость в группе 15–19, 20–29 и 40–49 лет, в остальных группах показатели ниже.

Таблица 4. Структура занятых в экономике по уровню образования в 2012 г. (в процентах)

	Всего	в том числе имеют образование					
		высшее профессиональное	среднее профессиональное	начальное профессиональное	среднее (полное) общее	основное общее	не имеют основного общего
Российская Федерация	100	30,4	26,2	19,5	19,9	3,7	0,3
Южный федеральный округ	100	27,1	28,4	16,6	23,1	4,4	0,3
Республика Калмыкия	100	33,0	23,4	11,3	28,7	3,2	0,3

Источник: [Труд и занятость в России 2013: 81–82].

Структура занятых по уровню образования показывает, что в Республике Калмыкия превалирует группа имеющих высшее профессиональное образование, по данному показателю республика опережает общероссийский уровень и значительно

опережает уровень ЮФО. То же относится и к имеющим среднее (полное) общее образование. В то же время в Калмыкии значительно ниже доля занятых, имеющих среднее профессиональное и начальное профессиональное образование.

Таблица 5. Численность занятых в экономике по месту основной работы в 2012 г. (тыс. чел.)

	Всего	в том числе имели основную работу				
		на предприятии, в организации со статусом юридического лица	в сфере предпринимательской деятельности без образования юридического лица	по найму у физических лиц, индивидуальных предпринимателей, в фермерском хозяйстве	в собственном домашнем хозяйстве по производству продукции сельского, лесного хозяйства, охоты и рыболовства для реализации	
Российская Федерация	71545,4	59234,1	3025,0	7608,3	1678,0	
Южный федеральный округ	6559,6	5028,3	461,8	849,0	220,5	
Республика Калмыкия	126,2	87,6	10,8	21,1	6,8	

Источник: [Труд и занятость в России 2013: 104–105].

В Республике Калмыкия 87,6 тыс. чел. (69,4 %) работают в организациях со

статусом юридического лица, вместе с тем треть — 38,7 тыс. чел. (30,6 %) самозаняты.

Таблица 6. Структура занятых в экономике по месту основной работы в 2012 г. (в процентах)

	Всего	в том числе имели основную работу			
		на предприятии, в организации со статусом юридического лица	в сфере предпринимательской деятельности без образования юридического лица	по найму у физических лиц, индивидуальных предпринимателей, в фермерском хозяйстве	в собственном домашнем хозяйстве по производству продукции сельского, лесного хозяйства, охоты и рыболовства для реализации
Российская Федерация	100	82,8	4,2	10,6	2,3
Южный федеральный округ	100	76,7	7,0	12,9	3,4
Республика Калмыкия	100	69,4	8,6	16,7	5,4

Источник: [Труд и занятость в России 2013: 107–108].

В процентном отношении видно, что ЮФО превышает общероссийских показатели и т. н. самозанятость в Калмыкии значительно превышает показатели по ЮФО.

Таблица 7. Численность занятых в экономике по фактической продолжительности рабочей недели в 2012 г.

	Всего, тыс. человек	в том числе								Отработано в неделю в среднем на одного занятого, часов
		отработали часов в неделю							временно отсутствовали	
		менее 9	9–15	16–20	21–30	31–40	41–50	51 и более		
Российская Федерация	71545,4	376,6	696,0	995,8	1586,1	61558,3	2957,3	1302,5	2072,9	38,1
Южный федеральный округ	6559,6	49,8	78,0	128,3	187,5	5428,9	420,7	121,1	145,3	38,2
Республика Калмыкия	126,2	0,7	2,3	5,7	5,9	99,3	7,6	0,7	4,0	36,6

Источник: [Труд и занятость в России 2013: 116–117].

В 2012 г. в Калмыкии из 126,2 тыс. чел. занятых — 99,3 тыс. (78,6 %) работали от 31 до 40 часов в неделю, показатели отработанных часов в среднем на одного занятого несколько ниже общероссийского уровня и уровня ЮФО.

Таблица 8. Численность безработных и уровень безработицы по полу в 2012 г.

	Численность безработных, тыс. человек			Уровень безработицы, процентов		
	всего	в том числе		всего	мужчины	женщины
		мужчины	женщины			
Российская Федерация	4130,7	2250,0	1880,7	5,5	5,8	5,1
Южный федеральный округ	433,9	236,4	197,5	6,2	6,4	5,9
Республика Калмыкия	19,1	11,6	7,4	13,1	15,2	10,8

Источник: [Труд и занятость в России 2013: 123, 129].

В Республике Калмыкия уровень безработицы в 2012 г. более чем вдвое превышал общероссийский показатель и ЮФО, особенно значительно данный показатель был превышен у мужчин (15,2 %), также значительны были показатели безработицы у женщин (10,8 %).

Таблица 9. Численность не занятых трудовой деятельностью граждан, зарегистрированных в государственных учреждениях службы занятости в 2012 г.

	Численность не занятых трудовой деятельностью граждан, зарегистрированных в государственных учреждениях службы занятости – всего, тыс. человек	из них признано безработными		Из числа безработных назначено пособие по безработице		Заявленная потребность в работниках, тыс. человек	Нагрузка незанятого населения на одну заявленную вакансию, человек	Уровень зарегистрированной безработицы, в процентах от экономически активного населения
		тыс. человек	в процентах	тыс. человек	в процентах			
Российская Федерация	1185,4	1064,7	89,8	876,3	82,3	1298,3	0,9	1,4
Южный федеральный округ	84,2	68,8	81,7	62,6	91,0	131,5	0,6	1,0
Республика Калмыкия	3,3	3,2	98,8	2,8	87,9	1,0	3,4	2,2

Источник: [Труд и занятость в России 2013: 173, 179].

В Республике Калмыкия уровень безработицы в 2012 г. более чем вдвое превышал В 2012 г. в Калмыкии 3,3 тыс. чел. не занятых трудовой деятельностью граждан были зарегистрированы в государственных учреждениях службы занятости, из них 3,2 тыс. (98,8 %) чел. были признаны безработными. Нагрузка незанятого населения на одну вакансию составила 3,4 чел., что превышало общероссийский и ЮФО показатели.

Таблица 10. Среднегодовая численность занятых в экономике (тыс. чел.)

	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Республика Калмыкия	115,5	115,7	115,7	114,5	114,1	114,0	113,6	113,0

Источник: [Труд и занятость в России 2013: 216].

Как отмечается в сборнике Росстата, существуют методологические расхождения при формировании данных о численности занятого населения, указанных в предыдущих таблицах, и среднегодовой численности занятых. В среднегодовой численности занятых не учитываются лица, отсутствовавшие на работе в связи с отпуском по беременности и родам и по уходу за ребенком до достижения им возраста 1,5 лет, и военнотру-

жащие, но учитываются лица, находившиеся в длительном неоплачиваемом отпуске по инициативе работодателя, и трудовые мигранты. Данная информация по субъектам Российской Федерации сформирована не по месту проживания, а по месту работы [Труд и занятость в России. 2013: 206].

В 2005–2012 гг. происходит постепенное

снижение среднегодовой численности занятых в экономике Республики Калмыкия, что объясняется как общим снижением численности населения республики в указанный период, обусловленным социально-демографическими причинами (миграция, старение населения), так и проблемами экономического характера.

Таблица 11. Структура среднегодовой численности занятых в экономике по формам собственности в 2012 г. (в процентах)

	Всего	в том числе по формам собственности					
		государственная	муниципальная	частная	собственность общественных и религиозных организаций (объединений)	смешанная российская	иностранная, совместная российская и иностранная
Российская Федерация	100	18,4	10,3	59,7	0,5	6,0	5,1
Южный федеральный округ	100	14,3	12,2	65,8	0,4	4,3	3,0
Республика Калмыкия	100	22,9	16,8	55,2	0,4	3,9	0,8

Источник: [Труд и занятость в России 2013: 219].

Структура среднегодовой численности занятых в экономике по формам собственности в Республике Калмыкия свидетельствует о более значительной занятости в государственном и муниципальном секторе экономики, которая превышает общероссийский и ЮФО показатели. В целом, как и

по стране, превалирует частная форма собственности, однако ее доля ниже (55,2 %), чем в России в целом и ЮФО. Иностранная или совместная с иностранной формы собственности ничтожна, что объясняется практически полным отсутствием иностранных инвестиций в экономике региона.

Таблица 12. Межрегиональная трудовая миграция в Российской Федерации (в среднем за год; тыс. чел.)

	Численность занятого населения, выезжающего на работу в другие субъекты Российской Федерации					Численность занятого населения, въезжающего на работу в субъект Российской Федерации				
	2005	2009	2010	2011	2012	2005	2009	2010	2011	2012
Республика Калмыкия	3,7	11,5	11,9	11,9	16,1	1,1	...	0,1	0,8	1,4

Источник: [Труд и занятость в России 2013: 348].

Сведения о межрегиональной трудовой миграции представлены по материалам выборочных обследований населения по проблемам занятости за 2005–2012 гг. Численность занятого населения, выезжающего на работу в другие субъекты Российской Федерации, рассчитана по данным ответов респондентов на вопрос о месте нахождения основной работы (на территории субъекта — места проживания респондента или на территории другого субъекта РФ), а численность занятого населения, въезжающего на

территорию субъекта Российской Федерации, — по данным ответа респондентов на вопрос о названии региона, в который они выезжают на работу [Труд и занятость в России. 2013: 307].

Как видно из табл. 12, в Республике Калмыкия численность занятого населения, выезжающего на работу в другие субъекты Российской Федерации, стабильно держалась на уровне 11–12 тыс. чел. в 2009–2011 гг., в 2012 г. достигла 16,1 тыс. чел.

Таблица 13. Среднегодовая численность занятых в экономике Республики Калмыкия по видам экономической деятельности (тыс. чел.)

	2009	2010	2011	2012
Всего	114,1	114,0	113,6	113,0
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	28,4	28,2	28,5	28,9
Рыболовство, рыбоводство	0,6	0,7	0,7	1,0
Добыча полезных ископаемых	0,5	1,1	1,8	1,4
Обрабатывающие производства	5,0	4,9	5,0	5,0
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	4,1	4,1	4,1	4,1
Строительство	4,9	5,0	4,9	4,9
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	12,6	12,7	12,6	12,7
Гостиницы и рестораны	2,4	2,5	2,5	2,5
Транспорт и связь	8,2	7,9	7,6	7,8
Финансовая деятельность	1,1	1,2	1,2	1,1
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	3,8	3,4	3,8	3,9
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	12,1	12,3	11,8	11,4
Образование	14,7	14,1	13,9	13,6
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	10,2	10,3	10,1	9,7
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	5,3	5,2	4,9	4,8

Источник: [Труд и занятость в России 2013: 513].

Среднегодовая численность работников организаций определяется путем суммирования среднесписочной численности работников за все месяцы года и деления полученной суммы на 12. Среднесписочная численность работников организаций за месяц исчисляется путем суммирования списочной численности работников за каждый календарный день месяца и деления полученной суммы на число календарных дней месяца [Труд и занятость в России. 2013: 206].

Из таблицы 13 видно, что основными видами экономической деятельности по занятости населения в Республике Калмыкия продолжают оставаться сельское хозяйство (28,9 %), сфера образования (13,6 %), оптовая и розничная торговля (12,7 %), государственное управление (11,4 %), здравоохранение и предоставление социальных услуг (9,7 %), транспорт и связь (7,8 %). К примеру, занятость в сфере обрабатывающих производств и строительства составляет только 5 %, добычи полезных ископаемых — 1,4 %.

В заключение приходим к следующему выводу. Анализ официальной статистиче-

ской информации по занятости населения Республики Калмыкия в 2005–2012 гг. показал, что в республике отмечаются как общие тенденции, характерные для регионов ЮФО и Российской Федерации в целом (например, сокращение численности населения в трудоспособном возрасте), так и особенности, связанные с социально-экономическим развитием региона. Отмечаются особенности занятости по возрастным группам, по уровню образования (высока доля работающих с высшим образованием), выше общероссийского ЮФО уровень занятости в государственном и муниципальном секторе, ниже доля частного сектора экономики. В то же время до трети работающих самозаняты. В целом в названный период происходило сближение показателей занятости с общероссийским уровнем, постепенно снижалась безработица. Вместе с тем устойчивой оставалась тенденция межрегиональной трудовой миграции за пределы республики. Особенности региона в области занятости населения определяют и государственную политику властей республики в указанной сфере.

Источники

- Закон РФ «О занятости населения в Российской Федерации» от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 (ред. 22.12.2014) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.02.2015).
- Труд и занятость в России. 2013: Стат. сб. / Росстат. М. 2013. 661 с.

Литература

- Бадмаева Н. В., Иджаева Б. В. Демографический и трудовой потенциалы населения Республики Калмыкия // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 1. С. 138–144.
- Голенкова З. Т., Игитхян Е. Д., Орехова И. М., Черевко Ю. В. Трудовая занятость в регионе: социальные характеристики и тенденции развития // Россия реформирующаяся. Ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков. Вып. 8. М.: Ин-т социологии РАН. 2009. С. 169–183.
- Гунаев Е. А. Развитие малого и среднего предпринимательства и обеспечение трудоустройства и занятости молодежи (на примере Республики Калмыкия) // Современное развитие регионов и муниципальных образований России: экономические, социальные и политические аспекты (к 90-летию Республики Бурятия): Мат-лы Всерос. научн-практ. конф. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета. 2013. 212 с. (С. 168–171).
- Иванова Н. А., Зуева Е. Г. Непостоянная занятость на российском рынке труда // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 13 (149). С. 159–164.
- Капустин Е. И. Уровень, качество и образ жизни населения России / Ин-т экономики РАН. М.: Наука. 2006. 324 с.
- Намруева Л. В. Трудовая занятость молодежи. Раздел I. Молодежь Калмыкии: социальный статус, социальная стратификация // Современные социокультурные процессы в моло-

дежной среде Республики Калмыкия. Колл. монография. Элиста: КИГИ РАН. 2014. 300 с. (с. 38–48).

- Рофе А. И. Экономика труда: учебник. М.: КноРус. 2010. 400 с.
- Современное общество и труд: Сб. науч. ст. / ред. кол. Р. В. Карапетян (отв. ред.), А. А. Русалинова, О. А. Таранова. СПб.: Издат. центр экономич. ф-та СПбГУ. 2014. 909 с.
- Социальные проблемы трудовой занятости в регионах Российской Федерации. М.: Ин-т социологии РАН. 2009. 99 с.
- Тощенко Ж. Т., Цветкова Г. А. Социология труда. Учебник для вузов. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга. 2012. 464 с.
- Трудовые отношения: состояние и тенденции развития в России: сб. науч. ст. / ред. кол.: В. А. Ядов (отв. ред.) [и др.]. Самара: Изд-во «Самарский университет». 2013. 264 с.
- Убушаев М. Б. Совершенствование региональной инфраструктуры рынка труда: автореф. дис. ... канд. экон. наук / ФГБОУ ВПО КалмГУ. Волгоград. 2006. 23 с.
- Чеканов А. Е. Управление занятостью населения в условиях трансформации социально-трудовых отношений: автореф. дис. ... канд. экон. наук / ФГБОУ НИИ труда Мин-ва труда и соц. защиты РФ. М. 2014. 27 с.
- Шаринова Г. А. Состояние рынка труда в современных условиях на примере Республики Калмыкия // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 4 (29). Ноябрь. С. 158–161.
- Экономика и социология труда: (социально-трудовые отношения): Учебник / под ред. В. А. Гаги. Томск: Изд-во Томского госуниверситета. 2008. 340 с.
- Эрендженова Д. Б. Исследование современного состояния регионального рынка труда Республики Калмыкия // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2008. № 2. С. 120–123.

Sources

- [Federal Law of the Russian Federation of 19 April 1991 No. 1032-1 (as Amended on 22 December 2014) 'On Employment of Population in the Russian Federation']. At: Consultant Plus Legal Information Resource Complex. An Internet resource: <http://www.consultant.ru> (accessed: February 10, 2015). (In Russ.)
- [Labor and Employment in Russia: 2013]. Statistical digest. Moscow: Russian Federal State Statistics Service (Rosstat), 2013. 661 p. (In Russ.)

References

- [Economics and Sociology of Labor]. Coursebook. V. A. Gaga (ed.). Tomsk: Tomsk State University, 2008. 340 p. (In Russ.)
- [Employment Relations in Russia: Present-Day Conditions and Development Trends]. Coll. papers. V. A. Yadov et al. (eds.). Samara: Samara State University Press, 2013. 264 p. (In Russ.)
- [Modern Society and Labor]. Coll. papers. R. V. Karapetyan et al. (eds.). St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2014. 909 p. (In Russ.)
- [Regions of the Russian Federation: Social Problems of Employment]. Moscow: Institute of Sociology (RAS), 2009. 99 p. (In Russ.)
- Badmaeva N. V., Idzhaeva B. V. Demographic and employment potentials of the population of the Republic of Kalmykia. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2013. No. 1. Pp. 138–144. (In Russ.)
- Chekanov A. E. [Employment Management in the Context of Transforming Social and Labor Relations]. Cand.Sc. (economics) thesis abstract. Federal Institute for Labor Research. Moscow, 2014. 27 p. (In Russ.)
- Erendzhenova D. B. Kalmykia's labor market: a case study. *Izvestiâ Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo èkonomičeskogo universiteta*. 2008. No. 2. Pp. 120–123. (In Russ.)

- Golenkova Z. T., Igitkhanyan E. D., Orekhova I. M., Cherevko Yu. V. Regional employment: social characteristics and development trends. In: [Russia Reformed: Yearbook]. M. K. Gorshkov (ed.). Vol. 8. Moscow: Institute of Sociology (RAS), 2009. Pp. 169–183. (In Russ.)
- Gunaev E. A. Small and medium enterprise development: securing employment of the youth (a case study of the Republic of Kalmykia). In: [Present-Day Development of Russia's Regions and Municipalities: Economic, Social and Political Aspects]. Conf. proc. Ulan-Ude: Buryat State University, 2013. Pp. 168–171. (In Russ.)
- Ivanova N. A., Zueva E. G. Irregular employment in Russia. *Vestnik of the Orenburg State University*. 2012. No. 13 (149). Pp. 159–164. (In Russ.)
- Kapustin E. I. [Population of Russia: Living Standards and Styles]. Institute of Economics (RAS). Moscow: Nauka, 2006. 324 p. (In Russ.)
- Namrueva L. V. Youth employment. Part 1. Kalmykia's youth: social status, social stratification. In: [Kalmykia's Youth: Contemporary Sociocultural Processes]. Joint monograph. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute of RAS, 2014. Pp. 38–48. (In Russ.)
- Rofe A. I. [Economics of Labor]. Coursebook. Moscow: Knorus. 2010. 400 p. (In Russ.)
- Sharinova G. A. The labor market status in the modern conditions on the example of the Republic of Kalmykia. *Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute*. 2014. No. 4 (29). November. Pp. 158–161. (In Russ.)
- Toshchenko Zh. T., Tsvetkova G. A. [Sociology of Labor]. Coursebook. Moscow: Center of Social Forecasting and Marketing, 2012. 464 p. (In Russ.)
- Ubushaev M. B. [Improving Regional Labor Market Infrastructures]. Cand.Sc. (economics) thesis abstract. Kalmyk State University. Volgograd, 2006. 23 p. (In Russ.)

ЭТНИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА РАССЕЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КАЛМЫКИЯ

The Structure of Ethnic Dispersion in the Republic of Kalmykia

Н. В. Бадмаева (N. Badmaeva)¹, Б. В. Иджаева (B. Idzhaeva)²

¹ младший научный сотрудник Центра мониторинга общественного мнения отдела социально-политических и экологических исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Researcher of the Public Opinion Monitoring Center of the Social, Political and Ecological Studies Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: nbadmaeva@rambler.ru.

² младший научный сотрудник Центра мониторинга общественного мнения отдела социально-политических и экологических исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Researcher of the Public Opinion Monitoring Center of the Social, Political and Ecological Studies Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: ibaira@list.ru.

В статье рассматриваются особенности расселения этнических групп в Республике Калмыкия. На основе анализа статистических материалов исследуется этническая структура региона, распределение этнических групп в районах республики и г. Элисте.

Ключевые слова: социальная дифференциация, этническая структура региона, расселение, расселенческий фактор, миграция, этнические группы.

To give a complete description of society it is necessary to determine the characteristics of the ethnic dispersion structure of a particular territory and to analyze its spatial and demographic changes. In this regard, the article considers the features of the dispersion process of ethnic groups in the Republic of Kalmykia. Based on the analysis of statistical materials, the article examines the ethnic structure of the region, the distribution of ethnic groups in the republic. The ethnic composition of the Republic of Kalmykia, as in other regions of the country is rather complex. According to the Russian Census of 2010, the population of the republic is 289,481 people who are representatives of more than 91 nationalities. Analyzing the process of ethnic dispersion in the multinational region one can adequately determine the causes of socio-political and cultural phenomena. It is also important to take into account spatial development of ethnic processes which can, to a greater extent, have a positive influence on the implementation of regional policy.

Keywords: social differentiation, ethnic structure of the region, settlement, settlement factor, migration, ethnic groups.

Для полной характеристики социума необходимо выявление особенностей структуры расселения на той или иной территории, анализ пространственно-демографических изменений, происходивших на ней. Фактор расселения, являющийся одной из причин социальной дифференциации населения, проявляется на различных уровнях — межгосударственном, межрегиональном, региональном. Различия в доходах и возможностях населения внутри одного региона, сельских и городских территорий, получили название поселенческой дифференциации и оказывают влияние на структуру социального неравенства в том или ином регионе.

Население Республики Калмыкия, как и население других регионов страны, имеет сложный этнический состав. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в республике проживает 289481 человек,

которые являются представителями более 90 национальностей. Самыми многочисленными этническими группами в республике являются калмыки (162,7 тыс. чел.) и русские (85,7 тыс. чел.), а также казахи (4,9 тыс. чел.), украинцы (1,5 тыс. чел.), немцы (1, 1 тыс. чел.), народности Дагестана (11,6 тыс. чел.), чеченцы (3,3 тыс. чел.), турки-месхетинцы (3,6 тыс. чел.) и др. [Национальный состав... 2010]. Современную миграционную ситуацию невозможно рассматривать отдельно, без учета исторических факторов. Республика Калмыкия не всегда была многонациональным регионом, сложный этнический состав населения региона является результатом миграционных процессов [Бадмаева 2014: 167].

Этническая структура выражается соотношением количества этнических групп, проживающих на данной территории, и длительности их проживания.

Проблема изучения этнической структуры республики привлекала внимание многих авторов. В историческом развитии этноконфессиональная структура рассматривалась в работах Л. В. Оконовой [Оконова 2014], В. И. Колесника [Колесник 1997], современный этап представлен в статье М. Б. Марзаевой [Гунаев, Марзаева, Намруева 2014]. Этносоциальная и этнодемографическая структура населения республики рассмотрена в исследованиях Н. Г. Очировой [Очирова 2014], Л. В. Намруевой [Гунаев, Марзаева, Намруева 2014], С. С. Бело-

усова [Белоусов 2013], Е. А. Гунаева [Гунаев 2012, 2014] и др. В данной статье рассматривается этнический состав населения в районах Калмыкии и городе Элисте.

Размещение этнических групп в районах Калмыкии и городе Элисте рассмотрим по таким показателям, как их удельный вес в общей численности этнических групп в республике (табл. 1) и удельный вес представителей этнических групп в общей численности населения района и общей численности населения столицы республики (табл. 2) [Население по национальности...2013: 14–136].

Таблица 1. Удельный вес этнических групп в районах Калмыкии и городе Элисте в их общей численности в республике

Районы	Калмыки	Русские	Даргинцы	Казахи	Чеченцы	Турки-месхетинцы
Городской округ города Элисты	44	31,5	3	13,6	6,4	0,1
Городовиковский	2,7	11,7	0,3	0,4	1,6	30,1
Ики-Бурульский	4,8	1,3	22,8	0,9	2,8	-
Кетченеровский	5,7	1,02	13	1,4	3,1	-
Лаганский	6,7	7,1	2	27,6	3,7	-
Малодербетовский	3,4	5,03	1,8	0,4	3,2	-
Октябрьский	3,8	2	1,7	1,5	4,1	-
Приютненский	2,2	7,6	9,1	0,4	6,9	-
Сарпинский	2,7	9,3	8,4	0,6	14,1	-
Целинный	7,3	7,5	8,7	1,7	10,7	-
Черноземельский	4,6	1,9	21,1	7,8	19,5	0,03
Юстинский	5,03	1,1	0,5	23,5	0,4	0,03
Яшалтинский	1,02	10,8	6,5	0,5	11,2	69,7
Яшкульский	6	2,7	12,7	19,6	14,1	0,03

Районы	Аварцы	Украинцы	Корейцы	Азербайджанцы
Городской округ города Элисты	3,2	31,7	16,4	36,7
Городовиковский	2,2	19	7,7	6,6
Ики-Бурульский	5,6	1,6	3,2	4,2
Кетченеровский	0,04	1,1	1,7	1,6
Лаганский	5,4	2,7	2,5	6,8
Малодербетовский	0,3	1,6	3,4	3,3
Октябрьский	0,2	5,2	50,7	2
Приютненский	0,3	3,5	0,3	3,8
Сарпинский	0,2	6,3	1,1	6,4
Целинный	2,04	7,7	2,5	3
Черноземельский	39,7	1,8	0,6	1,6
Юстинский	0,04	1,1	6,03	0,4
Яшалтинский	29,5	13,1	1,3	19,2
Яшкульский	11,2	3,6	2,5	4,5

Данные, представленные в таблице, показывают, что в значительном большинстве калмыки и русские, а также украинцы и азербайджанцы, представлены в столице республики, остальные этнические группы преимущественно представлены в районах Калмыкии: даргинцы и аварцы — в Ики-Бу-

рульском и Черноземельском районах, казахи — в Юстинском, Лаганском и Яшкульском районах, чеченцы — в Черноземельском, Сарпинском и Яшкульском районах, турки-месхетинцы — в Городовиковском и Яшалтинском районах, корейцы — в Октябрьском районе.

Таблица 2. Удельный вес представителей этнических групп в общей численности районов и города Элисты

Районы	Калмыки	Русские	Даргинцы	Казахи	Чеченцы	Турки-месхетинцы
Городской округ города Элисты	66,1	24,9	0,2	0,6	0,2	0,003
Городовиковский	24,9	57,9	0,2	0,12	0,3	6,4
Ики-Бурульский	68,8	9,4	15,1	0,4	0,8	-
Кетченеровский	87,8	8,2	0,95	0,6	0,98	-
Лаганский	54,6	30,4	0,7	6,8	0,6	-
Малодербетовский	53,3	40,9	1,3	0,2	1,01	-
Октябрьский	65,3	18,1	1,4	0,8	1,5	-
Приютненский	31,3	68,7	5,9	0,2	2	-
Сарпинский	31,7	57,5	4,6	0,2	3,4	-
Целинный	58,9	31,9	3,3	0,4	1,8	-
Черноземельский	56,6	12,2	12,1	2,9	4,9	0,01
Юстинский	77,4	8,7	0,4	11	0,1	0,01
Яшалтинский	9,7	53,9	2,9	0,2	2,2	14,9
Яшкульский	63,8	15	6,3	6,4	3,1	0,01

Районы	Аварцы	Украинцы	Корейцы	Азербайджанцы
Городской округ города Элисты	0,1	0,4	0,2	0,3
Городовиковский	0,3	1,7	0,6	0,3
Ики-Бурульский	1,2	0,2	0,4	0,3
Кетченеровский	0,01	0,2	0,2	0,1
Лаганский	0,6	0,2	0,2	0,3
Малодербетовский	0,07	0,2	0,4	0,2
Октябрьский	0,04	0,8	7,2	0,2
Приютненский	0,1	0,5	0,03	0,2
Сарпинский	0,04	0,7	0,1	0,4
Целинный	0,2	0,6	0,2	0,1

Как видим, в четырех районах республики калмыки являются второй по численности этнической группой. Больше половины населения в Городовиковском, Приютненском, Сарпинском и Яшалтинском районах составляют русские, значительные их группы также компактно проживают в городе

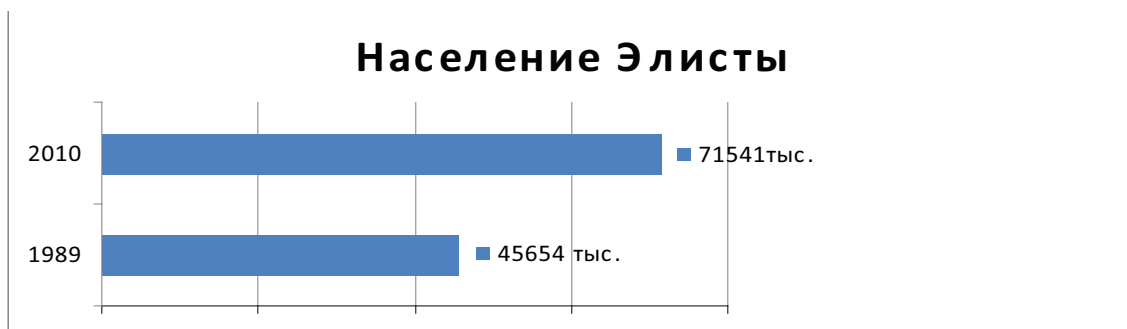
Элисте, Лаганском, Малодербетовском и Целинном районах. Эти районы являются местами традиционного проживания русского населения еще с середины XIX в.

Отметим также и тот факт, что представители титульной национальности в большей степени перемещаются внутри

республики. Абсолютный и относительный рост численности калмыцкого населения в целом по республике происходил на фоне неуклонного снижения его численности в районах. Абсолютная убыль калмыцкого населения резко контрастирует с быстрым

ростом его численности в городе Элисте, где за период между переписями 1989 и 2010 гг. оно увеличилось с 45654 до 71541 человек, а его удельный вес — с 49,6 % до 66,1 % [Национальный состав... 1991: 6; Национальный состав... 2013: 14].

Диаграмма 1. Изменение численности калмыков в городе Элисте по результатам переписей 1989 и 2010 гг.



В начале XXI в. на динамику численности калмыцкого народа стали влиять трудовые миграции за пределы республики, преимущественно в мегаполисы — г. Москву и г. Санкт-Петербург.

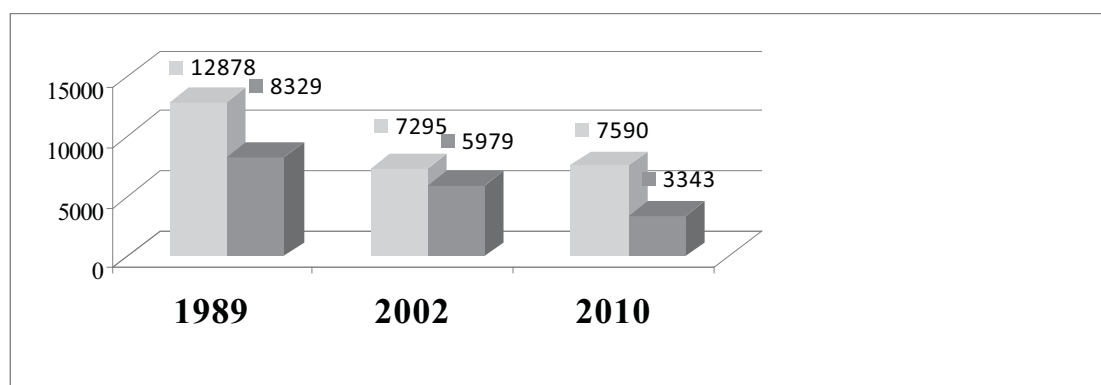
Если в демографической картине региона доли отдельных этносов невелики, то на локальном уровне в силу компактного расселения и наличия элементов анклавизации их представительство может быть значительным. Примером могут служить компактные поселения народов Северного Кавказа в районах республики, граничащих с территориями их исхода.

В 1960–1980-е гг. в Калмыкии сформировались многочисленные диаспоры народов Северного Кавказа. Кризис в животноводстве, где преимущественно были

заняты представители этих народов, многих из них заставил вернуться на свою историческую родину [Белоусов 2013: 234]. В результате удельный вес народов Северного Кавказа в общей массе населения республики к 2002 г. снизился до 6,1 %, при этом численность даргинцев между переписями 1989 и 2002 гг. сократилась с 12878 до 7295 человек, а чеченцев — с 8329 до 5979 человек [Народы Калмыкии... 2010: 66].

По результатам переписи 2010 г., численность даргинцев увеличилась до 7590 человек, а чеченцев по сравнению с результатами переписи 2002 г. сократилась до 3343 человек (см. диаграмму: светлым цветом обозначены даргинцы, темным — чеченцы).

Диаграмма 2. Изменение численности даргинцев и чеченцев по результатам переписей 1989 и 2010 гг.



Тем не менее в Калмыкии даргинцы продолжают оставаться третьей по численности этнической группой, компактно проживающей в ее юго-восточной части: в Ики-Бурульском, Черноземельском и Яшкульском районах, где они составляют, соответственно, 15,1 %, 12,1 % и 6,3 % населения [Народы Калмыкии... 2010: 67].

Е. А. Гунаев отмечает, что чеченское население проживает во всех районах республики, но основная масса расселена в ее восточных и западных районах, в которых они составляют заметную группу населения [Гунаев 2012: 285]. Наиболее крупные их диаспоры проживают в Черноземельском (653 чел., или 7,2 % населения района), Яшкульском (471 чел., или 4,6 %), Сарпинском (471 чел., или 4,6 %), Целинном (351 чел., или 3,4 %), Приютненском (232 чел., или 4,7 %), Яшалтинском (373 чел., или 2,9 %) районах и городе Элисте (214 чел., или 0,6 %) [Население по национальности... 2013].

С началом боевых действий в декабре 1994 г. из Чечни в Калмыкию хлынул поток беженцев, большинство из которых разместились у своих родственников на фермах и животноводческих стоянках. По данным Миграционной службы Калмыкии, в конце 1995 г. в республике на учете состояли 3147 беженцев из Чечни и более 5,5 тысяч проживали незарегистрированными у своих родственников и земляков. По мере завершения активной фазы военных действий в Чечне беженцы стали возвращаться на свою родину. Переписи 2002 и 2010 гг. зафиксировали уменьшение численности чеченского населения, соответственно, до 5 979 человек и 3 343 человек (в 1989 г. — 8 329 чел.) [Белоусов 2013: 235].

Таким образом, статистические данные, отражающие национальный состав населения, в большинстве случаев определяют примерное соотношение населяющих республику этнических групп.

Многие из них сосредоточены главным образом в приграничных районах. В юго-восточных районах республики (Черноземельский, Ики-Бурульский) крупные общины этнических групп проживают в сельской глубинке. В целом можно говорить о том, что приграничная с Дагестаном зона представляет собой особый социум — значительную долю в ней составляют выходцы из сопредельного региона. Отметим также, что относительно доли вынужденных мигран-

тов в республике наблюдаются существенные различия. Их определяют Яшалтинский и Городовиковский районы, которые с 1989 г. стали принимать турок-месхетинцев.

Таким образом, изучение расселения в многонациональном регионе позволяет определять причины социально-политических и культурных явлений. Учет пространственного развития этнических процессов может способствовать более эффективному осуществлению региональной политики.

Литература

- Бадмаева Н. В. Влияние миграционных процессов на социальную структуру региона (на примере Республики Калмыкия) // Развитие региона как социальной системы: социально-экономические индикаторы и показатели: Моногр. под общ. ред. О. В. Байдаловой. Волгоград: Волгогр. научн. изд-тво, 2014. С. 166–180.
- Белоусов С. С. Трансформация этнической структуры Республики Калмыкия в 1990–2010-е гг. // Этнокультурное пространство Юга России (XVIII–XXI вв.): Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар: Традиция, 2013. С. 231–239.
- Гунаев Е. А. Этнодемографические характеристики чеченской диаспоры в Республике Калмыкия // Россия и Кавказ: история и современность: Сб. мат-лов Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 1150-летию зарождения российской государственности (г. Грозный, 19–20 июня 2012 г.). Махачкала: АЛЕФ, 2013. 820 с.
- Гунаев Е. А., Марзаева М. Б., Намруева Л. В. Этнокультурная политика в мультиэтничном регионе Российской Федерации (на примере Республики Калмыкия). Элиста: КИГИ РАН, 2014. 191 с.
- Колесник В. И. Демографическая история калмыков XVII–XIX вв.: уч. пособие. Элиста: Калм. гос. ун-т, 1997. 135 с.
- Народы Калмыкии: историко-социологические очерки // Научный отчет коллективной работы Отдела социально-политических и экологических исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН: Элиста, 2010. Лл. 66, 67.
- Население по национальности и владению русским языком // Национальный состав и языки народов Калмыцкой АССР. Элиста, 1991. Ч. II. С. 6; Национальный состав и владение языками, гражданство: итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Элиста:

- Территор. орган Федерал. службы гос. стат. по РК, 2013. 841 с.
- Национальный состав населения (по данным переписей населения) [Электронный ресурс] // URL: <http://statrk.gks.ru> (дата обращения: 05.02.2015.)
- Оконова Л. В. Этноконфессиональная структура населения Калмыцкой степи Астраханской губернии по материалам переписи 1897 г. (в свете квантитативного подхода) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 2. С. 22–29.
- Очирова Н. Г. Современные миграционные и демографические процессы на Юге России: региональные особенности (на примере Республики Калмыкия) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 4. С. 75–83.

References

- [Ethnic Composition of Population: Soviet and Russian Censuses]. Available at: <http://statrk.gks.ru> (accessed: February 5, 2015.) (In Russ.)
- [Ethnic Composition, Language Skills, Citizenship: Outcomes of the 2010 Census]. Elista: Kalmykia Office of Rosstat, 2013. 841 p. (In Russ.)
- Badmaeva N. V. Influence of migration processes on regional social structures: a case study of the Republic of Kalmykia. In: [Developing a Region as a Social System: Socio-Economic Indicators and Variables]. Joint monograph. O. V. Baydalova (ed.). Volgograd: Volgograd Science Publ., 2014. Pp. 166–180. (In Russ.)
- Belousov S. S. Transformation of Kalmykia's ethnic structure: 1990 – 2010s. In: [Ethnocultural Environment of Southern Russia: 18th – 21st Centuries]. Conf. proc. Krasnodar: Traditsiya, 2013. Pp. 231–239. (In Russ.)
- Gunaev E. A. Ethnodemographic characteristics of Kalmykia-based Chechen diaspora. In: [Russia and the Caucasus: Past and Present]. Conf. proc. (Grozny; June 19-20, 2012). Makhachkala: ALEF, 2013. 820 p. (In Russ.)
- Gunaev E. A., Marzaeva M. B., Namrueva L. V. [Ethnocultural Policies in Russia's Multiethnic Region: a Case Study of the Republic of Kalmykia]. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute of RAS, 2014. 191 p. (In Russ.)
- Kolesnik V. I. [Demographic History of the Kalmyks: 17th – 19th Centuries]. Coursebook. Elista: Kalmyk State University, 1997. 135 p. (In Russ.)
- Ochirova N. G. Contemporary migratory and demographic processes in the south of Russia: regional peculiarities (the case study of the Republic of Kalmykia). *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2014. No. 4. Pp. 75–83. (In Russ.)
- Okonova L. V. Ethnoconfessional structure of the population of the Kalmyk steppe of Astrakhan province according to the 1897 Census (the quantitative approach). *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2014. No. 2. Pp. 22–29. (In Russ.)
- Peoples of Kalmykia: historical and sociological sketches. In: [Department for Sociopolitical and Environmental Research of Kalmyk Humanities Research Institute of RAS: Joint Scientific Report]. Elista, 2010. Pp. 66–67. (In Russ.)
- Population: nationalities and Russian language skills. In: [Kalmyk ASSR: Ethnic Composition and National Languages]. Elista, 1991. Part II. P. 6. (In Russ.)

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ УЧАЩИХСЯ — СЕЛЬСКИХ МИГРАНТОВ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ САХА – ЯКУТИЯ)

Demographic Factors for Social Adaptation of Rural Migrant Students of Indigenous Ethnic Minorities of the North (the Sakha (Yakutia) Republic)

А. Г. Томаска (А. Tomaska)¹

¹научный сотрудник сектора этносоциологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СОРАН (Researcher of the Sector of Ethnosociology at the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the RAS).

В статье анализируются первичные социологические данные, собранные среди учащихся в городских условиях сельских мигрантов из коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) в городах Якутск, Нерюнгри и Алдан. Для анализа демографических факторов адаптации рассматривается гендерный состав мигрантов, сравниваются брачные и репродуктивные установки молодых респондентов. Анализ состава учащихся мигрантов показал наличие гендерного дисбаланса — большую миграционную активность молодых женщин, хотя в последние годы несколько увеличилась доля молодых мигрантов мужского пола. По результатам анкетного обследования групп молодежи, обучающейся в различных учебных заведениях, выявлены отличия в брачных установках и репродуктивных ориентациях.

Ключевые слова: сельские мигранты, молодежь коренных малочисленных народов Севера, социальная адаптация, гендер, демографические факторы, брачные и репродуктивные установки.

When studying social adaptation, it is vital to review the factors affecting the process and the strategies of social adaptation. Scientific literature encompasses a large number of approaches to adaptation factor analysis. This article deals with the demographic factors affecting the formation of the directions of social adaptation for the youth of indigenous ethnic minorities of the North who study in urban environment.

The article presents analysis of the primary sociological data collected among the youth of indigenous ethnic minorities of the North who study in urban environment in the Sakha (Yakutia) Republic in the cities of Yakutsk, Neryungri and Aldan. The empirical data was gathered through the questionnaire survey method by multistage quote (proportional) sampling. The related quote sample selection attributes include gender, age, educational institution type, ethnicity, and year of studies.

The following demographic factors are reviewed for the analysis of social adaptation: migrants' gender, marital and reproductive attitudes of the young respondents. The factors for their demographic adaptation (i.e. age, marital and reproductive attitudes) are inherently controversial. On the one side, the youth has undoubtedly high adaptation potential owing to their age. On the other side, the reviewed socio-demographic group lacks any experience of adaptation and interaction with urban environment.

The analysis of migrant students revealed gender imbalance, i.e. high migration activity of young women, although the proportion of young male migrants has increased over recent years. The results of the questionnaire survey demonstrated the differences in marital and reproductive attitudes between school students, college (secondary vocational educational institutions) students, and university students.

Keywords: rural migrants, youth of indigenous ethnic minorities of the North, social adaptation, gender, demographic factors, marital and reproductive attitudes.

Вопросы адаптации молодежи коренных малочисленных народов Севера и Арктики к меняющимся условиям, проблемы их занятости, образования, миграции в последнее время вызывают интерес многих исследователей [Роббек 2011; Баишева и др.

2012; Винокурова, Филиппова 2008; Культура Арктики 2014].

При изучении социальной адаптации учащейся молодежи коренных малочисленных народов Севера, необходимо рассмотреть факторы, влияющие на процесс

и стратегии социальной адаптации. В Российской социологической энциклопедии термин «фактор» (от лат. factor — делающий, производящий) поясняется как причина, движущая сила какого-либо явления, процесса, определяющая его характер или отдельные его черты [Российская социологическая 1999]. Рассматривая адаптацию как один из механизмов социализации, П. А. Чукреев отмечает, что действие этих механизмов определяется множеством факторов — таких, как общество и процессы, происходящие в нем, а также отдельные группы и социальные институты (семья, трудовые коллективы, социальная среда, средства массовой информации) [Чукреев 2010: 174].

В научной литературе выявляется ряд подходов к анализу факторов адаптации. С. И. Журавлева выделяет четыре подхода:

- 1) анализ одного конкретного фактора;
- 2) анализ нескольких факторов (без последующего объединения их в группы);
- 3) анализ групп факторов;
- 4) системный подход к анализу факторов [Журавлева 2005].

П. С. Кузнецов определяет факторы адаптации как исторически сформированные и социально обусловленные формы и способы реализации потребностей, жизненных нужд человека: «Понятно, что учесть все факторы, влияющие (или могущие повлиять) на процесс адаптации, невозможно даже теоретически. Мы считаем, что в этом нет необходимости, поскольку определяют адаптацию не все факторы сразу, а только небольшая их часть, соответствующая актуализированным потребностям» [Кузнецов 2000: 174].

Факторы и условия, определяющие стратегии адаптации учащейся молодежи из коренных малочисленных народов Севера в городских условиях, разделяются на следующие группы:

Демографические: возраст, брачные и репродуктивные установки.

Этнические: язык, культура, традиции и обычаи.

Социально-экономические: материальные и жилищно-бытовые условия.

Коммуникативные: отношения с родными, однокурсниками, одноклассниками, друзьями, соседями.

Личностные: интересы, досуг, гендерные установки, ценностные ориентиры, социально-профессиональная направленность.

В данной статье рассматриваются демографические факторы, влияющие на форми-

рование направлений стратегии социальной адаптации учащейся в городских условиях молодежи коренных малочисленных народов Севера. В демографических факторах их адаптации (возраст, брачные и репродуктивные установки) изначально заложено противоречие. С одной стороны, молодежь в силу возраста, несомненно, обладает высокими адаптационными возможностями и потенциалом. С другой — рассматриваемая социально-демографическая группа не имеет опыта адаптации и взаимодействия с городской средой.

В целом по Республике Саха (Якутия), по данным переписи 2010 г., по сравнению с переписью 2002 г. численность коренных малочисленных народов Севера увеличилась: эвенков — на 15,2 %, эвенов — на 29,3 %, долган — на 49,8 %, юкагиров — на 16,8 %, чукчей — на 11,3 %. По данным Госстатистики Республики Саха (Якутия), за период с 1979 по 2006 гг. сельское население районов проживания коренных малочисленных народов Севера сократилось на 10 % [Социально-демографическая 2007: 6].

Общей тенденцией в изменении расселения коренных малочисленных народов Севера является увеличение численности коренных малочисленных этносов, проживающих в городах. Почти у всех малочисленных этносов, кроме юкагиров, доля городского населения растет. Рост численности городского населения коренных малочисленных народов Севера обусловлен сложными социально-экономическими условиями в местах их компактного проживания. В распределении мигрантов, выбывших из села по причинам смены места жительства, кроме причин личного, семейного характера, преимущественно указываются переезды в связи с работой и учебой.

Главной причиной миграции коренных малочисленных народов Севера из мест их компактного проживания в городские поселения является низкий уровень занятости и низкие доходы. Так, по итогам Всероссийской переписи населения 2010 г., среди сельского населения коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) 37,5 % указали в качестве источника средств к существованию пособия, в том числе по безработице — 3,0 %. Если ранее коренное население в основном проживало в сельской местности, то, по данным переписи населения 2002 г., в сельской местности проживало 73,5 %, а перепись 2010 г. зафиксировала 70,8 % (см. рис. 1).



Рис. 1. Доля городского и сельского населения.

Источник: Итоги Всероссийской переписи населения 2010. Национальный состав и владение языками, гражданство. Том 4. Численность и размещение населения. 25. Население коренных малочисленных народов Российской Федерации по территориям преимущественного проживания, возрастным группам и полу. С. 2210. [Электронный ресурс] // URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-25.pdf

Гендерный состав молодых мигрантов в городские поселения по итогам анкетных опросов — 29,3 % мужчин и 70,7 % женщин (2001 г.); 35,0 % учащихся мужчин и 65,0 % женщин, получающих образование в городских поселениях (2011 г.). В данном случае дисбаланс обусловлен часто отмечаемым неравенством полов урбанизированного населения представителей коренных малочисленных народов Севера. В научных исследованиях с 1970-х гг. отмечается, что среди коренных народов Севера, проживающих в городских поселениях, имеется гендерный разрыв. Согласно проведенному нами в 2000 г. исследованию, среди урбанизированных коренных малочисленных народов Севера мужчины составили 38,2 % [Урбанизация и малочисленные народы Севера Республики Саха (Якутия) 2001: 8].

Как показали исследования семей коренных малочисленных народов Севера [Попова 2003: 48], женщины хотят жить по-новому, готовы к миграции и мигрируют активнее, готовы повышать свой образовательный статус, менять социальное положение, тогда как среди опрошенных мужчин 72 % ориентировались на традиционный уклад жизни, предпочитали оставаться в сельской местности. Но при этом жизнь в

условиях городских поселений устроила и молодых мужчин (93,3 %), и молодых женщин (94,4 %) почти в равной степени, и почти все они отмечают, что жить в городе им нравится.

Стоит также отметить, что в последние годы увеличилась доля молодых мигрантов мужского пола. Увеличение числа мужчин-мигрантов можно интерпретировать двояко. С одной стороны, оно свидетельствует о сложных социально-экономических, бытовых условиях в местах компактного проживания коренных малочисленных народов Севера, и, возможно, такой переезд является актом отчаяния и показателем катастрофической адаптации [Корель 2005: 197–201] — потребности в адаптации и невозможности ее осуществить, сопровождающейся распадом внутренней структуры: «А что делать в деревне? Кочевать и морозиться по тундре с оленями за копейку, а потом с горя пить водку?» (м. эвенк, 29 лет) — или: «Меня мама отправила учиться — лишь бы в деревне не болтался — боится, что стану алкоголиком от нечего делать. Я вообще никогда не хотел стать киномехаником. Хорошо бы учился в школе, может, выбрал какую-то другую специальность, а так любая учеба устраивает — учат и ладно» (м., эвен, 20 лет).

С другой стороны, увеличение числа мужчин-мигрантов показывает, что начинается процесс преодоления ритуалистской (несмотря на то, что культурное предписание «стараться преуспеть в этом мире» отвергается и, таким образом, горизонты сокращаются, продолжается почти безусловное соблюдение институциональных норм) и ретритистской (отвержение культурных целей и институциональных средств) адаптаций [Мертон 1992: 91], которые ранее были отмечены в их приспособлении к окружающей жизни. Миграция как стратегия адаптации показывает переход мужчин коренных малочисленных народов Севера к поиску других способов и форм приспособления: «Я обязательно хотел уехать из дома. Ничего хорошего меня там не ожидало» (м., эвен, 21 год); «У меня других вариантов кроме учебы нет, иначе – (оленье) стадо» (м., эвен, 19 лет). Реальная картина их адаптации на новом месте, к новым для них видам деятельности будет более определенной только с течением времени.

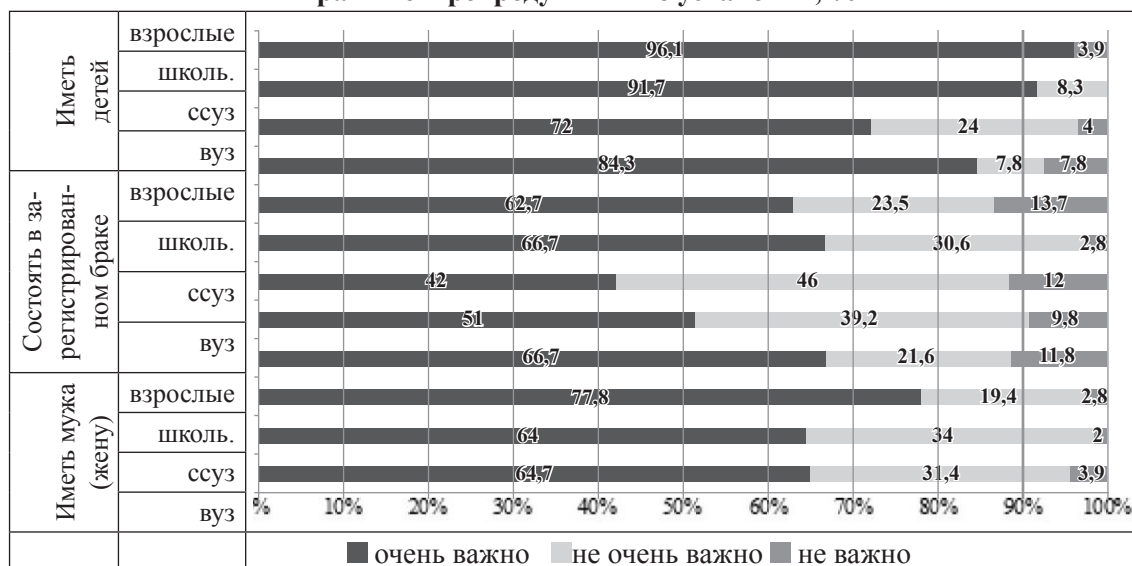
Сбор основной эмпирической информации осуществлялся методом анкетного опроса путем целевой многоступенчатой квотной (пропорциональной) выборки. Квотные связанные признаки отбора вы-

борочной совокупности: пол, возраст, тип учебного заведения, этническая принадлежность, год обучения (классы, курсы). Социологический анкетный опрос «Современная молодежь коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) в городских условиях» проводился автором в 2011 г. (n=137).

Среди опрошенных, учащихся в городских условиях коренных малочисленных народов Севера, 37,2 % составили студенты высших учебных заведений, 36,5 % — учащиеся начальных и средних специальных профессиональных учебных заведений, 26,3 % — школьники. Для сравнения были опрошены взрослые представители коренных малочисленных этносов¹.

Анализируя демографический фактор в социальной адаптации молодежи, сравним брачные и репродуктивные установки молодых людей. По результатам анкетного обследования, самые высокие ожидания относительно института брака, репродуктивных ориентаций имеет младшая группа опрошенных — школьники 17–18 лет, у которых пока имеется ограниченный социальный опыт взаимодействия с противоположным полом (см. рис. 2). Так, 77,8 % учащихся школ считают очень важным иметь супруга, 91,7 % — иметь детей.

Брачные и репродуктивные установки, %



¹ «Социальная адаптация коренных малочисленных народов Севера в условиях городских поселений» 2010–2011 гг. (n=188).

В оценке значимости брака студенты более близки по предпочтениям к взрослому населению. Студенты и высших, и средних профессиональных учебных заведений, у которых, предположительно, уже есть первый опыт отношений с противоположным полом, более осторожны в своих ожиданиях. Более того, они выражают готовность жить в гражданском браке (46,0 %, 39,3 %). Треть студентов выбирают более нейтральную позицию, когда партнер желателен, но это не принципиальный фактор. Так, 19-летняя студентка говорит: «Я боюсь сама себе признаться, что для меня это очень важно – обязательно выйти замуж. А вдруг не получится – это не так-то просто. Должна же я иметь возможность как-то себя оправдать. Типа, это не очень важно. Главное, это мое хорошее самочувствие. Я, например, не готова терпеть все – лишь бы замуж выйти» (ж. эвенкийка, 19 лет). Ценность брака для респондентов всех групп прежде всего заключается в рождении детей (79,0 %). Следующим по значимости моментом является забота и внимание со стороны супруга(-и) — 57,2 %.

Более четверти взрослых респондентов отмечают важность мононациональ-

ных браков. Они акцентируют внимание на важности взаимопонимания в семье. 36,1 % школьников, учащихся специализированной школы для детей коренных малочисленных народов Севера и Арктики, считают значимым этническую принадлежность при выборе супруга. Студенты же не придают большого значения этнической принадлежности супруга: 74,2 % студентов одобрительно относятся к межэтническим бракам и готовы вступить в них (см. рис. 3).

В интервью студенты склонны придавать межэтническим бракам адаптирующее значение и считают, что, создавая смешанные семьи, они лучше интегрируются в социальную среду, тем самым расширяют поле деятельности и стратегии социальной адаптации не только в городских условиях, но и в целом улучшают качество жизни: «Я женюсь на девочке с Заречья (центральные районы Якутии, где живет преимущественно якутское население). Потому что такая девочка не захочет ехать со мной на Север. У нас дома тяжело. Здесь же легче жить. Вот мы и обоснуемся или в Таттинском или в Чурапчинском районе, около ее родителей» (м., долган, 19 лет).

Важна ли, на Ваш взгляд, национальность при выборе супруга (супруги)?

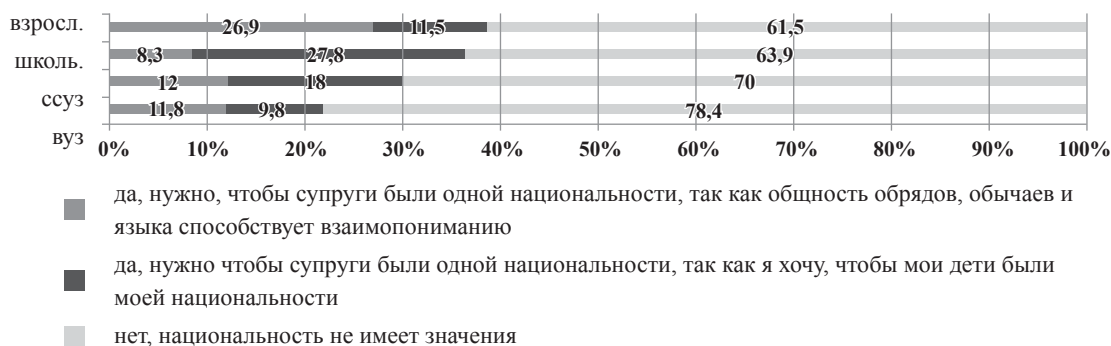


Рис. 3. Распределение ответов на вопрос *Важна ли национальность при выборе супруга (супруги), в %.*

В целом для учащейся в городских условиях молодежи коренных малочисленных этносов Севера из иерархии демографических ценностей в процессе формирования стратегий социальной адаптации характерно наличие следующих приоритетов: физическое здоровье — 95,8 %; рождение детей — 82,7 %, брачное состояние — 68,8 %, состояние в зарегистрированном браке — 53,2 %.

Таким образом, демографические факторы адаптации учащейся молодежи коренных малочисленных народов Севера в городских условиях являются одним из регуляторов адаптивного поведения, позволяют осмысливать меняющуюся новую социальную среду, формировать, и, следовательно, определять направленность их стратегий социальной адаптации.

Литература

- Баишева С. М., Донской Р. И., Константинова Т. Н., Сосин П. В., Тобуков П. З., Томаска А. Г. Этносоциальная адаптация коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия). Новосибирск: Наука, 2012. 363 с.
- Винокурова Л. И., Филиппова В. В. Социальный портрет мигрантов в пост-советской Якутии // V Диковские чтения: мат-лы науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию Первой Колымской экспедиции и 55-летию образования Магаданской области. Магадан, 18–20 марта 2008 г. Магадан: Кордис, 2008. С. 168–170.
- Журавлева С. И. Социокультурная адаптация: проблемы структурирования и классификации [Электронный ресурс] // URL: http://www.superinf.ru/view_helpstud.php?id=1877 (дата обращения: 11.12.2014).
- Итоги Всероссийской переписи населения 2010. Т. 4.
- Корель Л. В. Социология адаптаций: вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск: Наука, 2005. 424 с.
- Кузнецов П. С. Социологическая теория социальной адаптации: дис. ... д. соц. н.: 22.00.04. Саратов. 2000. 335 с.
- Культура Арктики / общ. ред. У. А. Винокуровой. Том. Вып. 1. Сер. «Культура Арктики». Якутск: Изд-во Северо-Вост. Федер. ун-та, 2014. 344 с.
- Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. Социс, 1992. № 4. С. 91.
- Население коренных малочисленных народов Российской Федерации по территориям преимущественного проживания и источникам средств к существованию [Электронный ресурс] // URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 29.11.2014).
- Попова А. Г. Современное состояние семьи коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия). Научный отчет. Якутск, 2003. 106 с.
- Роббек В. А. Устойчивое развитие народов Севера России: фундаментальные и прикладные исследования: сб. науч. ст. Новосибирск: Наука, 2011. 662 с.
- Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. Г. В. Осипова. М.: Издат. группа НОРМА-ИНФРА-М, 1999. 672 с.
- Социально-демографическая характеристика населения районов проживания коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) по итогам Всероссийской переписи населения 2002 года. Якутск: Территор. орган ФСГС по Республике Саха (Якутия), 2007. 94 с.
- Урбанизация и малочисленные народы Севера Республики Саха (Якутия). Колл. моногр.: отв. ред. Донской Р. И. Якутск: ИПМНС СО РАН, 2001. 86 с.
- Чукреев П. А. Социальная эксклюзия: теоретические и прикладные аспекты исследования / Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 6. С. 172–177.
- University Bulletin. 2010. No. 6. Pp. 172–177. (In Russ.)
- Korel L. V. [Sociology of Adaptations: Issues of Theory, Methodology and Technique]. Novosibirsk: Nauka, 2005. 424 p. (In Russ.)
- Kuznetsov P. S. [Sociological Theory of Social Adaptation]. Dr.Sc. (sociology) thesis. Saratov, 2000. 335 p. (In Russ.)
- Merton R. Social Theory and Social Structure. Sotsis. 1992. No 4. P. 91. (In Russ.)
- Popova A. G. [Indigenous Arctic Minority Ethnic Groups of the Sakha Republic (Yakutia): Contemporary Family Conditions]. Scientific report. Yakutsk, 2003. 106 p. (In Russ.)
- Robbek V. A. [Sustainable Development of Russia's Indigenous Arctic Peoples: Fundamental and Applied Studies]. Coll. papers. Novosibirsk: Nauka, 2011. 662 p. (In Russ.)
- Vinokurova L. I., Filippova V. V. Social portrait of immigrants in post-Soviet Yakutia. In: [5th Dikov Readings: Celebrating the 80th Anniversary of the Kolyma Expedition and the 55th Anniversary of Magadan Oblast]. Conf. proc. (Magadan; March 18–20, 2008). Magadan: Kordis, 2008. Pp. 168–170. (In Russ.)
- Zhuravleva S. I. [Sociocultural Adaptation: Issues of Structuring and Classification]. Available at: http://www.superinf.ru/view_helpstud.php?id=1877 (accessed: December 11, 2014). (In Russ.)

References

- [Culture of the Arctic]. U. A. Vinokurova (ed.). Vol. 1. Yakutsk: Northeastern Federal University, 2014. 344 p. (In Russ.)
- [Indigenous Arctic Minority Ethnic Groups of the Sakha Republic (Yakutia): Socio-Demographic Characteristics. Summarizing Results of the 2002 Census]. Yakutsk: Yakutia Office of Rosstat, 2007. 94 p. (In Russ.)
- [Indigenous Minority Populations of Russia: Preferred Habitats and Sources of Livelihood]. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (accessed: November 29, 2014). (In Russ.)
- [Russian Census of 2010: Outcomes]. Vol. 4. (In Russ.)
- [Russian Sociological Encyclopedia]. G. V. Osipov (ed.). Moscow: NORMA-INFRA-M, 1999. 672 p. (In Russ.)
- [Urbanization and Arctic Minority Ethnic Groups of the Sakha Republic (Yakutia)]. Joint monograph. R. Donskoy (ed.). Yakutsk: Institute for Indigenous Studies of the North (Sib. Branch of RAS), 2001. 86 p. (In Russ.)
- Baisheva S. M. et al. [Indigenous Arctic Minority Ethnic Groups of the Sakha Republic (Yakutia): Ethnosocial Adaptation]. Novosibirsk: Nauka, 2012. 363 p. (In Russ.)
- Chukreev P. A. Social exclusion: theoretical and applied aspects of research. *Buryat State*

ПРИЕЗЖЕЕ/МЕСТНОЕ СООБЩЕСТВО И ЧАСТОТНОСТЬ МИГРАЦИИ: ФОРМА КОММУНИКАЦИИ

**(по материалам социологических исследований
в Республике Саха – Якутия)**

The Non-local/Local Community and the Frequency of Migration: a Form of Communication (the case study of sociological researches in the Sakha (Yakutia) Republic)

Д. М. Винокурова (D. Vinokurova)¹

¹ кандидат социологических наук, доцент, заведующий межкафедральной социологической лабораторией Финансово-экономического института СВФУ (Ph. D. of Sociology, Associate Professor, Head of the Interdepartmental Sociological Laboratory at the Finances and Economics Institute of North-Eastern Federal University). E-mail: dorofdm1@yandex.ru.

В статье рассматривается миграция в трех городах Якутии: в промышленном центре — г. Мирном и региональном центре — г. Якутске, где отмечается более интенсивная трудовая и образовательная миграция, нежели в г. Ленске, где в последние два десятилетия происходит сокращение прибывающих мигрантов. На интенсивность миграционных процессов в г. Мирном влияет организация труда горнодобывающей отрасли — вахтовый метод и сложная экологическая ситуация. В г. Якутске наблюдается рост миграции, начиная с конца 1980-х гг., за счет возвращения представителей местного населения, которое достигло пика в 1990-х гг.

Ключевые слова: индустриализация, коммуникативная система, отбор, «местный род» — местное сообщество, происхождение/союз.

The article discusses the difference between such notions as non-local / local community (migrant/non-migrant) in terms of N. Luhmann's communicative systems theory and 'geophilosophy' developed by Gilles Deleuze and Félix Guattari. The analysis has been performed with the assistance of the empirical data collected in three cities of Yakutia. It has shown that labor and educational migration rate is higher in Mirny and in Yakutsk, rather than in Lensk. Respondents have been conventionally divided into several groups according to the number of times they changed their place of residence. Thus, there are four groups found: 1) the «traditionally changing their place of residence» migrants (1 move), 2) «active» migrants (2 to 3 times), 3) «intermediate» migrants (4 to 5 times) and 4) «hyperactive» migrants (6 or more times). Besides, they have been asked to express their attitude towards «settling (in a new place)» when completing the questionnaire column titled «native/non-native.»

Keywords: industrialization, communication system, selection, «local clan» — local community, origin/union.

При анализе понятия «мигрант», противопоставляя его понятию «местный род», воспользуемся определениями представителей геофилософии — Ж. Делеза и Ф. Гваттари: «...племенные группы могут менять территорию, но действительную определенность они получают, лишь сочетаясь с некоторой территорией или местом жительства и образуя “местный род”» [Делез, Гваттари 1998: 40]. На наш взгляд, в данном случае термин “местный род” авторы используют в качестве эквивалента

“племенным группам”. Местное сообщество формируется при длительном взаимодействии с конкретной территорией, местом постоянного жительства.

По-видимому, термин «местный род» не связывается только с понятием «урожнец», или, вернее, он не первоначален, как видно из приводимых ниже цитат. Какие коммуникативные связи при его формировании являются определяющими? Те же авторы замечают: «Происхождение является административным и иерархическим, а

союз — политическим и экономическим, он выражает власть, которая смешивается с иерархией и не выводится из нее, и экономику, которая не смешивается с управлением <...> Им соответствуют две памяти — одна био-родовая и другая — память союзов и слов» [Делез, Гваттари 2007: 231]. При этом они считают определяющим союз: «И если происхождение выражает то, что является господствующим, оставаясь детерминированным, — союз выражает то, что является детерминантом, или, скорее, выражает возвращение детерминанта в детерминированную систему господства» [Делез, Гваттари 2007: 232].

Исходя из теоретических положений Н. Лумана, миграцию можно рассматривать как коммуникативный акт, который связан с отбором, предполагающим ограничения. «Основное различие упорядочивает эти ограничения, например, с точки зрения полезного/бесполезного, не устанавливая сам выбор» [Луман 2007: 63]. Согласно Н. Луману, отбор осуществляется при помощи структур-ожиданий, которые делают возможным их обратимость во времени, т. е. обеспечивают связи с предыдущими и последующими событиями. Благодаря структуре элементов связи устанавливаются в

каждом случае посредством выбора из множества возможностей.

Такая схема объяснения коммуникации углубляет понимание миграционного поведения, для анализа которого использованы данные проведенных автором исследований в рамках Приоритетных направлений 9.6. и X.100 на темы: «Территориальная мобильность при индустриализации как контекст мигрантской коммуникативной среды» и «Этнические мигрантские и старожильческие сообщества: процессы инклюзии и социальные сети»; Программ 9.6.1. и X.100.4 Сибирского отделения РАН, Блока III — «Республика Саха (Якутия) в начале XXI века: этно-социальные трансформации в условиях интенсивного промышленного освоения Севера» (2010–2016 гг.). В работе использованы качественные и количественные методы: социологический опрос по квотной выборке ($\Delta \pm 5\%$) проведен в декабре 2010 г. в г. Мирном ($n=290$), в мае 2011 в г. Якутске ($n=400$), в феврале 2012 в г. Ленске ($n=200$). Сбор данных проводился с помощью инструментария, разработанного И. М. Кузнецовым и В. И. Мукомелем, часть вопросов была разработана автором [Кузнецов, Мукомель 2005: 41–47].

Таблица 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Являетесь ли Вы уроженцем того места, где сейчас живете» (в %)

Уроженец данного города	г. Мирный			г. Якутск			г. Ленск		
	Муж.	Жен.	Оба пола	Муж.	Жен.	Оба пола	Муж.	Жен.	Оба пола
Да	32,7	40,7	37,6	54,9	64,4	60,0	52,1	50,0	51,0
Нет	61,1	53,1	56,2	41,3	32,4	36,5	40,6	47,2	44,0
Нет ответа	6,2	6,2	6,2	3,8	3,2	3,5	7,3	2,8	5,0
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Как видно из данных табл. 1, больше половины попавших в выборку респондентов в г. Мирном (56,2 %) не являются его уроженцами, тогда как в г. Якутске ситуация противоположная, а в г. Ленске почти каждый второй — уроженец. Если дифференцировать респондентов по признаку пола, то в двух городах женщин (уроженок) больше, чем мужчин на: в Мирном — 8 %; в Якутске — 9,5 %, в

Ленске — почти равная доля. На территориальную мобильность респондентов г. Мирного влияют, к примеру, сфера занятости в промышленном производстве и учебные заведения, куда поступают выпускники общеобразовательных школ из сопредельных районов.

Далее рассмотрим, в какой период времени прибыли опрошенные горожане (см. табл. 2).

Таблица 2. Время прибытия в города опрошенных мигрантов, распределенных по полу (в %)

Год	г. Якутск		г. Мирный		г. Ленск	
	Пол					
	мужской	женский	мужской	женский	мужской	женский
Более ранний и 1950-е гг.	1,1	3,7	0,9	1,7	1,1	3,8
1960-е гг.	6,6	10,2	10,6	8,5	9,5	4,7
1970-е гг.	9,3	14,4	10,6	17,5	12,6	16,1
1980-е гг.	20,3	18,5	18,6	21,5	25,3	28,3
1990-е гг.	18,7	19,9	25,7	16,9	18,9	17,0
2000–10 гг.	29,2	21,7	26,5	19,8	22,1	6,5
Нет ответа	14,8	11,6	7,1	14,1	10,5	23,6
Итого	100	100	100	100	100	100

Если дифференцировать прибытие в г. Якутск попавших в выборку респондентов, то выявляется, что прибыло 46,8 % женщин и 37,3 % мужчин за 30 и более лет назад; за последние 20 лет — 41,6 % женщин, 47,9 % мужчин. Подобное соотношение по признаку пола возможно объяснить, во-первых, большей долей прибывших в 1960-е и 1970-е гг., когда женщины, овладевая востребованными профессиями учителей, врачей и выходя замуж, оставались в городе. Во-вторых, постперестроечный период характеризовался массовым участием представителей местного сообщества в процессе урбанизации [Сукнева, Трубина 2009: 139–144] В-третьих, нельзя сбрасывать со счетов статус г. Якутска как регионального центра. По-видимому, незначительное преобладание мужчин (всего на 6,3 %) свидетельствует об увеличении активности женщин в миграционных процессах, особенно если учитывать прибытие выпускниц, продолжающих свое образование в высших школах Якутска. Хотя в более ранний период исследователями было установлено освоение территории мужчинами [Рыбаковский 2001].

В г. Мирном ситуация несколько иная: мужчины прибывали для работы в промышленном производстве, где более востребован мужской труд. Так, соотношение прибывших мужчин в советский (40,7 %) и постсоветский (52,2 %) периоды различается на 11,5 %. Это, очевидно, свидетельствует о более высокой потребности в труде мужчин, нежели женщин, прибытие которых до 1990-х (31,7 %) и до 2010 гг. (36,7 %) различается всего на 5,0 %. К тому же нельзя сбрасывать со счетов и образовательную миграцию — прибывающих для продолжения образования в высшей шко-

ле из близко расположенных населенных пунктов.

В г. Ленске ситуация обратная. Сокращение прибывающих в последние 20 лет таково: в советский период мужчин на 7,5 % и женщин на 29,4 % прибыло больше, чем в постсоветский. К тому же следует обратить внимание на долю игнорировавших данный вопрос женщин (23,6 %). Причем, в выборку по трем городам заметно больше (около или более 20 %) попало тех, кто прибыл в 1980-х гг., а в г. Ленске еще больше мужчин (25,3 %) и женщин (28,3 %).

Рассмотрение этнического состава (см. табл. 3) выявило, что среди прибывших в г. Якутск якутов почти каждый третий (33,9 %) и представителей иной национальности — 31,5 % опрошенных прибыли в период 2000–2010 гг., тогда как прибытие русских, как отметили респонденты, сократилось после 1980-х гг. Почти такая же ситуация наблюдается и в г. Мирном, хотя, как отметили представители иных национальностей, их прибытие сохранилось почти в одинаковой доле с 1980-х по 2010 гг. Почти то же самое можно отметить и в отношении якутов, пик прибытия которых в г. Ленске наблюдался в 1980-е гг., тогда как прибытие русских и представителей иных национальностей начало заметно сокращаться в постсоветский период. Впрочем, миграционная ситуация в РФ в целом изменилась [Трансформация миграционных 2008; Воробьева 2011; Зайончковская, Тюрюканова, Флоринская 2011; Денисенко, Мкртчян, Тюрюканова].

Следует отметить, что доля коренных малочисленных народов Севера (КМНС) среди прибывающих незначительна. Тем не менее, попавшие в выборку респонденты сообщили, что они начали прибывать в гг. Якутск и Мирный, начиная с 1980-х гг.

Таблица 5. Сопряженность миграционных намерений опрошенных жителей г. Мирного и частотность смены их постоянного места жительства (в %)

Частотность переезда	г. Мирный					
	Миграционные намерения:					
	уюду обязательно	уюду, если появится возможность	скорее нет, чем да	останусь здесь жить	не знаю, об этом не думал	всего
Один раз	36,2	39,8	50,0	50,0	30,2	37,9
От 2 до 3	35,2	28,7	33,3	27,3	32,6	30,7
От 4 до 5	5,5	13,0	-	4,5	11,6	8,6
6 и более раз	5,5	4,6	5,6	-	4,7	4,5
Нет ответа	17,6	13,9	11,1	18,2	20,9	18,3
Итого	100	100	100	100	100	100

В общем массиве уровень активности в миграционных процессах респондентов по трем городам почти не различается, кроме г. Ленска, где больше тех, кто, однажды сменив постоянное место жительства (42,1 %), там «осел» (см. табл. 5, 6 и 7). Можно сгруппировать респондентов в зависимости от количества перемен постоянного места жительства на «традиционно меняющих постоянное место жительства» (1 переезд), «активных» (от 2 до 3 раз), «среднеактивных» (от 4 до 5 раз), «сверхактивных» (6 и более раз) мигрантов. Если дифференцировать респондентов по сте-

пени миграционной активности и совместить этот показатель с их миграционными намерениями, то мирнинцев, желающих еще раз сменить свое постоянное место жительства, больше, нежели респондентов из г. Якутска (см. табл. 6). Однако среди первых выше, нежели среди вторых, доля тех, кто «не знает, об этом не думал», вне зависимости от степени миграционной активности. Не значит ли это, что в момент опроса респондент еще не рассматривал перспективу переезда, т. е. у него отсутствовали миграционные намерения?

Таблица 6. Сопряженность миграционных намерений опрошенных жителей г. Якутска и частотность смены их постоянного места жительства (в %)

Частотность переезда	г. Якутск					
	Миграционные намерения:					
	уюду обязательно	уюду, если появится возможность	скорее нет, чем да	останусь здесь жить	не знаю, об этом не думал	всего
Один раз	25,4	34,0	40,3	35,0	48,2	36,1
От 2 до 3	32,2	33,0	29,9	31,0	25,9	30,0
От 4 до 5	8,5	11,0	11,7	8,0	7,4	9,3
6 и более раз	5,1	4,0	3,9	5,0	3,7	4,1
Нет ответа	28,8	18,0	14,2	21,0	14,8	20,5
Итого	100	100	100	100	100	100

Различая респондентов г. Якутска по степени активности, стоит обратить внимание на «среднеактивных» (4–5 переездов), у которых еще сохраняются миграционные намерения. Во всяком случае, распределение их ответа от «уюду обязательно» до «останусь здесь жить», выявляет соотношение в сумме двух полюсов «уюду/останусь» (19,5 %) и (19,7 %) равнозначное. То же характерно и для «сверхактивных».

Несколько иная ситуация в г. Ленске, где каждый второй «традиционный» участник миграции «осел» (см. табл. 7) и не намерен сменить постоянное место жительства. Однако среди более «активных» сохранились миграционные намерения почти в такой же доле, как и в двух других городах, но меньше желающих остаться на постоянном проживании.

Следовательно, группы «среднеактивных» и «сверхактивных» еще не утратили свой миграционный потенциал, в от-

личие от респондентов, проживающих в гг. Мирном и Якутске, что было отмечено выше.

Таблица 7. Сопряженность миграционных намерений опрошенных жителей г. Ленска и частотность смены их постоянного места жительства (в %)

Частотность переезда	г. Ленск					
	Миграционные намерения:					
	уюду обяза- тельно	уюду, если появится возможность	скорее нет, чем да	останусь здесь жить	не знаю, об этом не думал	Всего
Один раз	38,3	37,8	53,1	51,5	40,0	42,1
От 2 до 3	36,2	37,8	18,8	36,4	34,3	32,2
От 4 до 5	10,6	6,7	9,4	-	5,7	6,9
6 и более раз	4,3	4,4	3,1	-	-	2,5
Нет ответа	10,6	13,3	15,6	12,1	20,0	16,3
Итого	100	100	100	100	100	100

Сравнение отношения к высказыванию «Я бы хотел, чтобы мои дети или внуки стали коренными жителями республики» респондентами, разделенными по признаку уроженец/неуроженец данного города, показывает, что среди уроженцев больше подобных намерений у жителей в гг. Якутске и Ленске, у каждого третьего в г. Мирном (см. табл. 4). Среди не уроженцев меньше всего таких намерений у респондентов г. Мирного. Оценка высказывания «В образе жизни местного населения есть особенности, с которыми мне трудно примириться» (табл. 4) выявляет более выраженную толерантность к местному сообществу жителей гг. Мирного и Ленска, чем г. Якутска. Впрочем, толерантность проявляют и в других городах РФ [Григорьева, Кузнецов, Мукомель, Рочева 2009].

Очевидно, это объясняется различием в этнической структуре рассматриваемых городов. Мирный и Ленск — это города компактного проживания приезжего населения, тогда как в Якутске в постсоветский период наблюдалось массовое прибытие якутов, представителей старожильческого населения и малочисленных народов Севера, а в последнее десятилетие — мигрантов из СНГ. Таким образом, здесь более интегрированно проживает местное сообщество, где в отличие от указанных двух городов имеют большее значение личные, кровнородственные, территориальные (улусные) связи, нежели «безличные», дистанцированные, неподконтрольные отношения мигрантов. Все это повышает требования и претензии друг к другу, исходя из традици-

онных обязательств перед близкими, знакомыми и т. п.

Каждый третий респондент, не уроженец г. Мирного, согласился с утверждением «Местное население никогда не будет считать меня своим». По-видимому, такое мнение складывается прежде всего у тех, кто прожил здесь пока еще относительно непродолжительное время. Проблематика особенностей взаимоотношения мигрантов и местного сообщества, практики использования городских социальных сред изучается многими исследователями, на работы которых мы опираемся [Попков 2003; Григорьева, Кузнецов, Мукомель 2009; Кузнецов 2010; Мукомель 2014].

Из приведенных данных в табл. 4 видно, что почти каждый второй респондент — уроженец г. Мирного (49,5 %), чуть меньше не уроженцев (45,4 %) согласились с утверждением «Здесь можно работать и зарабатывать, но нормально жить здесь постоянно невозможно». Очевидно, это связано, с одной стороны, с характером организации труда в алмазодобывающей промышленности — вахтовым методом. Можно отметить, что подобный вид занятости, очевидно, способствует разъединению мест приложения труда и мест проживания. С другой стороны, подобная оценка объясняется неблагоприятными экологическими условиями города.

Оценка респондентами высказывания «Спокойно и достойно можно жить только среди своих» свидетельствует о том, что большинство опрошенных с ним не согласились. По-видимому, они не ощущают

большого социально-культурного отрыва от своего актуального окружения, поскольку компактное проживание мигрантов в гг. Мирном и Ленске создало там автономное социально-культурное пространство, в котором они достаточно быстро адаптируются.

По-видимому, в городской среде, куда периодически прибывают все новые и новые мигранты, более рельефно дифференцируется публичная и приватная жизнь, о чем свидетельствует оценка опрошенными утверждения «В семье, среди своих можно и нужно соблюдать традиции и обычаи своего народа, независимо от того, где ты живешь».

Таким образом, сравнение данных по трем городам Республики Саха позволяет сделать следующие выводы:

– Среди попавших в выборку респондентов почти каждый второй оказался не уроженцем г. Мирного; чуть меньше респондентов (44,0 %) в г. Ленске; почти каждый третий (36,5 %) — в г. Якутске. При этом заметно массовое участие якутов в процессах урбанизации. По времени прибытия в города доля опрошенных

распределена почти равномерно, начиная с 1970-х гг. и возрастая к 2000–2010 гг. В г. Мирном на вид отбора мигрантов влияет, с одной стороны, характер организации горнодобывающей отрасли — вахтовый метод, который формирует общественное мнение о том, что «нормально жить здесь постоянно невозможно». С другой стороны, подобная оценка определена экологической ситуацией.

– Для удобства анализа респонденты были сгруппированы в зависимости от количества перемен постоянного места жительства на «традиционно меняющих постоянное место жительства» (1 переезд), «активных» (от 2 до 3 раз), «средне активных» (от 4 до 5 раз), «сверхактивных» (6 и более раз). В промышленном г. Мирном и г. Якутске — центре региона наблюдается трудовая и образовательная миграция. Среди прибывших респондентов г. Якутска незначительное преобладание мужчин (всего на 6,3 %) свидетельствует об увеличении активности женщин в миграционных процессах, особенно если учитывать прибытие выпускниц, продолжающих образование в высшей школе.

Литература

- Воробьева О. Д. Рынок труда и миграция. М.: МАКС Пресс, 2011. 76 с. (Сер. спец. докл.).
- Григорьева К. С., Кузнецов И. М., Мукомель В. И. Социальная среда российских городов в восприятии местного населения (на примере Астрахани и Самары). М.: Ин-т социол. РАН, 2009. 71 с.
- Григорьева К., Кузнецов И., Мукомель В., Рочева А. Социальная среда российских городов в восприятии «гастербайтеров» и местного населения. М.: Ин-т социол. РАН, 2009. 83 с.
- Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари; пер. с франц. и послесл. Д. Кралечкина; науч. ред. В. Кузнецов. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 670 с.
- Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / пер. с фр. и послесл. С. Н. Зенкина. М.: Ин-т эксперимент. социол. СПб.: Алетей, 1998. 98 с. (Сер. “Gallicinium”) Янко Слава (Б-ка Fott/Da) II [Электронный ресурс] // URL: <http://yanko.lib.ru> (дата обращения: 4.12.2014 г.).
- Денисенко М. Б., Мкртчян Н. В., Тюрюканова Е. В. Направления и пространствен-ные особенности внутренней миграции // Миграция в развитии России [Электронный ресурс] // URL: <http://strategy2020.gian.ru/load/366066296> (дата обращения: 08.02.2014).
- Зайончковская Ж. А., Тюрюканова Е. В., Флоринская Ю. Ф. Трудовая миграция в Россию: как двигаться дальше М.: МАКС Пресс, 2011. 100 с. (Сер. спец. докл.).
- Кузнецов И. М. Средовые факторы формирования социально-культурной дистанции в мегаполисе Официальный сайт ИС РАН. 2010 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=1966> (дата обращения: 05.10.2013).
- Кузнецов И. М., Мукомель В. И. Адаптационные возможности и сетевые связи мигрантских этнических меньшинств. М.: Ин-т социол., 2005 50 с.
- Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / пер. с нем. И. Д. Газиева; под ред. Н. А. Головина / Н. Луман. СПб.: Наука, 2007. 641с.
- Мукомель В. И. Ксенофобия и мигрантофобии в контексте культуры доверия // Мир России. 2014. № 1. С. 137–166.

- Попков В. Д. Феномен этнических диаспор. М.: ИС РАН, 2003. С. 231–247 (337).
- Рыбаковский Л. Л. Миграция населения (Вопросы теории) Стадии миграционного процесса // Миграция населения. Вып. 5. М., 2001. [Электронный ресурс] // URL: <http://rybakovsky.ru/migracia2f.html> (дата обращения: 08.02.2015).
- Сукнева С. А., Трубина А. В. Внутрорегиональные сельско-городская миграция в Республике Саха (Якутия) // Социальные проблемы 32(125). 2009. С. 139–144.
- Трансформация миграционных процессов на постсоветском пространстве / под ред. Л. Л. Рыбаковского. М., 2008. 488 с. [Электронный ресурс] // URL: <http://rybakovsky.ru/migracia3.html> (дата обращения: 11.10.2014).
- References**
- [Transformation of Migration Processes Across Post-Soviet Territories]. L. L. Rybakovsky (ed.). Moscow, 2008. 488 p. Available at: <http://rybakovsky.ru/migracia3.html> (accessed: October 11, 2014). (In Russ.)
- Deleuze G., Guattari F. Capitalism and Schizophrenia: Anti-Oedipus. D. Kralechkin (transl., afterword); V. Kuznetsov (ed.). Yekaterinburg: U-Faktoriya, 2007, 670 p. (In Russ.)
- Deleuze G., Guattari F. What Is Philosophy? S. N. Zenkin (transl., afterword). Moscow: Institut Eksperimentalnoi Sotsiologii; St. Petersburg: Aleteyya, 1998. 98 p. Available at: <http://yanko.lib.ru> (accessed: December 4, 2014). (In Russ.)
- Denisenko M. B., Mkrtchyan N. V., Tyuryukanova E. V. Internal migration: directions and spatial peculiarities. In: [Migration in Russia's Development]. Available at: <http://strategy2020.ran.ru/load/366066296> (accessed: February 8, 2014). (In Russ.)
- Grigorieva K. S., Kuznetsov I. M., Mukomel V. I. [Social Environment of Russian Cities in the Eyes of Local Populations: a Case Study of Astrakhan and Samara]. Moscow: Institute of Sociology (RAS), 2009. 71 p. (In Russ.)
- Grigorieva K., Kuznetsov I., Mukomel V., Rocheva A. [Social Environment of Russian Cities in the Eyes of Natives and Migrant Workers]. Moscow: Institute of Sociology (RAS), 2009. 83 p (In Russ.)
- Kuznetsov I. M. [Sociocultural Distances in Metropolises: Environment Factors]. Institute of Sociology (RAS), 2010. Available at: <http://www.isras.ru/publ.html?id=1966> (accessed: October 5, 2013). (In Russ.)
- Kuznetsov I. M., Mukomel V. I. [Migrant and Ethnic Minority Groups: Adaptive Capabilities and Network Ties]. Moscow: Institute of Sociology (RAS), 2005. 50 p. (In Russ.)
- Luhmann N. Social Systems. Theory of Society. I. D. Gaziev (transl.); N. A. Golovin (ed.). St. Petersburg: Nauka, 2007. 641 p. (In Russ.)
- Mukomel V. I. Xenophobia in the context of culture of trust. *Universe of Russia*. 2014. No. 1. Pp. 137–166. (In Russ.)
- Popkov V. D. [Phenomenon of Ethnic Diasporas]. Moscow: Institute of Sociology (RAS), 2003. Pp. 231–247. (In Russ.)
- Rybakovsky L. L. Population movement (issues of theory). Stages of migration process. In: [Population Movement]. Vol. 5. Moscow, 2001. Available at: <http://rybakovsky.ru/migracia2f.html> (accessed: February 8, 2015). (In Russ.)
- Sukneva S. A., Trubina A. V. Intra-regional rural-urban migration in the Sakha Republic (Yakutia). *Sotsial'nye problem*. 2009. No. 32 (125). Pp. 139–144. (In Russ.)
- Vorobieva O. D. [Labor Market and Migration]. Moscow: MAKSPress, 2011. 76 p. (In Russ.)
- Zayonchkovskaya Zh. A., Tyuryukanova E. V., Florinskaya Yu. F. [Labor Migration in Russia: Where to Next]. Moscow: MAKSPress, 2011. 100 p. (In Russ.)

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В СТРАНАХ СНГ

The Anti-Corruption Policy in CIS Countries

С. Д. Башанкаев (S. Bashankaev)¹

¹ соискатель РАНХиГС при Президенте РФ, факультет национальной безопасности (Applicant for the Degree at the Russian Academy for Public Service under the auspices of the President of the Russian Federation, Department of National Security). E-mail: ctac86@inbox.ru.

В статье исследуется такое негативное социально-политическое и экономическое явление, как коррупция, в Содружестве Независимых Государств (СНГ), а также антикоррупционная политика этой региональной международной организации, призванной регулировать отношения сотрудничества между государствами, ранее входившими в состав СССР. Выясняется природа коррупции, причины ее высокого уровня в странах СНГ, проводится анализ основных видов коррупционных правонарушений, наиболее распространенных в постсоветских странах. Рассматриваются основные положения принятых международной региональной организацией законов, задачи и компетенция Межгосударственного совета по противодействию коррупции.

Ключевые слова: коррупция, международная коррупция, СНГ, борьба с коррупцией, проблема, решение проблемы, высокий уровень коррупции.

The article examines the phenomenon of corruption in the Commonwealth of Independent States (Russian Commonwealth or CIS) and focuses on the anti-corruption policies undertaken by this regional international organization, whose major mission is to maintain cooperation between independent states, former republics of the USSR. The article studies the nature of corruption and some possible reasons for its thriving in CIS countries, as well as the major types of bribery and corruption offences, widespread in post-soviet areas: "state capture", administrative, business, political corruption, etc.

The author focuses on the main provisions of anti-corruption laws, issued by the international regional organization, the major goals, the tasks and the competence of the Interstate Council for the Fight against Corruption in CIS countries. CIS countries attach great importance to international cooperation in the field of fighting corruption, enacting the modeling laws "On Fighting Corruption" and "Bases of the legislation on anti-corruption policy" which are aimed at maintaining cooperation within CIS.

Further effective cooperation between CIS countries in their fight against corruption needs harmonization of national legislation systems, developing provisions for legislative bases improvements, coordination of competent authorities interactions, providing the enforcement of anti-corruption acts and documents issued by CIS.

Keywords: corruption, international corruption, CIS, fight against corruption, problem, solution of the problem, high level of corruption.

Коррупция как социальное явление существует многие тысячелетия, видоизменяясь, мимикрируя, приобретая новые формы. На протяжении веков менялись политические режимы, правители, идеологии, но коррупция оставалась неизменным атрибутом системы власти, поскольку среди чиновников разного уровня не переводились желающие обогатиться за казенный счет. С коррупцией боролись, ее не жаловали, казнокрадов сажали в тюрьмы, отрубали им головы и руки, вешали, расстреливали, но

это социальное явление, как многоголовая гидра, оставалось живучим. Борьба с коррупцией во многих странах на протяжении всей мировой истории велась с переменным успехом, но победить ее, в отличие от мифического Геракла, еще не удавалось ни одному государству.

Слово «коррупция» происходит от лат. *corrumpere* — растлевать, *corruptio* — подкуп, порча. Термин «коррупция» в современном его понимании означает подкуп — продажу должностным лицом своих

властных возможностей ради личной выгоды. Современное право многих цивилизованных стран мира, в том числе государств СНГ, дает собственное толкование понятия «коррупция». В российском законодательстве коррупция определена как «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами» [Федеральный закон от 25.12.2008].

Коррупция приводит к растлению государственных институтов, разрушает доверие к действующей власти, к сложившейся системе государственного управления. Она поражает в первую очередь чиновников, обладающих ресурсными, распределительными и иными публичными возможностями, склонных к противоправным действиям для личного обогащения. По мере разрастания коррупции в публичной власти можно с полным правом говорить о кризисе управленческих структур, о несовершенстве правовой системы, а также о падении общественной морали, деформированной в результате коррупции.

Экспресс-опрос общественного мнения, проведенный нами в Республике Калмыкия, показал двоякое отношение простых граждан к проявлениям коррупции во властных структурах. Каждый пятый из информантов только в 2014 г. сталкивался с проявлениями коррупции. Более трети опрошенных считают, что вопросы кадрового трудоустройства, выделения земельных участков, получения заказов в тендерах и т. п. в органах государственной или муниципальной власти решаются с помощью знакомых, друзей или посредством взяток и подарков. Во всяком случае, так действуют сами информанты или так поступают их друзья, родственники и знакомые. Косвенно это свидетельствует о лояльном отношении общественного мнения к коррупции. В то же время все участники опроса заявили, что случаи коррупции должностных лиц должны самым решительным образом пре-

секаться путем обращения в вышестоящие органы, в суд, размещения информации в Интернете, предоставления информации в СМИ. Это обнадеживающий показатель нетерпимого отношения большей части общества к проявлениям коррупции во всех сферах жизни, свидетельствующий о решительном настрое общества действительно бороться с коррупционными проявлениями чиновников.

Коррупция существует почти во всех странах мира независимо от политического развития и различается лишь масштабами. Это социальное явление, как отмечается в программных документах международных организаций и юридической литературе, является транснациональной проблемой, стоящей перед всем мировым сообществом. Понимание содержания коррупции в документах ООН и исследовательских работах нами уже рассматривалось подробно [Башанкаев: 2014]. Ниже речь пойдет об антикоррупционной политике в странах СНГ.

Содружество Независимых Государств (СНГ) — региональная международная организация, призванная регулировать отношения сотрудничества между государствами, ранее входившими в состав СССР. Ее учредителями были Россия, Украина и Белоруссия. На сегодняшний день в СНГ входят также Азербайджан, Армения, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Таджикистан, Узбекистан. Из бывших советских республик в Содружество не вошли Литва, Латвия, Эстония. В 2008 г., после известных событий, из состава СНГ вышла Грузия. Туркменистан является «членом ассоциации», соблюдает уставные требования межгосударственной организации, но право собственного мнения имеет только по вопросам, касающимся непосредственно его как государства. А в марте 2014 г. Украина инициировала процесс своего выхода из СНГ. Можно предположить, что при обретении ДНР и ЛНР государственной независимости или получения ими особого статуса в составе Украины эти республики будут стремиться к экономической и иной интеграции с Российской Федерацией, странами СНГ.

Сегодня коррупция является одной из основных проблем для стран, входящих в СНГ, государств — членов Таможенного союза. Высокий уровень коррупции в большинстве постсоветских государств является самым разрушительным препятствием

для их экономического, социального и политического развития, приводит к значительным потерям произведенного ими внутреннего валового продукта. По словам проф. А. Тавадяна, «20 % ВВП мы теряем из-за высокого уровня коррупции. Все страны, входящие в ТС, находятся по фактору восприимчивости к коррупции ниже сотого места» [Тавадян].

Действительно, индекс (итоговый индекс за первое десятилетие XXI в., 2010 г.) восприятия коррупции, составляемый Transparency International¹, показывает, что страны СНГ занимают в списке от 105 до 172 места. Россия же набрала 2,1 балла и заняла 154 место из 178 возможных. Такое же место занимают Папуа-Новая Гвинея, Конго, Гвинея-Бисау [Индекс взятки].

Так почему же во всех постсоветских странах, кроме Прибалтики, отмечается такой высокий уровень коррупции?

Существует версия, что в начале 1990-х гг., после распада СССР, коррупция оказалась неизбежным явлением для постсоветских стран. По данной версии, слом системы государственного управления в советской империи произошел из-за продажности чиновников, у которых в условиях перехода постсоветских стран к рыночным принципам устройства экономики и радикальному изменению политической системы появилась большая свобода и возможность контролировать денежные потоки, бизнес. Чиновники вступили в тесное партнерское взаимодействие с нарождающимся бизнесом, подкупавшим представителя (представителей) власти взятками, вследствие чего предприниматели получали частные выгоды. Таким образом, происходил обмен услугами доступа к публичным возможностям. То, что было доступно в советские времена только партийно-государственной номенклатуре с ее «телефонным правом», в условиях зарождающихся рынка и демократии при существовавшем в то время еще сильном государственном регулировании коррупцированное чиновничество сделало

1 Индекс, составляемый Transparency International, измеряет уровень восприятия коррупции и является составным индексом, основанным на данных опросов, проводимых среди экспертов и в деловых кругах. Индекс ранжируется по шкале от 0 до 10 баллов, при этом 0 обозначает наихудшую ситуацию с точки зрения антикоррупционной деятельности, а 10 — наилучшую.

доступным за приемлемую для него «цену вопроса». Решение вопросов путем дачи взяток стало более предпочтительным, чем долгий путь изменения несовершенного законодательства и нормативно-правовой базы. Административно-продажная система власти явилась промежуточным звеном между административно-командной системой управления советского времени и нарождающейся публично-рыночной системой.

Современные исследователи выделяют «следующие виды коррупции: административную и — как ее разновидность — бытовую; деловую; коррупцию, связанную с «пленением» или захватом государства; политическую» [Андреанов].

Административные правонарушения — наиболее распространенные в постсоветском пространстве. Как отмечает В. Д. Андреанов, «по данным социологических исследований, проведенных в странах СНГ, средний размер выплат, связанных с административной коррупцией, в конце 90-х годов оценивался в среднем в 3,7 % валового годового дохода компании» [Андреанов].

В странах СНГ примером административной коррупции в обществе являются взаимоотношения между гражданами и чиновниками, сложившиеся в последние четверть века. Брать взятки и давать взятки становится чуть ли не нормой. В повседневной жизни люди просто считают, что нужно платить всевозрастающие суммы принимающим решения чиновникам, которые злоупотребляют доверием общества и делегированной им властью в целях личного обогащения. Гражданам легче заплатить, чем проходить бюрократическую цепочку, тем более что чиновники искусственно создают им массу всевозможных препон. Коррупция проникает в культуру и медицину, образование и другие сферы общественной жизни бывших советских республик. Многочисленные исследования национальных особенностей коррупции в постсоветских странах показывают, что особенно большие злоупотребления наблюдаются в земельной сфере, таможенной службе и других структурах, где гражданам необходимо получить лицензии, специальные разрешения или любые другие услуги, входящие в компетенцию чиновника. Наиболее частыми в СНГ являются нарушения закона о государственных закупках, где на тендерах

(без конкуренции или с подставными участниками) чиновники за определенную мзду дают преференции «своим» корпорациям, фирмам, предприятиям и организациям.

Коррупция, связанная с «захватом государства» и «захватом бизнеса», также широко распространена в бывших советских республиках. Сращивание государства и крупного бизнеса на постсоветском пространстве происходит практически одновременно. В переходный период в ряде постсоветских стран формируется крупный бизнес, из которого выделяются олигархи, пользующиеся особой поддержкой государства. Именно олигархический бизнес стал осуществлять «захват государства» (state capture) и устанавливать теневой контроль над принятием властных решений путем лоббирования тех или иных решений, покупки президентских указов или постановлений правительства, установления коррупционного контроля над политиками и партиями и т. п. [Hellman, Jones, Kaufman 2000].

Другая стратегия, которая стала реализовываться в странах СНГ, — это «захват бизнеса» (business capture), когда «власть в лице своих представителей или даже организаций стремится обеспечить теневой контроль над бизнесом с целью коллективного и (или) индивидуального извлечения административной ренты, которая обеспечивается управляемым бизнесом и доходом от него» [Разнообразие стран 2001].

Коррупция приобретает глобальный международный характер, становится системным явлением практически во всех странах СНГ. Политики и бизнесмены входят в глобальную коррупционную государственно-корпоративную систему. Именно по схеме глобальной коррупции стали строиться взаимоотношения между государством и крупными компаниями, имевшими государственную лицензию. Чаще всего данная схема работала в межгосударственных экономических отношениях стран СНГ в сфере продажи углеводородного сырья, энергоносителей и др.; предметом торга становились, например, построение трубопроводов, приватизация больших предприятий и т. п.

В политической сфере можно указать на системные экономические уступки в обмен, например, на поддержку лоббируемо-

го кандидата в президенты, являющегося частью международной глобальной системы коррупции. Ярким примером политической коррупции в настоящее время является насильственно насаждаемый США и странами Евросоюза экспорт институтов, идей, культуры, американского (западного) стиля жизни в Украину, Сирию, Египет и другие страны. Для обеспечения собственных национальных интересов применяются подкуп политической элиты, «цветные революции» и т. п.

Коррупция правомерно рассматривается в странах СНГ как одна из угроз национальной безопасности. В республиках СНГ разработаны национальные программы, включающие в себя мероприятия по борьбе с коррупцией и повышению ответственности граждан за свою деятельность. Каждая страна наводила порядок у себя сама, более или менее успешно. Но пока на постсоветском пространстве не наблюдается заметных успехов по снижению уровня коррупции. Судя по международным рейтингам, страны СНГ практически не преуспели на этом поприще.

Сегодня государства — члены СНГ придают большое значение не только экономической интеграции, но и эффективному международному сотрудничеству в области противодействия коррупции. Они нацелены на создание антикоррупционного консенсуса в рамках Содружества. На межгосударственном уровне принимаются скоординированные, комплексные меры борьбы с этим антиобщественным социальным явлением. Межгосударственная антикоррупционная политика понимается странами СНГ как «научно обоснованная, последовательная и системная деятельность международных институтов и общества, связанная с профилактикой и сокращением негативного влияния коррупции, а также с устранением причин и условий, способствующих ее возникновению» [Frequently asked questions].

3 апреля 1999 г. был принят Модельный Закон «О борьбе с коррупцией», а в 2003 г. Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств от 15 ноября 2003 г. № 22-15 был принят Модельный Закон «Основы законодательства об антикоррупционной политике».

Указанный Закон принимался, «исходя из необходимости обеспечения надлежащего государственного управления, укоренения демократических начал, гласности и контроля

в деятельности государственных и муниципальных органов власти, укрепления доверия граждан к власти;

в утверждение принципа бескорыстного и ответственного служения лиц, наделенных публичным статусом, гражданам, народу и государству;

в подтверждение стремления власти к самоограничению, созданию стабильных правовых основ предупреждения коррупции и совершенствованию национального законодательства с учетом норм международного права о противодействии коррупции;

с осознанием того, что коррупция представляет серьезную угрозу национальной безопасности, функционированию публичной власти на основе права и закона, верховенству закона, демократии и правам человека, равенству и социальной справедливости; затрудняет экономическое развитие и угрожает основам рыночной экономики;

в развитие конституционной обязанности государства защищать права и свободы человека и гражданина, поддерживать конкуренцию и свободу экономической деятельности» [Модельный Закон «Основы законодательства»].

В первой главе Закона прописаны предмет, основные понятия, используемые в принятом документе, цели, задачи, принципы, приоритетные сферы правового регулирования и правовая основа антикоррупционной политики в рамках СНГ. Проведена классификация коррупционных правонарушений, указаны субъекты коррупционных правонарушений, рассмотрена система субъектов антикоррупционной политики.

Вторая глава посвящена системе мер реализации антикоррупционной политики — в частности, предупреждение коррупционных правонарушений осуществляется путем применения следующих мер: мониторинг коррупционных правонарушений в целом и отдельных их видов; разработка антикоррупционных стандартов, препятствующих возникновению или ограничивающих интенсивность либо сферу действия явлений, способствующих совершению коррупционных правонарушений; антикоррупционная экспертиза правовых актов; пропаганда антикоррупционных стандартов; содействие гласности и открытости решений, принимаемых лицами, имеющими публичный статус, если иное прямо не предусмотрено на-

циональным законом каждой страны СНГ; опубликование отчетов о состоянии коррупции и реализации мер антикоррупционной политики; антикоррупционное образование и воспитание; оказание государственной и муниципальной поддержки формированию и деятельности общественных объединений, создаваемых в целях, предусмотренных настоящим Законом; установление льгот для государственных и муниципальных служащих, связанных с длительностью безупречной службы» и др. [Модельный Закон «Основы законодательства»].

Кроме этого, в главе установлены превентивные меры пресечения коррупционных правонарушений, а также ответственности за них, возмещения вреда, причиненного коррупционными правонарушениями и т. д. Ст. 14 данной главы подробно расписывает проведение процедуры антикоррупционной экспертизы правовых актов.

В третьей главе приведены антикоррупционные стандарты приоритетных сфер правового регулирования антикоррупционной политики в рамках СНГ.

Четвертая глава Модельного Закона посвящена международному сотрудничеству в сфере антикоррупционной политики.

В заключительной главе Закона говорится, что в «целях повышения эффективности реализации антикоррупционной политики в государстве создается единая система контроля, включающая государственный и общественный контроль». Государственный контроль «включает в себя парламентский, судебный, финансовый и специальный контроль», общественный контроль «осуществляется субъектами, не являющимися органами государственной власти и местного самоуправления, в пределах полномочий, предусмотренных конституцией государства и иными национальными законами, в целях обеспечения соблюдения положений настоящего Закона» [Модельный Закон «Основы законодательства»].

25 ноября 2008 г. в соответствии с Межгосударственной программой совместных мер борьбы с преступностью на 2008–2010 гг., утвержденной Советом глав государств СНГ 5 октября 2007 г., принят Модельный закон «О противодействии коррупции» в новой редакции.

Придавая большое значение развитию сотрудничества в борьбе с коррупцией, Совет глав государств Содружества принял

решение о создании Межгосударственного совета по противодействию коррупции. В решении по этому вопросу было отмечено, что в государствах СНГ в основном сформированы и функционируют правовая и организационная основы противодействия коррупции. Теперь координирующую роль в этой сфере будет играть данный Совет.

Соглашение о создании Межгосударственного совета по противодействию коррупции было подписано странами — участниками Соглашения 25 октября 2013 г. В Положении о Межгосударственном совете по противодействию коррупции говорится, что он «является органом отраслевого сотрудничества Содружества Независимых Государств и предназначен в рамках своей компетенции для обеспечения организации и координации противодействия коррупции, а также обзора реализации обязательств государств — участников Соглашения об образовании Межгосударственного совета по противодействию коррупции в сфере противодействия коррупции и конструктивного сотрудничества с международными организациями и их структурами» [Соглашение об образовании Межгосударственного совета].

Главная задача Совета — организация и координация противодействия коррупции, мониторинг реализации обязательств государств — участников СНГ в этой сфере и конструктивное сотрудничество с международными организациями и их структурами. Совет будет содействовать сближению и гармонизации национальных законодательств стран, разрабатывать предложения по совершенствованию правовой базы сотрудничества, координировать взаимодействие компетентных органов, обеспечивать реализацию принятых в рамках Содружества документов по противодействию коррупции.

В компетенцию Межгоссовета войдут вопросы, касающиеся подготовки и повышения квалификации кадров и создания для этих целей базовых организаций государств СНГ, проведения совместных научно-исследовательских работ по проблемам, представляющим взаимный интерес. Предполагается направить антикоррупционные усилия не только на государственный сектор, но и в бизнес. Планируется разрабатывать предложения по совершенствованию нормативно-правовой базы со-

трудничества и подготавливать кадры базовых организаций.

В первом заседании Межгосударственного совета по противодействию коррупции, состоявшемся 29 января 2014 года в Минске, принял участие Генеральный прокурор Российской Федерации Ю. Чайка. 24 февраля 2014 г. Президент России Владимир Путин назначил Юрия Чайку членом Межгосударственного совета СНГ по противодействию коррупции. На членов данного Совета от каждой страны — участницы Содружества Независимых Государств возложены обязанности по выполнению решений Совета глав государств и Совета глав правительств Содружества Независимых Государств о противодействии коррупции, поддержке и развитию по поручению Совета контактов с органами Содружества Независимых Государств, международными организациями и их структурами, а также осуществлению иных действий, связанных с обеспечением деятельности Совета.

Касаясь принятия будущих решений по совместной антикоррупционной политике стран СНГ, следует отметить, что существуют определенные процессуальные процедуры, которые связаны с подготовкой различных документов. Поскольку этот Совет международный, немало времени и усилий уйдет на уточнение, согласование, выработку общей приемлемой позиции стран Содружества по вопросам антикоррупционной политики. Многое также будет зависеть от быстрого выполнения различных бюрократических процедур, которые, безусловно, будут сложными. В настоящее время идет подготовка к очередному заседанию Межгосударственного совета по противодействию коррупции, намеченному к проведению в IV квартале 2015 г. в Астане.

Источники

- Федеральный закон от 25 декабря 2008 N 273-ФЗ (ред. от 22.12.2014) «О противодействии коррупции».
- Модельный Закон «О борьбе с коррупцией»
- Модельный Закон «Основы законодательства об антикоррупционной политике».
- Модельный закон «О противодействии коррупции» (в новой редакции от 25 ноября 2008 года).
- Соглашение об образовании Межгосударственного совета по противодействию коррупции.

Литература

Андреанов В. Д. Определение коррупции, формы и виды проявления коррупции [Электронный ресурс] // URL: viperson.ru/wind.php?ID=631762&soch=1 (дата обращения: 15.12.2013).

Башанкаев С. А. Роль международных организаций в осуществлении антикоррупционной политики // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 3. С. 169–173.

Индекс взятки [Электронный ресурс] // URL: http://www.interfax.ru/russia/162161 (дата обращения: 20.12.2014).

Разнообразие стран и разнообразие коррупции (Анализ сравнительных исследований). Аналитический доклад. М., 2001 [Элек-

тронный ресурс] // URL: http://www.anti-corr.ru/an - study.shtm (дата обращения: 1.12.2014).

Тавадян А. Коррупция — основная проблема стран СНГ [Электронный ресурс] // URL: http://arka.am/ru/news/economy/korrupsiya_osnovnaya_problema_stran_sng_ekspert/ (дата обращения: 14.11.2014).

Hellman J., Jones G., Kaufman D. Seize the State, Seize the Day: State Capture, Corruption, and Influence in Transition, World Bank Policy Research Working Paper, № 2444 (2000).

Frequently asked questions about corruption, Transparency International, Accessed 12 May 2011 [Электронный ресурс] // URL: http://www.transparency.org/news_room/faq/corruption_faq (дата обращения: 10.12.2014).

Sources

[Agreement on the Establishment of the Interstate Anti-Corruption Council]. (In Russ.)

[Federal Law of the Russian Federation of 25 December 2008 No. 273-ФЗ (as Amended on 22 December 2014) 'On the Prevention of Corruption']. (In Russ.)

[Model Law 'On the Prevention of Corruption']. (In Russ.)

[Model Law 'On the Prevention of Corruption' (as Amended on 25 November 2008)]. (In Russ.)

[Model Law 'Principles of Anti-Corruption Legislation']. (In Russ.)

References

[Bribery Index]. Available at: http://www.interfax.ru/russia/162161 (accessed: December 20, 2014). (In Russ.)

[Variety of Countries – Variety of Corruption: Analyzing Comparative Studies]. Analytical report. Moscow, 2001. Available at: http://www.anti-corr.ru/an - study.shtm (accessed: December 1, 2014). (In Russ.)

Andrianov V. D. [Defining Corruption: Forms and Types of Corruption]. Available at: viperson.ru/wind.php?ID=631762&soch=1 (accessed: December 15, 2013). (In Russ.)

Bashankaev S. A. The role of international organizations in the implementation of anti-corruption policy. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2014. No. 3. Pp. 169–173. (In Russ.)

Frequently asked questions about corruption. *Transparency International*. Accessed 12 May 2011. Available at: http://www.transparency.org/news_room/faq/corruption_faq (accessed: December 10, 2014). (In Eng.)

Hellman J., Jones G., Kaufman D. Seize the State, Seize the Day: State Capture, Corruption, and Influence in Transition. World Bank Policy Research Working Paper. No. 2444 (2000). (In Eng.)

Tavadyan A. [Corruption – a Critical Challenge to the CIS Countries]. Available at: http://arka.am/ru/news/economy/korrupsiya_osnovnaya_problema_stran_sng_ekspert/ (accessed: November 14, 2014). (In Russ.)

С. Ф. МИРЖАНОВА И БАШКИРСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ (К 90-летию со дня рождения ученого)

S. F. Mirzhanova and Bashkir Linguistics (to the 90th anniversary since the birth of the scientist)

З. А. Суразитдинов (Z. Sirazitdinov)¹, Р. Н. Каримова (R. Karimova)²

¹кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН (Ph.D. of Philology, Senior Scientist of the Linguistics Department at the Institute of History, Language and Literature of the Ufa Scientific Centre of the RAS). E-mail: sazin11@mail.ru.

²младший научный сотрудник отдела языкознания Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН (Researcher of the Linguistics Department at the Institute of History, Language and Literature of the Ufa Scientific Centre of the RAS). E-mail: karimova67@gmail.com.

24 декабря 2014 г. исполнилось 90 лет Сарии Фазулловне Миржановой — талантливому ученому-тюркологу, диалектологу, доктору филологических наук, заслуженному деятелю культуры Башкирской АССР. Именно с ее именем теснейшим образом связано развитие башкирской диалектологии 1950–1990-х гг.

Сария Фазулловна Миржанова родилась 24 декабря 1924 года в деревне Кускарово Абзелиловского района Башкирской АССР. 36 лет она работала в Институте истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН в должности старшего научного сотрудника сектора диалектологии.

Изучение диалектов башкирского языка С. Ф. Миржановой началось с участия в диалектологических экспедициях, проводимых Институтом. За период своей трудовой деятельности она совершила более 20 научных экспедиций по районам Башкирии, а также сопредельных областей и республик. В результате ею был собран значительный материал, составивший базу для последующего написания двух (кандидатская и докторская) диссертаций, двух монографий, четырех диалектологических словарей и множества статей. Кроме этого, ученым и ее коллегами-диалектологами создан богатый лингвистический фонд, на основе которого

были подготовлены и изданы все крупные исследования не только по диалектологии, но и башкирскому языкознанию в целом. Так, на материалах диалектологического фонда и картотеки толкового словаря подготовлены и изданы «Словарь башкирского языка» в 2-х томах [1993], «Башкирско-русский словарь» [1996], «Русско-башкирский словарь» в 2-х томах [2003], «Академический словарь башкирского языка» [2011–2013], «Башкирско-русский, русско-башкирский словарь терминов народной медицины башкир» [2005], «Башкирско-русский словарь терминов ткачества и рукоделия» [2013] «Символика чисел в языке и культуре башкир» [Муратова 2012] и др.

В составе диалектологической группы Института истории, языка и литературы С. Ф. Миржанова принимала активное участие в разработке актуальной темы «Башкирская диалектология». Эта исследовательская группа подготовила также «Вопросник для сбора лексического богатства по башкирским говорам» [Миржанова, Максюткова 1959] и «Анкету для сбора диалектных материалов из башкирских говоров» [Миржанова, Максюткова, Ишбулаев 1961], что в последующем дало возможность ученым проводить сбор диалектного материала по всем уровням языка.

В ходе фронтального изучения башкирских говоров группой специалистов в течение двадцати лет был собран большой диалектологический материал, на основе которого был подготовлен и издан трехтомный диалектологический словарь [Словарь башкирских говоров 1967, 1970, 1985].

Одно из первых значительных исследований С. Ф. Миржановой было посвящено кубалаякскому говору башкирского языка и написано на основе экспедиционных материалов 1953–1961 гг. [Миржанова 1963]. В ее работе кубалаякский говор рассматривается в составе восточного диалекта башкирского языка с определением границ распространения данного говора: северная граница доходит до дер. Каипкул (Учалинский район); южная граница — до дер. Биккул (Абзелиловский район), западной границей является дер. Кудашман (Белорецкий район). Автор также рассматривает фонетические, морфологические и лексические особенности данного говора [Миржанова 1966]. На основе материалов своих первых экспедиций С. Ф. Миржанова в 1967 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Кубалаякский говор башкирского языка» [Миржанова 1967].

Следующий этап научной деятельности С. Ф. Миржановой связан с изучением южного диалекта башкирского языка. В посвященной ему монографии [Миржанова 1979] автор освещает историю изучения данного диалекта, описывает все его говоры, указывает его отличительные черты, исследует фонетические, морфологические, лексические особенности южного диалекта. Анализируя демский говор, исследователь приходит к выводу о том, что данный говор имеет лексические изоглоссы, которые выступают связующим звеном между северо-западными и восточными говорами башкирского языка [Миржанова 1979: 249]; кроме того, отмечает, что в диалектной системе башкирского языка южный диалект является самым крупным диалектным ареалом как по территории распространения, так и по численности населения, на нем говорящего.

С. Ф. Миржанова долгие годы занималась изучением и северо-западного диалекта башкирского языка. Скрупулезно исследовав этот диалект, автор приходит к следующим выводам: основу словарного состава северо-западных башкир составляет обще-

башкирская лексика; диалектные особенности северо-западного диалекта бытуют и в области фонетики, и в области грамматики, и в области лексики [Миржанова 1991: 289]. В данной работе отмечаются процессы взаимодействия, взаимовлияния и исторического развития тюркских языков Урало-Поволжья.

Исследования по южным и северо-восточным диалектам башкирского языка имеют теоретическое, историческое и практическое значение для башкироведения, так как под влиянием литературного языка разговорный язык подвергается унификации, исчезают отдельные формы, слова, словесные комплексы, диалектные явления.

Весьма ценными представляются сегодня текстовые диалектные материалы, изложенные в монографиях и приведенные автором в качестве образцов устной речи и представляющие собой уникальный материал для изучения истории развития и современного состояния диалектов башкирского языка в динамике. Эти текстовые диалектные материалы по своему характеру и содержанию связаны с этнографией, фольклором башкирского народа и представляют несомненный интерес для широкого круга исследователей — лексикографов, этнографов, фольклористов и др. Необходимо отметить, что исследования южного и северо-западного диалектов башкирского языка велись с фиксацией устной речи на магнитную ленту и составляют основу фонда электронных диалектологических материалов Института. Эти звуковые записи являются бесценными живыми источниками для современных исследований.

Из архивных аудиозаписей С. Ф. Миржановой, которые хранятся в электронном фонде отдела языкознания, представляют особый научный интерес записи 1960-х гг., зафиксированные в ходе экспедиционных выездов в Кигинский и Аскинский районы Башкирии.

В 1970-е гг. в Институте была начата разработка «Диалектологического атласа башкирского языка». В этой важной работе С. Ф. Миржанова приняла активное участие. Атлас состоит из двух частей. В первую часть были включены вступительная статья, справочные материалы и комментарии к картам. В комментариях отражена линия распространения того или иного язы-

кового явления, определен регион функционирования форм с указанием их плотности, переходности, исчезновения, дана интерпретация картографируемого явления [Диалектологический атлас 2005].

Ряд работ С. Ф. Миржановой посвящен исследованию заимствований в башкирском языке [Миржанова 1966; 1973]. Данную проблему автор освещает на примере русских и финно-угорских заимствований. Сария Фазулловна приводит интересные лексические единицы из русской диалектной системы. Например, в северо-восточных говорах башкирского языка наряду с такими башкирскими словами, как *тына*, *һыуһын*, встречается слово *ытыуыт* в выражении *бер тына, бер ытыуыт*. Автор делает вывод, что, не зная особенностей местных говоров, где бытует данное слово, можно ошибиться в определении его этимологии [Миржанова 1966: 90]. Анализируя множество фактически заимствованных языковых примеров, автор выделяет фонетические, морфологические, лексические способы освоения русских заимствований, а ее статья, посвященная финно-угорским топонимам Башкортостана, не потеряла актуальности и сегодня.

С. Ф. Миржанова написала более 40 научных работ, посвященных различным аспектам башкирского языкознания. В них рассмотрена классификация башкирских диалектов и говоров, уточнена территория их распространения, дана этническая привязка каждого из описываемых говоров.

С. Ф. Миржанова внесла неоценимый вклад не только в диалектологию, но и лексикографию, ономастику, фольклористику и этнографию. В частности, с 1983 г. она участвовала в составлении и редактировании коллективных трудов «Башкирско-русский словарь» [1996], «Русско-башкирский словарь» в 2-х томах [2005]. Фольклорные материалы, собранные С. Ф. Миржановой, включены в многотомный свод башкирского устного народного творчества.

Таким образом, исследования доктора филологических наук С. Ф. Миржановой безусловно имеют огромное теоретическое и практическое значение для развития башкирской лингвистики и вошли в золотой фонд башкирской науки.

Литература

- Академический словарь башкирского языка: в десяти томах. Т. I: (Буква А) / под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Уфа: Китап, 2011. 432 с.
- Академический словарь башкирского языка: в десяти томах. Т. II: (Буквы Б) / под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Уфа: Китап, 2011. 568 с.
- Академический словарь башкирского языка: в десяти томах. Т. III: (Буквы В–И) / под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Уфа: Китап, 2012. 864 с.
- Академический словарь башкирского языка: в десяти томах. Т. IV: (Буквы Й–К) / под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Уфа: Китап, 2012. 944 с.
- Академический словарь башкирского языка: в десяти томах. Т. V: (Буква К) // под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Уфа: Китап, 2013. 888 с.
- Башкирско-русский, русско-башкирский словарь терминов народной медицины башкир / сост. Каримова Р. Н. Уфа: Гилем, 2005. 120 с.
- Башкирско-русский словарь / З. Г. Ураксин и др. М.: Дигора, 1996. 884 б.
- Башкирско-русский словарь терминов ткачества и рукоделия / сост. Каримова Р. Н. Уфа, 2013. 122 с.
- Диалектологический атлас башкирского языка. Уфа: Гилем, 2005. 234 с.
- Миржанова С. Ф. Из наблюдений над русскими заимствованиями в диалектной лексике башкирского языка // Башкирская лексика. Уфа, 1966. С. 89–103.
- Миржанова С. Ф. Кубалякский говор // Башкирская диалектология. Уфа, 1963. С. 128–130.
- Миржанова С. Ф. Кубалякский говор башкирского языка. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 1967. 29 с.
- Миржанова С. Ф. Кубалякский говор в его отношении к другим говорам башкирского языка // Итоговая научная сессия Уфимского института истории, языка и литературы АН СССР за 1965 год. Тезисы докладов. Уфа, 1966. С. 45–50.
- Миржанова С. Ф. Северо-западный диалект башкирского языка: формирование и современное состояние. Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1991. 209 с.
- Миржанова С. Ф. Старые русский заимствования в башкирском литературном языке // Вопросы башкирского языкознания. Уфа, 1973. С. 115–120.

- Миржанова С. Ф.* Финно-угорские элементы в говорах башкирского языка // Археология и этнография Башкирии. Т. 4. Уфа, 1971. 282–286 с.
- Миржанова С. Ф.* Южный диалект башкирского языка. М.: Наука, 1979. 272 с.
- Миржанова С. Ф., Максюткова Н. Х.* Вопросник для сбора лексического богатства по башкирским говорам. Уфа, 1959. 18 с.
- Миржанова С. Ф., Максюткова Н. Х., Ишбулатов Н. Х.* Анкета для сбора диалектных материалов из башкирских говоров. Уфа, 1961. 56 с.
- Муратова Р. Т.* Символика чисел в языке и культуре башкир. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. 180 с.
- Русско-башкирский словарь / З. Г. Ураксин и др. Т. 1 (А–О). Уфа: Башкир. энцикл., 2005. 808 с.; Т. 2 (П–Я). Уфа: Башкир. энцикл., 2005. 680 с.
- Словарь башкирских говоров. Т. I. Восточный диалект. Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1967. 300 с.
- Словарь башкирских говоров Т. II. Южный диалект. Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1970. 328 с.
- Словарь башкирских говоров. Т. III. Западный диалект. Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1987. 232 с.
- Словарь башкирского языка. В двух томах. Том I (А–М). М.: Рус. яз., 1993. 864 б. Том II (Н–Я). М.: Рус. яз., 1993. 816 б.
- [Academic Dictionary of the Bashkir Language]. In 10 vols. Vol. I: 'А'. F. G. Khisamitdinova (ed.). Ufa: Kitap, 2011. 432 p. (In Bash.)
- [Academic Dictionary of the Bashkir Language]. In 10 vols. Vol. II: 'Б'. F. G. Khisamitdinova (ed.). Ufa: Kitap, 2011. 568 p. (In Bash.)
- [Academic Dictionary of the Bashkir Language]. In 10 vols. Vol. III: 'В–И'. F. G. Khisamitdinova (ed.). Ufa: Kitap, 2012. 864 p. (In Bash.)
- [Academic Dictionary of the Bashkir Language]. In 10 vols. Vol. IV: 'Й–К'. F. G. Khisamitdinova (ed.). Ufa: Kitap, 2012. 944 p. (In Bash.)
- [Academic Dictionary of the Bashkir Language]. In 10 vols. Vol. V: 'К'. F. G. Khisamitdinova (ed.). Ufa: Kitap, 2013. 888 p. (In Bash.)
- [Academic Dictionary of the Bashkir Language]. In 10 vols. Vol. VI: 'Л–Ө'. F. G. Khisamitdinova (ed.). Ufa: Kitap, 2014. 944 p. (In Bash.)
- [Bashkir Dialect Dictionary]. Vol. I: 'Eastern Dialect'. Ufa: Bashkir Book Publ., 1967. 300 p. (In Bash.)
- [Bashkir Dialect Dictionary]. Vol. II: 'Sothern Dialect'. Ufa: Bashkir Book Publ., 1970. 328 p. (In Bash.)
- [Bashkir Dialect Dictionary]. Vol. III: 'Western Dialect'. Ufa: Bashkir Book Publ., 1987. 232 p. (In Bash.)
- [Bashkir-Russian Dictionary of Weaving and Needlework Terms]. R. Karimova (comp.). Ufa, 2013. 122 p. (In Russ. and Bash.)
- [Bashkir-Russian Dictionary]. Z. G. Uraksin et al. (eds.). Moscow: Digora, 1996. 884 p. (In Russ. and Bash.)
- [Bashkir-Russian, Russian-Bashkir Dictionary of Folk Medicine Terminology]. R. Karimova (comp.). Ufa: Gilem, 2005. 120 p. (In Russ. and Bash.)
- [Dialectal Atlas of the Bashkir Language]. Ufa: Gilem, 2005. 234 p. (In Bash.)
- [Dictionary of the Bashkir Language]. In 2 vols. Moscow: Russkiy Yazyk, 1993. Vol. I: 'А–М', 864 p.; vol. II: 'Н–Я', 816 p. (In Bash.)
- [Russian-Bashkir Dictionary]. Z. G. Uraksin et al. (comps.). Ufa: Bashkirskeya Entsiklopediya, 2005. Vol. 1: 'А–О', 808 p.; vol. 2: 'П–Я', 680 s. (In Russ. and Bash.)
- Mirzhanova S. F. [Kubalyak Dialect of the Bashkir Language]. Cand.Sc. (philology) thesis abstract. Ufa, 1967. 29 p. (In Russ.)
- Mirzhanova S. F. [Northwestern Dialect pf the Bashkir Language: Historical Development and Current State]. Ufa: Bashkir Book Publ., 1991. 209 p. (In Russ.)
- Mirzhanova S. F. [Southern Dialect of the Bashkir Language]. Moscow: Nauka, 1979. 272 p. (In Russ.)
- Mirzhanova S. F. Finno-Ugric elements in Bashkir dialects. In: [Archaeology and Ethnography of Bashkiria]. Vol. 4. Ufa, 1971. Pp. 282–286. (In Russ.)
- Mirzhanova S. F. Kubalyak dialect and its relations to other Bashkir dialects. In: [Ufa Institute of History, Language and Literature (USSR Academy of Sciences): Final Scientific Session of 1965]. Report abstracts. Ufa, 1966. Pp. 45–50. (In Russ.)
- Mirzhanova S. F. Kubalyak Dialect. In: [Bashkir Dialectology]. Ufa, 1963. Pp. 128–130. (In Russ.)
- Mirzhanova S. F. Observing Russian borrowings in Bashkir dialectal vocabulary. In: [Bashkir Vocabulary]. Ufa, 1966. Pp. 89–103. (In Russ.)
- Mirzhanova S. F. Old Russian borrowings in the Bashkir literary language. In: [Issues of Bashkir Linguistics]. Ufa, 1973. Pp. 115–120. (In Russ.)
- Mirzhanova S. F., Maksyutova N. Kh. [Lexical Abundance of Bashkir Dialects: a Research Questionnaire]. Ufa, 1959. 18 p. (In Russ.)
- Mirzhanova S.F., Maksyutova N. Kh., Ishbulatov N. Kh. [Bashkir Dialects: a Research Questionnaire]. Ufa, 1961. 56 p. (In Russ.)
- Muratova R. T. [Bashkir Language and Culture: Symbolism of Numerals]. Ufa: Institute of History, Language and Literature of Ufa Federal Research Center (RAS), 2012. 180 p. (In Russ.)

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН» принимает к печати авторские рукописи по приоритетным направлениям фундаментальных исследований РАН в области гуманитарных наук, а также рецензии, хронику, персоналии, ранее нигде не публиковавшиеся.

Журнал входит в **Перечень рецензируемых научных журналов и изданий для опубликования основных научных результатов диссертаций** на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по направлениям (редакция 17.06.2011):

- история;
- юриспруденция;
- филология;
- религиоведение,
- политология,
- философия,
- педагогика,
- биология,
- экономика
- социология.

Материалы принимаются в электронном виде в редакторе Word, набранные 14-м шрифтом через полуторный интервал (все поля по 2,5 см), объемом не более 0,7 п. л. При наборе необходимо использовать стандартную гарнитуру шрифта TimesNewRoman. Допускается представление рисунков в редакторе Word внутри текста статьи с перечнем подрисунковых подписей. Литература должна быть затекстовая в алфавитном порядке. Страницы обязательно должны быть пронумерованы.

К материалу прилагаются следующие документы: 1) аннотация на русском языке (объемом не более 10 строк); 2) аннотация на английском языке (объемом не более 500 слов); 3) перевод названия статьи; 4) ключевые слова (не более 20) и их перевод на английский язык; 5) сведения об авторе: фамилия, имя, отчество (полностью); ученая степень; ученое звание; направление работы; должность (с указанием полного названия кафедры вуза или структурного подразделения исследовательского института); рабочий адрес и телефоны; адрес электронной почты; 6) внешняя рецензия на статью; 7) ББК и УДК; 8) договор (бумажный вариант договора с личной подписью в двух экземплярах).

Редакция отправляет предлагаемые к изданию рукописи на независимое научное рецензирование. Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикуемых материалов. Рукописи не возвращаются, редакция не вступает в переписку по поводу отклоненных материалов. Перепечатка опубликованных в журнале материалов допускается только по согласованию с редакцией.

Материалы могут быть отправлены простой корреспонденцией, заказным письмом (358000 Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Илишкина, 8), электронной почтой (vestnik.kigiran@gmail.com).

Правила для авторов, Положение о рецензировании, а также договор опубликованы на сайте Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (www.kigiran.com/articles.php?cat_id=8).

INTSTRUCTIONS FOR AUTHORS

The Editorial Board of the Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences accepts for publication manuscripts relevant to the fundamental studies of the Russian Academy of Sciences in the field of Humanities as well as reviews, chronicles, personalia which have not been previously published.

The Journal is in the List of cited scholarly journals and periodicals for publication of the basic scientific outcomes of dissertations for those seeking for candidate and doctor of sciences degrees in the following fields of study (edited on 17.06.2011):

- History;
- Jurisprudence;
- Philology;
- Religious Studies;
- Political Science;
- Philosophy;
- Pedagogy;
- Biology;
- Economics;
- Sociology.

Manuscripts should be submitted in the electronic version in the Word processing format, font: Times New Roman, font size: 14pt. with line spacing 1,5 (all margins: 2,5 cm.), paper size: no more than 0,7 of a printing (author's) sheet. Pictures should be incorporated in the text body with accompanying captions. References are listed in the alphabetical order, pages should be enumerated.

Every article should be accompanied with the following elements: 1) an abstract in Russian (no more than 10 lines); 2) an abstract in English (up to 500 words); 3) translation of the title; 4) keywords (about 20) with translation into English; 5) information on the author: surname, first name, patronymic name (in full); scientific ranks and titles, position including the full name of a chair or department of a research institution; work address and telephone numbers, e-mail; 6) an external review of the article; 7) ББК and УДК; 8) the agreement (two signed copies of the paper version).

The Board of Editors forwards submitted manuscripts for independent review. The Editorial Board's opinion can be different from that of an author. Entries submitted are not returned, editors do not enter into correspondence with authors concerning rejected articles. Reprint of the published in the Journal manuscripts is possible with the Editorial Board's agreement.

Submissions should be sent to the address: 358000, the Republic of Kalmykia, the city of Elista, Ilishkin Street, 8 or to the e-mail: vestnik.kigiran@gmail.com.

The Instructions for authors, Provisions on submitted manuscripts review and the Agreement text are posted on the site of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (www.kigiran.com/article.php?cat_id=8).

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ВЕСТНИК

Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН

№ 1, 2015

Сдано в набор 10.02.2015. Подписано в печать 24.02.2015. Формат бумаги 60х84 $\frac{1}{8}$.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 19,4. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Учредитель и издатель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Калмыцкий институт гуманитарных исследований
Российской академии наук

Отпечатано в КИГИ РАН
(358000, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, 8).